

Александр Дюма

Графиня де Монсоро

Оглавление

Том I

ЧАСТЬ I

Глава 1.

СВАДЬБА СЕН-ЛЮКА

Глава 2.

ИЗ КОТОРОЙ СЛЕДУЕТ, ЧТО НЕ ВСЕГДА ВХОДИТ В ДОМ ТОТ, КТО ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ

Глава 3.

О ТОМ, КАК ИНОГДА БЫВАЕТ ТРУДНО ОТЛИЧИТЬ СОН ОТ ЯВИ

Глава 4.

О ТОМ, КАК БЫВШАЯ ДЕВИЦА ДЕ БРИССАК, А НЫНЕ ГОСПОЖА ДЕ СЕН ЛЮК ПРОВЕЛА СВОЮ ПЕРВУЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ

Глава 5.

О ТОМ, ЧТО ПРЕДПРИНЯЛА БЫВШАЯ ДЕВИЦА ДЕ БРИССАК, НЫНЕ ГОСПОЖА ДЕ СЕН-ЛЮК, ДАБЫ ПРОВЕСТИ СВОЮ ВТОРУЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ НЕ ТАК, КАК ОНА ПРОВЕЛА ПЕРВУЮ

Глава 6.

О ТОМ, КАК СОВЕРШАЛСЯ МАЛЫЙ ВЕЧЕРНИЙ ТУАЛЕТ КОРОЛЯ ГЕНРИХА III

Глава 7.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГЕНРИХ III НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ОКАЗАЛСЯ ОБРАЩЕННЫМ, ХОТЯ ПРИЧИНЫ ОБРАЩЕНИЯ ОСТАЛИСЬ НЕИЗВЕСТНЫ

Глава 8.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ БОЯЛСЯ СТРАХА, КОТОРЫЙ ОН ИСПЫТАЛ, И КАК ШИКО БОЯЛСЯ ИСПЫТАТЬ СТРАХ

Глава 9.

О ТОМ, КАК ГЛАС БОЖИЙ ОБМАНУЛСЯ И ГОВОРИЛ С ШИКО, ДУМАЯ, ЧТО ГОВОРИТ С КОРОЛЕЙ!

Глава 10.

О ТОМ, КАК БЮССИ ОТПРАВИЛСЯ НА ПОИСКИ СВОЕГО СНА, ВСЕ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ УБЕЖДАЯСЬ, ЧТО ЭТОТ СОН БЫЛ ЯВЬЮ

Глава 11.

О ТОМ, ЧТО ЗА ЧЕЛОВЕК БЫЛ ГЛАВНЫЙ ЛОВЧИЙ БРИАН ДЕ МОНСОРО

Глава 12.

О ТОМ, КАК БЮССИ НАШЕЛ ОДНОВРЕМЕННО И ПОРТРЕТ И ОРИГИНАЛ

Глава 13.

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР

Глава 14.

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРПДОР. – ДОГОВОР

Глава 15.

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР. – СОГЛАСИЕ НА БРАК

Глава 16.

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР. – СВАДЬБА

Глава 17.

О ТОМ, КАК ЕХАЛ НА ОХОТУ КОРОЛЬ ГЕНРИХ III И КАКОЕ ВРЕМЯ ТРЕБОВАЛОСЬ ЕМУ НА ДОРОГУ ИЗ ПАРИЖА В ФОНТЕНБЛО

Глава 18.

ГДЕ ЧИТАТЕЛЬ БУДЕТ ИМЕТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С БРАТОМ ГОРАНФЛО, О КОТОРОМ УЖЕ ДВАЖДЫ ГОВОРИЛОСЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Глава 19.

О ТОМ, КАК ШИКО ЗАМЕТИЛ, ЧТО ЛЕГЧЕ ВОЙТИ В АББАТСТВО СВЯТОЙ ЖЕНЕВЬЕВЫ, ЧЕМ ВЫЙТИ ОТТУДА

Глава 20.

О ТОМ, КАК ШИКО, ОСТАВИШЬСЯ В ЧАСОВНЕ АББАТСТВА, ВИДЕЛ И СЛЫШАЛ ТО, ЧТО ДЛЯ НЕГО БЫЛО ВЕСЬМА ОПАСНО ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ

Глава 21.

О ТОМ, КАК ШИКО, ДУМАЯ ПРОСЛУШАТЬ КУРС ИСТОРИИ, ПРОСЛУШАЛ КУРС ГЕНЕАЛОГИИ

Глава 22.

О ТОМ, КАК СУПРУГИ СЕН-ЛЮК ПУТЕШЕСТВОВАЛИ ВМЕСТЕ И КАК ПО ДОРОГЕ К НИМ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СПУТНИК

Глава 23.

ОСИРОТЕВШИЙ СТАРЕЦ

Глава 24.

О ТОМ, КАК РЕМИ ЛЕ ОДУЭН В ОТСУТСТВИЕ БЮССИ ВЕЛ РАЗВЕДКУ ДОМА НА УЛИЦЕ СЕНТ-АНТУАН

Глава 25.

ОТЕЦ И ДОЧЬ

Глава 26.

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ПРОСНУЛСЯ И КАКОЙ ПРИЕМ БЫЛ ОКАЗАН ЕМУ В МОНАСТЫРЕ

Глава 27.

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО УБЕДИЛСЯ, ЧТО ОН СОМНАМБУЛА, И КАК ГОРЬКО ОН ОПЛАКИВАЛ СВОЮ НЕМОЩЬ

Глава 28.

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ПУТЕШЕСТВОВАЛ НА ОСЛЕ ПО ИМЕНИ ПАНУРГ, И КАК ВО ВРЕМЯ ЭТОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ОН ПОСТИГ МНОГОЕ ТАКОЕ, ЧЕГО РАНЬШЕ НЕ ВЕДАЛ

Глава 29.

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ОБМЕНЯЛ СВОЕГО ОСЛА НА МУЛА, А МУЛА – НА КОНЯ

Глава 30.

О ТОМ, КАК ШИКО И ЕГО ТОВАРИЩИ ОБОСНОВАЛИСЬ В ГОСТИНИЦЕ «ПОД ЗНАКОМ КРЕСТА» И КАКОЙ ПРИЕМ ИМ ОКАЗАЛ ХОЗЯИН ГОСТИНИЦЫ

Глава 31.

О ТОМ, КАК МОНАХ ИСПОВЕДОВАЛ АДВОКАТА И КАК АДВОКАТ ИСПОВЕДОВАЛ МОНАХА

Глава 32.

О ТОМ, КАК ШИКО, ПРОБУРАВИВ ОДНУ ДЫРКУ ШТОПОРОМ, ПРОТКНУЛ ДРУГУЮ ШПАГОЙ

Глава 33.

О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ УЗНАЛ, ЧТО ДИАНА ДЕ МЕРИДОР ЖИВА

Глава 34.

О ТОМ, КАК ШИКО ВЕРНУЛСЯ В ЛУВР И КАК ЕГО ПРИНЯЛ КОРОЛЬ

ГЕНРИХ III

Глава 35.

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ГЕРЦОГОМ АНЖУЙСКИМ И ГЛАВНЫМ
ЛОВЧИМ

Глава 36.

О ТОМ, КАК ПРОХОДИЛ БОЛЬШОЙ КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ

Глава 37.

О ТОМ, ЧТО ДЕЛАЛ В ЛУВРЕ ГЕРЦОГ ДЕ ГИЗ

Глава 38.

КАСТОР И ПОЛЛУКС

Глава 39.

В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ПОДСЛУШИВАНИЕ – САМЫЙ
НАДЕЖНЫЙ ПУТЬ К ПОНИМАНИЮ

Глава 40.

ВЕЧЕР ЛИГИ

Том I

ЧАСТЬ I

Глава 1. СВАДЬБА СЕН-ЛЮКА

В последнее воскресенье масленицы 1578 года, после народного гулянья, когда на парижских улицах затихало шумное дневное веселье, в роскошном дворце, только что возведенном на берегу Сены, почти напротив Лувра, для прославленного семейства Монморанси, которое, породнившись с королевским домом, по образу жизни не уступало принцам, начиналось пышное празднество. Сие семейное торжество, следовавшее за общественными увеселениями, было устроено по случаю бракосочетания Франсуа д'Эпине де Сен-Люка, наперсника и любимца короля Генриха III, с Жанной де Коссе-Бриссак, дочерью маршала де Коссе-Бриссака.

Свадебный обед был дан в Лувре, и король, который с величайшей неохотой согласился на этот брак, явился к столу с мрачным выражением лица, совершенно неподобающим для такого случая. Да и наряд короля находился в полном соответствии с его лицом: Генрих был облачен в темно-коричневый костюм, тот самый, в котором его написал Клуэ на картине, изображающей свадьбу Жуаеза. При виде этого угрюмого величия, этого короля, похожего на свой собственный призрак, гости цепенели от страха, и особенно сильно сжималось сердце У юной новобрачной, на которую король всякий раз, когда он достаивал ее взгляда, взирал с явным неодобрением.

Однако насупленные в разгаре брачного пира брови короля, казалось, ни у кого не вызвали удивления; все знали, что причина кроется в одной из тех дворцовых тайн, что лучше обходить стороной, как подводные рифы, столкновение с которыми грозит неминуемым кораблекрушением.

Едва дождавшись окончания обеда, король порывисто вскочил, и всем гостям волей-неволей пришлось последовать его примеру; поднялись даже те, кто шепотом высказывал желание еще побыть за пиршественным столом.

Тогда Сен-Люк, долгим взглядом посмотрев в глаза жены, словно желая почерпнуть в них мужество, приблизился к своему господину.

– Государь, – сказал он, – не соблаговолит ли ваше величество послушать нынче вечером скрипки и украсить своим присутствием бал, который я хочу дать в вашу честь во дворце Монморанси?

Генрих III повернулся к новобрачному со смешанным чувством гнева и досады, но Сен-Люк склонился перед ним так низко, на лице его было написано такое смирение, а в голосе звучала такая мольба, что король смягчился.

– Да, сударь, – ответил он, – мы приедем, хотя вы совсем не заслуживаете подобного доказательства нашей благосклонности.

Тогда бывшая девица де Бриссак, отныне госпожа де Сен-Люк, почтительно поблагодарила короля, но Генрих повернулся к новобрачной спиной, не пожелав ей ответить.

– Чем вы провинились перед королем, господин де Сен-Люк? – спросила Жанна у своего мужа.

– Моя дорогая, я все расскажу вам потом, когда эта грозная туча рассеется.

– А она рассеется?

– Должна, – ответил Сен-Люк.

Новобрачная еще не освоилась с положением законной супруги и не решилась настаивать; она запрятала любопытство в глубокие тайники сердца и дала себе слово продолжить разговор в другую, более благоприятную минуту, когда она сможет продиктовать свои условия Сен-Люку, не опасаясь, что он их отвергнет.

Итак, в тот вечер, когда начинается история, которой мы намерены поделиться с

нашими читателями, во дворце Монморанси ожидали прибытия Генриха III. Но пробило уже одиннадцать часов, а короля все еще не было.

Сен-Люк пригласил на бал всех, кто числился в его друзьях или в друзьях короля. Кроме того, он разослал приглашения принцам и фаворитам принцев, начиная с приближенных нашего старого знакомого, герцога Алансонского, которого восшествие на королевский престол Генриха III сделало герцогом Анжуйским. Но герцог не считал нужным появиться на свадебном обеде в Лувре и, по всей видимости, не собирался присутствовать на свадебном балу во дворце Монморанси.

Короля Наваррского и его супруги в Париже не было, они, как это известно читателям нашего предыдущего романа, спаслись бегством в Беарн и там возглавили войска гугенотов, оказывавшие открытое сопротивление королю.

Герцог Анжуйский, по своему всегдашнему обыкновению, тоже ходил в недовольных, но недовольство его было скрытым и незаметным; герцог неизменно старался держаться в задних рядах, выталкивая вперед тех дворян из своего окружения, кого не отрезвила ужасная судьба Ла Моля и де Коконнаса, чья казнь, несомненно, еще жива в памяти наших читателей.

Само собой разумеется, приверженцы герцога и сторонники короля пребывали в состоянии дурного мира: не менее двух-трех раз в месяц между ними завязывались дуэли, и только в редчайших случаях дело обходилось без убитых или по меньшей мере без тяжелораненых.

Что до Екатерины Медичи, то самое заветное желание королевы-матери исполнилось – ее любимый сын достиг трона, о котором она так мечтала для него, а вернее сказать, для самой себя; теперь она царствовала, прикрываясь его именем, всем своим видом и поведением выказывая, что в сем брэнном мире занята только заботами о своем здоровье и ничто другое ее не беспокоит.

Сен-Люк, встревоженный не сулящим ничего доброго отсутствием короля и принцев, пытался успокоить своего тестя, который по той же причине был огорчен до глубины души. Убеденный, как, впрочем, и весь двор, в том, что короля Генриха и Сен-Люка связывают тесные дружеские узы, маршал рассчитывал породниться с источником благодетельных, и – вот тебе на! – все вышло наоборот: его дочь сочеталась браком с ходячим воплощением королевской немилости. Сен-Люк всячески пытался внушить старику уверенность, которой сам не испытывал, а его друзья – Можирон, Шомберг и Келюс, разодетые в пух и прах, неестественно прямые в своих великолепных камзолах, с огромными брыжами, на которых голова покоилась, как на блюде, шуточками и ироническими соболезнованиями лишь подливали масла в огонь.

– Э! Бог мой! Наш бедный друг, – соболезновал Сен-Люку Жак де Леви, граф де Келюс, – я полагаю, на этот раз ты действительно пропал. Король на тебя сердится потому, что ты пренебрег его советами, а герцог Анжуйский – потому, что ты не выказал должного почтения к его носу¹.

– Ну нет, – возразил Сен-Люк. – Ошибаешься, Келюс, король не пришел потому, что отправился на богомолье в Минимский монастырь, что в Венсенском лесу, а герцог Анжуйский – потому, что влюбился в какую-нибудь даму, которую я, как на грех, обошел приглашением.

– Рассказывай, – возразил Можирон. – Видел, какую мину скорчил король на обеде? А ведь у человека, который раздумывает, не взять ли ему посох да и не пойти ли на богомолье, и выражение лица бывает благодатное, умиленное. Ну а герцог Анжуйский? Пусть ему помешали прийти какие-то личные дела, как ты утверждаешь, но куда же делись его анжуйцы, где хотя бы один из них? Оглянись вокруг – полнейшая пустота, даже этот бахвал Бюсси не соизволил явиться.

¹ Лицо герцога Анжуйского было обезображено оспой, казалось, что на этом лице два носа. (Прим. автора.)

– Ах, господа, – сказал маршал де Бриссак, сокрушенно качая головой, – как все это смахивает на опалу. Господи боже мой! Неужто его величество разгневался на наш дом, всегда такой преданный короне?

И старый царедворец скорбно воздел руки горе.

Молодые люди смотрели па Сен-Люка, заливаясь смехом; их веселое настроение отнюдь не успокаивало старого маршала, а лишь усугубляло его отчаяние.

Юная новобрачная, задумчивая и сосредоточенная, мучилась тем же вопросом, что и ее отец, – чем мог Сен-Люк прогневать короля?

Сам Сен-Люк, конечно, знал, в чем он провинился, именно потому он и волновался больше всех.

Вдруг у одной из дверей залы возвестили о прибытии короля.

– Ах! – воскликнул просиявший маршал. – Теперь мне уже ничего не страшно; для полного счастья мне не хватает только услышать о прибытии герцога Анжуйского.

– А меня, – пробормотал Сен-Люк, – присутствие короля пугает больше, чем его отсутствие; он явился сюда неспроста, наверное, хочет сыграть со мной злую шутку, и герцог Анжуйский не счел нужным явиться по той же причине.

Эти невеселые мысли не помешали Сен-Люку со всех ног устремиться навстречу своему повелителю, который наконец-то расстался с мрачным коричневым одеянием и вступал в залу в колыхании перьев, блеске шелков, сиянии брильянтов.

Но в тот самый миг, когда в одной из дверей появился король Генрих III, в противоположной двери возник другой король Генрих III – полное подобие первого, точно так же одетый, обутый, причесанный, завитой, набеленный и нарумяненный. И придворные, толпой бросившиеся было навстречу первому королю, вдруг остановились, как волна, встретившая на своем пути опору моста, и, закрутившись водоворотом, отхлынули к той двери, в которую вошел королевский двойник.

Перед глазами Генриха III замелькали разинутые рты, разбегающиеся глаза, фигуры, совершавшие пируэты на одной ноге.

– Что все это значит, господа? – спросил король.

Ответом был громкий взрыв хохота.

Король, вспылчивый по натуре и в эту минуту особенно не расположенный к кротости, нахмурился, но тут сквозь толпу гостей к нему пробрался Сен-Люк.

– Государь, – сказал Сен-Люк, – там Шико, ваш шут. Он оделся точно так же, как ваше величество, и сейчас жалуется дамам руку для поцелуя.

Генрих III рассмеялся. Шико пользовался при дворе последнего Валуа свободой, равной той, которой был удостоен за тридцать лет до него Трибуле при дворе Франциска I, и той, которая будет предоставлена сорок лет спустя Ланжели при дворе короля Людовика XIII.

Дело в том, что Шико был необычный шут. Прежде чем зваться Шико, он звался де Шико. Простой гасконский дворянин, он не только дерзнул вступить в любовное соревнование с герцогом Майеннским, но и не постеснялся взять верх над этим принцем крови, за что герцог, как говорили, учинил над ним расправу и Шико пришлось искать убежища у Генриха III. За покровительство, оказанное ему преемником Карла IX, он расплачивался тем, что говорил королю правду, как бы горька она ни была.

– Послушайте, мэтр Шико, – сказал Генрих, – два короля на одном балу – слишком большая честь для хозяина.

– Коли так, то дозволю мне сыграть роль короля, как Сумею, а сам попробуй изобразить герцога Анжуйского. Может, тебя и в самом деле примут за него и ты услышишь что-нибудь любопытное или даже узнаешь, пусть не то, что твой братец замышляет, но хотя бы, чем он занят сейчас.

– Ив самом деле, – сказал король с явным неудовольствием, – мой брат, герцог Анжуйский, отсутствует.

– Еще одна причина, почему ты должен его заменить. Решено – я буду Генрихом, а ты – Франсуа, я буду царствовать, а ты – танцевать, я выложу весь па-бор ужимок,

подобаяющих королевскому величию, а ты малость поразвлечешься, бедный король.

Взгляд короля остановился на Сен-Люке.

– Ты прав, Шико. Я займусь танцами, – сказал он.

«Как я ошибался, опасаясь королевского гнева, – подумал маршал де Бриссак. – Совсем наоборот, король в редкостном расположении духа».

И он засуетился, расточая комплименты всем гостям без разбору, налево и направо, а главное, не забывая при этом похвалить и себя за то, что ему удалось подыскать дочери супруга, столь щедро осыпанного милостями его величества.

Тем временем Сен-Люк подошел к своей жене. Жанна де Бриссак не была писаной красавицей, однако она обладала прелестными черными глазками, белоснежными зубками, ослепительным цветом лица, то есть всем тем, что в совокупности принято называть очаровательной внешностью.

– Сударь, – обратилась она к мужу, поглощенная все той же мыслью, – объясните мне, чего от меня хочет король? С тех пор, как он здесь, он не перестает мне улыбаться.

– Но, когда мы возвращались с обеда, вы говорили совсем другое, милая Жанна. Тогда его взгляд пугал вас.

– Тогда его величество был в дурном настроении, – сказала молодая женщина, – ну а теперь.

– Теперь еще хуже, – прервал ее Сен-Люк. – Король смеется, не разжимая губ. Я предпочел бы видеть его зубы. Жанна, бедняжка моя, король приготовил для пас какой-то подлый сюрприз. О, не глядите на меня так нежно, умоляю вас, лучше всего повернитесь ко мне спиной! Смотрите, к нам весьма кстати приближается Можирон. Удержите его возле себя, приголубьте, приласкайте его.

– Знаете, сударь, – улыбнулась Жанна, – вы дадите мне довольно сомнительный совет, и если я в точности ему последую, могут подумать...

– Ах! – вздохнул Сен-Люк. – Ну и пусть подумают. Просто прекрасно будет, если подумают.

И, повернувшись спиной к своей донельзя удивленной супруге, он отправился ублажать Шико, который увлеченно пыжился, изображая короля, и своими гримасами вызывал всеобщее веселье.

Тем временем Генрих, пользуясь дарованной ему свободой от королевского величия, танцевал, но, танцуя, не терял из виду Сен-Люка: то подзывал его к себе и делился пришедшей в голову остротой, которая всякий раз, независимо от того, удалась она или нет, вызывала у новобрачного приступ громкого смеха, то угощал его из своей бонбоньерки засахаренным миндалем и глазированными фруктами, которые Сен-Люк неизменно находил превосходными. Стоило Сен-Люку на минуту отлучиться из той залы, где был король, хотя бы с намерением поприветствовать гостей в других залах, как Генрих тут же отряжал за ним одного из своих родственников или придворных, и сияющий улыбками новобрачный возвращался к своему повелителю, а король, увидев своего любимца, обретал превосходное расположение духа.

Внезапно королевских ушей достиг шум настолько сильный, что его не могла заглушить общая сумятица звуков.

– Эге! – сказал Генрих. – Кажется, это голос Шико Ты слышишь, Сен-Люк? Король изволит гневаться.

– Да, государь, – отозвался Сен-Люк, не показывая вида, что уразумел намек, содержащийся в этих словах, – похоже, что он с кем-то не поладил.

– Подите узнайте, что там случилось, – распорядился король, – и немедленно доложите мне. Сен-Люк отправился выполнять приказ.

И в самом деле, Шико громко кричал, в подражание королю, выговаривая слова в нос:

– Я навывпускал кучу указов против расточительства, если их мало, я выпущу новые и буду их множить и множить, пока они не возымеют своего действия. Коли они недостаточно

хороши, пусть их по крайней мере будет много. Клянусь рогом Вельзевула, моего кузена, шесть пажей, господин де Бюсси, – это слишком.

И Шико надул щеки, широко расставил ноги и подбоченился, добившись полного сходства с королем.

– Что он там болтает о Бюсси? – нахмурясь спросил король.

Уже вернувшийся Сен-Люк хотел было ответить, но тут толпа расступилась и открыла их взорам шестерых пажей, одетых в камзолы из золотой парчи и увешанных ожерельями; на груди у каждого пажа всеми цветами радуги сиял герб его господина, вышитый драгоценными камнями. За пажами выступал красивый молодой мужчина, он высоко нес свою гордую голову и шествовал, презрительно вздернув верхнюю губу и бросая по сторонам надменные взоры. Его простая одежда из черного бархата разительно отличалась от богатых костюмов пажей.

– Бюсси! – раздались голоса. – Бюсси д'Амбуаз! И толпа, хлынувшая навстречу вновь прибывшему, появление которого вызвало в зале такой переполох, расступилась, давая ему проход.

Можирон, Шомберг и Келюс окружили короля, словно желая защитить его от опасности.

– Ах, вот как, слуга здесь, а хозяина что-то не видать, – сказал Можирон, намекая на неожиданное появление Бюсси и на отсутствие герцога Анжуйского, к свите которого тот принадлежал.

– Подождем, – заметил Келюс, – перед слугой идут его собственные слуги, а главный хозяин, может быть, появится после хозяина шести первых слуг.

– Тут есть о чем тебе поразмыслить, Сен-Люк, – вмешался Шомберг, самый молодой, а посему и самый дерзкий миньон короля Генриха. – Ты заметил, что господин де Бюсси не слишком-то почтителен по отношению к тебе? Видишь – на нем черный камзол. Какого черта! Разве это наряд для свадебного бала?

– Нет, – заметил Келюс, – это траур для похорон.

– Ах, уж не его ли это похороны и не надел ли он траур по самому себе? – пробормотал Генрих.

– И при всем том, Сен-Люк, – сказал Можирон, – герцог Анжуйский не последовал за Бюсси. Неужели ты и тут попал в немилость?

Это многозначительное «и тут» кольнуло новобрачного в самое сердце.

– Ну а почему, собственно, он обязан следовать за Бюсси? – подхватил Келюс. – Неужто вы позабыли: когда его величество оказал честь господину де Бюсси и обратился к нему с вопросом, не пожелает ли он принадлежать к людям короля, то Бюсси ответил, что, уже принадлежа к дому Клермонов, он не испытывает необходимости принадлежать кому-то еще и вполне довольствуется возможностью быть хозяином самому себе, ибо уверен, что в собственной персоне обретет самого лучшего принца из всех существующих на свете.

Король сдвинул брови и закусил ус.

– И несмотря на это, – сказал Можирон, – как мне кажется, Бюсси все же поступил в свиту герцога Анжуйского.

– Ну и что же, – флегматично парировал Келюс, – значит, он счел, что герцог посильнее нашего короля.

Это замечание до глубины души задело Генриха, который всю свою жизнь по-братски ненавидел герцога Анжуйского. Поэтому, хотя король не произнес ни слова, он заметно для всех побледнел.

– Ну, ну, господа, – попытался утихомирить разгорающиеся страсти дрожащий от волнения Сен-Люк, – пощадите хоть немного моих гостей. Не портите мне день свадьбы.

Эта мольба, по-видимому, направила мысли Генриха в другое русло.

– В самом деле, не будем портить Сен-Люку день его свадьбы, господа, – сказал он, покручивая усы с лукавым видом, который не ускользнул от бедного новобрачного.

– Так что же выходит, – воскликнул Шомберг, – Бюсси нынче в союзе с Бриссаками?

– Откуда ты это взял? – спросил Можирон.

– Оттуда, что Сен-Люк стоит за него горой. Черт побери! В этом презренном мире каждый стоит только сам за себя. Я не солгу, сказав, что у нас защищают только своих родных, союзников и друзей.

– Господа, – возразил Сен-Люк, – господин де Бюсси мне не союзник, не друг, не родственник: он мой гость. Услышав эти слова, король бросил на говорившего злобный взгляд.

– И кроме того, – поторопился исправить свой промах несчастный Сен-Люк, сраженный королевским взором, – я вовсе не собираюсь его защищать.

Бюсси, предшествуемый шестеркой пажей, с достоинством приближался к королю, намереваясь его приветствовать, но тут Шико, не стерпев, что кому-то отдают предпочтение перед его особой, закричал:

– Эй, ты, там! Бюсси! Бюсси д'Амбуаз! Луи де Клермон! Граф де Бюсси! Тебя, видать, не докличешься, пока не перечислишь всех твоих титулов. Неужто ты не видишь, где настоящий Генрих, неужто не можешь отличить короля от дурака? Тот, к которому ты так важно вышагиваешь, это Шико, мой дурак, мой шут. Он порой вытворяет такие лихие дурачества, что я со смеху помираю.

Однако Бюсси невозмутимо продолжал свой путь и, поравнявшись с Генрихом, уже хотел было склониться перед ним в поклоне, но тут король сказал:

– Разве вы не слышите, господин де Бюсси? Вас зовут.

И под громкий хохот миньонов повернулся спиной к молодому человеку.

Бюсси покраснел от гнева, но тут же взял себя в руки. Он сделал вид, будто принимает всерьез слова короля, и, словно не слыша шуточек Келюса, Шомберга и Можирона и не видя их наглых усмешек, обратился к Шико.

– Ах, простите, государь, – сказал он. – Иные короли так похожи на шутов, что ошибиться весьма нетрудно. Я надеюсь, вы извините меня за то, что я принял вашего шута за короля.

– Что такое? – протянул Генрих, поворачиваясь к Бюсси. – Что он сказал?

– Ничего, государь, – поспешил отозваться Сен-Люк, которому, по-видимому, небеса предназначили весь этот вечер быть миротворцем, – ничего, равным счетом ничего.

– Нет, мэтр Бюсси, – изрек Шико, поднявшись на воски и надув щеки, как это делал король, желая придать себе величественный вид, – ваше поведение непростительно.

– Прошу извинить меня, государь, – смиренно сказал Бюсси, – я задумался.

– О чем? Небось о своих пажах, сударь? – раздраженно спросил Шико. – Да, вы разоритесь на этих мальчишках, и, клянусь смертью Христовой, вы явно покушаетесь на наши королевские prerogatives.

– Но каким образом? – почтительно осведомился Бюсси; он понимал, что, позволив шуту занять свое место, король поставил самого себя в смешное положение. – Прошу ваше величество объясниться, и если я действительно допустил ошибку, ну что ж, я признаюсь в этом со всем смирением.

– Рядите в золотую парчу всякий сброд, – и Шико ткнул пальцем в пажей, – а вы, вы – дворянин, полковник, отпрыск Клермонов, почти принц, наконец, вы являетесь на бал в простом черном бархате.

– Государь, – громко сказал Бюсси, поворачиваясь к миньонам короля, – я поступаю так потому, что в наше время всякий сброд наряжается, как принцы, и хороший вкус требует от принцев, чтобы они отличали себя, одеваясь, как всякий сброд.

И он вернул молодым миньонам, утопающим в блеске драгоценностей, усмешку не менее презрительную, чем те, которыми они награждали его минуту тому назад.

Генрих посмотрел на своих любимцев, побледневших от ярости, казалось, скажи он только слово, и они бросятся па Бюсси. Келюс, который больше других был зол па Бюсси и давно бы схватился с ним, не запрети ему этого король, положил руку на эфес шпаги.

– Уж не намекаете ли вы на меня и на моих людей? – воскликнул Шико. Узурпировав

место короля, он произнес те слова, которые подобало бы произнести Генриху.

Но при этом шут встал в напыщенную героическую позу капитана Матамора и был настолько смешон, что половина зала разразилась хохотом. Другая половина молчала по очень простой причине: те, кто смеялся, смеялись над теми, кто хранил серьезный вид.

Трое друзей Бюсси, почуяв назревавшую стычку, сплотились вокруг него. Это были Шарль Бальзак д'Антрагэ – более известный под именем Антрагэ, Франсуа д'Оди, виконт де Рибейрак, и Ливаро.

Увидев такую подготовку к враждебным действиям, Сен-Люк догадался, что Бюсси пришел по поручению герцога с целью учинить скандал или бросить кому-нибудь вызов. При этой мысли Сен-Люк вздрогнул, он почувствовал себя зажатым между двумя могущественными и распаленными гневом противниками, избравшими его дом полем сражения.

Несчастный новобрачный поспешил к Келюсу, возбужденный вид которого бросался всем в глаза, положил руку на его пальцы, сжимавшие эфес шпаги, и обратился к нему со словами увещания:

– Бога ради, дружище, уймись. Подожди, наш час еще придет.

– Проклятие! Уймись ты сам, если можешь! – закричал Келюс. – Ведь пощечина этого наглеца задела тебя не меньше, чем меня. Кто оскорбил одного из нас, оскорбил всех нас, а кто оскорбил всех нас, оскорбил короля.

– Келюс, Келюс, – не отставал Сен-Люк, – подумай о герцоге Анжуйском, это он стоит за спиной Бюсси. Правда, его здесь нет, но тем более нам надо быть настороже, он невидим, но тем он опаснее. Надеюсь, ты не оскорбишь меня подозрением, что мне страшен слуга, а не господин?

– Дьявольщина! Да кто может быть страшен людям французского короля? Если мы подвергнемся опасности, сражаясь за короля, то король сумеет оборонить нас.

– Тебя – да, но не меня, – жалобно сказал Сен-Люк.

– Ах, пропади ты пропадом! И какого дьявола ты вздумал жениться?! Ведь ты знаешь, как ревнует король своих друзей.

«Ладно, – подумал Сен-Люк, – раз уж каждый стоит только за себя, то не будем и мы о себе забывать. Я хочу прожить спокойно хотя бы первые две недели после свадьбы, а для этого мне надо задобрить герцога Анжуйского».

И с такими мыслями он оставил Келюса и направился к Бюсси.

После своих дерзких слов Бюсси стоял с гордо поднятой головой и обводил взглядом присутствующих. Он весь ушел в слух, надеясь в ответ на брошенные им оскорбления уловить какую-нибудь дерзость по своему адресу. Но никто на него не смотрел, все хранили упорное молчание: одни опасались вызвать неодобрение короля, другие – неодобрение Бюсси.

Последний, увидев приближающегося к нему Сен-Люка, решил, что наконец-то добился своего.

– Сударь, – обратился он к хозяину дома, – по-видимому, вы желаете побеседовать со мной и, наверное, я обязан этой честью тем словам, которые я только что произнес?

– Словам, которые вы только что произнесли? – с самым простодушным видом переспросил Сен-Люк. – А что, собственно, вы произнесли? Я ничего не слышал, уверяю вас. Я просто увидел вас и обрадовался, что могу доставить себе удовольствие приветствовать столь высокого гостя и поблагодарить его за честь, оказанную моему дому.

Бюсси был человеком незаурядным во всех отношениях: смелым до безрассудства, но в то же время образованным, остроумным и прекрасно воспитанным. Зная несомненное мужество Сен-Люка, он понял, что долг гостеприимства одержал в нем верх над утонченной щепетильностью придворного. Всякому другому Бюсси не преминул бы слово в слово повторить сказанную им фразу, то есть бросить вызов в лицо, но, обезоруженный дружелюбием Сен-Люка, он отвесил ему вежливый поклон и произнес несколько любезностей.

– Эге! – сказал Генрих, увидев, что Сен-Люк разговаривает с Бюсси. – Мне кажется,

мой петушок уже прокукарекал капитану. Правильно сделал, но я не хочу, чтобы его убили. Пойдите, Келюс, узнайте, в чем там дело. Впрочем, нет, у вас слишком горячий нрав. Пойдите лучше вы, Можирон.

– Что ты сказал этому фату? – спросил король, когда Сен-Люк вернулся.

– Я, государь?

– Ну да, ты.

– Я пожелал ему доброго вечера.

– Вот как! И это все? – сердито буркнул король. Сен-Люк понял, что сделал неверный шаг.

– Я пожелал ему доброго вечера, – продолжал он, – а потом сказал, что завтра поутру буду иметь удовольствие пожелать ему доброго утра.

– Хорошо. А я было усомнился в твоей смелости, Удалец.

– Но, ваше королевское величество, окажите мне милость сохранить это в тайне, – подчеркнуто тихим голосом попросил Сен-Люк.

– Черт побери! Само собой, я не собираюсь тебе мешать. Хорошо бы ты избавил меня от него, но сам при этом не поцарапался.

Миньоны обменялись между собой быстрыми взглядами, но Генрих III сделал вид, что ничего не заметил.

– Ибо в конце концов, – продолжал он, – этот наглец стал совершенно невыносим.

– Да, да, – сказал Сен-Люк. – Но будьте спокойны, государь, рано или поздно, на него найдется управа.

– Гм, – недоверчиво хмыкнул король, покачивая головой, – шпагой он владеет мастерски. Хорошо бы его покусала бешеная собака. Так бы мы от него отделались без всяких трудов.

И он бросил косой взгляд па Бюсси, который разгуливал по залу в сопровождении трех своих друзей, толкая или высмеивая всех, кого он считал врагами герцога Анжуйского, – само собой разумеется, что эти люди были сторонниками короля.

– Черт побери, – закричал Шико, – не смейте обижать моих любимчиков, мэтр Бюсси, а не то будь я хоть король-раскороль, но я обнажу шпагу не хуже любого шута.

– Ах, мошенник, – пробормотал Генрих, – даю слово, он прав.

– Если Шико будет продолжать свои шуточки в том же духе, я его поколочу, государь, – сказал Можирон.

– Не суйся, куда тебя не спрашивают, Можирон. Шико дворянин и весьма щепетилен в вопросах чести. К тому же колотушек заслуживает вовсе не он, здесь он отнюдь не из самых дерзких.

На этот раз намек был ясен; Келюс сделал знак д'О и д'Эпернону, которые блистали в других углах зала и не были свидетелями выходки Бюсси.

– Господа, – начал Келюс, отведя своих друзей в сторону, – давайте посоветуемся. Ну, а ты, Сен-Люк, иди, беседуй с королем и продолжай свое дело миротворца, по-моему, ты в нем весьма преуспел.

Сен-Люк счел это предложение разумным и отошел к королю, который о чем-то горячо спорил с Шико.

Келюс увлек четырех миньонов в оконную нишу.

– Ну послушаем, зачем ты нас созвал, – сказал д'Эпернон. – Я там волочился за женой Жуаеза и предупреждаю: если ты не сообщишь что-нибудь по-настоящему важное, я тебе никогда не прощу.

– Я хочу вас предупредить, господа, – обратился Келюс к своим товарищам, – что сразу же после бала я отправляюсь на охоту.

– Отлично, – сказал д'О, – а на какого зверя?

– На кабана.

– Что это тебе взбрело в голову? Ехать охотиться в такой собачий холод! И для чего? Чтoб тебе же выпустили кишки в каком-нибудь перелеске?

– Ну и пусть! Все равно я еду.

– Один?

– Нет, с Можироном и Шомбергом, мы будем охотиться для короля.

– А-а! Понятно, – в один голос сказали Можирон и Шомберг.

– Король изъявил желание видеть завтра па своем обеденном столе кабанью голову.

– С отложным воротником по-итальянски, – сказал Можирон, намекая на простой отложной воротничок, который носил Бюсси, в отличие от пышных брыжей миньонов.

– Так, так, – подхватил д'Эпернон. – Идет. Я участвую в деле.

– Но что случилось? – спросил д'О. – Объясните мне, я все еще ни черта не понимаю.

– Э, да оглянись вокруг, мой милый.

– Ну, оглянулся.

– Разве ты не видишь наглеца, который смеется тебе в лицо?

– Бюсси, что ли?

– Ты угадал. А не кажется ли тебе, что это и есть тот самый кабан, чья голова порадовала бы короля?

– Ты уверен, что король... – начал д'О.

– Вполне уверен, – прервал его Келюс.

– Тогда пусть будет так. На охоту! Но как мы будем охотиться?

– Устроим засаду. Засада всего надежнее. Бюсси издали заметил, что миньоны о чем-то совещаются, и, не сомневаясь, что речь идет о нем, направился к своим противникам, на ходу перебрасываясь шуточками с друзьями.

– Присмотрись получше, Антрагэ, взгляни-ка, Рибейрак, как они там разбились на парочки. Это просто трогательно, Их можно принять за Евриала с Нисом, Дамона с Пифием, Кастора с... Но постой, куда делся Поллукс?

– Поллукс женился, – ответил Антрагэ, – и наш Кастор остался без пары.

– Чем они там занимаются, по-вашему? – громко спросил Бюсси, дерзко разглядывая миньонов.

– Держу пари, – отозвался Рибейрак, – они изобретают новый крахмал для воротничков.

– Нет, господа, – улыбаясь, ответил Келюс, – мы сговариваемся отправиться на охоту.

– Шутить изволите, синьор Купидо, – сказал Бюсси, – для охоты нынче слишком холодно. У вас вся кожа потрескается.

– Не беспокойтесь, сударь, – в тон ему ответил Можирон, – у нас есть теплые перчатки, и камзолы наши подбиты мехом.

– А-а, вот это меня успокаивает, – заметил Бюсси. – Ну и когда же вы выезжаете?

– Может быть, даже нынче ночью, – сказал Шомберг.

– Никаких «может быть». Непременно нынче ночью, – поправил его Можирон.

– В таком случае я должен предупредить короля, – заявил Бюсси. – Что скажет его величество, если завтра на утреннем туалете все его любимцы будут сморкаться, чихать и кашлять?

– Не трудитесь понапрасну, сударь, – сказал Келюс, – его величеству известно, что мы собираемся охотиться.

– На жаворонков, не так ли? – насмешливо поинтересовался Бюсси, стараясь придать своему голосу как можно более презрительное звучание.

– Нет, сударь, – сказал Келюс. – Не на жаворонков, а на кабана. Нам надо во что бы то ни стало раздобыть его голову.

– А зверь? – спросил д'Антрагэ.

– Уже поднят, – ответил Шомберг.

– Но ведь еще нужно знать, где он пройдет, – сказал Ливаро.

– Ну, мы попытаемся это разузнать, – успокоил его д'О. – Не желаете ли поохотиться вместе с нами, господин де Бюсси?

– Нет, по правде говоря, я занят. Завтра мне нужно быть у герцога Анжуйского на приеме графа де Монсоро, которому герцог, как вы, наверное, слышали, выхлопотал должность главного ловчего.

– Ну а нынче ночью? – спросил Келюс.

– Сожалею, но и нынче ночью не могу. У меня свидание в одном таинственном доме в Сент-Антуанском предместье.

– Ах, вот как! – воскликнул д'Эпернон. – Неужели королева Марго инкогнито вернулась в Париж? Ведь, по слухам, господин де Бюсси, вы унаследовали де Ла Молю.

– Не стану отнекиваться, но с недавних пор я отказался от этого наследства, и на сей раз речь идет о совсем другой особе.

– И эта особа вас ждет в одной из улочек Сент-Антуанского предместья? – спросил д'О.

– Вот именно, и я даже хочу обратиться к вам за советом, господин де Келюс.

– Рад вам услужить. Хотя я и не принадлежу к судейскому сословию, но все же горжусь тем, что никому еще не давал дурных советов, в особенности – друзьям.

– Говорят, что парижские улицы по ночам небезопасны, а Сент-Антуанское предместье весьма уединенная часть города. Какую дорогу вы посоветовали бы мне избрать?

– Черт побери! – сказал Келюс. – Луврскому перевозчику непременно придется ждать вас всю ночь до утра, поэтому на вашем месте, сударь, я воспользовался бы маленьким паромом в Прэ-о-Клерк и спустился бы вниз по реке до угловой башни, затем я пошел бы по набережной до Гран-Шатле, и дальше по улице Тиксерандери, добрался бы до Сент-Антуанского предместья. Коли, дойдя до конца улицы Сент-Антуан, вам удастся без всяких происшествий миновать Турнельский дворец, вероятно, вы живым и невредимым постучитесь в дверь вашего таинственного дома.

– Благодарю за столь подробное описание дороги. Итак, вы сказали: паром в Прэ-о-Клерк, угловая башня, набережная до Гран-Шатле, улица Тиксерандери, затем улица Сент-Антуан. Будьте уверены – я не сверну с этого пути, – пообещал Бюсси.

И, поклонившись пятерым миньонам, он удалился, нарочито громко обратившись к Бальзаку д'Антрагэ:

– Решительно, с этим народом не о чем толковать, Антрагэ. Уйдем отсюда.

Ливаро и Рибейрак со смехом последовали за Бюсси и д'Антрагэ; удаляясь, вся компания несколько раз оборачивалась назад, словно обсуждая миньонов.

Миньоны сохраняли спокойствие, по-видимому, они решили ни на что не обращать внимания.

Когда Бюсси вошел в последнюю гостиную, где находилась госпожа де Сен-Люк, ни на минуту не терявшая из виду своего супруга, Сен-Люк многозначительно повел глазами в сторону удалявшегося фаворита герцога Анжуйского. Жанна с чисто женской проницательностью тут же все поняла: она догнала Бюсси и преградила ему путь.

– О господин де Бюсси, – сказала Жанна, – все кругом только и говорят что о вашем последнем сонете. Уверяют, что он...

– Высмеивает короля? – спросил Бюсси.

– Нет, прославляет королеву. Ах, умоляю, прочтите его мне.

– Охотно, сударыня, – сказал Бюсси.

И, предложив новобрачной руку, он начал на ходу декламировать свой сонет.

Тем временем Сен-Люк незаметно подошел к миньонам, они слушали Келюса.

– По таким отметинам зверя легко выследить. Итак, решено: угол Турнельского дворца, около Сент-Антуанских ворот, напротив дворца Сен-Поль.

– И прихватить с собой лакея? – спросил д'Эпернон.

– Никоим образом, Ногарэ, никоим образом, – возразил Келюс, – мы пойдем одни, только мы одни будем знать нашу тайну, мы своими руками выполним свой долг. Я ненавижу Бюсси, но я счел бы себя опозоренным, если бы позволил палке лакея прикоснуться к нему. Бюсси дворянин с головы до ног.

– Выйдем вместе, все шестеро? – осведомился Можирон.
– Все пятеро, а не все шестеро, – подал голос Сен-Люк.
– Ах да, ведь ты женат. А мы-то все еще по старой памяти числим тебя холостяком! – воскликнул Шомберг.

– Сен-Люк прав, – вмешался д'О, – пусть он, бедняга, хоть на первую брачную ночь останется с женой.

– Вы ошибаетесь, господа, – сказал Сен-Люк. – Моя жена безусловно стоит того, чтобы я остался с ней, но не она меня удерживает, а король.

– Неужели король?

– Да, король. Его величество высказал желание, чтобы я проводил его до Лувра.

Молодые люди посмотрели на Сен-Люка с улыбкой, которую наш новобрачный тщетно пытался истолковать.

– Чего тебе еще надо? – сказал Келюс. – Король пылает к тебе столь необыкновенной дружбой, что прямо шагу без тебя ступить не может.

– К тому же мы вполне обойдемся и без Сен-Люка, – добавил Шомберг. – Оставим же нашего приятеля на попечение его короля и его супруги.

– Гм, но ведь мы идем на крупного зверя, – усомнился д'Эпернон.

– Ба! – беззаботно воскликнул Келюс. – Пусть только его выгонят на меня и дадут мне копье, а все остальное я беру на себя.

Тут они услышали голос Генриха: король звал Сен-Люка.

– Господа, – сказал новобрачный, – вы слышите, меня зовет король. Счастливой охоты, до встречи.

И Сен-Люк покинул общество своих друзей, но, вместо того чтобы поспешить к королю, он проскользнул мимо все еще стоящих шпалерами вдоль стен зрителей и отдыхающих танцоров и подошел к двери, за ручку которой уже взялся Бюсси, удерживаемый юной новобрачной, делавшей все, что было в ее силах, лишь бы не выпустить гостя.

– А! Доброй ночи, господин де Сен-Люк, – сказал Бюсси. – Но что случилось? Почему у вас такой возбужденный вид? Неужели и вы решили присоединиться к большой охоте, которую здесь собирают? Такое решение делает честь вашему мужеству, но не вашей галантности.

– Сударь, – ответил Сен-Люк, – у меня возбужденный вид, потому что я вас искал.

– В самом деле?

– И боялся, как бы вы не ушли. Милая Жанна, передайте вашему батюшке, пусть он попробует задержать короля. Мне нужно сказать господину де Бюсси два слова с глазу на глаз.

Жанна поторопилась выполнить поручение, она ничего не понимала во всех этих неотложных делах, но покорно подчинялась воле своего мужа, так как чувствовала, что речь идет о чем-то очень важном.

– Ну так что вы хотите мне сказать, господин Де Сен-Люк? – осведомился Бюсси.

– Я хотел вам сказать, сударь, что парижские улицы нынче опасны, и ежели у вас назначено свидание на сегодняшний вечер, то лучше будет перенести его на завтра, а ежели вы все-таки попадете в окрестности Бастилии, то избегайте Турнельского дворца: там есть один уголок, в котором могут спрятаться несколько человек. Вот и все, что я хотел вам сказать, господин де Бюсси. У меня и в мыслях нет, что человека, подобного вам, можно чем-то напугать, боже упаси, но подумайте хорошенько.

В эту минуту на весь зал раздался жалобный вопль Шико:

– Сен-Люк, мой маленький Сен-Люк! Что с тобой? Зачем ты прячешься? Ведь ты видишь, я жду тебя и без тебя не хочу возвращаться в Лувр.

– Я здесь, государь! – крикнул в ответ Сен-Люк, устремляясь на голос шута.

Рядом с Шико стоял Генрих III; паж уже подавал ему тяжелый плащ на горностаевом меху, другой паж держал наготове длинные – до локтей – перчатки, а третий – бархатную маску на атласной подкладке.

– Государь, – обратился Сен-Люк одновременно к обоим Генрихам. – Я буду иметь

честь сопровождать вас с факелом до носилок.

– Нет, – ответил король. – Шико едет в одну сторону, я – в другую. Эти бездельники, твои друзья, отправились куда-то провожать масленицу и предоставили мне возвращаться в Лувр в одиночестве. Я на них понадеялся, а они меня безбожно подвели. Теперь тебе ясно – ты не можешь допустить, чтобы я уехал отсюда один. Ты мужчина степенный и женатый, тебе и подобает доставить меня к королеве. Пошли, дружище, пошли! Эй! Коня господину Сен-Люку. Впрочем, нет, зачем тебе конь, мои носилки достаточно вместительны, в них найдется место для двоих.

Жанна де Бриссак не упустила ни звука из этого разговора. Она хотела заговорить, сказать Сен-Люку хотя бы одно слово, предупредить отца о том, что король увозит ее мужа, но Сен-Люк, приложив палец к губам, приказал ей молчать и держаться тише воды, ниже травы.

«Черт возьми! – сказал про себя Сен-Люк. – Теперь, когда я улестил Франсуа Анжуйского, не будем ссориться с Генрихом Валуа», – Государь, – продолжал он уже во всеуслышание, – я готов. Я так предан вашему величеству, что по первому зову последую за вами хоть на край света.

Тут началась отчаянная суматоха, бесчисленные церемонные приседания и Поклоны, и вдруг все разом прекратилось, наступила мертвая тишина – придворные хотели услышать, что скажет король на прощание Жанне де Бриссак и ее отцу. Король распростился с молодой женщиной и маршалом в самых милостивых выражениях.

Потом кони храпели и били копытами во дворе, и в витражах плясали красноватые отблески факелов. Наконец все придворные французского королевства и все свадебные гости, кто смеялся, кто дрожа от холода, растворились в ночном тумане.

Оставшись со своими прислужницами, Жанна вошла в спальню и преклонила колени перед образом особенно чтимого ею святого. Потом она отослала служанок, распорядившись, чтобы к возвращению ее супруга для него был приготовлен легкий ужин, и осталась одна.

Маршал де Бриссак проявил еще большую заботу о своем зяте: он отрядил шесть копеечников, наказав им дожидаться у дверей Лувра выхода Сен-Люка и сопровождать его домой. Но спустя два часа один из солдат вернулся и сообщил маршалу, что в Лувре закрыли все входы и начальник караула, запирая последнюю дверь, сказал:

– Не торчите здесь попусту, этой ночью больше никто не выйдет из Лувра. Его величество отошел ко сну, и все спят.

Маршал передал это известие своей дочери, Жанна объявила, что она очень тревожится, не сможет уснуть и намерена бодрствовать в ожидании мужа,

Глава 2.

ИЗ КОТОРОЙ СЛЕДУЕТ, ЧТО НЕ ВСЕГДА ВХОДИТ В ДОМ ТОТ, КТО ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ

В те времена Сент-Антуанские ворота представляли собой род каменного свода, напоминающего арку ворот Сен-Дени или Сен-Мартенских ворот в современном нам Париже. С левой стороны к ним вплотную подходили какие то постройки, другим своим концом примыкавшие к Бастилии и как бы связывавшие Сент-Антуанские ворота со старой крепостью. Справа от ворот и до Бретонского дворца простирался обширный, мрачный и грязный пустырь. Если в дневное время на нем еще можно было встретить прохожего, то с наступлением темноты всякое движение тут затихало, ибо в те времена улицы по ночам превращались в воровские притоны, а ночные дозоры были редкостью. Запоздалые пешеходы робко жались к стенам крепости, поближе к часовому на башне, который, правда, не был в состоянии прийти на выручку, но мог хотя бы позвать на помощь и своими криками отпугнуть грабителей.

Само собой разумеется, что в зимние ночи прохожие вели себя еще более осмотрительно, нежели в летние.

Ночь, ознаменованная событиями, о которых мы только что рассказали, а также

другими происшествиями, о которых нам еще предстоит поведать читателю, выдалась на редкость темной и морозной, небо сплошь затянули черные, низкие тучи, и, спасительного часового за зубцами королевской твердыни невозможно было разглядеть, да и ему, в свою очередь, не стоило даже и пытаться различить на пустыре каких-нибудь прохожих.

Со стороны города перед Сент-Антуанскими воротами не стояло ни одного дома, там тянулись две высокие стены: справа – ограда церкви святого Павла, а слева – стена, окружавшая Турнельский дворец. Эта последняя, подходя к улице Сент-Катрин, образовывала внутренний угол, тот «уголок», о котором Сен-Люк говорил Бюсси.

Дальше тесно жались друг к другу домишки, расположенные между улицей Жуй и широкой улицей Сент-Антуан, перед которой в те времена проходила улица Бийет и высилась церковь святой Екатерины.

Ни один фонарь не освещал только что описанную нами часть старого Парижа. В те ночи, когда луна брала на себя освещение земли, здесь, на фоне звездного неба, четко выделялся огромный силуэт Бастилии, мрачной, величественной и неподвижной. В безлунные ночи на месте крепости виднелось лишь черное пятно густого мрака, сквозь которое там и сям пробивался бледный свет редких окон.

Описываемая нами ночь началась сильным морозом и должна была завершиться обильным снегопадом; в такую ночь ничья нога не осмеливалась ступить на растрескавшуюся землю пустыря, этого подобия дороги, ведущей в предместье, которой, как мы уже знаем, избегали запоздалые путники, предпочитавшие, безопасности ради, делать крюк. Однако опытный глаз мог бы заметить в углу, образуемом стеной Турнельского дворца, подозрительные черные тени, которые время от времени шевелились, наводя на мысль, что это какие-то бедолаги пытаются сохранить естественное тепло своих тел, с каждой минутой все более и более похищаемое у них неподвижностью, на которую они, по-видимому, сами добровольно обрекли себя в ожидании предстоящего события.

Ночной мрак не позволял часовому на крепостной башне видеть, что происходит на площади, часовой также не мог слышать и разговор подозрительных теней, потому что они переговаривались шепотом. А между тем беседа их представляет для нас некоторый интерес.

– Этот бешеный Бюсси правильно нам накаркал, – сказала одна тень, – ночка сегодня вроде тех, что мы видели в Варшаве, когда король Генрих был польским королем; если так и дальше пойдет, то пророчество Бюсси сбудется – у нас кожа потрескается.

– Ну, ну, Можирон, что это ты расхныкался, как баба, – ответила другая тень. – Конечно, сейчас не жарко, но закутайся поплотней в плащ, засунь поглубже руки в карманы, и ты перестанешь зябнуть.

– Легко тебе говорить, Шомберг, – вмешалась третья тень, – сразу видно, что ты немец и сизмальства приучен к холоду. А вот у меня из губ кровь сочится, а на усах сосульки растут.

– А у меня руки мерзнут, – отозвался четвертый голос. – Могу пари держать – пальцы уже отмерзли.

– Бедненький Келюс, что же ты не захватил с собой муфту твоей маменьки? – ответил Шомберг. – Она была бы счастлива ссудить ее тебе, скажи ты ей только, что муфта поможет избавиться от ее ненаглядного Бюсси, которого она ставит на одну доску с чумой.

– Ах, боже мой, да имейте же терпение, – произнес пятый голос. – Еще минута, и, я уверен, вы будете жаловаться на жару.

– Да услышит тебя господь, д'Эпернон! – сказал Можирон, постукивая ногами.

– Это не я, – отозвался д'Эпернон, – это д'О сказал, А я молчу, боюсь, как бы слова не замерзли.

– Что ты говоришь? – спросил Келюс у Можирона.

– д'О сказал, – ответил тот, – что пройдет минута – и нам станет жарко, а я заключил: «Да услышит тебя господь!» – Кажется, господь его услышал, я вижу, по улице Сен-Поль что-то движется.

– Ошибаешься. Это не может быть он.

– А почему?
– Потому что он намеревался ехать не по ней.
– Ну и что из того? Разве не мог он почуять неладное и поехать другой дорогой?
– – Вы не знаете Бюсси. Раз уж он сказал, по какой дороге поедет, то по ней он обязательно и поедет, даже если будет знать, что сам дьявол караулит его в засаде.
– Ну, а пока что, – сказал Келюс, – там все же идут два человека.
– Верно, верно, – подхватило несколько голосов, подтверждая достоверность его наблюдения.

– В таком случае, господа, чего мы ждем? Вперед! – предложил Шомберг.
– Минуточку, – вмешался д'Эпернон, – стоит ли потрошить добрых буржуа или честную повитуху?.. Ага! Они останавливаются.

Действительно, дойдя до перекрестка улиц Сен-Поль и Сент-Антуан, два человека, заинтересовавшие пятерых друзей, остановились, словно в нерешительности.

– Ну и ну! Неужели они нас увидели? – сказал Келюс.
– Откуда же? Мы и сами-то себя с трудом различаем.
– Верно, – согласился Келюс. – Гляди-ка! Гляди! Они свернули налево.., остановились перед каким-то домом.., чего-то ищут.

– Ей-богу, ты прав.
– Похоже, что они собираются войти, – сказал Шомберг. – Неужели мы их упустим?
– Но это не он, ведь он намеревался идти в Сент-Антуанское предместье, а эти двое вышли из улицы Сен-Поль и спустились вниз, – возразил Можирон.
– Ну а кто поручится, – настаивал Шомберг, – что эта продувная бестия не провела нас? Он мог сбить нас с толку то ли нечаянно – по забывчивости, то ли умышленно – из хитрости.

– Правда твоя, так могло случиться, – согласился Келюс.
Это предположение заставило всю компанию миньонов стремительно броситься вперед. Как свора голодных псов, они выскочили из своего убежища и, размахивая обнаженными шпагами, ринулись на двух человек, остановившихся перед дверью какого-то дома.

Один из двух незнакомцев уже повернул было ключ в замочной скважине и дверь подалась, но тут шум, поднятый нападающими, заставил таинственных пришельцев обернуться.

– Что там такое, д'Орильи? – спросил, оборачиваясь, тот, кто был пониже ростом. – Не на нас ли покушаются?

– Ах, монсеньер, – ответил тот, кто открывал дверь, – мне кажется, дело идет к этому. Вы соблаговолите назвать себя или пожелаете сохранить инкогнито?

– Они вооружены! Мы в ловушке!
– Какие-нибудь ревнивцы нас выследили. Боже правый! Я говорил вам не раз – эта дама такая красotka, что непременно должна иметь поклонников.

– Войдем, д'Орильи, поторопись, лучше выдерживать осаду за дверью, чем перед дверью.

– Да, монсеньер, если только в крепости вас не ждут враги. Но кто поручится?..
Орильи не успел кончить. Миньоны короля с быстротой молнии преодолели пространство в сотню шагов, отделявшее их от двух пришельцев. Келюс и Можирон, бежавшие вдоль стены, бросились между дверью и незнакомцами, дабы отрезать им путь к отступлению. Шомберг, д'О и д'Эпернон приготовились напасть со стороны улицы.

– Смерть ему! Смерть ему! – вопил Келюс, как всегда самый неистовый из всей компании.

Вдруг тот, кого величали монсеньером и у кого спрашивали, не пожелает, ли он сохранить инкогнито, повернулся к Келюсу, сделал шаг вперед и надменно скрестил руки на груди.

– Мне слышалось, вы угрожали смертью наследнику французского престола,

господин де Келюс? – зловещим голосом отчеканил он.

Келюс отшатнулся, в глазах у него потемнело, колени подогнулись, руки бессильно опустились.

– Монсеньер герцог Анжуйский! – воскликнул он.

– Монсеньер герцог Анжуйский! – хором повторили все остальные.

– Ну как, мои дворянчики, – угрожающе сказал Франсуа, – будем мы еще кричать: «Смерть ему! Смерть ему!»?

– Монсеньер, – пробормотал д'Эпернон, – это была просто шутка. Простите нас.

– Монсеньер, – поддержал его д'О, – мы даже и мысли допустить не могли, что встретим ваше высочество в этом глухом квартале, на окраине Парижа.

– Шутка! – воскликнул Франсуа, не устаивая его ответом. – У вас странная манера шутить, господин д'Эпернон. Ну что ж, раз это не меня, то кого же тогда вы хотели заколоть шутки ради?

– Монсеньер, – почтительно сказал Шомберг, – мы видели, как Сен-Люк вышел из дворца Монморанси и направился в эту сторону. Его поведение нас удивило, и мы захотели узнать, с какой целью супруг оставляет свою жену в первую брачную ночь.

Оправдание звучало довольно правдоподобно: наследующий день герцогу Анжуйскому, по всей вероятности, донесли бы, что Сен-Люк не ночевал во дворце Монморанси и выдумка Шомберга таким образом подтвердилась бы.

– Господин де Сен-Люк? Неужели вы меня приняли за Сен-Люка, господа?

– Да, монсеньер, – в один голос ответили пятеро друзей.

– Но разве мыслимо так грубо ошибиться? – усомнился герцог Анжуйский. – Господин де Сен-Люк на целую голову выше меня.

– Это так, монсеньер, но он одинакового роста с господином д'Орильи, который имеет честь вас сопровождать, – нашелся Келюс.

– И потом, ночь такая темная, монсеньер, – подхватил Можирон.

– И еще – того человека, который вкладывал ключ в замочную скважину, мы приняли за самого главного из вас двоих, – пробормотал д'О.

– И, наконец, – заключил Келюс, – монсеньер не может предположить, что мы осмелились бы даже помыслить против него что-нибудь дурное, что мы дерзнули бы помешать пусть даже развлечениям его высочества.

Задавая вопросы и выслушивая более или менее складные ответы, диктуемые растерянностью или страхом, Франсуа предпринял ловкий стратегический маневр – разговаривая, он шаг за шагом удалялся от порога той двери, у которой его захватили, и шаг за шагом, подобно тени, следовал за ним д'Орильи, его лютнист, его неизменный спутник в ночных похождениях. Таким образом, они незаметно отошли на значительное расстояние от заветного дома, и миньонам уже не удалось бы узнать его среди других строений.

– Моим развлечениям! – с горечью воскликнул герцог. – Да откуда вы взяли, что я ищу здесь развлечений?!

– Ах, монсеньер, в любом случае, что бы вас сюда ни привело, – ответил Келюс, – простите нас. Мы тотчас же уходим.

– Хорошо. Прощайте, господа.

– Монсеньер, – счел нужным добавить д'Эпернон, – как хорошо известно вашему высочеству, мы народ не болтливый.

Герцог Анжуйский, уже сделавший было шаг, собираясь уйти, резко остановился и нахмурил брови.

– О чем вы толкуете, господин Ногарэ, и кто от вас требует, чтобы вы не болтали?

– Монсеньер, мы подумали: выше высочество одни, в этот час, в сопровождении только своего доверенного лица...

– Ошибаетесь. Вот что следует думать, и я желаю, чтобы вы это думали, относительно того, почему я оказался здесь в столь поздний час...

Пятеро друзей застыли в глубочайшем почтительнейшем внимании.

– Я пришел сюда, – продолжал герцог Анжуйский, старательно растягивая слова, словно желая навеки запечатлеть в памяти слушателей каждый звук, – я пришел сюда посоветоваться с евреем Манасесом, он умеет гадать на стекле и кофейной гуще. Как вы знаете, Манасес проживает на улице Турнель. Д'Орильи вас заметил издалика и принял за лучников, делающих обход. Тогда, – добавил принц, с особой, свойственной ему свирепой насмешливостью, которой страшились все, кто знал его характер, – как и подобает постоянным посетителям колдунов, мы попытались спрятаться: прижались к стене и хотели укрыться в дверной нише от ваших грозных взглядов.

Давая эти разъяснения, принц незаметно вышел на улицу Сон-Поль и оказался на расстоянии голоса от часовых Бастилии, предосторожность отнюдь не излишняя в случае нового нападения, возможность которого, несмотря на все клятвенные заверения и униженные извинения миньонов, герцог отнюдь не считал исключенной: ему было слишком хорошо известно, какую застарелую и глухую ненависть питает к нему его царствующий брат.

– Теперь вы знаете, чему следует верить и, главное, что следует говорить, а посему прощайте, господа. Само собой разумеется, не трудитесь меня сопровождать.

Миньоны низкими поклонами распрощались с принцем, который направился в сторону, противоположную той, куда двинулись они, и несколько раз оборачивался, дабы увериться, действительно ли они уходят.

– Монсеньер, – обратился к принцу д'Орильи. – Клянусь, эти люди замышляют недоброе. Время уже к полночи. Мы здесь, как они говорят, в глухом квартале. Вернемся побыстрей во дворец, монсеньер, вернемся немедленно.

– Нет, – сказал принц, останавливаясь, – напротив, воспользуемся их уходом.

– Ваше высочество ошибаетесь. Они и не думают уходить. Монсеньер может в этом удостовериться своими собственными глазами; взгляните, они спрятались в том убежище, откуда выскочили на нас. Видите, монсеньер, вон там, в этом закоулке на углу Турнельского дворца.

Франсуа всмотрелся в темноту, д'Орильи был совершенно прав. Все пятеро снова укрылись в том же самом углу. Несомненно, появление принца помешало им привести в исполнение какой-то замысел. И, может быть даже, они остались в этом пустынном месте с целью выследить принца и его спутника и убедиться, действительно ли те идут к еврею Манасесу.

– Итак, монсеньер, какое решение вы приняли? – спросил д'Орильи. – Я заранее подчиняюсь любому приказу вашего высочества, но, по моему разумению, оставаться здесь было бы неосторожно.

– Проклятие, – сказал принц. – До чего же досадно прекращать игру!

– Я вас вполне понимаю, монсеньер, но ведь партию можно и отложить. Я уже имел честь сообщить вашему высочеству все, что мне удалось разузнать. Дом снят на год, мы знаем, что апартаменты дамы – на втором этаже, мы достигли взаимного понимания со служанкой, у нас есть ключ от входной двери. С такими козырями на руках мы можем не спешить.

– Ты уверен, что дверь открылась?

– Совершенно уверен, к ней подошел третий ключ из тех, что я принес с собой.

– Кстати, а ты ее запер?

– Дверь?

– Да.

– Ну конечно, монсеньер.

Как бы искренно ни прозвучал ответ д'Орильи на вопрос его покровителя, мы все же должны сказать, что фаворит герцога далеко не был уверен в том, что запер дверь, хотя хорошо помнил, что открыл ее. Однако его убежденный тон не оставлял герцогу и тени сомнения ни в первом, ни во втором.

– И все же, – сказал принц, – я был бы не прочь узнать...

– Что они там делают, монсеньер? Я вам могу сказать это почти безошибочно. Они сидят в засаде и кого-то подстерегают. Уйдем отсюда. У вашего высочества немало врагов.

Кто знает, что они могут вытворить?

– Ну ладно, уйдем, я согласен, но мы обязательно вернемся.

– Только не этой ночью, монсеньер. Пусть ваше высочество поймет мои страхи. Мне повсюду мерещатся засады и ловушки; я всего боюсь, и это вполне понятно, ведь я сопровождаю первого принца крови..., наследника короны..., а столько людей хотят, чтобы она вам не досталась.

Эти слова так подействовали на Франсуа, что он тотчас же решил отступить, но, уходя, не преминул отпустить крепкое словцо по адресу тех, кто осмелился встать на его пути, пообещав себе отплатить сторицей всем пятерым.

– Что ж тут поделаешь? – сказал он. – Вернемся во дворец. Распроклятая свадьба уже кончилась, и Бюсси должен быть там. Ему-то, наверное, посчастливилось завязать добрую ссору, и он заколот или завтра утром заколет кого-нибудь из этих постельных миньонов. Такая мысль меня несколько утешает.

– Да будет так, монсеньер, станем уповать на Бюсси. Что до меня, то я не желаю ничего лучшего. Я, как и вы, ваше высочество, полагаюсь в этом отношении на Бюсси, как на каменную стену.

И герцог со своим верным спутником отправились восвояси.

Они еще не свернули за угол улицы Жуй, как наши пятеро друзей заметили, что на углу улицы Тизон показался всадник, закутанный в длинный плащ. Копыта коня сухо и четко стучали по окаменевшей земле, и белое перо на шляпе всадника в густом ночном мраке посеребрил бледный луч луны, которому удалось прорваться сквозь сплошную пелену туч и плотный, насыщенный дыханием близкого снегопада воздух. Всадник туго натягивал поводья, и у коня, вынужденного идти шагом, бока, несмотря на холод, были покрыты хлопьями пены.

– На этот раз он, – сказал Келюс.

– Нет, не он, – отозвался Можирон, – Почему?

– Потому что этот один, а Бюсси мы оставили с Ливаро, д'Антрагэ и Рибейраком, они не позволили бы ему так рисковать.

– И все же это он, он, – сказал д'Эпернон. – Прислушайся, разве ты не распознаешь его звонкое «хм», взглядишь хорошенько, кто еще умеет так гордо закидывать голову? Он едет один.

– Тогда, – сказал д'О, – это ловушка.

– Ловушка или нет, в любом случае, – вмешался Шомберг, – это он, а раз так, то за шпаги, господа, за шпаги!

И действительно, всадником был Бюсси, который безмятежно ехал по улице Сент-Антуан, неотступно следуя по пути, указанному Келюсом. Как мы знаем, Сен-Люк предостерег его, и хотя слова хозяина дома заронили в душу молодого человека вполне понятную тревогу, все же, выйдя из дверей дворца Монморанси, он расстался со своими тремя друзьями. В этой беззаботности проявилось присущее Бюсси удалство, которое так ценил в себе сам доблестный полковник. Он говорил: «Я всего лишь простой дворянин, но в груди у меня сердце императора, и, когда я читаю в жизнеописаниях Плутарха о подвигах древних римлян, я не нахожу в античности ни одного героя, деяния которого я не мог бы повторить во всех подробностях».

К тому же Бюсси подумал, что, может быть, Сен-Люк, никогда не принадлежавший к числу его друзей, проявил о нем заботу лишь потому, что сам попал в затруднительное положение. Быть может, его предупреждение было сделано с тайным намерением напугать Бюсси, вынудить его принять излишние меры предосторожности и выставить в смешном виде перед врагами, если и в самом деле найдутся такие смельчаки, которые отважатся его подкараулить. А для Бюсси показаться смешным было страшнее, чем любая опасность. Даже у своих недругов он пользовался репутацией человека смелого до безрассудства и, стараясь поддерживать свою славу на тех вершинах, которых она достигла, шел на самые дерзостные выходки. Так же и в эту ночь, действуя по примеру героев Плутарха, он отослал домой трех

товарищей – сильный эскорт, способный дать отпор целому эскадрону.

И вот теперь, в одиночестве, скрестив руки под плащом, вооруженный только шпагой и кинжалом, Бюсси ехал к дому, где его ожидало не любовное свидание, как это можно было подумать, а письмо, которое каждый месяц в один и тот же день посылала ему с нарочным королева Наваррская в память об их нежной дружбе. Бравый воин, неукоснительно выполняя обещание, данное им прекрасной Маргарите, всегда являлся в дом гонца за ее посланием ночью и без провожатых, дабы никого не скомпрометировать.

Бюсси беспрепятственно проделал часть пути от улицы Гран-Огюстен до улицы Сент-Антуан, но, когда он подъехал к улице Сент-Катрин, его настороженный, острый и приученный к темноте глаз различил во мраке у стены смутные очертания человеческих фигур, которые не заметил имевший меньшие основания быть настороже герцог Анжуйский. Но надо забывать и того, что даже человек, поистине мужественный сердцем, чуя приближение опасности, испытывает возбуждение и все его чувства, и его мозг напрягаются до предела.

Бюсси пересчитал черные тени на темной стене.

– Три, четыре, пять. Ото еще без слуг, а слуги, наверное, засели где-нибудь поблизости и прибегут на подмогу по первому зову. Сдается мне, эти господа с должным почтением относятся к моей особе. Вот дьявол! Для одного человека дела тут выше головы. Так, так! Значит, благородный Сен-Люк меня не обманул, и если он даже первый проткнет мое брюхо в драке, все равно я скажу ему: «Спасибо за предупреждение, приятель!» Рассуждая сам с собой, Бюсси продолжал двигаться вперед: его правая рука спокойно лежала под плащом, а левой он расстегнул пряжку у плаща. И тут Шомберг крикнул: «За шпаги!», его товарищи повторили этот клич, и все пятеро выскочили на дорогу перед Бюсси.

– А, вот оно что, господа, – раздался резкий, но спокойный голос Бюсси, – видно, нашего бедного Бюсси собираются заколоть. Так это он, тот дикий зверь, тот славный кабан, на которого вы собирались поохотиться? Что ж, прекрасно, господа, кабан еще распорет брюхо кое-кому из вас, клянусь вам в этом, а вы знаете, что я не трачу клятв попусту.

– Пусть так! – ответил Шомберг. – И все же ты невежа, сеньор Бюсси д'Амбуаз. Ты разговариваешь с нами, пешими, восседая на коне.

При этих словах рука молодого человека, затянута в белый атлас, выскользнула из-под плаща и блеснула в лунном свете, как серебряная молния. Бюсси не понял смысла этого жеста, хотя и почувствовал в нем угрозу. Поэтому он хотел было, по своему обычаю, ответить дерзостью на дерзость, но, вонзив шпоры в брюхо лошади, почувствовал, что она пошатнулась и словно осела под ним. Шомберг с присущей ему ловкостью, не раз подтвержденной в многочисленных поединках, которые он, несмотря на юные годы, уже имел на своем счету, метнул нож с широким клинком, более тяжелым, чем рукоятка, и это страшное оружие, перерезав скакательный сустав коня, застряло в ране, как топор в стволе дерева.

Бедное животное глухо заржало, дернулось всем телом и упало на подогнувшиеся колени.

Бюсси, как всегда готовый к любым неожиданностям, молниеносно соскочил на землю со шпагой в руке.

– А, негодяи! – вскричал он. – Это мой любимый конь, вы мне за него дорого заплатите.

Шомберг смело ринулся вперед, но при этом плохо рассчитал длину шпаги Бюсси, которую наш герой держал прижатой к туловищу, – так можно ошибиться в дальности броска свернувшейся спиралью ядовитой змеи, – рука Бюсси внезапно развернулась, словно туго сжатая пружина, и шпага проколола Шомбергу бедро.

Раненый вскрикнул.

– Отлично, – сказал Бюсси. – Вот я и сдержал свое слово. У одного шкура уже продырявлена. Тебе надо было подрезать шпагу Бюсси, а не сухожилия его лошади, растяпа. И пока Шомберг перевязывал носовым платком раненую ногу, Бюсси с быстротою молнии бросился в бой, острие его длинной шпаги то сверкало у самых глаз, то чуть не касалось груди

его противников. Он бился молча, ибо позвать на помощь, а следовательно, признаться в своей слабости, было бы недостойно имени, которое он носил. Бюсси ограничился тем, что обмотал свой плащ вокруг левой руки, превратив его в щит, и отступил на несколько шагов, но не замышляя спастись бегством, а рассчитывая добраться до стены, к которой можно было бы прислониться и, таким образом, прикрыть себя от нападения с тыла. При этом он не переставал вертеть шпагой во все стороны, и каждую минуту делал добрый десяток выпадов, порой ощущая мягкое сопротивление живой плоти, свидетельствующее, что удар достиг цели. Вдруг он поскользнулся и невольно взглянул себе под ноги. Этим мгновенно воспользовался Келюс и нанес ему удар в бок.

– Попал! – радостно закричал Келюс.

– Как же – в плащ, – ответил Бюсси, не желавший признаться, что он ранен. – Только трусы так попадают.

И, прыгнув вперед, он выбил из рук Келюса шпагу с такой силой, что она отлетела на десять шагов в сторону. Однако Бюсси не удалось воспользоваться плодами этой победы, так как в тот же миг на него с удвоенной яростью обрушились д'О, д'Эпернон и Можирон. Шомберг перевязал рану, Келюс подобрал шпагу, и Бюсси понял: сейчас он будет окружен, в его распоряжении остается не более минуты, если за эту минуту он не доберется до стены – он погиб.

Бюсси отпрыгнул назад, положив расстояние в три шага между собой и своими противниками; четыре шпаги устремились вослед и быстро догнали его, но слишком поздно: он успел сделать еще один скачок и прислониться к стене. Тут он остановился, сильный, как Ахилл или Роланд, встречая улыбкой бурю ударов и проклятий, которые обрушились на его голову.

Внезапно он почувствовал, что лоб его покрылся испариной, а в глазах помутилось.

Бюсси совсем позабыл о своей ране, и эти признаки близящегося обморока напомнили ему о ней.

– Ага, ты слабеешь, – крикнул Келюс, учащая удары.

– Суди сам, – сказал Бюсси – вот, получай!

И эфесом шпаги он хватил Келюса в висок. От удара этой железной руки миньон короля навзничь рухнул на землю.

И потом, возбужденный, разъяренный, словно дикий вепрь, который, отбросив наевших на него собак, сам кидается на своих врагов, Бюсси издал яростный вопль и ринулся вперед. Д'О и д'Эпернон отступили, Можирон поднял Келюса с земли и поддерживал его; Бюсси каблуком сломал шпагу Келюса и колющим ударом ранил д'Эпернона в предплечье. Одно мгновение казалось, что он победил. Но Келюс пришел в себя, а Шомберг, несмотря на рану, присоединился к товарищам, и снова четыре шпаги засверкали перед Бюсси. Бюсси вторично почувствовал себя на краю гибели. Он напрягся до предела и, шаг за шагом, снова начал отходить к стене. Ледяной пот на лбу, глухой звон в ушах, кровавая пелена, застилающая глаза, – все свидетельствовало, что силы его исчерпаны. Шпага ему не повиновалась, мысли путались. Вытянутой назад левой рукой он нащупал стену и, прикоснувшись к ее холодной поверхности, почувствовал некоторое облегчение, но тут, к его великому удивлению, стена подалась под его рукой. То была не стена, а незапертая дверь.

Тогда Бюсси воспрянул духом и, понимая, что наступает решающий миг, собрал последние остатки сил. Он так стремительно и с такой яростью атаковал своих противников, что они либо опустили шпаги, либо отвели их в сторону. Воспользовавшись этой мгновенной передышкой, Бюсси проскользнул в дверной проем и, повернувшись, толкнул дверь резким ударом плеча. Щелкнул замок. Теперь все было позади. Смертельная опасность миновала. Бюсси победил, потому что сумел остаться в живых.

Затуманенным радостью глазом он прижался к дверному окошечку и сквозь частую решетку увидел бледные, растерянные, злые лица своих врагов. Сначала раздался глухой стук – это шпаги со всего маху вонзались в толстую деревянную дверь, затем загревели крики бешенства и безрассудные вызовы. И тогда Бюсси почувствовал, что земля уходит из-под ног

и стена шатается. Он сделал три шага вперед и оказался в какой-то прихожей, затем повернулся кругом и упал навзничь па ступеньки лестницы. Ему показалось, что он падает в глубокую, темную яму. И больше Бюсси ничего не чувствовал.

Глава 3.

О ТОМ, КАК ИНОГДА БЫВАЕТ ТРУДНО ОТЛИЧИТЬ СОН ОТ ЯВИ

Прежде чем потерять сознание, Бюсси успел засунуть носовой платок под рубашку и сверху прижать его перевязью от шпаги, соорудив таким образом некое подобие повязки на глубокую и пылающую рану, откуда вытекала горячая струя крови. Но к тому времени он уже потерял много крови, и обморок, о котором мы рассказали в предыдущей главе, был неизбежен.

Однако то ли в возбужденном от боли и гнева мозгу раненого, несмотря на глубокий обморок, все еще теплилось сознание, то ли обморочное состояние на некоторое время сменилось лихорадкой, которая, в свою очередь, уступила место новому обмороку, но вот что он увидел или что привиделось ему за этот миг бодрствования или сна – мгновение сумерек, промелькнувшее между мраком двух ночей.

Он лежит в какой-то комнате, обставленной мебелью резного дерева, стены комнаты покрыты гобеленами с изображениями людей, потолок расписан. Люди на гобеленах стоят в самых разнообразных позах: одни держат в руках цветы, другие – копья; кажется, будто они вышли из стен и толпятся, пытаясь по какой-то невидимой лестнице взобраться на потолок. В проеме между окнами висит портрет женщины, напоенный светом, однако Бюсси чудится, что рамкой портрету служит дверной наличник. Бюсси лежит неподвижно, словно прикованный к своему ложу сверхъестественной силой, лишенный возможности даже пошевелиться, утратив все свои чувства, кроме зрения, и с нежностью смотрит на окружающие его человеческие фигуры. Его восхищают и жеманные улыбки дам с цветами в руках, и неестественно бурный гнев кавалеров, вооруженных шпагами. Видит он эти фигуры впервые или где-то они уже ему встречались? Этого он не может понять, мыслям мешает ощущение тяжести в голове.

Вдруг ему кажется, что портрет ожил, восхитительное создание вышло из рамы и приближается к нему; на женщине длинное белое платье, подобное одеяниям ангелов, белокурые волосы волнами ниспадают на плечи, глаза под густыми бархатистыми ресницами сверкают, как черная яшма, кожа настолько тонка, что, кажется, можно увидеть, как под ней переливается кровь, окрашивая ее в нежный розовый цвет. Дама с портрета сияет волшебной красотой, ее протянутые руки манят Бюсси. Он судорожно пытается вскочить с постели и упасть к ногам незнакомки, но его удерживают на ложе узы, подобные тем, которые держат брненное тело в могиле, пока душа, пренебрегая земным притяжением, возносится в небеса.

Это досадное чувство скованности заставляет Бюсси обратить внимание на постель, где он лежит. Он видит великолепную кровать резного дерева, из тех, что изготовлялись во времена Франциска I, балдахин у нее из белого шелка, тканного золотом.

При виде женщины Бюсси перестает интересоваться фигурами на стенах и потолке. Незнакомка с портрета становится для него всем, он пытается разглядеть пустое место, которое должно было бы остаться в раме. Однако какое-то облачко, непроницаемое для глаз, плавает перед рамой и скрывает ее из виду, тогда Бюсси переносит свой взор на таинственное видение и весь сосредоточивается на этом чудесном образе. Он пробует обратиться к нему с мадригалом, которые имел обыкновение слагать в честь прекрасных дам.

Но внезапно женщина исчезает, чья-то темная фигура закрывает ее от Бюсси. Эта фигура неуверенно движется вперед, вытянув перед собой руки, словно игрок в жмурки, которому выпало водить.

Кровь ударяет в голову Бюсси, раненый приходит в такое неистовство, что, будь он только в состоянии двигаться, он немедленно бросился бы на непрошеного гостя; по правде говоря, он даже пытается броситься, но не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

Пока Бюсси тщетно порывается встать с постели, к которой его словно приковали,

незнакомец говорит:

– Уже все? Я пришел наконец?

– Да, мэтр, – отвечает ему голос, такой нежный, что все фибры сердца Бюсси трепещут, – вы можете снять повязку.

Бюсси силится приподнять голову, он хочет взглянуть, не даме ли с портрета принадлежит этот дивный голос, но его попытка не увенчивается успехом. В поле зрения Бюсси – только молодой, ладный мужчина, который, повинаясь сделанному ему приглашению, снял с глаз повязку и растерянно оглядывает комнату.

«Пусть убирается к дьяволу», – думает Бюсси. И хочет выразить свою мысль словами или жестом, но ни голос, ни руки ему не повинуются.

– А, вот теперь я понимаю! – восклицает молодой мужчина, приближаясь к постели. – Вы ранены, не так ли, мой любезный господин? Ну что ж, попробуем вас заштопать.

Бюсси рад бы ответить, но знает, что для него это невозможно. Глаза его застилает ледяной туман, и словно тысячи острых иголок впиваются в кончики пальцев.

– Неужели рана смертельна? – слышит он все тот же нежный голос, исполненный такого горестного сочувствия, что у Бюсси выступают на глазах слезы, теперь уже он не сомневается – голос принадлежит даме с портрета.

– Еще не знаю, сударыня, минуту терпения, и я отвечу на ваш вопрос, – говорит молодой мужчина, – а пока что он опять сознание потерял.

И это было все, что смог разобрать Бюсси, ему еще показалось, что он слышит удаляющееся шуршание юбки, потом ему, словно раскаленным железом, пронзили бедро, и последние искры сознания, еще тлевшие в его мозгу, разом потухли.

Впоследствии Бюсси никак не мог определить, какое время продолжался его обморок.

Когда он очнулся, холодный ветер обдувал ему лицо, слух царапали какие-то хриплые и крикливые голоса. Он открыл глаза – посмотреть, не фигуры ли это с гобеленов пререкаются с фигурами на потолке, и, рассчитывая найти портрет на месте, завертел головой в разные стороны. Но не было ни гобеленов, ни потолка, да и сам портрет исчез бесследно. Справа от Бюсси стоял мужчина в серой блузе и повязанном вокруг пояса белом, замаранном кровью, переднике, слева монах из монастыря святой Женевиевы, склонившись, поддерживал ему голову, прямо перед Бюсси какая-то старуха бормотала молитвы.

Блуждающий взор молодого человека вскоре остановился на возвышавшейся впереди каменной стене, скользнул вверх по ней, измеряя высоту, и раненый узнал Тампль, угловую башню Бастилии. Холодное, блеклое небо над Тамплем робко золотили первые лучи восходящего солнца.

Бюсси лежал просто-напросто на улице или, вернее, на краю рва, и этот ров был рвом Тампля.

– Ах, благодарю вас, добрые люди, что взяли на себя труд принести меня сюда, – сказал Бюсси. – Мне не хватало воздуха, но ведь можно было открыть окна в комнате, мне было куда покойнее там – на моей постели с белыми с золотом занавесками, чем здесь – на сырой земле. Ну да, не в этом дело... У меня в кармане, если только вы не позаботились сами расплатиться с собой за свои труды, что было бы весьма предусмотрительно с вашей стороны..., так вот у меня в кармане найдется десятка два золотых экю. Они ваши, друзья мои, забирайте их.

– Но, сиятельный господин, – сказал мясник, – мы вовсе не переносили вас сюда, вы лежали здесь, на этом самом месте, мы шли мимо рано утром и увидали вас.

– Вот дьявол, – выругался Бюсси, – а молодой лекарь тут был?

Присутствующие переглянулись.

– Все еще бредит, – заметил монах, сокрушенно качая головой.

Затем он обратился к Бюсси:

– Сын мой, я думаю, что вам подобало бы исповедаться.

Бюсси испуганно посмотрел на монаха.

– Тут не было никакого лекаря, наш бедный, добрый молодой человек, – запричитала старуха. – Вы лежали здесь, один-одинешенек и холодный, как покойничек. Гляньте, вокруг вас все снежком запорошило, а под вами земля черная.

Бюсси почувствовал боль в боку, вспомнил, что получил удар шпагой, просунул руку под плащ и нащупал перевязь, а под ней – на ране носовой платок, па том самом месте, куда он его подложил накануне.

– Ничего не понимаю, – сказал он.

Воспользовавшись полученным разрешением, все, кто стоял около Бюсси, не мешкая, поделили между собой содержимое кошелька, осыпая его владельца громкими выражениями сочувствия.

– Ладно, – сказал Бюсси, когда дележка закончилась, – все это прекрасно, друзья мои. Ну а сейчас доставьте меня домой.

– Ах, будьте покойны, будьте покойны, бедный, добрый молодой человек, – затараторила старуха, – мясника бог силушкой не обидел, а потом – он и лошадь держит и может вас па нее посадить.

– Правда? – спросил Бюсси.

– Святая правда, – отозвался мясник, – и я сам, и мой коняга готовы вам служить.

– И все-таки, сын мой, – сказал монах, когда мясник отправился за своим конем, – я посоветовал бы вам свести счета с господом.

– Как вас величают, святой отец? – спросил Бюсси.

– Меня зовут брат Горанфло.

– Послушай-ка, братец Горанфло, – сказал Бюсси, усаживаясь, – я надеюсь, что эта минута для меня еще не наступила. К тому же, отче, я тороплюсь. Я совсем замерз и хотел бы уже быть у себя во дворце и согреться.

– А как называется ваш дворец?

– Дворец Бюсси.

– Как! Дворец Бюсси?

– Ну и что тут удивительного?

– Значит, вы из людей Бюсси?

– Я сам Бюсси, собственной персоной.

– Бюсси! – завопила толпа. – Сеньор де Бюсси! Храбрый Бюсси! Бич миньонов! Да здравствует Бюсси!

И на плечах собравшегося простонародья молодой человек был с почетом доставлен в свой дворец, а монах, на ходу пересчитывая золотые экю, доставшиеся на его долю, покачивал головой и бормотал:

– Если это тот самый головорез Бюсси, то я не удивляюсь, что он не пожелал исповедаться.

Вернувшись в свой дворец, Бюсси велел позвать хирурга, который его обычно пользовал. Эскулап нашел рану несерьезной.

– Скажите мне, – обратился к нему Бюсси, – этой раной уже кто-нибудь занимался?

– По правде говоря, я не могу это утверждать, хотя, пожалуй, рана выглядит очень свежей.

– А могла ли она вызвать бред?

– Конечно.

– Вот дьявол, – выругался Бюсси. – И все же – эти фигуры с цветами и копьями, расписной плафон, резная кровать с шелковыми занавесками, белыми с золотом, портрет очаровательной черноглазой блондинки, лекарь, который играл в жмурки и которому я чуть было не крикнул: «Горячо!», неужели все это бред, а в Действительности была лишь драка с миньонами? Тогда – где же я дрался? Ах да, вспомнил. Возле Бастилии, около улицы Сен-Поль. Я прислонился к стене, но это была не стена, а дверь, и, на мое счастье, она открылась. Я с трудом ее закрыл. А потом я оказался в прихожей и тут потерял сознание, и

больше ничего не помню. Может быть, мне все привиделось, вот в чем вопрос! Да, кстати, а мой конь? Ведь там, на месте боя, должны были подобрать моего убитого коня. Доктор, прошу вас, кликните кого-нибудь.

Врач позвал слугу.

Бюсси расспросил пришедшего и узнал, что конь, искалеченный, истекающий кровью, на рассвете притащился домой и ржанием разбудил челядинцев. Тотчас же во дворце подняли тревогу, люди Бюсси, боготворившие своего господина, ни минуты не медля, бросились на розыски, и большая часть их еще не вернулась.

– Значит, бредом был только портрет, – рассуждал Бюсси, – и, наверное, он действительно мне привиделся. Разве мыслимо, чтобы портрет выходил из рамы и беседовал с лекарем, у которого завязаны глаза? Да я просто рехнулся! И все же, как мне помнится, дама на портрете была восхитительна. У нее...

И Бюсси начал вызывать в воображении женский образ во всех подробностях; страстная дрожь – трепет любви, который согревает и будоражит душу, – с бархатистой мягкостью скользнула по его груди.

– И все это мне привиделось! – горестно воскликнул Бюсси, пока хирург перевязывал его рану. – Смерть Христова! Это просто невыносимо. Таких снов не бывает! Ну-ка, повторим еще раз.

Бюсси принялся в сотый раз восстанавливать в памяти случившееся.

– Я был на балу. Сен-Люк меня предупредил, сказал, что у Бастилии меня подкарауливают. Со мной были Антрагэ, Рибейрак и Ливаро. Я их отослал. Поехал по набережной мимо Гран-Шатле и дальше. У Турнельского дворца заметил людей, которые меня поджидали. Они напали на меня, искалечили подо мной лошадь. Мы крепко бились. Я оказался в прихожей. Тут мне стало плохо, а потом... Ах, вот это «а потом» меня и убивает! После этого «а потом» – лихорадка, бред, видение. – А потом, – вздохнул Бюсси, – я очнулся на откосе рва у Тампля, там женевьевский монах во что бы то ни стало хотел меня исповедовать. Все равно, я все узнаю, – заверил Бюсси самого себя после минутного молчания, в течение которого он снова перебрал свои воспоминания, одно за другим. – Доктор, неужели из-за этой царапины мне опять придется торчать в четырех стенах пятнадцать дней безвыходно, как в прошлый раз?

– Смотря по обстоятельствам. Да и сможете ли вы двигаться?

– Это я-то не смогу? Совсем напротив. У меня ноги так и рвутся ступить на пол.

– Ну-ка, сделайте несколько шагов.

Бюсси легко спрыгнул с постели и довольно бодро описал круг по комнате, представив наглядное доказательство того, что он уже далеко продвинулся на пути к исцелению.

– Годится, – сказал хирург, – если только вы в первый же день не сядете на коня и не проскачете десять лье.

– Вот это по-моему! – воскликнул Бюсси. – Вы лучший из докторов. Однако прошлой ночью я видел другого медика. Да, да, отлично видел, весь его облик врезался мне в память, и если мне доведется с ним повстречаться, я его узнаю с первого взгляда. Уверю вас.

– Мой дорогой сеньор! Я вам советую не тратить время на розыски, после ранения шпагой всегда лихорадит, вы бы должны знать это, ведь у вас на теле уже двенадцатая отметина.

– Ах, боже мой! – неожиданно вскричал Бюсси, который все это время не переставая искал объяснений тайнам прошлой ночи и вдруг был поражен новой мыслью. – Может быть, мой сон начался перед дверью, а не за дверью? Может, не было ни прихожей, ни лестницы, как не было ни кровати с белыми и золотыми занавесками, ни портрета? Может, эти негодяи сочли меня мертвым и тихохонько оттащили в ров Тампля, чтобы сбить с толку возможных свидетелей? Тогда я, конечно, видел все остальное в бреду. Святой боже! Если это так, если это они подсунули мне видение, которое меня так волнует, мучит, убивает, то, клянусь, я выпущу кишки им всем, от первого до последнего.

– Мой дорогой сеньор, – прервал его лекарь, – коли вы желаете быстрого исцеления, вам не следует так расходиться.

– Разумеется, исключая нашего славного Сен-Люка, – продолжал Бюсси, не слушая лекаря. – Он показал себя настоящим другом. Поэтому ему первому я нанесу сегодня визит.

– Только не раньше пяти часов вечера, – заметил лекарь.

– Согласен, – ответил Бюсси. – Однако, уверяю вас, мое выздоровление пойдет быстрее, если я буду выходить в навещать друзей, а если останусь здесь в тиши и в одиночестве, болезнь может затянуться.

– Возможно, вы и правы, – согласился хирург, – ведь вы во всех отношениях не похожи на других больных. Ну что ж, действуйте по своему усмотрению, монсеньер. Я дам вам только один совет: постарайтесь, пожалуйста, чтобы вас не проткнули еще раз, прежде чем эта рана не затянется полностью.

Бюсси пообещал сделать все, что будет в его силах, оделся, приказал подать носилки и отправиться во дворец Монморанси.

Глава 4.

О ТОМ, КАК БЫВШАЯ ДЕВИЦА ДЕ БРИССАК, А НЫНЕ ГОСПОЖА ДЕ СЕН ЛЮК ПРОВЕЛА СВОЮ ПЕРВУЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ

Луи де Клермон, более известный под именем Бюсси д'Амбуаз, которого Брантом, его кузен, причислял к великим полководцам XVI века, был красивым мужчиной и образцом благородства. С древних времен ни один смертный не одерживал более славных побед. Короли и принцы наперебой домогались его дружбы. Королевы и принцессы сберегали для него свои самые благосклонные улыбки. Бюсси унаследовал от де Ла Моля нежную привязанность Маргариты Наваррской, и добрая королева, обладавшая любвеобильным сердцем и, после уже описанной нами смерти своего избранника, несомненно нуждавшаяся в утешении, натворила ради отважного красавца Бюсси д'Амбуаза столько безумств, что даже встревожила Генриха, своего супруга, хотя всем известно, как мало значения придавал король Паваррский женским выходкам. Известно также, что герцог Анжуйский никогда не простил бы Бюсси любовь сестры, если бы не считал, что эта любовь побудила нашего героя стать его, герцога, приверженцем. И на этот раз Франсуа снова пожертвовал своим чувством в угоду глухому и нерешительному честолюбию, которое должно было причинить ему так много неприятностей в жизни и принести так мало плодов.

Но в гуще военных подвигов, честолюбивых замыслов и любовных интриг Бюсси сохранял душу, недоступную человеческим слабостям: он не ведал страха, да и любви ему не довелось испытать, по крайней мере до того дня, с которого мы начали наше повествование. Его сердце – он сам называл его сердцем императора, оказавшимся в груди простого дворянина, – сохраняло девственную чистоту и было подобно алмазу, только что извлеченному на свет божий из недр шахты, где он вызревал, и еще не прошедшему через руки гранильщика. Но в сердце Бюсси не было места помыслам, которые и в самом деле могли бы привести нашего героя на императорский трон. Он полагал себя достойным короны, на был достоин чего-то большего, и корона служила ему только мерилom жизненного успеха.

Сам Генрих III предложил Бюсси свою дружбу, однако Бюсси отклонил королевскую милость, сказав, что друзьям короля приходится быть его слугами, а может, кое-чем и похуже, а такие условия ему, Бюсси, не подходят. Генриху III пришлось молча проглотить обиду, усугубленную еще и тем, что Бюсси выбрал себе в покровители герцога Анжуйского. Впрочем, последний был повелителем Бюсси в той же мере, в коей владелец зверинца может считаться повелителем льва. Ведь хозяин зверинца лишь обслуживает и кормит благородного зверя, дабы тот не растерзал его самого. Вот таким был и Бюсси, которого Франсуа использовал как орудие расправы со своими личными недругами. Бюсси понимал это, но подобная роль его устраивала.

Бюсси выбрал себе девиз, напоминающий девиз Роганов, гласивший: «Королем я не

могу быть, принцем – не хочу, Роган я семь». Бюсси говорил себе: «Я не могу быть королем Франции, но герцог Анжуйский хочет и может им быть, я буду королем герцога Анжуйского».

И в самом деле он был им.

Когда люди Сен-Люка увидели, что ко дворцу Монморанси приближаются носилки этого ужасного Бюсси, они со всех ног бросились предупредить господина де Бриссака.

– Что, господин де Сен-Люк у себя? – осведомился Бюсси, высовывая голову из-за занавесок.

– Нет, сударь, – сказал привратник.

– А где он сейчас?

– Не знаю, сударь, – отвечал достойный страж. – Нынче у нас во дворце никто места себе не находит. Господин де Сен-Люк со вчерашнего вечера не возвращался домой.

– Да неужели! – воскликнул удивленный Бюсси.

– Все так, как я имел честь вам доложить.

– Ну, а госпожа де Сен-Люк?

– О! Госпожа де Сен-Люк – это другое дело.

– Она-то дома?

– Да.

– Передайте, что я буду счастлив, ежели она позволит мне лично засвидетельствовать ей свое почтение.

Спустя пять минут посланец вернулся и сообщил, что госпожа де Сен-Люк будет рада видеть господина де Бюсси.

Бюсси слез с бархатных подушек и поднялся по парадной лестнице. Жанна де Косее вышла к неожиданному гостю и встретила его посередине парадной залы.

Она была смертельно бледна, черные, как вороново крыло, волосы придавали этой бледности желтоватый оттенок, подобный цвету слоновой кости; глаза покраснели от треволнений бессонной ночи, а на щеке можно было заметить серебристый след еще не высохшей слезы. Бледность лица хозяйки дома вызвала у Бюсси улыбку, и он даже начал было складывать мадригал в честь стыдливо опущенных глазок, но приметы глубокого горя, явственно различимые на лице молодой женщины, заставили его прервать импровизацию.

– Добро пожаловать, господин де Бюсси, – приветствовала гостя Жанна, – хотя, я думаю, вы появились здесь не с добрыми вестями.

– Соблаговолите объясниться, сударыня, – попросил Бюсси. – Каким образом ваш покорный слуга может быть недобрым вестником в этом доме?

– Ах, но разве минувшей ночью вы не дрались на дуэли с Сен-Люком? Ведь я права? Признайтесь.

– Я, с Сен-Люком? – удивленно переспросил Бюсси.

– Да, с Сен-Люком. Он покинул меня, чтобы поговорить с вами. Вы держите сторону герцога Анжуйского, он – короля. Вот вы и поссорились. Не скрывайте от меня ничего, господин де Бюсси, умоляю вас. Вы должны понять мои страхи. Он уехал с королем, это верно, но ведь он мог проводить короля и где-нибудь встретиться с вами. Скажите мне правду, что случилось с господином де Сен-Люком?

– Сударыня, – сказал Бюсси, – поистине, я не верю своим ушам. Я ждал, что вы поинтересуетесь, оправился ли я после ранения, а вы мне учиняете допрос с пристрастием.

– Сен-Люк вас ранил? Значит, он дрался с вами! – воскликнула Жанна. – Ах, вы сами видите...

– Да нет же, сударыня, он не дрался, наш дорогой Сен-Люк. Во всяком случае, дрался не со мной, никоим образом не со мной, и, благодарение богу, это не он меня ранил. Больше того, он сделал все возможное, чтобы спасти меня от этой раны. Впрочем, ведь он сам должен был вам рассказать, что отныне мы с ним вроде как Дамоп и Пифий.

– Он сам! Но как же он мог мне что-нибудь рассказать, если с тех пор я его больше не видела.

– Вы его больше не видели? Значит, привратник не солгал?

– Что он вам сказал?
– Что господин де Сен-Люк вышел из дому в одиннадцать часов и не вернулся...
Значит, с одиннадцати часов ночи вы не видели своего супруга?

– Увы, не видела.
– Но где он может быть?
– – Вот об этом я у вас и спрашиваю.
– Черт побери! Расскажите мне все по порядку, сударыня, – сказал Бюсси, уже начавший подозревать причину внезапного исчезновения Сен-Люка, – это просто прелестно...

Бедная женщина взглянула на него, оцепенев от изумления.

– Нет, нет. Я хотел сказать – это весьма прискорбно, – поправился Бюсси. – Я потерял много крови и поэтому иногда заговариваюсь и несу черт знает какой вздор. Поведайте же мне эту горестную историю. Прошу вас, сударыня, говорите.

И Жанна рассказала все, что ей было известно: как Генрих III приказал Сен-Люку сопровождать его королевскую особу в Лувр, и как двери Лувра закрылись, и как начальник караула сказал, что из дворца больше никто не выйдет, и как действительно в ту ночь из королевского дворца никто больше не вышел.

– Прекрасно, – сказал Бюсси. – Я понимаю.
– Как! Вы понимаете?
– Да. Его величество увез Сен-Люка в Лувр, и, войдя в Лувр, Сен-Люк уже не смог оттуда выбраться.

– А кто его не пустил?
– Проклятие! – сказал Бюсси в затруднении. – Вы требуете от меня разглашения государственной тайны.

– Но ведь я сама ходила туда, в Лувр, и мой отец тоже.
– Ну и как?
– Часовые нам ответили, что они не понимают, чего мы хотим, по их словам, Сен-Люк должен был уже вернуться домой.

– Это еще раз убеждает меня в том, что господин де Сен-Люк в Лувре, – сказал Бюсси.

– Вы так думаете?
– Я в этом уверен, и если вы пожелаете, вы тоже сможете в этом удостовериться.
– Каким образом?
– Увидеть своими собственными глазами.
– Разве это возможно?
– Вне всякого сомнения.
– Но если я явлюсь во дворец, меня отошлют обратно, как один раз уже отослали, и с теми же самыми словами, которые я уже слышала. Если он там, то почему меня к нему не пускают?

– Я спрашиваю – вы хотите проникнуть в Лувр?
– Но для чего?
– Увидеть Сен-Люка.
– Ну, а если его там нет?
– – Э, смерть Христова, я вам говорю – он там.
– Как все это странно!
– Нет, это по-королевски.
– Но вы-то сами, разве вы можете войти в Лувр?
– Конечно. Ведь я не жена Сен-Люка.
– Вы меня искушаете.
– Решайтесь. Пойдемте со мной.
– Как вас понять? Вы говорите, что жене Сен-Люка вход в Лувр воспрещен, а сами хотите ее туда ввести.

– Ни в коем случае, сударыня. Я хочу взять с собой вовсе не жену Сен-Люка. Женщину! Вот еще!

– Значит, вы смеетесь надо мной, а я в таком горе. Как это жестоко с вашей стороны!

– Что вы, любезная графиня, прошу вас – выслушайте меня. Вам двадцать лет, вы высокого роста, у вас черные глаза и стройная талия, вы очень похожи па самого юного из моих пажей... На того милого мальчика, которому вчера вечером так к лицу была золотая парча, понимаете?

– Ах, какой стыд, господин де Бюсси, – краснея, воскликнула Жанна.

– Послушайте, я располагаю только этой возможностью, других у меня нет. Надо либо прибегнуть к ней, либо отказаться от нее. Вы хотите видеть вашего дорогого Сен-Люка? Да или нет?

– О! За свидание с ним я отдала бы все на свете.

– Ладно. Я обещаю свести вас с ним и ничего не прошу от вас взамен.

– Да.., но...

– Я вам объяснил, как это произойдет.

– Ну хорошо, господин де Бюсси, я сделаю все, как вы хотите. Только предупредите, пожалуйста, вашего юношу, что мне потребуется один из его костюмов и что я пришлю за ним служанку.

– Не надо присылать. Я велю показать мне новехонькие наряды, которые я заказал для своих бездельников, чтобы они могли блеснуть на балу у королевы-матери. Тот костюм, который, по моему разумению, больше всего подойдет к вашей фигуре, я отошлю вам. А потом мы встретимся в каком-нибудь условленном месте, ну, например, нынче вечером на углу улиц Сент-Оноре и Прувэр, и оттуда...

– Оттуда?

– Ну да. Оттуда мы с вами отправимся прямехонько в Лувр.

Жанна рассмеялась и протянула Бюсси руку.

– Простите мои подозрения, – сказала она.

– Охотно. Вы дадите мне возможность сыграть знатную штуку, которая развеселит всю Европу. Это я ваш должник, сударыня.

И, раскланявшись с молодой женщиной, он поспешил в свой дворец, заняться приготовлением к маскараду.

Вечером, в условленный час, Бюсси и госпожа де Сен-Люк встретились у заставы Сержан. Бюсси не узнал бы молодую женщину, не будь она одета в костюм его собственного пажа. В мужском наряде Жанна была очаровательна. Обменявшись несколькими словами, сообщники направились к Лувру.

В конце Фосе-Сен-Жермен-лЮксеруа им встретилась довольно многочисленная толпа, которая заняла всю улицу и загородила проход.

Жанна испугалась. Бюсси по факелам и аркебузам узнал людей герцога Анжуйского, впрочем, и самого герцога нетрудно было распознать по буланому коню и по белому бархатному плащу, который он любил надевать при выездах в город.

– Ну вот, – сказал Бюсси, обращаясь к Жанне, – вы боялись, мой милый паж, что вас не пустят в Лувр. Теперь будьте спокойны, вы вступите туда с музыкой. – Эй, монсеньер! – воззвал он к герцогу Анжуйскому во всю мощь своих легких.

Крик Бюсси пролетел над улицей, не затерявшись в нестройном гуле голосов и конском топоте, и достиг высочайшего слуха.

Принц повернул голову.

– Это ты, Бюсси, – обрадованно воскликнул он, – а мне сказали, ты ранен насмерть. И по этому случаю я сейчас направляюсь к тебе на улицу Гренель.

– Честное слово, монсеньер, – ответил Бюсси, даже не подумав поблагодарить принца за проявленное к нему внимание, – я остался жив только благодаря самому себе. По правде сказать, монсеньер, вы меня засунули в отменный капкан и бросили там на произвол судьбы. Вчера после бала у Сен-Люка я угодил в настоящую резню. Кроме меня, никого из

анжуйцев там не было, и, по чести, мне чуть было не выпустили всю кровь, какая только есть в моем теле.

– Смертью клянусь, Бюсси, они за нее дорого заплатят, за твою кровь. Я их заставлю пересчитать каждую каплю.

– Ну да, все это на словах, – с присущей ему развязностью возразил Бюсси, – а на деле вы по-прежнему будете расточать улыбки перед любым из них, кто попадется вам навстречу. Хоть бы, улыбаясь, вы им клыки показывали, а то ведь вы всегда плотно сжимаете губы.

– Ладно, ладно, – сказал принц, – ты пойдешь со мной в Лувр и сам увидишь.

– Что я увижу, монсеньер?

– Увидишь, как я буду говорить с моим братом.

– Послушайте, монсеньер, я не пойду в Лувр, если эта прогулка сулит мне какое-нибудь новое оскорбление.

Сносить оскорбления – это годится для принцев крови и для миньонов.

– Будь спокоен. Я принял твою рану близко к сердцу.

– Но обещаете ли вы мне полное удовлетворение?

– Клянусь, ты останешься доволен. Ну что, ты все еще колеблешься?

– Монсеньер, я вас так хорошо изучил.

– Сказано тебе, пойдем; об этом заговорят.

– Вот ваше дело и сделано, – шепнул Бюсси на ухо графине. – Между обоими милыми братцами, которые терпеть не могут друг друга, начнутся бурные препирательства, а вы тем временем разыщете своего ненаглядного муженька.

– Ну как, – спросил герцог, – решился ты наконец? Может быть, ждешь, пока я не поручусь своим словом принца!

– О нет, – сказал Бюсси, – ваше слово принесет мне несчастье. Ну ладно, будь что будет, я иду с вами, и пусть попробуют меня оскорбить – я сумею отомстить за себя.

И Бюсси занял свое обычное место возле принца; новый паж неотступно шагал за ним, словно привязанный к своему господину.

– Тебе самому мстить за себя! Да ни в коем случае! – сказал принц в ответ на угрозу, прозвучавшую в словах Бюсси. – Это не твоя забота, мой храбрый рыцарь. Я сам позабочусь о возмездии. Послушай, – добавил он вполголоса, – я знаю, кто пытался тебя убить.

– Ба! – воскликнул Бюсси. – Неужто ваше высочество потрудились произвести розыски?

– Я их видел.

– То есть как это? – спросил удивленный Бюсси.

– Да так. Я сам столкнулся с ними у Сент-Антуанских ворот. Они на меня там напали и чуть было не закололи вместо тебя. Я и не подозревал, что это тебя они подстерегают, разбойники... Иначе...

– Ну и что иначе?

– А твой новый паж был с тобой в этой передрыге? – спросил принц, оставив свою угрозу незаконченной.

– Нет, монсеньер, – сказал Бюсси, – я был один; а вы, монсеньер?

– Я? Со мной был Орильи. А почему ты был один?

– Потому что я хотел сохранить репутацию храброго Бюсси, которой меня наградили.

– И они тебя ранили? – спросил принц, с обычной для него быстротой отвечая выпадом на полученный удар.

– Послушайте, – сказал Бюсси, – я не хотел бы даивать им повод для ликования, но мне достался отличный удар шпагой, бедро продырявлено насквозь.

– Ах, негодяи! – возмутился принц. – Орильи был прав, они и в самом деле умышляли недоброе.

– Вы видели засаду, и с вами был Орильи, который владеет шпагой почти так же

виртуозно, как лютней, и Орильи предупредил ваше высочество, что эти люди умышляют недоброе, и вас было двое, а их только пятеро! Почему же вы не задержались, не пришли мне на выручку?

– Проклятие! Чего ты хочешь? Ведь я не знал, кого они ждут в этой засаде.

– «Сгинь, нечистая сила!», как говаривал король Карл Девятый при виде друзей короля Генриха Третьего. Но вы не могли не подумать, что они хотят заполучить кого-то из ваших друзей, а так как в Париже один я осмеливаюсь называться вашим другом, то нетрудно было угадать, кого они ждут.

– Пожалуй, ты прав, мой дорогой Бюсси, – сказал Франсуа, – мне это как-то не пришло в голову.

– Да что уж там... – вздохнул Бюсси, словно у него не хватило слов для выражения всего, что он думал о своем покровителе.

Они прибыли в Лувр. Герцог Анжуйский был встречен у ворот капитаном и стражниками. Капитан имел строгий приказ – никого не впускать в Лувр, но, само собой разумеется, этот приказ не распространялся на первое лицо в государстве после короля. Поэтому принц вместе со своей свитой вступил под арку подъемного моста.

– Монсеньер, – обратился к принцу Бюсси, видя, что они вошли уже в главный двор, – отправляйтесь поднимать шум у короля и не забудьте, что обязались мне клятвой, а сам я пойду скажу два слова одному моему приятелю.

– Ты меня покидаешь, Бюсси? – забеспокоился Франсуа, которому присутствие его любимца придавало смелости.

– Так надо, но пусть это вас не смущает, будьте уверены, в самый разгар переполоха я появлюсь. Кричите, монсеньер, кричите, черт побери! Надрывайте глотку так, чтобы я вас слышал, ведь вы понимаете, если ваш голос до меня не донесется, я не приду к вам на подмогу, И, воспользовавшись тем, что герцог вошел в парадную валу, Бюсси проскользнул в боковую дверь, за ним последовала Жанна.

Бюсси был в Лувре как у себя дома. Он поднялся по потайной лестнице, прошел два или три безлюдных коридора и оказался в некоем подобии передней.

– Ждите меня здесь, – сказал он Жанне.

– Ах, боже мой, вы меня бросаете одну! – всполошилась молодая женщина.

– Так надо, – ответил Бюсси. – Я должен разведать дорогу и подготовить ваш выход на сцену.

Глава 5.

О ТОМ, ЧТО ПРЕДПРИНЯЛА БЫВШАЯ ДЕВИЦА ДЕ БРИССАК, НЫНЕ ГОСПОЖА ДЕ СЕН-ЛЮК, ДАБЫ ПРОВЕСТИ СВОЮ ВТОРУЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ НЕ ТАК, КАК ОНА ПРОВЕЛА ПЕРВУЮ

Бюсси направился в столь любимую некогда Карлом IX оружейную палату, после нового распределения луврских покоев ставшую опочивальней короля Генриха III, который украсил комнату по своему вкусу. Карл IX, король-охотник, король-кузнец, король-поэт, собрал в ней олени рога, аркебузы, манускрипты, книги и ручные тиски. Генрих III велел установить два ложа из шелка и бархата и развесить по стенам фривольные картинки, реликвии, освященные папой скапулеры, мешочки с ароматическими веществами, привезенные с Востока, и коллекцию превосходных фехтовальных рапир.

Бюсси знал, что Франсуа испросил у своего брата аудиенцию в галерее, а значит, короля в опочивальне нет; ему также было известно, что смежная с опочивальней комната, которую прежде занимала кормилица короля Карла IX, теперь отведена под спальню очередного королевского фаворита. А так как Генрих III отличался непостоянством в своих привязанностях, то в этом помещении побывали в последовательном порядке Сен-Мегрен, Можирон, д'О, д'Эпернон, Келюс и Шомберг. По предположению Бюсси, сейчас там должен был обитать Сен-Люк, к которому, как мы уже видели, король воспылал нежностью столь

сильной, что даже решился похитить своего любимчика у его законной супруги.

Генрих III был странным созданием, он сочетал в себе поверхностность и глубокомыслие, трусость и отвагу. Всегда скучающий, всегда возбужденный, всегда мечтательный, он вечно искал развлечений: днем любил шум, движение, игры, физические упражнения, шутовство, маскарады, интриги, ночью ему нужны были яркий свет, болтовня, молитвы или оргии. Генрих являл собой, быть может, единственный образчик такого человеческого типа в нашем современном мире. Этому античному гермафродиту следовало родиться в одном из городов Востока, среди немых рабов, евнухов, янычаров, философов и софистов, тогда его царствование ознаменовало бы некую промежуточную эпоху между Нероном и Гелиогабалом, время утонченного разврата и неведомых доселе безумств.

Итак, Бюсси, заподозрив, что Сен-Люка держат в бывшей комнате кормилицы, постучал в двери передней, общей для этой комнаты и для королевской опочивальни.

Капитан гвардейцев отворил ему.

– Господин де Бюсси! – удивленно воскликнул он.

– Да, он самый, любезный господин де Нанси. Я послан от короля к господину де Сен-Люку.

– Прекрасно, – ответил офицер. – Известите господина де Сен-Люка, что к нему пришли от короля, Через оставшуюся полуотворенной дверь Бюсси бросил взгляд своему пажу.

Затем, снова повернувшись к господину де Нанси, спросил:

– Что он там делает, бедняга Сен-Люк?

– Играет в карты с Шико в ожидании короля, который сейчас дает аудиенцию герцогу Анжуйскому по просьбе его высочества.

– Не позволите ли вы моему пажу обождать меня здесь? – спросил Бюсси у начальника караула.

– А почему бы нет? – ответил капитан.

– Входите, Жан, – обратился Бюсси к молодой женщине.

И показал рукой на оконную нишу, куда Жанна и поспешила укрыться.

Едва она успела забиться в нишу, как появился Сен-Люк. Господин де Нанси деликатно отошел на расстояние, не позволявшее ему слышать разговор, – Чего еще хочет от меня король? – насупившись, спросил Сен-Люк. – Ах, это вы, господин де Бюсси?

– Собственной персоной, милейший Сен-Люк, и прежде всего... – тут Бюсси понизил голос, – прежде всего благодарю за услугу, которую вы мне оказали.

– Ах, – сказал Сен-Люк, – право, не стоит благодарности. Мне было не по себе при мысли, что такого храбреца зарежут, словно кабана. Но ведь я полагал, вы уже на том свете.

– Меня чуть-чуть туда не отправили; однако надо сказать, что в таких делах «чуть-чуть» имеет большое значение.

– А как вам удалось уцелеть?

– С Шомбергом и д'Эперноном я расквитался прелестным ударом шпаги и, по моему разумению, вернул им долг с лихвой. Ну а Келюс должен благодарить кости своего черепа. У него оказался самый крепкий череп из всех, которым до сих пор доводилось подвернуться мне под руку.

– Ах, расскажите мне, пожалуйста, все во всех подробностях. Это меня развлечет, – сказал Сен-Люк, зевая с риском вывихнуть себе челюсть.

– К сожалению, сейчас у меня нет времени, мой дорогой Сен-Люк. К тому же я пришел сюда совсем по другому делу. Вы здесь очень скучаете, не правда ли?

– По-королевски, этим все сказано.

– Вот и отлично, я пришел подразвлечь вас. Черт побери! Услуга за услугу.

– Вы правы, услуга, которую вы мне оказываете, никак не меньше той, что вам оказал я. От скуки умирают так же хорошо, как и от шпаги; тянется это подольше, но зато выходит вернее.

– Бедный граф! – посочувствовал Бюсси. – Я вижу, вы здесь па положении узника.

– И самого настоящего. Король полагает, что его может развлечь только такой весельчак, как я. Король слишком добр, так как со вчерашнего дня я скорчил ему больше гримас, чем его обезьяна, и наговорил больше дерзостей, чем его шут.

– Ну что ж, посмотрим. Может быть, настал и мой черед вам услужить? Что бы вы хотели?

– Конечно, – сказал Сен-Люк, – вы могли бы посетить мой дом или, точнее говоря, дом маршала де Бриссака и успокоить бедную малютку, несомненно она в большой тревоге, и мое поведение кажется ей весьма и весьма подозрительным.

– И что ей сказать?

– Э, проклятие! Опишите ей все, что вы видели, скажите, что я узник, запертый в четырех стенах, и общаться со мной можно только через окошечко, что со вчерашнего дня король неустанно твердит мне о дружбе, как Цицерон, который о ней писал, и о добродетели, как Сократ, а кстати сказать, Сократ и на самом деле был добродетельным.

– И что вы ему на это отвечаете? – смеясь, спросил Бюсси.

– Смерть Христова! Я ему отвечаю, что, если говорить о дружбе, я неблагодарная свинья, а что касается добродетели, то я убежденный распутник, но все напрасно – король, тяжело вздыхая, упорно продолжает бубнить свое: «Ах, Сен-Люк, неужели дружба – всего лишь призрак? Ах, Сен-Люк, неужели добродетель – всего лишь пустой звук?» Впрочем, надо отдать ему справедливость, раз сказав все это по-французски, он тут же все повторяет уже по-латыни, а затем произносит в третий раз по-гречески.

При этом выпад паж, на которого Сен-Люк не обращал никакого внимания, рассмеялся.

– А что вы хотите, мой друг? Он пытается вас растрогать. *Bis repetita placent*² и тем более *ter*³. И это все, чем я могу вам служить?

– Ах, боже мой, да; боюсь, что это все.

– Ну тогда я уже выполнил ваше поручение.

– То есть как?

– Я угадал, что с вами случилось, и уже заранее все растолковал вашей супруге.

– И что она сказала?

– Поначалу не хотела мне верить, но, – добавил Бюсси, скользнув взглядом по оконной нише, – я надеюсь, она в конце концов сдастся перед очевидностью. Итак, попросите у меня чего-нибудь другого, чего-нибудь трудного, даже невозможного, я буду счастлив выполнить любую вашу просьбу.

– Тогда, мой дорогой друг, ссудите часа на два гиппогрифа у славного рыцаря Астольфа, приведите его сюда под мое окно, я вскочу на его круп сзади вас, и вы меня отвезете к моей жене. А потом, коли вздумается, можете лететь на луну.

– Дорогой друг, – сказал Бюсси, – можно все сделать гораздо проще: я приведу гиппогрифа к вашей супруге и доставлю ее сюда, к вам.

– Сюда?

– Конечно, сюда.

– В Лувр?

– В самый Лувр. Разве это не кажется вам еще более забавным? Отвечайте!

– Смерть Христова! Безусловно.

– И вы перестанете скучать?

– Даю слово, перестану.

– Ибо здесь вы во власти смертной скуки, не правда ли? Вы мне жаловались на скуку.

– Спросите у Шико. С сегодняшнего утра он мне опостылел, и я предложил ему

² Повторять дважды хорошо (лат.)

³ Трижды (лат.)

обменяться парочкой ударов на шпагах. Этот бездельник рассердился так уморительно, что я чуть со смеху не лопнул. Хорошо еще, я человек незлобивый, и все же если так будет продолжаться дальше, то либо я его заколю, чтобы малость порассеяться, либо он меня.

– Чума на вашу голову! Этим не шутят, вы знаете, что Шико превосходный фехтовальщик. Вы томитесь в своей тюрьме, но подумайте – в гробу вам будет еще скучнее.

– Честное слово, вот в этом я не уверен.

– Полноте, – с улыбкой сказал Бюсси. – Хотите, я оставлю вам своего пажа?

– Мне?

– Да, вам. Это прелестный мальчик.

– Спасибо, – сказал Сен-Люк, – пажи мне противны. Король предложил допустить ко мне любого моего пажа, но я отказался. Предложите вашего мальчика королю, который устраивает свой дом. Что до меня, то, когда я выберусь отсюда, я буду жить как на Зеленом празднестве в замке Шенонсо: меня будут обслуживать одни женщины, и я сам подберу для них костюмы.

– Ба! – настаивал Бюсси. – А все же попробуйте.

– Бюсси, – с досадой сказал Сен-Люк, – с вашей стороны нехорошо так издеваться надо мной.

– Ну, уступите мне, сделайте милость.

– Ни за что.

– Говорю вам, я знаю, чего вам недостает.

– Нет, нет и нет. Тысячу раз нет.

– Эй, паж! Подойдите сюда!

– Смерть Христова! – воскликнул Сен-Люк. Паж покинул свое убежище и приближался к ним, весь пунцовый от смущения.

– О! О! – прошептал Сен-Люк. Узнав Жанну в костюме пажа де Бюсси, он потерял дар речи.

– Ну как, – осведомился Бюсси, – отослать его обратно?

– Нет, истинный бог, нет! – воскликнул Сен-Люк. – Ах, Бюсси, Бюсси, клянусь вам в вечной дружбе!

– Не забывайте, Сен-Люк, что если вас и не слышат, то все же на вас смотрят.

– Ваша правда, – отозвался Сен-Люк.

И уже сделав два стремительных шага к жене, он отпрянул на три шага назад. Действительно, господин де Нанси, удивленный весьма выразительной пантомимой, которую невольно разыграл Сен-Люк, начал было прислушиваться к их разговору, но тут мысли капитана отвлек сильный шум, донесшийся из застекленной галереи.

– Ах, боже мой! – воскликнул господин де Нанси. – Видно, его величество изволит гневаться на кого-то.

– Очень похоже на это, – подхватил Бюсси, изобразив на лице испуг. – Но на кого? Неужели на герцога Анжуйского, с которым я пришел в Лувр?

Капитан поправил шпагу на бедре и двинулся к галерее, откуда, сквозь своды и стены, доносились возбужденные голоса.

– Ну, скажите, разве я не хорошо все устроил? – спросил Бюсси.

– А что там происходит? – поинтересовался Сен-Люк.

– Король и герцог Анжуйский рвут друг друга на куски. Это должно быть прелюбопытнейшее зрелище; я мчусь туда, чтобы ничего не пропустить. А вы воспользуйтесь суматохой, но только не вздумайте бежать. Все равно это бесполезно, король вас из-под земли достанет. Лучше спрячьте сего благолепного отрока, которого я вам оставляю, куда-нибудь в безопасное место. Есть у вас потайной шалаш?

– Найдется, клянусь богом, а впрочем, если бы и не нашелся, я бы его сам построил. По счастью, я прикидываюсь больным и не выхожу из спальни, – В таком случае прощайте, Сен-Люк. Сударыня, не забывайте меня в своих молитвах.

И Бюсси, как нельзя более довольный шуткой, которую ему удалось сыграть с

Генрихом III, вышел из королевской передней и направил свои стопы в галерею, где король, багровый от гнева, убеждал герцога Анжуйского, белого от ярости, что главным зачинщиком событий прошлой ночи был Бюсси.

– Я вас заверяю, государь, – горячился герцог Анжуйский, – д'Эпернон, Шомберг, д'О, Можирон и Келюс подкарауливали его у Турнельского дворца.

– Кто вам это сказал?

– Я их сам видел, государь. Собственными глазами видел.

– В крошечной тьме, не правда ли? Ночью было темно, как в печке.

– Ну я распознал их не по лицам.

– А тогда почему же вы их распознали? По спинам, что ли?

– Нет, государь, по голосам.

– Они с вами говорили?

– Если бы только говорили! Они меня приняли за Бюсси и напали на меня.

– На вас?

– Да, на меня.

– А что за нелегкая вас понесла к Сент-Антуанским воротам?

– Какое это имеет значение?

– Хочу знать, и все тут. Нынче у меня разыгралось любопытство.

– Я шел к Манасесу.

– К Манасесу, к еврею!

– А вы-то небось навещаете Руджиери, отравителя.

– Я волен навещать кого вздумается. Я – король.

– Вы не отвечаете, а отмахиваетесь от ответа.

– Как бы то ни было, я повторяю: их вызвал на это Бюсси.

– Бюсси?

– Да.

– Где же?

– На балу у Сен-Люка.

– Бюсси вызвал сразу пятерых? Полноте! Бюсси – храбрец, но он не сумасшедший, – Клянусь смертью Христовой! Вам говорят – я лично был свидетелем его поведения. И потом – Бюсси еще не на такое способен. Вы тут мне его невинным агнцем расписали, а он ранил Шомберга в ляжку, д'Эпернона в руку, а Келюса чуть не уложил па месте.

– В самом деле? – приятно удивился герцог. – А вот об этом он умолчал. При первой встрече не премину его поздравить.

– А я, – сказал король, – я никого не намерен поздравлять, но я примерно накажу этого забияку.

– Тогда я, – возразил герцог, – я, на которого ваши друзья замахиваются, не только нападая на Бюсси, но и дерзая поднять руку непосредственно на мою особу, тогда я наконец узнаю, действительно ли я ваш брат и действительно ли никто во Франции, кроме вашего величества, не имеет права смотреть мне прямо в лицо и не опустить глаза, если не из почтения, то хотя бы из страха.

В эту минуту, привлеченный громкими, срывающимися на крик голосами обоих братьев, появился Бюсси в нарядном костюме из зеленого атласа с розовыми бантами.

– Государь, – сказал он, отвесив Генриху III глубокий поклон, – позвольте засвидетельствовать вам мое нижайшее почтение.

– Клянусь богом! Вот и он! – воскликнул Генрих.

– Ваше величество, мне послышалось, что вы оказали мне высокую честь, упомянув мое имя? – спросил Бюсси.

– Да, – ответил король, – рад вас видеть, ибо что бы там мне ни говорили, но ваше лицо пышет здоровьем.

– Государь, доброе кровопускание весьма освежает кожу, и поэтому нынче вечером я должен выглядеть особенно свежим.

– Ну хорошо, если на вас напали, сеньор де Бюсси, если вас покалечили, обратитесь ко мне с жалобой, и я вас рассужу.

– Позвольте, государь, – сказал Бюсси, – на меня по нападали, меня не калечили, мне не на что жаловаться.

Генрих остолбенел от изумления и уставился на герцога Анжуйского.

– А вы что мне говорили? – спросил он.

– Я сказал, что у Бюсси сквозная рана в бедре от удара шпагой.

– Это правда, Бюсси?

– Поскольку брат вашего величества так утверждает, значит, это правда. Первый принц крови не может лгать.

– И, получив удар шпагой в бедро, вы ни на кого не жалуетесь? – сказал Генрих.

– Я стал бы жаловаться, государь, только в том случае, если бы мне отрубили правую руку, чтобы я не смог отомстить сам за себя, да и тогда, – добавил неисправимый дуэлянт, – я, по всей вероятности, рассчитался бы с обидчиком левой рукой.

– Наглец, – пробормотал Генрих.

– Государь, – обратился к нему герцог Анжуйский, – вы только что толковали о правосудии. Ну что ж, окажите нам правосудие, ничего другого мы не просим. Велите учинить расследование, назначьте судей, и пусть они определяют, кто устроил засаду и кто готовил убийство.

Генрих покраснел.

– Нет, – ответил он, – я и на этот раз предпочел бы не знать, кто прав, кто виноват, и объявить всем полное помилование. Я хотел бы примирить этих заклятых врагов, но, к сожалению, Шомберга и д'Эпернона раны удерживают в постели. Впрочем, господин герцог, кто из моих друзей, по-вашему, был самым неистовым? Скажите, вам это нетрудно определить, ведь, по вашим словам, они и на вас нападали.

– По-моему, Келюс, государь, – сказал герцог Анжуйский.

– Даю слово, вы правы, – сказал Келюс. – Я не прятался за чужие спины, ваше высочество тому свидетель.

– Раз так, – провозгласил Генрих, – пускай господин де Бюсси и господин де Келюс помиряются от лица всех участников.

– О! – воскликнул Келюс. – Что это значит, государь?

– Это значит: я хочу, чтобы вы обнялись с господином де Бюсси, обнялись здесь, на моих глазах, и немедленно.

Келюс нахмурился.

– В чем дело, синьор? – прогнусавил Бюсси, повернувшись к Келюсу и размахивая руками в подражание бурной жестикуляции итальянца Панталоне. – Неужели вы откажете мне в этой милости?

Выходка была столь неожиданной и Бюсси вложил в нее столько шутовского усердия, что даже король рассмеялся. Тогда Бюсси приблизился к Келюсу.

– Давай, Монсу, – сказал он, – такова воля короля. – И обвил руками шею миньона.

– Надеюсь, эта церемония нас ни к чему не обязывает? – прошептал Келюс на ухо Бюсси.

– Не волнуйтесь, – также шепотом ответил Бюсси. – Рано или поздно, но мы встретимся.

Весь красный и растрепанный, Келюс, дрожа от ярости, отпрянул назад.

Генрих нахмурил брови, но Бюсси, все еще изображая Панталоне, сделал пируэт и покинул залу совета.

Глава 6.

О ТОМ, КАК СОВЕРШАЛСЯ МАЛЫЙ ВЕЧЕРНИЙ ТУАЛЕТ КОРОЛЯ ГЕНРИХА III

После этой, начавшейся трагедией и закончившейся комедией, сцены, отголоски которой, подобно эху, вылетели из Лувра и распространились по всему городу, король в великом гневе последовал в свои покои; сопровождавший его Шико назойливо осаждал своего господина просьбами об ужине.

– Я не голоден, – бросил король, перешагивая через порог своей опочивальни.

– Возможно, – ответил Шико, – но я, я взбешен до крайности, и меня мучит желание кого-то или что-то укусить, ну хотя бы зажаренную баранью ножку.

Король, сделав вид, что ничего не слышит, расстегнул свод плащ, положил его на постель, снял шляпу, приколотую к волосам длинными черными булавками, и швырнул на кресло. Затем устремился в переднюю, в которую выходила дверь из комнаты Сен-Люка, смежной с королевской опочивальней.

– Жди меня здесь, шут, – приказал он, – я вернусь.

– О, не спеши, сын мой, – сказал Шико, – не торопись. Мне бы даже хотелось, – продолжал он, прислушиваясь к удаляющимся шагам Генриха, – чтобы ты подольше там оставался и дал бы мне время подготовить тебе маленький сюрприз.

Когда шум шагов совсем затих, Шико открыл дверь в переднюю и крикнул: «Эй, кто там есть!» Подбежал слуга.

– Король изменил свое решение, – сказал Шико, – он велел подать сюда изысканный ужин на две персоны, для пего и для Сен-Люка. И советовал особое внимание обратить на вино. Теперь поторапливайтесь.

Слуга повернулся на каблуках и со всех ног помчался выполнять приказ Шико, ничуть не сомневаясь, что он исходит от самого короля.

Тем временем Генрих III, как мы уже говорили, прошел в комнату, отведенную Сен-Люку; последний, будучи предупрежден о королевском визите, лежал в постели и слушал, как читает молитвы старик слуга, следовавший за ним в Лувр и разделивший его заточение. В углу, на позолоченном кресле, опустив голову па руки, глубоким сном спал паж, приведенный Бюсси.

Одним взглядом король охватил всю эту картину.

– Что это за юноша? – подозрительно спросил он у Сен-Люка.

– Разве вы забыли, ваше величество? Заперев меня здесь, вы милостиво разрешили мне вызвать одного из моих пажей.

– Да, конечно, – ответил Генрих.

– Ну, я и воспользовался вашим дозволением, государь.

– Ах, вот как!

– Ваше величество раскаиваетесь в том, что даровали мне это развлечение? – осведомился Сен-Люк.

– Нет, сын мой, нет. Напротив. Забавляйся, сделай милость. Как ты себя чувствуешь?

– Государь, – сказал Сен-Люк, – меня сильно лихорадит.

– Оно и видно. У тебя все лицо пылает, мой мальчик. Пощупаем пульс, ты знаешь, ведь я кое-что смыслю в медицине.

Сен-Люк неохотно протянул руку.

– Ну, да, – сказал король, – пульс прерывистый, возбужденный.

– О государь, – простонал Сен-Люк, – я и вправду серьезно болен.

– Успокойся. Я пришлю к тебе моего придворного врача.

– Благодарствуйте, государь, я не выношу Мирона.

– Я сам буду ухаживать за тобой.

– Государь, я не допущу...

– Я прикажу постелить мне постель в твоей спальне, Сен-Люк. Мы проболтаем всю ночь, у меня накопилась уйма всякой всячины, которой я хотел бы с тобой поделиться.

– Ах! – в отчаянии воскликнул Сен-Люк. – Вы называете себя человеком, сведущим в медицине, вы называете себя моим другом и хотите мне помешать выспаться. Клянусь смертью Христовой, лекарь, у вас странная манера обращаться с вашими пациентами!

Клянусь смертью Христовой, государь, вы как-то уж слишком по-своему любите своих друзей!

– Как! Ты хочешь остаться наедине со всеми твоими страданиями?

– Государь, со мной Жан, мой паж.

– Но он спит.

– Вот потому-то я и предпочитаю, чтобы за мной ухаживали слуги; по меньшей мере, они не мешают мне спать.

– Ну хоть позволь мне вместе с ним бодрствовать у твоего изголовья, клянусь, я заговорю с тобой, только если ты проснешься.

– Государь, я просыпаюсь злющий как черт, и надо очень привыкнуть ко мне, чтобы простить все глупости, которые я наболтаю перед тем, как окончательно прийти в себя.

– Ну хотя бы приди побудь при моем вечернем туалете.

– А потом мне будет дозволено вернуться к себе и лечь в постель?

– Ну само собой.

– Коли так, извольте! Но предупреждаю, я буду жалким придворным, даю вам слово. Меня уже сейчас чертовски клонит ко сну.

– Ты волен зевать, сколько тебе вздумается.

– Какой деспотизм! – сказал Сен-Люк. – Ведь в вашем распоряжении все остальные мои приятели.

– Как же, как же! В хорошеньком они состоянии. Бюсси отделал их лучше некуда. У Шомберга продырявлена ляжка, у д'Эпернона запястье разрезано, как испанский рукав. Келюс все еще не может прийти в себя после вчерашнего удара эфесом шпаги по голове и сегодняшних объятий. Остаются д'О – а он надоел мне до смерти – и Можирон, который вечно на меня ворчит. Ну, пошли, разбуди этого спящего красавца, в пусть он тебе подаст халат.

– Государь, не соизволит ли ваше величество покинуть меня на минуту?

– Для чего это?

– Уважение...

– Ну, какие пустяки.

– Государь, через пять минут я буду у вашего величества.

– Через пять минут, согласен. Но не более пяти минут, ты слышишь, а за эти пять минут припомни для меня какие-нибудь забавные истории, и мы постараемся посмеяться.

С этими словами король, получивший половину того, что он хотел получить, вышел, удовлетворенный тоже наполовину.

Дверь еще не успела закрыться за ним, как паж внезапно вострепнулся и одним прыжком очутился у портьеры.

– Ах, Сен-Люк, – сказал он, когда шум королевских шагов затих, – вы меня снова покидаете. Боже мой! Какое мучение! Я умираю от страха. А что, если меня обнаружат?

– Милая моя Жанна, – ответил Сен-Люк, – Гаспар, который перед вами, защитит вас от любой нескромности. – И он показал ей на старого слугу.

– Может быть, мне лучше уйти отсюда? – краснея, предложила молодая женщина.

– Если таково ваше неперемное желание, Жанна, – печально проговорил Сен-Люк, – я прикажу проводить вас во дворец Монморанси, ибо только мне одному воспрещается покидать Лувр. Но если вы будете столь же добры, сколь вы прекрасны, если вы отыщете в своем сердце хоть какие-то чувства к несчастному Сен-Люку, пусть хотя бы простое расположение, вы подождете здесь несколько минут. У меня невыносимо разболится голова, нервы, внутренности, королю надоест видеть перед собой такую жалкую фигуру, и он отошлет меня в постель.

Жанна опустила глаза.

– Ну хорошо, – сказала она, – я подожду, но скажу вам, как король: не задерживайтесь.

– Жанна, моя ненаглядная Жанна, вы восхитительны. Положитесь на меня, я вернусь к вам, как только предоставится малейшая возможность. И, знаете, мне пришла в голову одна

мысль, я ее хорошенько обдумаю и, когда вернусь, расскажу вам.

– О том, как выбраться отсюда?

– Надеюсь.

– Тогда идите.

– Гаспар, – сказал Сен-Люк, – не пускайте сюда никого. Через четверть часа закройте дверь на ключ и ключ принесите мне в опочивальню короля. Потом отправляйтесь во дворец Монморанси и скажите, чтобы там не беспокоились о госпоже графине, а сюда возвращайтесь только завтра утром.

Эти распоряжения, которые Гаспар выслушал с понимающей улыбкой, пообещав выполнить все в точности, вызвали на щеках Жанны новую волну яркого румянца.

Сен-Люк взял руку своей жены и запечатлел на ней нежный поцелуй, затем решительными шагами направился в комнату Генриха, который начинал уже выказывать беспокойство.

Оставшись одна, Жанна, вся дрожа от нервного напряжения, укрылась за пышными складками балдахина кровати, притаившись в уголке постели. Мечтая, волнуясь, сердясь, новобрачная машинально вертела в руках сарбакан и тщетно пыталась найти выход из нелепого положения, в которое она попала.

При входе в королевскую опочивальню Сен-Люка оглушил терпкий, сладострастный аромат, пропитавший все помещение. Ноги Генриха утопали в ворохах цветов, которым срезали стебли из боязни, как бы они – не приведи бог! – не побеспокоили нежную кожу его величества: розы, жасмин, фиалки, левкои, несмотря на холодное время года, покрывали пол, образуя мягкий, благоухающий ковер.

В комнате с низким, красиво расписанным потолком, как мы уже говорили, стояли две кровати, одна из них – особенно широкая, хотя и была плотно придвинута изголовьем к стене, занимала собой чуть ли не третью часть помещения.

На шелковом покрывале этой кровати красовались шитые золотом мифологические персонажи, они изображали историю Кеня, или Кениды, превращавшегося то в мужчину, то в женщину, и, как можно себе представить, для изображения этой метаморфозы художнику приходилось до предела напрягать свою фантазию. Балдахин из посеребренного полотна оживляли различные фигуры, вышитые шелком и золотом; ту его часть, которая, примыкая к стене, образовывала изголовье постели, украшали королевские гербы, вышитые разноцветными шелками и золотой канителью.

Окна были плотно закрыты занавесями из того же шелка, что и покрывало постели, этой же материей были обиты все кресла и диваны. С потолка, посередине комнаты, на золотой цепи свисал светильник из позолоченного серебра, в котором пылало масло, источавшее тонкий аромат. Справа у постели золотой сатир держал в руке канделябр с четырьмя зажженными свечками из розового воска. Эти ароматические свечи, по толщине не уступавшие церковным, вместе со светильником довольно хорошо освещали комнату.

Король восседал на стуле из черного дерева с золотыми инкрустациями, поставив босые ноги на цветочный ковер. Он держал на коленях семь или восемь маленьких щенят-спанелей, их влажные мордочки нежно щекотали королевские ладони. Двое слуг почтительно разбирали на пряжи и завивали подобранные сзади, как у женщины, волосы короля, его закрученные кверху усы, его редкую клочковатую бородку. Третий слуга осторожно накладывал на лицо его величества слой жирной розовой помады, приятной на вкус и источающей невероятно соблазнительный запах.

Генрих сидел, закрыв глаза, и с величественным и глубокомысленным видом индийского божества позволял производить над своей особой все эти манипуляции.

– Сен-Люк, – бормотал он, – где же Сен-Люк? Сен-Люк вошел. Шико взял его за руку и подвел к королю.

– Держи, – сказал он Генриху III, – вот он, твой дружок Сен-Люк. Прикажи ему помазаться или, правильнее сказать, вымазаться твоей помадой, ибо, если ты не примешь этой необходимой предосторожности, случится беда: либо тебе, пахнущему так хорошо, будет

казаться, что он дурно пахнет, либо ему, который ничем не пахнет, будет казаться, что ты слишком уж благоухаешь. Ну-ка, подайте сюда гребенки и притирания, – добавил Шико, располагаясь в большом кресле напротив короля, – я тоже хочу помазаться.

– Шико! Шико! – воскликнул Генрих. – У вас очень сухая кожа, она потребует изрядного количества помады, а ее и для меня-то едва хватает; ваши волосы так жестки, что мои гребешки поломают о них все зубья.

– Моя кожа высохла в непрерывных битвах за тебя, неблагодарный король! И кудри мои жестки только потому, что ты меня постоянно огорчаешь, и от этого они все время стоят дыбом. Однако если ты отказываешь мне в помаде для щек, то есть для моей внешней оболочки, пусть будет Так, сын мой, вот все, что я могу сказать.

Генрих пожал плечами с видом человека, не расположенного развлекаться шуточками столь низкого пошиба.

– Оставьте меня в покое, – сказал он, – вы песете вздор.

Затем повернулся к Сен-Люку.

– Ну как, сын мой, прошла твоя голова? Сен-Люк поднес руку ко лбу и испустил жалобный вздох.

– Вообрази, – продолжал Генрих, – я видел Бюсси д'Амбуаза. Ай! Сударь, – воскликнул он, обращаясь к куаферу, – вы меня обожгли.

Куафер бросился на колени.

– Вы видели Бюсси д'Амбуаза? – переспросил Сен-Люк, внутренне трепеща.

– Да, – ответил король, – можешь ты понять, как эти растяпы, которые на него впятером набросились, ухитрились упустить его из рук? Я прикажу колесовать их. Ну а если бы ты был с ними, как ты думаешь, Сен-Люк?

– Государь, вероятно, и мне посчастливилось бы не больше, чем моим товарищам.

– Полно! Зачем ты так говоришь? Ставлю тысячу золотых экю, что на каждые шесть попаданий Бюсси у тебя было бы десять. Черт возьми! Надо посмотреть, как это у тебя получается. Ты все еще дерешься на шпагах, малыш?

– Ну конечно, государь.

– Я спрашиваю, часто ли ты упражняешься в фехтовании.

– Почти ежедневно, когда здоров, но когда болен я ни на что не гожусь.

– Сколько раз тебе удавалось задеть меня?

– Мы фехтовали примерно наравне, государь.

– Да, но я фехтую лучше Бюсси. Клянусь смертью Христовой, сударь, – сказал Генрих брадобрею, – вы мне оторвете ус.

Брадобреи упал на колени.

– Государь, – попросил Сен-Люк, – укажите мне лекарство от болей в сердце.

– Ешь побольше, – ответил король.

– О государь, мне кажется, вы ошибаетесь.

– Нет, уверяю тебя.

– Ты прав, Валуа, – вмешался Шико, – я и сам испытываю сильные боли не то в сердце, не то в желудке, не знаю точно где, в потому выполняю твое предписание.

Тут раздались странные звуки, словно часто-часто защелкала зубами обезьяна.

Король обернулся и взглянул па шута.

Шико, в одиночку проглотив обильный ужин, заказанный им на двоих от имени короля, весело лязгая зубами, что-то поглощал из чашки японского фарфора.

– Вот как! – воскликнул Генрих. – Черт возьми, что вы там делаете, господин Шико?

– Я принимаю помаду внутрь, – ответил Шико, – раз уж наружное употребление мне запрещено.

– Ах, предатель! – возмутился король и так резко дернул головой, что намазанный помадой палец камердинера угодил ему прямо в рот.

– Ешь, сын мой, – с важностью проговорил Шико. – Я не такой деспот, как ты; наружное или внутреннее – все равно, оба употребления я тебе разрешаю.

– Сударь, вы меня задушите, – сказал Генрих камердинеру.

Камердинер упал на колени, как это проделали до него куафер и брадобрей.

– Пусть позовут капитана гвардейцев! – закричал Генрих. – Пусть немедленно позовут капитана.

– А зачем он тебе понадобился, твой капитан? – осведомился Шико. Он обмакнул палец в содержимое фарфоровой чашки и хладнокровно обсасывал его.

– Пусть он нанижет Шико на шпагу и приготовит из его тела, каким бы оно ни было костлявым, жаркое для моих псов.

Шико вскочил на ноги и нахлобучил шляпу задом наперед.

– Клянусь смертью Христовой! – завопил он. – Бросить Шико собакам, скормить дворянина четвероногим скотам! Добро, сын мой, пусть он только появится, твой капитан, и мы увидим.

С этими словами шут выхватил из вожен свою длинную шпагу и так потешно принялся размахивать ею перед куафером, брадобреем и камердинером, что король не мог удержаться от смеха.

– Но я голоден, – жалобно сказал он, – а этот плут один съел весь ужин.

– Ты привередник, Генрих, – ответил Шико. – Я приглашал тебя за стол, но ты не пожелал. На худой конец, тебе остался бульон. Что до меня, то я уже утолил свой голод и иду спать.

Пока шла эта словесная перепалка, появился старик Гаспар и вручил своему господину ключ от комнаты.

– И я тоже иду, – сказал Сен-Люк. – Я чувствую, что больше не могу держаться на ногах, еще немного – и я нарушу всякий этикет и в присутствии короля свалюсь в нервном припадке. Меня всего трясет.

– Держи, Сен-Люк, – сказал король, протягивая молодому человеку двух своих щенков, – возьми их с собой, непременно возьми.

– А что прикажете с ними делать?

– Положи их с собой в постель, болезнь оставит тебя и перейдет па них.

– Благодарствую, государь, – сказал Сен-Люк, водворяя щенков обратно в корзину. – Я не доверяю вашим предписаниям.

– Ночью я навещу тебя, Сен-Люк, – пообещал король.

– О, ради бога, не утруждайте себя, государь, – взмолился Сен-Люк. – Вы можете меня разбудить внезапно, а говорят, от этого случается эпилепсия.

С этими словами Сен-Люк отвесил королю поклон и вышел из комнаты. Пока дверь не закрылась, король в знак дружеского расположения усердно махал вслед ему рукой.

Шико исчез еще раньше.

Двое или трое придворных, присутствовавших при вечернем туалете короля, в свою очередь, покинули опочивальню.

Возле короля остались только слуги. Они наложили на его лицо маску из тончайшего полотна, пропитанную благовонными маслами. В маске были прорезаны отверстия для носа, глаз и рта. На лоб и уши короля почтительно натянули шелковый колпак, украшенный серебряным шитьем.

Затем короля облекли в ночную кофту из розового атласа, стеганного на вате и подбитого шелком, на руки натянули перчатки из кожи, такой мягкой, что на ощупь ее можно было принять за шерсть. Перчатки доходили до локтей, изнутри они были покрыты слоем ароматного масла, придававшего им особую эластичность, секрет которой нельзя было разгадать, не вывернув перчатки па-изнанку.

Когда таинство королевского туалета было завершено, Генриху вручили золотую чашу с крепким бульоном, но, прежде чем поднести этот сосуд ко рту, он отлил половину бульона в другую чашу, точную копию той, что держал в руках, и приказал отнести ее Сен-Люку и пожелать ему доброй ночи.

Затем настала очередь бога, с которым в тот вечер Генрих, несомненно в силу своей

чрезмерной занятости, обошелся довольно небрежно. Он ограничился тем, что наскоро пробормотал одну-единственную молитву и даже не прикоснулся к освященным четкам. Затем он велел раскрыть постель, окропленную кориандром, ладаном и корицей, и улегся.

Умостившись на многочисленных подушках, Генрих приказал убрать цветочный настил, от которого в комнате стало душно. Чтобы проветрить помещение, на несколько секунд распахнули окна. Затем в мраморном камине запылали сухие виноградные лозы, пышный и яркий огонь мгновенно вспыхнул и тут же угас, но по всей опочивальне разлилось приятное тепло.

Тогда слуги задернули все занавески и портьеры и впустили в комнату огромного пса, королевского любимца, которого звали Нарцисс. Одним прыжком Нарцисс вскочил на королевское ложе, потоптался на нем, повертелся и улегся поперек постели в ногах у своего хозяина.

Последний слуга, оставшийся в комнате, задул свечи из розового воска в руках золотого сатира, притушил свет ночника, сменив фитиль на более узкий, и, в свою очередь, на цыпочках вышел из опочивальни.

И вот уже король Франции, став спокойнее, беспечнее, беспамятнее праздных монахов своего королевства, засевших в тучных монастырях, забыл о том, что на свете есть Франция.

Он уснул.

Полчаса спустя бодрствовавшие в галереях часовые, которым с их постов были видны занавешенные окна королевской опочивальни, заметили, что светильник в ней погас и серебристое сияние лупы заменило на стеклах окрашивавший их изнутри нежный розоватый свет. Часовые подумали, что его величество крепко спит.

И тогда умолкли все шумы внутри и снаружи Лувра, и в его сумрачных коридорах можно было услышать полет даже самой осторожной летучей мыши.

Глава 7.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГЕНРИХ III НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ОКАЗАЛСЯ ОБРАЩЕННЫМ, ХОТЯ ПРИЧИНЫ ОБРАЩЕНИЯ ОСТАЛИСЬ НЕИЗВЕСТНЫ

Два часа прошло спокойно.

Вдруг тишину разорвал леденящий душу вопль. Он исходил из опочивальни его величества. Однако ночник по-прежнему был потушен, во дворце стояла все та же глубокая тишина и не раздавалось ни одного звука, кроме этого страшного крика короля.

Ибо кричал король.

А потом послышался стук падающей мебели, звон фарфора, разлетающегося на мелкие осколки, и торопливые, тревожные шаги человека, который, обезумев, мечется из угла в угол, и новый вопль, сопровождаемый собачьим лаем. Тогда повсюду вспыхнули огни, в галереях заблестели шпаги, и мраморные колонны задрожали от тяжелой поступи заспанной стражи.

– К оружию! – гремело со всех сторон. – К оружию! Король зовет! На помощь королю! Скорей!

И в одно мгновение капитан гвардейцев, полковник швейцарцев, придворные, дежурные аркебузиры ворвались в королевскую опочивальню, и два десятка факелов разом осветили темную комнату.

Кресло опрокинуто, на полу осколки фарфора, постель смята, простыни и одеяла разбросаны по всему полу, а возле кровати – Генрих, нелепый и жуткий в своем ночном одеянии, волосы – дыбом, выпученные глаза вперились в одну точку.

Правая рука короля протянута вперед и трепещет, как лист на ветру.

Левая рука судорожно вцепилась в рукоятку бессознательно схваченной шпаги.

Пес, взбудораженный не меньше своего хозяина, смотрит на короля, широко расставив лапы, и жалобно завывает.

Казалось, Генрих окаменел от ужаса; люди, вбежавшие в опочивальню, не смели нарушить это оцепенение и только переглядывались и ждали, охваченные страшной тревогой.

И тут в комнату влетела полуодетая, закутанная в широкий плащ, юная королева Луиза Лотарингская; отчаянные вопли супруга разбудили это белокурое и нежное создание, которое вело на грешной земле беспорочную жизнь святой.

– Государь, – обратилась она к королю, вся трясаясь от страха, – что случилось? Боже мой! До меня донеслись ваши крики, и вот я прибежала.

– Ни.., ни.., ничего... – пробормотал король, все еще уставившись в одну точку; казалось, он различает в воздухе какой-то призрак, видимый только ему одному.

– Но ваше величество кричали, – настаивала королева. – Значит, ваше величество страдает.

Ужас был так отчетливо выражен на лице короля, что постепенно сообщился всем собравшимся в опочивальне. Одни отступили к стене, другие придвинулись к королю и пожирали его глазами, пытаясь удостовериться, не ранен ли он, не поразила ли его молния, не укусил ли какой-нибудь ядовитый гад.

– О государь! – воскликнула королева. – Небом вас заклинаю, не держите нас в таком страхе. Может быть, позвать вам лекаря?

– Лекаря? – мрачно переспросил Генрих. – Нет, тело мое здорово, это душа, это дух мой страждет... Нет, не лекаря.., исповедника.

Придворные переглянулись, обшарили глазами двери, занавески, паркет, потолок...

Но нигде не осталось ни малейшего следа от невидимого призрака, который так напугал короля.

После того как тщетность поисков стала очевидной, любопытство удвоилось: мрак тайны сгустился – король потребовал исповедника.

Тотчас же гонец вскочил на коня, и тысячи искр рассыпались по мощеному двору Лувра. За каких-нибудь пять минут Жозефа Фулона, аббата монастыря святой Женеьевы, разбудили, вытащили из постели и доставили к королю.

С появлением духовника сумятица улеглась и восстановилась тишина. Все задавали друг Другу вопросы, строили догадки, находили объяснения, но главным образом дрожали от страха... Король исповедуется!

На утро после ночного переполоха король поднялся первым и распорядился запереть все входы и выходы и никого не впускать во дворец, кроме его духовника.

Затем он приказал позвать к нему казначея, продавца воска, церемониймейстера, взял свой молитвенник в черном переплете и принялся читать молитвы, потом прервал чтение, занялся было вырезыванием фигурок святых, но вдруг и это занятие бросил и приказал созвать всех миньонов.

Выполнять этот приказ начали с Сен-Люка, но Сен-Люк мучился сильнее, чем когда-либо. Он изнывал, он был раздавлен смертельной усталостью. Болезнь довела его до полного изнеможения, вызвала сонливость; прошлой ночью он впал в глубокий сон, похожий на летаргию, и, единственный во всем дворце, ничего не слышал, хотя от королевской опочивальни его отделяла только тонкая стенка. Поэтому он испросил дозволения остаться в постели, пообещав прочесть столько молитв, сколько будет угодно королю.

Когда Генриху рассказали, какие муки испытывает несчастный Сен-Люк, он перекрестился и приказал послать к бедному страдальцу королевского аптекаря.

Затем король распорядился доставить в Лувр из монастыря святой Женеьевы все дисциплины, служащие для бичевания. Одетый во все черное, он прошел перед строем своих миньонов – перед хромающим Шомбергом, перед д'Эперноном с рукой на перевязи, перед Келюсом, который все еще не пришел в себя, перед дрожащими от страха д'О и Можироном, прошел, раздавая им плети и наставляя своих любимчиков безжалостно бичевать самих себя и друг друга.

Д'Эпернон попросил освободить его от бичевания, ссылаясь на раненую руку, которая не позволит ему достойно отвечать на полученные удары, что, несомненно, внесет

разлад в общую гармонию.

Но Генрих ответил, что такое покаяние будет еще угоднее богу.

Он пожелал сам подать пример благочестивого рвения. Снял камзол, колет, рубашку и принялся хлестать себя по плечам с усердием святого великомученика. Шико хотел было, по своей обычной привычке, посмеяться и отделаться шуточками, но, перехватив свирепый взгляд короля, уразумел, что время не для шуток. Тогда он, как и все остальные, взял дисциплину и принялся за дело с той лишь разницей, что бичевал не себя, а своих соседей, а если поблизости не оказывалось ничьей спины, то сбивал отшелушившуюся краску с колонн и со степ.

В этой суматохе лицо короля понемногу приняло более спокойное выражение, однако на нем все еще отражалась какая-то гнетущая тайная дума.

Неожиданно Генрих бросился вон из опочивальни, приказав миньонам не прекращать бичевания в его отсутствие. Но стоило двери за них захлопнуться, и все дисциплины опустились, как по мановению волшебной палочки. Только Шико продолжал хлестать д'О, которого он недолюбливал. Д'О старательно отвечал шуту той же монетой. Это был настоящий поединок на плетках.

Генрих устремился в покои королевы. Он преподнес в дар своей супруге жемчужное ожерелье стоимостью в двадцать пять тысяч экю, обнял ее и расцеловал в обе щеки – обряд, который ему не случалось проделывать уже более года, – а потом попросил Луизу снять с себя все драгоценности и надеть власяницу.

Луиза Лотарингская, всегда кроткая и покладистая, тотчас же согласилась. Она лишь спросила, почему ее возлюбленный супруг подарил ей жемчужное ожерелье, раз он желает, чтобы она нарядилась в рубище.

– Во искупление моих грехов, – ответил Генрих.

Такой ответ удовлетворил королеву, так как она лучше всех остальных знала, какое великое множество грехов должен искупить ее муж. Луиза выполнила желанно Генриха, и он покинул покои королевы, назначив ей встречу в своей опочивальне.

При появлении короля бичевание возобновилось. Д'О и Шико, не прекращавшие обмениваться ударами, были покрыты кровью. Король похвалил их за усердие и назвал своими единственными настоящими друзьями.

Спустя десять минут вошла королева, одетая во власяницу. Тут же всему двору были розданы свечи, и придворные щеголи и щеголихи, а также добрые парижане, благоговейно преданные своему королю и святой деве, невзирая па непогоду, направились на Монмартр, ступая босыми ногами по льду и снегу. Поначалу все они дружно дрожали от холода, но вскоре многих согрели яростные удары, которые Шико щедро раздавал тем, кто имел несчастье оказаться в пределах досягаемости его плетки.

Д'О признал себя побежденным и держался на расстоянии доброй полусотни шагов от Шико.

К четырем часам дня мрачное шествие закончилось, монастыри получили богатые пожертвования, у всего двора распухли ноги, со спин куртизанов была содрана кожа, королева появилась на всеобщее обозрение в одной рубашке из небеленого холста, король – с четками в виде черепов. И слез, и воплей, и молитв, и ладана, и песнопений – всего было вдоволь.

Как видите, денек выдался просто на славу.

Действительно, чтобы угодить королю, все покорно терпели холод и удары плетей, и никто не мог угадать, почему их повелитель, еще позавчера весело носившийся в танце, нынче с таким самозабвением предавался унылому долу покаяния и умерщвления плоти.

Гугеноты, лигисты и вольнодумцы, смеясь, глазели, как движется покаянное шествие, и, будучи по природе своей гнусными злопыхателями, осмеливались отпускать ядовитые замечания – дескать, прошлый раз процессия была куда внушительней, да и к бичеванию кающиеся относились с большей ответственностью, – хотя эти утверждения совершенно не соответствовали истине.

Генрих вернулся в Лувр голодный, с плечами, исполосованными синими и

багровыми рубцами. Во время шествия он ни на шаг не отходил от королевы и, пользуясь каждой передышкой, каждой остановкой процессии возле какой-нибудь часовни, сулил ей новые и новые подарки или строил планы совместного паломничества к святыням.

Что касается Шико, то, устав размахивать плеткой и проголодавшись от этого непривычного физического упражнения, на которое его подвигнул король, он после Монмартрских ворот незаметно отделился от процессии в вместе со своим дружкой, братом Горанфло, тем самым монахом из монастыря святой Женевьевы, который собирался исповедовать Бюсси, завернул в садик одной харчевни, пользовавшейся отменной репутацией. Там приятели распили изрядное количество бутылокпряного вина и полакомились чирком, убитым в болотах Гранж-Бательер. Затем, когда процессия возвращалась обратно, Шико снова занял свое место в рядах кающихся и вернулся в Лувр, с превеликим усердием бичуя без разбора всех, кто попадется под руку – и кавалеров и дам; на его языке это называлось: «Раздавать полное отпущение грехов».

Когда стемнело, король почувствовал себя усталым от поста, от ходьбы босыми ногами по снегу, от неистовых ударов плети. Он приказал сервировать постный ужин, положить на плечи припарки, развести в камине большой огонь и отправился навестить Сен-Люка. Сен-Люк выглядел совсем здоровым и веселым.

Со вчерашнего дня король сильно переменился. Теперь он думал только о бренности всего земного, о покаянии и смерти.

– Ах! – вздохнул он с выражением человека, глубоко разочарованного. – Господь прав, делая наше существование столь горьким и тягостным.

– Но почему, государь? – спросил Сен-Люк.

– Потому что человек, устав от тягот мира сего, не страшится смерти, а, напротив, жаждет ее прихода.

– Прошу прощения, государь, – возразил Сен-Люк, – говорите только за себя самого, я вовсе не жажду смерти. Отнюдь.

– Слушай, Сен-Люк, – произнес король, сокрушенно покачивая головой, – ты поступишь правильно, ежели последуешь моему совету, более того, моему примеру.

– С превеликим удовольствием, государь, коли ваш пример мне понравится.

– Хочешь, я оставлю корону, а ты – жену, и мы вместе затворимся в какой-нибудь обители? У меня есть разрешение нашего святейшего отца. Завтра мы уже примем постриг, я буду зваться брат Генрих...

– Простите, государь, простите, но вы не дорожите своей короной, она вам уже изрядно поднадоела, иное дело моя жена – она мне очень дорога, ведь я ее совсем еще не знаю. Поэтому я не могу принять ваше предложение.

– Ох, ох, – завздыхал Генрих, – по-видимому, ты не так уж болен, как это кажется.

– Правда ваша, государь, мне весьма полегчало. Дух мой спокоен, а сердце исполнено радости. И я испытываю безумную тягу к счастью и к наслаждениям.

– Бедный Сен-Люк! – вздохнул король, складывая ладони, как на молитву.

– Это вчера, государь, нужно было ко мне обращаться с вашими предложениями, вчера. О, вчера я был капризным и угрюмым страдальцем. Из-за пустяка мог бы утопиться в колодце. Но нынче вечером все по-другому, я прекрасно провел ночь и отлично – день. Клянусь смертью Христовой! Да здравствует жизнь со всеми ее утехами!

– Ты всеу поминаешь Христа, богохульник!

– Разве я поклялся Христом, государь? Возможно. Но ведь было время – и вы им клялись, если только память мне не изменяет.

– Я клялся, Сен-Люк, но отныне я не клянусь.

– Ну, про себя я так не скажу. Я буду поминать спасителя по возможности меньше, только это я и могу вам пообещать. К тому же господь бог добр и милостив к нам, грешникам, когда грехи наши происходят от человеческих слабостей.

– Ты думаешь, бог дарует мне прощение?

– О., за вас, государь, я не поручусь, я говорю только за себя, за вашего смиренного

слугу. Чума меня возьми! Вы, вы греховодничали по-королевски, ну, а я грешил, как жалкий любитель, как частное лицо. Надеюсь, в Судный день у господина в руках будут разные весы и разные гири на них.

Король глубоко вздохнул, и забормотал «Confiteor»⁴, ударяя себя в грудь при словах «*mea culpa*»⁵.

– Сен-Люк, – спросил он, – скажи наконец, не хочешь ли ты провести ночь в моей опочивальне?

– Это зависит от того, – ответил Сен-Люк, – чем мы будем заниматься в опочивальне вашего величества.

– Мы зажжем все свечи, я лягу, а ты считаешь молитвы святым.

– Благодарствую, государь.

– Ты отказываешься?

– Такое времяпровождение меня не соблазняет.

– Ты меня покидаешь в беде, Сен-Люк, ты меня покидаешь!

– Нет. Я вас не покидаю. Отнюдь!

– Неужели?

– Коли вам так угодно.

– Конечно, мне угодно.

– Но при одном условии *sine qua non*⁶.

– Каком?

– Пусть ваше величество повелит накрыть столы, созвать придворных, и, ей-богу, мы славом потанцуем.

– Сен-Люк! Сен-Люк! – вскричал король, охваченный ужасом.

– В чем дело? – сказал Сен-Люк. – Я хочу подурочиться сегодня вечером, лично я. А у вас, государь, нет желания выпить и поплясать?

Но Генрих не отвечал. Его дух, порой столь жизнерадостный и бодрый, все больше и больше омрачался, казалось, он борется с какой-то тяготившей его тайной мыслью, так птица, к лапке которой привязан кусок свинца, не может взлететь и тщетно хлопает крыльями.

– Сен-Люк, – наконец произнес король замогильным голосом, – видишь ли ты сны?

– Да, государь, и очень часто.

– Ты веришь в сны?

– Из благоразумия.

– Как так?

– Очень просто. Сны успокаивают, утешают в житейских горестях. К примеру сказать, прошлой ночью мне снился превосходный сон.

– А именно, расскажи?

– Мне снилось, что моя жена...

– Ты все еще думаешь о своей жене, Сен-Люк?

– Более чем когда-либо.

– Ах! – сокрушенно произнес король и возвел глаза к потолку.

– Мне снилось, – продолжал Сен-Люк, – что моя жена, сохранив свое прекрасное лицо, ибо, государь, жена у меня красавица...

– Увы, да, – сказал король. – Ева тоже была красавицей, нечестивый грешник, а Ева погубила нас всех.

– Ах, вот почему вы настроены против моей жены. Но вернемся к моему сну,

⁴ Исповедуюсь (лат.)

⁵ Моя вина (лат.)

⁶ Непременном (лат.).

государь.

– Я тоже, – сказал король, – и я видел сон...

– Итак, моя жена, сохранив свое прекрасное лицо, обрела крылья и тело птицы, и вот она, пренебрегая всеми решетками и запорами, перелетает через стены Лувра и с нежным, коротким криком прижимается головкой к стеклам моего окна, и я понимаю, что этим криком она хочет сказать: «Открой мне, Сен-Люк, раствори окно, мой дорогой муженек!» – И ты открыл? – спросил король, находившийся на грани полного отчаяния.

– А как же иначе? – воскликнул Сен-Люк. – Я со всех ног бросился открывать.

– Суетный ты человек.

– Суетный, если вам так угодно, государь.

– Но тут, надеюсь, ты проснулся.

– Напротив, государь, я всячески старался не просыпаться. Уж до того хорош был сон.

– Значит, ты продолжал его видеть?

– Сколько мог, государь.

– И нынешней ночью, ты рассчитываешь..., – Конечно, рассчитываю на продолжение, и, не извольте гневаться, ваше величество, поэтому-то я и не могу принять ваше милостивое приглашение заняться чтением молитв. Если уж бодрствовать, государь, то я бы хотел по крайней мере получить взамен упущенного сновидения нечто равноценное. И как я уже говорил, если бы ваше величество сооблаговолило приказать, чтобы накрыли столы и послали за музыкантами...

– Довольно, Сен-Люк, довольно! – сказал король, поднимаясь с места. – Ты губишь себя, ты и меня погубишь, задержись я здесь у тебя еще немножко. Прощай, Сен-Люк, уповаю, что небо, вместо того бесовского сна-искусителя, ниспошлет тебе сон во спасение, такой сон, который побудил бы тебя завтра покаяться вместе с нами, и тогда мы и спасемся все вместе.

– Сомневаюсь, государь, более того, уверен, что общего спасения у нас не получится, и посему осмелюсь посоветовать вашему величеству нынче же вечером вышвырнуть за двери Лувра этого отпетого вольнодумца Сен-Люка, который решительно собирается умереть нераскаянным.

– Нет, – сказал Генрих, – нет, уповаю, что нынче ночью благодать господня осенит и тебя, подобно тому, как она сизошла на меня, грешного. Доброй ночи, Сен-Люк, я буду молиться за тебя.

– Доброй ночи, государь, а я за вас увижу сон. И Сен-Люк затянул первый куплет более чем легкомысленной песенки, которую Генрих любил напевать, когда бывал в хорошем настроении духа; знакомый мотив заставил короля ускорить отступление, он захлопнул за собой дверь комнаты Сен-Люка и вернулся к себе, бормоча:

– Господи, владыко живота моего, ваш гнев справедлив и законен, ибо мир с каждым днем делается все хуже и хуже.

Глава 8.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ БОЯЛСЯ СТРАХА, КОТОРЫЙ ОН ИСПЫТАЛ, И КАК ШИКО БОЯЛСЯ ИСПЫТАТЬ СТРАХ

Выйдя от Сен-Люка, король увидел, что его приказ уже выполнен и весь двор собрался в главной галерее.

Тогда он осыпал своих друзей кое-какими милостями: сослал в провинцию д'О, д'Эпернона и Шомберга, пригрозил отдать под суд Можирона и Келюса, если они еще раз посмеют напасть на Бюсси, Бюсси пожаловал свою руку для поцелуя, а своего брата Франсуа обнял и долго прижимал к сердцу.

К королеве он был чрезвычайно внимателен, наговорил ей тьму любезностей, и придворные даже подумали, что за наследником французского престола теперь дело не станет.

Однако обычный час отхода ко сну приближался, и нетрудно было заметить, что король, елико возможно, оттягивает свой вечерний туалет. Наконец часы в Лувре пробили десять. Генрих медленно обвел глазами придворных; казалось, он раздумывал, кому бы поручить то занятие, от которого уклонился Сен-Люк.

Шико перехватил его взгляд.

– Вот так раз! – сказал он со своей обычной бесцеремонностью. – Нынче вечером ты, мне кажется, строишь глазки, Генрих. Может быть, ты ищешь, кому бы преподнести жирное аббатство с десятью тысячами ливров дохода? Сгинь, нечистая сила! А какой лихой приор из меня выйдет! Подавай сюда твое аббатство, сын мой, подари его мне.

– Сопровождайте меня, Шико, – сказал король. – Доброй ночи, господа. Я иду спать.

Шико повернулся к придворным, подкрутил усы, принял грациозную позу и, томно закатив глаза, повторил, подражая голосу Генриха;

– Доброй ночи, господа, доброй ночи. Мы идем спать. Придворные закусили губы, король покраснел.

– Ах да, – спохватился Шико, – а где мой куафер, где мой брадобрей, где мой камердинер – и прежде всего где моя помада?

– Нет, – возразил король, – ничего этого не будет.

Начинается пост, и я приступил к покаянию.

– Ах, до чего жаль помады, – вздохнул Шико. Король и шут вошли в уже знакомую нам королевскую опочивальню.

– Так вот оно как, Генрих! – сказал Шико. – Стало быть, я в фаворе, не правда ли? Стало быть, без меня не обойдешься? Стало быть, я смазлив, смазливее этого купидона Келюса?

– Замолчи, шут! – приказал король. – А вы оставьте нас, – обратился он к слугам.

Слуги повиновались, дверь за ними закрылась, Генрих и Шико остались одни. Шико с удивлением посмотрел на короля.

– Зачем ты их отослал? – спросил он. – Ведь нас с тобой еще не умастили притираниями. Может, ты хочешь намазать меня собственноручно, своей королевской десницей? Ну что ж! Эта епитимья не хуже любой другой.

Генрих не отвечал. Они были одни, и два короля, безумец и мудрец, посмотрели в глаза друг другу.

– Помолимся, – сказал Генрих.

– Спасибо! Вот удружил! – воскликнул Шико. – Нечего сказать, приятное времяпрепровождение. Если ты за этим меня пригласил, то лучше мне вернуться обратно в ту дурную компанию, в которой я находился. Прощай, сын мой. Доброй ночи.

– Оставайтесь! – приказал король.

– Ото! – воскликнул Шико, выпрямляясь. – Кажись, мы вырождаемся в тиранию. Ты деспот! Фаларис! Дионисий! Мне здесь надоело. Нынче я целый день по твоей милости обрабатывал плеткой из бычьих жил плечи своих лучших друзей, а пришел вечер – и ты хочешь начать все с начала... Чума меня возьми! Отложим это занятие, Генрих. Нас здесь всего лишь двое, а когда двое дерутся..., каждый удар попадает в цель.

– Замолчите вы, несносный болтун, – прикрикнул на шута король, – и подумайте о своих грехах.

– Добро! Вот мы и договорились. Ты хочешь, чтобы я каялся? Ты этого от меня хочешь? Ну, а в чем мне каяться? В том, что я сделался шутком у монаха? Confiteor... Я раскаиваюсь, теа culpa... Это моя вина, это моя вина, это моя тягчайшая вина!

– Не богохульствуй, жалкий грешник, не богохульствуй, – сказал король.

– Ах, так! – воскликнул Шико. – Пусть лучше меня посадят в клетку со львами или с обезьянами, лишь бы не оставаться здесь, взаперти с королем-маньяком. Прощай, Генрих! Я ухожу.

Король схватил ключ от двери.

– Генрих, у тебя страшный вид, и предупреждаю, если ты меня не выпустишь

отсюда, я кликну людей, я буду кричать, я сломаю дверь, я разобью окно. Я!..Я!..

– Шико, – печально сказал король, – Шико, друг мой, ты пользуешься моим угнетенным состоянием.

– А-а, я понимаю, – ответил Шико, – тебе страшно остаться совсем одному, все вы, тираны, такие. Прикати построить тебе двенадцать комнат, как Дионисий, или двенадцать дворцов, как Тиберий. А пока что возьми мою шпагу и позволь мне забрать с собой ножны от нее. Согласен?

При слове «страшно» в глазах короля сверкнула молния, затем он поднялся, охваченный какой-то странной дрожью, и зашагал по комнате.

Во всем теле Генриха чувствовалось такое возбуждение, а лицо его так побледнело, что Шико подумал – уж не заболел ли король на самом деле. С испуганным видом он следил за тем, как Генрих описывает круги по комнате, и, наконец, сказал ему:

– Послушай, сын мой, что с тобой стряслось? Поделись своими страхами со мной, с твоим дружкой Шико.

Король остановился перед шутом, глядя ему прямо в глаза.

– Да, – сказал он, – ты – мой друг, мой единственный друг.

– Кстати, в аббатстве Балансе пустует место приора, – заметил Шико.

– Слушай, Шико, ты умеешь хранить тайну?

– Недостает приора и в аббатстве Питивьер, а там пекут чудесные пироги с жаворонками.

– Несмотря на твои шутовские выходки, – продолжал король, – ты человек отважный.

– Тогда зачем мне аббатство, подари мне лучше полк.

– И даже можешь дать разумный совет.

– В таком случае не надо мне твоего полка, назначь меня советником. Ах, нет, я передумал. Лучше полк или аббатство. Я не хочу быть советником. Тогда мне придется во всем поддакивать королю.

– Замолчите, Шико, замолчите, час приближается, ужасный час.

– Что на тебя опять накатило? – спросил Шико.

– Вы увидите, вы услышите.

– Что я увижу? Кого услышу?

– Подождите немного, и вы узнаете все, все, что хотите знать. Подождите.

– Нет, нет, ни за что на свете я не стану ждать. И какая бешеная блоха укусила твоего батюшку и твою матушку в ту злосчастную ночь, когда им вздумалось тебя зачать?

– Шико, ты храбрый человек?

– Да, и горжусь этим. Но я не стану подвергать мою храбрость такому испытанию. Сгинь, нечистая сила! Если король Франции и Польши вопит ночью, да так громко, что во всем Лувре поднимается переполох, то с меня-то что взять? Я человек маленький и могу даже опозорить твою опочивальню. Прощай, Генрих, позови своих капитанов, швейцарцев, привратников, аркебузиреров, а мне позволь выбраться на свободу. К дьяволу невидимую гибель! К дьяволу неведомую опасность!

– Я вам приказываю остаться, – властно произнес король.

– Клянусь честью! Вот забавный монарх, он хочет отдавать приказания страху. Я боюсь, боюсь, говорю тебе. Ко мне! На помощь!

И Шико вскочил на стол, несомненно для того, чтобы заранее занять выгодную позицию на тот случай, если объявится какая-то опасность.

– Ну, ладно, шут, раз уж иначе ты не замолчишь, я тебе все расскажу.

– Ага, – сказал Шико, потирая руки. Он осторожно слез со стола и обнажил свою длинную шпагу. – Великое дело спать заранее. Мы это все мигом распутаем. Ну, рассказывай, рассказывай, сын мой. Похоже, тут завелся крокодил, не так ли? Сгинь, нечистая сила! Клинок у меня добрый, я им каждую неделю мозоли срезаю, а мозоли у меня исключительно твердые.

И Шико удобно расположился в большом кресле, поставив перед собой обнаженную

шпагу; ноги его обвилились вокруг клинка, как две змеи – символ мира – вокруг жезла Меркурия.

– Прошлой ночью, – начал Генрих, – я спал...

– И я тоже, – подхватил Шико.

– И вдруг ощутил на лице какое-то дуновение...

– Это крокодил, он проголодался и слизывал с тебя помаду.

– Я наполовину проснулся и почувствовал, что волосы на моей бороде встали дыбом от страха.

– Ах, ты вгоняешь меня в дрожь, – сказал Шико, съежившись в кресле и опираясь подбородком на эфес шпаги.

– И тут, – проговорил король голосом настолько слабым и неуверенным, что Шико с большим трудом улавливал слова, – и тут в комнате раздался голос, и звучал он так горестно, что потряс меня до глубины души.

– Голос крокодила, да. Я читал у путешественника Марко Поло, что крокодил обладает необыкновенным голосом, он может даже подражать детскому плачу. Но успокойся, сын мой, если он явится, мы его убьем.

– Слушай хорошенько.

– А я что делаю, черт возьми? – возмутился Шико, распрямляясь, как на пружине. – Я весь превратился в слух: неподвижен, что твой пень, и нем, будто карп.

Генрих продолжал еще более мрачным и скорбным тоном:

– «Жалкий грешник!..» – сказал голос.

– Ба! – прервал короля Шико. – Голос произносил слова. Значит, это был не крокодил?

– «Жалкий грешник! – сказал голос. – Я глас господа бога твоего!» Шико подпрыгнул, затем снова расположился в кресле.

– Господа бога? – переспросил он.

– Ах, Шико, – ответил Генрих, – этот голос ужасал.

– А звучал-то он красиво? – спросил Шико. – И что, он действительно смахивал на трубный глас, как говорится в Писании?

– «Ты здесь? Ты внимлешь? – продолжал голос. – Внемлешь мне, закоренелый грешник? Ты что же, решил по-прежнему коснеть во грехе и погрязать в беззакониях?» – Скажите пожалуйста, ай-яй-яй! Однако, насколько я могу судить, глас божий, пожалуй, сходен с голосом твоего народа.

– Затем, – сказал король, – последовала добрая тысяча других попреков, которые, уверяю вас, Шико, показались мне очень жестокими.

– Ну дальше, рассказывай дальше, сын мой, расскажи, расскажи, чем тебя попрекал этот голос. Я хочу знать – хорошо ли осведомлен господь бог.

– Нечестивец! – воскликнул король. – Коли ты сомневаешься, я прикажу тебя наказать.

– Я-то? – сказал Шико. – Я не сомневаюсь, нет, но меня удивляет одно: почему господь бог ждал до этого дня, чтобы на тебя обрушиться? Неужели со времен потопа он научился терпению? Итак, сын мой, – продолжал Шико, – тебя охватил невыносимый страх.

– О да!

– И было от чего.

– Пот ручьями стекал по моему лицу, мозг застыл в костях.

– Совсем как у Иеремии, а впрочем, это вполне естественно. Ей-богу, будь я на твоём месте, со мною еще и не такое бы творилось. И тогда ты позвал на помощь?

– Да.

– И все сбежались?

– Да.

– И принялись искать?

– Повсюду.

– И доброго боженьку не нашли?
– Нет. Этот голос умолк.
– Зато раздался твой. Да-а, действительно страшно.
– Так страшно, что я позвал духовника.
– Ага! И он появился?
– Тут же.
– Послушай-ка, сын мой, будь со мной откровенен и, против своего обыкновения, скажи мне правду. Что думает об этом откровении твой духовник?
– Он содрогнулся.
– Еще бы!
– Он перекрестился; и так же, как бог, приказал мне покаяться.
– Отлично, покаяние никогда не мешает. Но о том, что тебе привиделось или, скорее, послышалось, что он сказал?
– Он сказал: это указание свыше, чудо, и нужно подумать о спасении государства.
Поэтому нынче утром я...
– Что ты сделал нынче утром, сын мой?
– Я дал сто тысяч ливров иезуитам.
– Великолепно!
– И я исполосовал ударами дисциплины свою кожу и кожу моих молодых любимцев.
– Прекрасно! И это все?
– Как это все? А ты сам что думаешь, Шико? Я не к шуту обращаюсь, а к человеку разумному, к другу.
– Ах, государь, – серьезно сказал Шико, – сдается мне, у вашего величества был кошмар.
– Ты так думаешь?
– Все это привиделось вашему величеству во сне, и сон не повторится, если ваше величество не будет забивать себе голову разными мыслями.
– Сон? – сказал Генрих, с сомнением качая головой. – Нет, нет. Я уже не спал, отвечаю тебе за это, Шико.
– Ты спал, Генрих.
– Ничуть, глаза у меня были широко открыты, – Случается, и я сплю с открытыми глазами.
– Но я этими глазами видел, а так не бывает, когда в самом деле спишь.
– Ну и что же ты видел?
– Я видел лунный свет на оконных стеклах и зловещий блеск аметиста на рукоятке моей шпаги, на том самом месте, где ты сейчас сидишь, Шико.
– А светильник, что с ним стало?
– Он погас.
– Сон, любезный мой сын, чистейший сон.
– Почему ты не веришь, Шико? Разве ты не слышал, что господь говорит с королями всякий раз, когда он собирается произвести па земле какие-нибудь великие изменения?
– Да, он с ними говорит, это правда, – сказал Шико, – но таким тихим голосом, что они его никогда не слышат, – Но почему ты не хочешь поверить?
– Потому что ты слишком хорошо все слышал.
– Ну ладно. Понимаешь теперь, почему я велел тебе остаться? – спросил король.
– Черт возьми! – ответил Шико.
– Затем, чтобы ты сам слышал, что скажет голос.
– Нет, затем, что если мне вздумается повторить то, что я услышал, люди скажут – Шико ваяет дурака. Шико – нуль, Шико – ничтожество, Шико – безумец, и что бы он там ни болтал первому встречному, все одно никто ему не поверит. Неплохо задумано, сын мой.
– Почему вам не придет в голову, мой Друг, – сказал король, – что я доверяю эту тайну вашей испытанной верности?

– Ах, не лги, Генрих, ведь если голос появится, он попрекнет тебя этой ложью. А у тебя и без того грехов выше головы. Но будь по-твоему: принимаю твое предложение. Я с удовольствием послушаю глас божий, может быть, он скажет кое-что и для меня.

– А что нам делать до тех пор?

– Лечь спать, сын мой.

– Но если...

– Никаких «если».

– И все же...

– Не думаешь ли ты, что, оставаясь на ногах, сможешь помешать гласу господню заговорить? Король превосходит своих подданных только на высоту своей короны, а когда у тебя голова не покрыта, поверь мне, Генрих, ты такого же роста, как и все остальные люди, и даже пониже кое-кого из них.

– Хорошо, – сказал король, – значит, ты остаешься со мной?

– Договорились.

– Ладно, я ложусь.

– Добро!

– Но ты, ты ведь не ляжешь?

– И не подумаю.

– Я скину только камзол.

– Как тебе угодно.

– Штаны снимать не буду.

– Правильная предосторожность.

– Ну, а ты?

– Я останусь в этом кресле.

– А ты не заснешь?

– За это не поручусь. Ведь сон, все равно что страх, сын мой, не зависит от нашей воли.

– Но по крайней мере постарайся не заснуть.

– Успокойся, я буду себя пощипывать! Впрочем, голос меня разбудит.

– Не шути с голосом, – предупредил Генрих, который уже занес было ногу над постелью, но тут же ее отдернул.

– Ну, валяй, – сказал Шико. – Ты что, ждешь, чтобы я тебя уложил?

Король вздохнул, осмотрел тревожным взглядом все углы и закоулки комнаты и, дрожа всем телом, скользнул под одеяло.

– Так, – сказал Шико, – теперь мой черед. И он растянулся на кресле, обложившись со всех сторон подушками и подушечками.

– Ну, как вы себя чувствуете, государь?

– Неплохо, – отозвался король. – А ты?

– Очень хорошо. Доброй ночи, Генрих.

– Доброй ночи, Шико, только ты не засыпай, пожалуйста.

– Чума на мою голову! Я и не собираюсь, – сказал Шико, зевая во весь рот.

И оба сомкнули глаза, король – чтобы притвориться спящим, Шико – чтобы и вправду заснуть.

Глава 9.

О ТОМ, КАК ГЛАС БОЖИЙ ОБМАНУЛСЯ И ГОВОРИЛ С ШИКО, ДУМАЯ, ЧТО ГОВОРИТ С КОРОЛЕЙ!

Минут десять король и Шико лежали молча, почти не шевелясь. Но вдруг Генрих дернулся, словно ужаленный, резко приподнялся на руках и сел на постели.

Эти движения короля и вызванный ими шум вырвали Шико из состояния сладкой дремоты, предшествующей сну, и он также принял сидячее положение.

Король и шут посмотрели друг на друга горящими глазами.

– Что случилось? – тихо спросил Шико.

– Дуновение, – еще тише ответил король, – вот оно, дуновение.

В этот миг одна из свечей в руке у золотого сатира потухла, за ней вторая, третья и, наконец, четвертая и последняя.

– Ого! – сказал Шико. – Ничего себе дуновение. Не успел он произнести последнее слово, как светильник, в свою очередь, погас, и теперь комнату освещали только последние отблески пламени, догоравшего в камине.

– Горячо, – проворчал Шико, вылезая из кресла.

– Сейчас он заговорит, – простонал король, забиваясь под одеяла. – Сейчас он заговорит.

– Послушаем, – сказал Шико.

И в самом деле, в спальне раздался хриплый и временами свистящий голос, который, казалось, выходил откуда-то из прохода между стеной и постелью короля.

– Закоренелый грешник, ты здесь?

– Да, да, господа, – отозвался Генрих, лязгая зубами.

– Ого! – сказал Шико. – Вот сильно простуженный голос. Неужели и на небесах можно схватить насморк? Но все равно это страшно.

– Ты внемлешь мне? – спросил голос.

– Да, господа, – с трудом выдавил из себя Генрих, – я внемлю, согнувшись под тяжестью твоего гнева.

– Ты думаешь, что выполнил все, что от тебя требовалось, – продолжал голос, – проделав все глупости, которыми ты занимался сегодня? Это показное – глубины твоего сердца остались незатронутыми.

– Отлично сказано, – одобрил Шико. – Все правильно.

Молитвенно сложенные ладони короля тряслись и хлопали одна о другую. Шико вплотную подошел к его ложу.

– Ну что, – прошептал Генрих, – ну что, теперь ты верить, несчастный?

– Постойте, – сказал Шико.

– Что ты затеваешь?

– Тише! Вылезай из постели, только тихо-тихо, а меня пусти на свое место.

– Зачем это?

– Затем, чтобы гнев господень обрушился сначала на меня.

– Ты думаешь, тогда он пощадит меня?

– Ручаться не могу, но попробуем. И с ласковой настойчивостью Шико вытолкнул короля из постели, а сам улегся на его место.

– Теперь, Генрих, – сказал он, – садись в мое кресло и не мешай мне.

Генрих повиновался, он начинал донимать.

– Ты не отвечаешь, – снова раздался голос, – это подтверждает твою закоснелость в грехах.

– О! Помилуй, помилуй меня, господа! – взмолился Шико, гнусава, как король.

Затем, склонившись в сторону Генриха, прошептал:

– Забавно, черт побери! Понимаешь, сын мой, господь бог не узнал Шико.

– Ну и что? – удивился Генрих. – Что ты хочешь этим сказать?

– Погоди, погоди, ты еще не то услышишь.

– Нечестивец! – загремел голос.

– Да, господа, да, – зачастил Шико, – да, я закоренелый грешник, заядлый греховодник.

– Тогда признайся в своих преступлениях и покайся.

– Признаюсь, – сказал Шико, – что вел себя как настоящий предатель по отношению к моему кузену Конде, чью жену я обольстил, и я раскаиваюсь.

– Что, что ты там мелешь? – зашептал король. – Замолчи, пожалуйста! Эта история

давно уже никого не интересуется.

– Ах, верно, – сказал Шико, – пойдем дальше.

– Говори, – приказал голос.

– Признаюсь, – продолжал мнимый Генрих, – что нагло обокрал поляков: они выбрали меня королем, а я в одну прекрасную ночь удрал, прихватив с собой все коронные драгоценности, и я раскаиваюсь.

– Ты, бездельник, – прошипел Генрих, – что ты там вспоминаешь? Все это забыто.

– Мне обязательно нужно и дальше его обманывать, – возразил Шико. – Положитесь на меня.

– Признаюсь, – загнусавил шут, – что похитил французский престол у своего брата, герцога Алансонского, которому он принадлежал по праву, после того как я, по всей форме отказавшись от французской короны, согласился занять польский трон, и я раскаиваюсь.

– Подонок, – сказал король.

– Речь идет не только об этом, – заметил голос.

– Признаюсь, что вступил в сговор с моей доброй матушкой Екатериной Медичи с целью изгнать из Франции моего шурина, короля Наваррского, предварительно поубивав всех его друзей, и мою сестру, королеву Маргариту, предварительно поубивав всех ее возлюбленных, в чем я искренне раскаиваюсь.

– Ах ты, разбойник, – гневно процедил король сквозь плотно сжатые зубы.

– Государь, не будем оскорблять всевышнего, пытаюсь скрыть от него то, что ему и без нас доподлинно известно.

– Речь идет не о политике, – сказал голос.

– Ах, вот мы и пришли, – слезливым тоном отозвался Шико. – Значит, речь идет о моих нравах, не так ли?

– Продолжай, – прогремел голос.

– Чистая правда, господа, – каялся Шико от имени короля, – я слишком изнежен, ленив, слабоволен, глуп и лицемерен.

– Это верно, – глухо подтвердил голос.

– Я плохо обращаюсь с женщинами, прежде всего с моей женой, такой достойной особой.

– Подобаает возлюбить свою жену, как себя самого, и предпочитать ее всему на свете, – наставительно изрек голос.

– Ах, – с отчаянием вскричал Шико, – тогда я порядком нагрешил.

– И ты вынуждаешь к греху других, подавая им пример.

– Это правда, чистая правда.

– Ты чуть было не погубил бедного Сен-Люка.

– Ба! – возразил Шико. – А ты уверен, господа, что я еще не погубил его окончательно?

– Нет, он еще не погиб, но может погибнуть, а вместе с ним и ты, если завтра же утром, и никак не позже, ты не отошлешь его домой, к семье.

– Ага, – прошептал Шико королю, – сдается мне, что голос дружит с домом де Косее.

– И если ты не сделаешь Сен-Люка герцогом, а его жену герцогиней в возмещение за те дни, которые ей пришлось прожить соломенной вдовой...

– А если я не послушаюсь? – сказал Шико, придав своему голосу явственную нотку несогласия.

– Если ты не послушаешься, – со страшной силой загремел голос, – то ты будешь всю вечность кипеть в большом котле, в котором уже варятся в ожидании тебя Сардананал, Навуходоносор и маршал де Рец.

Генрих III застонал. При этой угрозе его снова обуял дикий страх.

– Чума на мою голову! – выругался Шико. – Заметь, Генрих, как небеса интересуются господином де Сен-Люком. Черт меня побери, можно подумать, что добрый боженька сидит у него в кармане.

Но Генрих либо не слышал шуток Шико, либо, если он их слышал, они его не успокаивали.

– Я погиб, – растерянно твердил он, – я погиб, этот глас свыше меня убьет.

– Глас свыше! – передразнил его Шико. – Ах, на сей раз ты обманываешься. Голос сбоку, не более.

– Как это – голос сбоку? – удивился Генрих.

– Ну да, разве ты не слышишь, сын мой? Голос выходит из этой стены. Генрих, господь бог живет в Лувре. Вероятно, он, как император Карл Пятый, решил завернуть во Францию по дороге в ад.

– Безбожник! Богохульник!

– Но это большая честь для тебя, Генрих. И я приношу тебе поздравления по сему случаю. Но, должен тебе сказать, ты весьма прохладно относишься к этой чести. Подумать только! Сам господь бог, собственной персоной, находится в Лувре и отделен от тебя всего лишь одной стенкой, а ты не хочешь нанести ему визит. Что случилось, Валуа? Я тебя узнать не могу, ты стал просто невежлив.

В эту минуту какая-то хворостинка, затерявшаяся в углу камина, с треском вспыхнула и осветила лицо Шико.

Выражение этого лица было таким веселым, даже насмешливым, что король удивился.

– Как, – сказал он, – у тебя хватает наглости смеяться? Ты дерзаешь...

– Ну да, я дерзаю, – ответил Шико, – и сейчас ты и сам дерзнешь, или пусть чума меня заберет. Подумай хорошенько, сын мой, и сделай так, как я тебе говорю.

– Ты хочешь, чтобы я пошел посмотреть...

– Не приютился ли господь бог в соседней комнате.

– Ну, а если голос опять заговорит?

– А разве я не здесь и не смогу ответить? Даже очень хорошо, если я по-прежнему буду говорить от твоего имени и голос, который принимает меня за тебя, поверит, что ты остаешься в спальне, ибо он рыцарски доверчив, этот глас божий, и совсем не знает свой мир. Подумать только, я уже целые четверть часа реву здесь, как осел, а он меня все еще не распознал. Это унижительно для разумного существа.

Генрих нахмурился. Слова шута поколебали его несокрушимую веру.

– Я думаю, ты прав, Шико, – произнес он, – и мне очень хочется...

– Ну, пошел, – напутствовал его Шико, подталкивая к двери.

Генрих осторожно открыл дверь в переднюю, соединявшую опочивальню с соседней комнатой, которая, как мы это уже говорили, раньше была комнатой кормилицы Карла IX, а теперь служила спальней Сен-Люку. Король не успел сделать еще и четырех шагов, а голос уже с удвоенным жаром возобновил свои упреки. Шико отвечал на них в самом жалостливом тоне.

– Да, – гремел голос, – ты непостоянен, как женщина, изнежен, как сибарит, развращен, как язычник.

– Увы! – хныкал Шико. – Увы! Увы! Разве я виноват, великий господь, что ты сотворил мою кожу такой нежной, руки такими белыми, нос таким чувствительным, дух таким переменчивым. Но отныне с этим покончено, господи, начиная с нынешнего дня я буду носить рубашки только из грубого холста, я погребу себя в навозной яме, как Иов, я буду есть коровий помет, как Иезекииль.

Тем временем Генрих, продолжая идти по передней, с удивлением заметил, что, по мере того как голос Шико становится все глуше, голос его собеседника звучит все громче и что голос этот, по-видимому, действительно исходит из комнаты Сен-Люка.

Генрих уже собирался постучать в дверь, но тут увидел луч света, пробивающийся в широкую замочную скважину.

Он нагнулся и заглянул в эту скважину. Его бледное лицо внезапно побагровело от гнева, он выпрямился и начал протирать глаза, словно не мог им поверить и хотел получше

рассмотреть то, что увидел.

– Клянусь смертью Христовой! – пробормотал он. – Мыслимое ли дело, чтобы над мной посмели так надсмеяться?

Вот что король увидел через замочную скважину. В углу комнаты Сен-Люк, облаченный в халат и узкие панталоны, выкрикивал в трубку сарбакана угрозы, которые Генрих принимал за божье откровение, а рядом, опираясь на его плечо, стояла молодая женщина в белом прозрачном одеянии и время от времени вырывала сарбакан из рук Сен-Люка и кричала в него все, что ей приходило в голову, – всякую чепуху, которую можно было сначала прочесть в ее лукавых глазах и на ее улыбающихся устах. Каждый раз, когда сарбакан опускался, раздавались взрывы хохота, ибо было слышно, как Шико плакался и сокрушался, с таким совершенством подражая гнусавому голосу своего хозяина, что королю в передней показалось, будто это он сам причитает и скорбят душой по поводу своих прегрешений.

– Жанна де Косее в комнате Сен-Люка! Дыра в стене! Меня провели! – глухо прорычал Генрих. – О! Негодяи! Они мне дорого заплатят!

И после одной особенно оскорбительной фразы, котирую госпожа де Сен-Люк прокричала в сарбакан, Генрих отступил на шаг и с силой, неожиданной в столь женственном создании, одним ударом ноги высадил дверь: дверные петли оторвались, замок сломался.

Полуодетая Жанна со страшным криком бросилась под балдахин и закрылась шелковыми занавесками.

Сен-Люк, бледный от ужаса, с сарбаканом в руке, упал на оба колена перед королем, белым от ярости.

– Ах! – вопил Шико из глубин королевской опочивальни. – О! Милосердия! Милосердия! Спаси меня, дева Мария, спасите меня, все святые..., я слабею, я...

Но в соседней комнате все действующие лица только что описанной нами бурлескной сцены, мгновенно превратившейся в трагедию, застыли, не в силах произнести ни звука.

Генрих нарушил молчание одним словом, а оцепенение – одним жестом.

– Убирайтесь, – сказал он, указывая на дверь. И, уступив порыву бешенства, недостойному короля, вырвал сарбакан из рук Сен-Люка и замахнулся им на своего бывшего любимца. Но Сен-Люк резко вскочил на ноги, словно подброшенный стальной пружиной.

– Государь, – предупредил он, – вы имеете право ударить пеня только в голову, я дворянин.

Генрих со всего размаха швырнул сарбакан на пол. Какой-то человек наклонился и подобрал игрушку. То был Шико. Услышав грохот выломанной двери и рассудив, что присутствие посредника будет нелишним, он поспешил в комнату Сен-Люка.

Предоставив Генриху и Сен-Люку без помех выяснять свои отношения, Шико бросился прямо к балдахину, за которым явно кто-то прятался, и извлек оттуда бедную женщину, дрожавшую от страха всем телом.

– Вот так штука! – сказал Шико. – Адам и Ева после грехопадения! И ты их изгоняешь, Генрих? – спросил он, обращаясь к королю.

– Да, – ответил Генрих.

– Тогда подожди, я буду за ангела с пламенным мечом.

И, встав между Сен-Люком и королем, Шико протянул над головами обоих провинившихся сарбакан вместо пламенного меча и сказал:

– Это мой рай, вы потеряли его из-за своего непослушания. Отныне я запрещаю вам вход в него.

И потом, склонившись к Сен-Люку, который обнял свою жену, чтобы в случае надобности защитить ее от королевского гнева, шепнул:

– Если у вас есть добрый конь, загоните его, но к утру будьте в двадцати лье отсюда.

Глава 10.

О ТОМ, КАК БЮССИ ОТПРАВИЛСЯ НА ПОИСКИ СВОЕГО СНА, ВСЕ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ УБЕЖДАЯСЬ, ЧТО ЭТОТ СОН БЫЛ ЯВЬЮ

Бюсси и герцог Анжуйский возвратились из Лувра в глубокой задумчивости: герцог опасался последствий дерзкого разговора с королем, на который его подбил Бюсси, а мысли Бюсси по-прежнему витали вокруг событий прошлой ночи.

– В конце концов, – рассуждал он, направляясь к своему дворцу после того, как распрощался с герцогом, превознеся до небес его мужественное и решительное поведение, – в конце концов, вот что не подлежит сомнению: на меня напали, я защищался, меня ранили; ведь рана в правом боку все еще дает себя знать и побаливает довольно сильно. Итак, схватившись с миньонами, я видел стену Турнельского дворца и зубчатые башни Бастилии так же хорошо, как сейчас вижу там вдали крест на церкви Пти-Шан; это на площади Бастилии на меня напали, немного не доходя до Турнельского дворца, между улицей Сент-Катрин и улицей Сен-Поль, а я ехал в Сент-Антуанское предместье за письмом королевы Наваррской. На меня напали там, возле двери с окошечком, через которое, после того как дверь за мной закрылась, я смотрел на Келюса, а у того щеки были белые-белые, а глаза горели. Я оказался в прихожей; в конце прихожей была лестница. Я почувствовал первую ступеньку этой лестницы, потому что споткнулся о нее. Тогда я упал без чувств. Потом начался мой сон. Потом меня привел в сознание холодный ветер: я лежал на откосе рва у Тампля, возле меня стояли монах, мясник и еще – старуха.

Теперь, почему же обычно я начисто и очень быстро забываю сны, а этот все ярче вспыхивает в памяти, хотя время идет и та ночь все дальше и дальше от меня? Ах, – сказал Бюсси, – вот в этом загадка...

Тут он подошел к дверям своего дворца, остановился, прислонился к стене и закрыл глаза.

– Смерть Христова! – сказал он. – Невозможно, чтобы сон оставил в душе такой отчетливый след. Я вижу комнату, фигуры на гобеленах, я вижу расписной потолок, вижу кровать из резного дуба с занавесками из белого с золотом шелка, вижу портрет, вижу белокурую даму, хотя, может быть, она и не сошла с портрета, тут у меня полной ясности нет. Наконец, я вижу доброе и веселое лицо молодого лекаря, которого привели ко мне с завязанными глазами; в общем, в моей голове полным-полно всяких образов и подробностей. Перечислим еще раз: гобелены, потолок, резная кровать, занавески из белого с золотом шелка, портрет, женщина, лекарь. Ну-ка. Ну-ка! Я обязательно отправлюсь на поиски всего этого и буду последней скотиной, если не разыщу.

– А прежде всего, – закончил Бюсси, – чтобы правильно взяться за дело, наденем-ка мы костюм, более подходящий для ночного гуляки, и – к Бастилии.

Это решение вряд ли можно было назвать разумным. Ибо какой рассудительный человек, подвергнувшийся нападению в глухом закоулке и чудом избежавший смерти, отправился бы на следующий день, примерно в тот же поздний час, на поиски места происшествия? Однако Бюсси именно так и собирался поступить. Не раздумывая больше, он поднялся в свои комнаты, приказал слуге, сведущему в искусстве врачевания, которого он на всякий случай держал при себе, потуже перевязать рану, натянул высокие сапоги, доходившие до половины бедер, выбрал самую надежную шпагу, завернулся в плащ, сел в носилки, остановил их в конце улицы Руа-де-Сисиль, вылез из носилок, наказал своим людям ожидать его возвращения и зашагал по улице Сент-Антуан к площади Бастилии.

Было около девяти часов вечера. Уже пробили сигнал гасить огни. Парижские улицы пустели. Днем изредка выглядывало солнце и дул теплый ветер, поэтому все оттаяло, лужи ледяной воды и ямы, полные грязи, превратили площадь Бастилии в почти непроходимую местность, усеянную озерами и обрывами, ее огибала та прижавшаяся к стене крепости дорога, о которой мы уже говорили.

Бюсси, уяснив себе, где он находится, начал искать место, где под ним свалили коня, и, как ему показалось, нашел его. Затем он восстановил в памяти свои отступления и атаки и

воспроизвел их. Он отступил к домам и обследовал каждый фасад, надеясь найти ту дверь с нишей, к которой он прислонился, и с окошечком, через которое смотрел на Келюса. Но у всех дверей были пиши, и почти в каждой из них было прорезано окошечко, а за ним виднелась узкая темная прихожая. По воле судьбы, три четверти всех входных дверей открывались в такие прихожие, и эта предосторожность не покажется нам такой уж нелепой, если мы вспомним, что в те времена парижские буржуа не знали, что такое консьерж.

– Черт побери! – с глубокой досадой сказал Бюсси. – Пусть мне придется постучать в каждую из этих дверей и расспросить всех хозяев, пусть я истрачу тысячу экю, чтобы развязать языки всем лакеям и всем старухам, но я узнаю все, что хочу узнать. Здесь пятьдесят домов, по десять домов в вечер составит пять вечеров, и я пожертвую ими. Только придется подождать, пока земля не подсохнет.

Бюсси уже заканчивал этот монолог, когда заметил вдали колеблющийся, бледный огонек, который, отражаясь в лужах, как свет маяка в море, двигался в его сторону.

Огонек приближался медленно и неравномерно; временами останавливался, порой отклонялся – то влево, то вправо, иногда вдруг, остановившись, внезапно принимался что-то вытанцовывать, уподобляясь блуждающему огню, затем спокойно двигался вперед, но вскоре сноса брался за свои выкрутасы.

– Решительно, площадь Бастилии – необычное место, – сказал Бюсси. – Но будь что будет, подождем.

И с этими словами он устроился поудобнее: завернулся в плащ и спрятался в нишу какой-то двери. Стояла темная-претемная ночь, и за четыре шага уже ничего нельзя было различить.

Огонек продолжал приближаться, описывая самые причудливые круги. Но, поскольку Бюсси не был суеверен, он оставался в убеждении, что этот свет не принадлежит к таинственным блуждающим огням, которые внушали такой страх путникам в средние века, а исходит всего-навсего от фонаря, подвешенного к пальцам какой-то руки, а рука, в свою очередь, должна быть соединена с каким-то туловищем.

Действительно, после нескольких секунд ожидания это предположение подтвердилось. Шагах в тридцати от себя Бюсси заметил черный силуэт, длинный и тонкий, как столб, постепенно силуэт принял очертания человеческой фигуры; человек этот держал в левой руке фонарь и то вытягивал руку с фонарем перед собой, то отводил ее в сторону, то опускал к ноге. Сначала Бюсси подумал, что незнакомец принадлежит к почтенному братству пьяниц, так как только опьянением можно было объяснить его странные телодвижения и то философское спокойствие, с которым он проваливался в грязные ямы и шлепал по лужам.

Один раз он даже поскользнулся на подтаявшем льду: Бюсси услышал глухой звук, увидел, как фонарь стремительно полетел вниз, и подумал, что ночной гуляка, которого ноги плохо держат, тщетно пытается сохранить равновесие.

Бюсси уже ощущал к этому «служителю Бахуса», как назвал бы незнакомца мэтр Ропсар, тот род сочувствия, который благородные сердца испытывают к пьяницам, оказавшимся поздно ночью на улице, и чуть было не бросился ему на выручку, но тут фонарь взмыл вверх с быстротой, свидетельствующей, что его владелец обладает гораздо большей устойчивостью, чем это можно было предположить на первый взгляд.

– Ну вот, – пробормотал Бюсси, – кажется, впереди еще одно приключение.

И так как фонарь возобновил поступательное движение и, по-видимому, направлялся прямо к тому мосту, где стоял Бюсси, молодой человек плотно прижался к стене.

Фонарь приблизился еще на десять шагов, и в отбрасываемом им свете наш герой заметил удивительную вещь – у человека, который нес фонарь, на глазах была повязка.

– Ей-богу! – сказал Бюсси. – Что за дикая затея играть в «холодно-горячо» с фонарем в руке, особенно в такое время и в такую распутицу? Неужели я опять сплю и вижу сон?

Бюсси выжидал. Человек с завязанными глазами сделал еще пять или шесть шагов.

– Господи помилуй, – прошептал Бюсси, – по-моему, он разговаривает сам с собой. Нет, он не пьяница и не сумасшедший. Он математик и пытается решить какую-то задачу.

Эту последнюю мысль нашему наблюдателю навевали слова, которые бормотал человек с фонарем.

– Четыреста восемьдесят восемь, четыреста восемьдесят девять, четыреста девяносто, – тихо отсчитывал он. – Должно быть, где-то здесь.

И таинственный незнакомец, приподняв повязку, подошел к двери дома, возле которого он оказался, и тщательно ее обследовал.

– Нет, – сказал он, – дверь явно не та. Затем опустил повязку на глаза и снова зашагал, отсчитывая на ходу:

– Четыреста девяносто один, четыреста девяносто два, четыреста девяносто три, четыреста девяносто четыре... Здесь должно быть «горячо».

Он опять приподнял повязку и, подойдя к двери, соседней с той, возле которой спрятался Бюсси, осмотрел ее с не меньшим вниманием, чем первую.

– Гм! Гм! – произнес он. – Вот эта вполне подходит. Нет.., да, да.., нет.., чертovy двери, они похожи друг на друга, как две капли воды.

«К такому выводу пришел и я, – сказал себе Бюсси, – этот математик начинает внушать мне уважение».

Математик надвинул повязку на глаза и продолжал свой путь.

– Четыреста девяносто пять, четыреста девяносто шесть, четыреста девяносто семь, четыреста девяносто восемь, четыреста девяносто девять... Если напротив меня есть дверь, – сказал он, – то это и должна быть та самая...

Дверь тут действительно имелась, и это была как раз та самая, в нише которой прятался Бюсси, в результате чего, приподняв повязку, предполагаемый математик оказался лицом к лицу с нашим героем.

– Ну как? – поинтересовался Бюсси.

– Ой! – удивился любитель ночных прогулок, отступая на шаг.

– Вот тебе раз! – сказал Бюсси.

– Но это невозможно! – воскликнул неизвестный.

– Как видите, возможно, но случай и в самом деле необычный. Так, значит, вы тот самый лекарь?

– А вы тот самый дворянин?

– Тот самый.

– Иисус! Какая удача!

– Тот самый лекарь, – продолжал Бюсси, – который вчера вечером перевязал дворянина, получившего удар шпагой в бок?

– Верно.

– Все так, я вас тотчас же узнал. Должен сказать, что рука у вас нежная, легкая и в то же время очень умелая.

– Ах, сударь, я не ожидал встретить вас здесь.

– А что вы ищете?

– Дом.

– А-а, вы ищете дом? – протянул Бюсси.

– Да.

– Стало быть, вы знаете, где он?

– Как же я могу это знать? – ответил молодой человек. – Ведь мне завязали глаза, прежде чем отвести туда.

– Вас туда отвели с завязанными глазами?

– Конечно.

– Но вы уверены, что действительно приходили в этот самый дом?

– В этот или в один из соседних. В какой именно – я не уверен, поэтому я и разыскиваю...

– Прекрасно, – сказал Бюсси, – значит, все это не сон!..

– Что все? Какой сон?

– Надо вам признаться, любезный, мне казалось, что все это приключение, кроме удара шпагой, разумеется, было просто сном.

– Я вас понимаю, – сказал молодой врач, – этим вы меня не удивили, сударь.

– Почему не удивил?

– Я сам думал, что во всем этом есть какая-то тайна.

– Да, любезный, и эту тайну я хочу прояснить. Вы не откажетесь мне помочь, не правда ли?

– Разумеется.

– По рукам. По прежде всего один вопрос.

– Слушаю.

– Как вас зовут?

– Сударь, – сказал молодой лекарь, – я не стану принимать ваши слова за намеренное оскорбление. Я знаю, что, по доброму обычаю и по существующему порядку, в ответ на ваш вопрос мне подобало бы гордо вскинуть голову и, подбоченившись, спросить: «А вы, сударь, кем вы изволите быть?» Но у вас длинная шпага, а у меня только мой ланцет, у вас вид знатного дворянина, а я, промокший до костей, по пояс в грязи, я должен вам казаться каким-то проходимцем. Поэтому отвечу вам просто и чистосердечно: меня зовут Реми ле Одуэн.

– Прекрасно, сударь, тысячу раз благодарю. Что до меня, то я граф Луи де Клермон, сеньор де Бюсси.

– Бюсси д'Амбуаз! Герой Бюсси! – восторженно воскликнул юный медик. – Так вот оно что! Сударь, вы тот самый знаменитый Бюсси, тот полковник, который, который?.. О!

– Тот самый, сударь. А теперь, когда мы выяснили, кто мы такие, сделайте милость, удовлетворите мое любопытство, несмотря на то что вы весь вымокли и измазались в грязи.

– Ив самом деле, – сказал молодой человек, сокрушенно разглядывая свои короткие штаны, сплошь забрызганные грязью, – и в самом деле, мне, как Эпаминонду Фиванскому, очевидно, придется провести три дня дома, ведь в моем гардеробе всего лишь одни штаны и только один камзол. Но, простите, как мне показалось, вы сообразовали задать мне какой-то вопрос?

– Да, сударь, я хотел бы у вас спросить, как вы попали в тот дом.

– Весьма простым и в то же время очень сложным путем. Судите сами.

– Посмотрим.

– Господин граф, извините меня, я был так потрясен, что обращался к вам, не называя вашего титула.

– Какие пустяки, продолжайте.

– Господин граф, вот моя история: я живу на улице Ботрейи в пятистах двух шагах отсюда. Я бедный ученик хирурга, но, могу вас заверить, рука у меня довольно умелая.

– Я и сам имел случай в этом убедиться, – сказал Бюсси.

– Учился-то я усердно, – продолжал молодой человек, – да вот пациентов не приобрел. Меня зовут, как я уже говорил: Реми ле Одуэн; Реми – потому, что такое имя дали мне при крещении, и Одуэн – потому, что я родился в Нантей-ле-Одуэн. Семь или восемь дней тому назад за Арсеналом какого-то бедолагу как следует полоснули ножом, я зашил ему кожу на животе и очень удачно втиснул туда кишки, которые вывалились было наружу. Эта операция принесла мне некоторую известность в округе, и, видимо, благодаря ей мне посчастливилось: вчера ночью меня разбудил чей-то приятный голосок.

– Голос женщины! – воскликнул Бюсси.

– Да, но не спешите с выводами, граф, какой бы деревенщиной я ни был, все же я понял, что это голос служанки. Я их знаю, ведь мне гораздо чаще приходилось иметь дело со служанками, чем с госпожами.

– И что же вы сделали?

– Я поднялся и открыл дверь, но едва я высунул голову, как две маленькие, не слишком нежные, но и не чересчур загрубелые ручки наложили мне на глаза повязку.

– И вам при этом не сказали ни слова?

– Нет, как же, мне было сказано: «Идите со мной, не пытайтесь разглядеть, куда я вас веду, молчите, вот ваше вознаграждение».

– И этим вознаграждением?..

– Оказался кошелек с пистолетами, который вложили мне в руку.

– Ага! И что вы ответили?

– Что я готов следовать за моей очаровательной проводницей. Я не знал, очаровательна она или нет, но подумал, что маслом каши не испортишь.

– И вы последовали за ней без возражений, не требуя никаких гарантий?

– Мне часто приходилось читать в книгах о подобных историях, и я заметил, что для врача они всегда кончаются чем-нибудь приятным. Итак, я последовал за незнакомкой, как я уже имел честь вам доложить; меня вели по твердой земле, к ночи подмерзло, и я насчитал четыреста, четыреста пятьдесят, пятьсот и, наконец, пятьсот два шага.

– Хорошо, – сказал Бюсси, – это было умно с вашей стороны. И вот теперь мы, по-вашему, должны быть у той двери?

– Во всяком случае, где-то поблизости от нее, потому что на сей раз я насчитал четыреста девяносто девять шагов. Конечно, хитрая девчонка могла повести меня окольным путем, – по-моему, она была способна выкинуть со мной подобную штуку.

– Да, допустим, она позаботилась о такой предосторожности, тем не менее, будь она даже хитра, как сам дьявол, наверное, она все же сболтнула вам что-нибудь, назвала какое-то имя?

– Никакого.

– Может быть, вы сами что-нибудь заметили?

– Только то, что можно заметить пальцами, приученными в иных случаях заменять глаза, то есть – дверь, обитую гвоздями, прихожую за дверью, в конце прихожей – лестницу.

– Слева?

– Вот именно. Я даже сосчитал ступеньки.

– Сколько их было?

– Двенадцать.

– И потом сразу вход?

– Думаю, что сначала коридор: открывали три двери.

– Хорошо.

– А потом я услышал голос. Ах, на сей раз это был голос госпожи, такой нежный и мелодичный.

– Да, да. Это был ее голос.

– Конечно, ее.

– Ее, ее, клянусь вам.

– Вот уже кое-что, в чем вы можете поклясться. Дальше меня втолкнули в комнату, где лежали вы, и разрешили снять повязку.

– Все так.

– И тогда я вас увидел.

– Где я был?

– Вы лежали на постели.

– На постели с занавесками из белого шелка в золотых цветах?

– Да.

– А стены комнаты были покрыты гобеленами?

– Правильно.

– А на потолке написаны фигуры?

– Точно так, а в простенке между окнами...

– Портрет?

– Вот именно.

– Женщины в возрасте от восемнадцати до двадцати лет?

– Да.
– Блондинки?
– Да, несомненно.
– Прекрасной, как ангел?
– Еще прекрасней!
– Браво! Ну и что вы сделали?
– Я вас перевязал.
– И отлично перевязали, даю слово!
– Старался, как мог.
– Превосходно перевязали, просто превосходно, милостивый государь, сегодня утром рана почти закрылась и стала розовой.

– Это благодаря бальзаму, который я составил; на мой взгляд, он отлично действует, ибо, не зная, па ком мне его испробовать, я не раз протыкал себе кожу в самых различных местах тела, и – честное слово! – через два-три дня дырки уже затягивались.

– Любезный господин Реми, – воскликнул Бюсси, – вы замечательный человек, я полон всяческого расположения к вам... Но дальше, что было дальше? Рассказывайте.

– Дальше вы снова потеряли сознание. Голос спросил меня, как вы себя чувствуете.

– Откуда он спрашивал?

– Из соседней комнаты.

– Значит, самой дамы вы не видели?

– Нет, не видел.

– Что вы ей ответили?

– Что рана не опасна и через двадцать четыре часа затянется.

– И она была довольна?

– Ужасно. Она воскликнула: «Боже мой, какое счастье!».

– Она сказала: «Какое счастье!»? Милый господин Реми, я вас озолочу. Ну дальше, дальше.

– Вот и все, никакого дальше. Вы были перевязаны, и мне уже ничего не оставалось там делать. Голос сказал мне: «Господин Реми...» – Голос знал ваше имя?

– Конечно, все из-за того несчастного, которого проткнули ножом. Помните, я вам говорил?

– Верно, верно; итак, голос сказал: «Господин Реми...» – «Будьте до конца человеком чести, не подвергайте опасности бедную женщину, поддавшуюся чувству сострадания; завяжите себе глаза, позвольте отвести вас домой и не пытайтесь подглядывать по дороге», – Вы обещали?

– Я дал слово.

– И вы сдержали его?

– Как видите, – простодушно ответил молодой человек, – иначе я не искал бы дверь.

– Ладно, – сказал Бюсси, – это великолепная черта характера, показывающая, что вы галантный кавалер, и хотя внутри у меня все кипит от злости, я не могу не сказать: вот моя рука, господин Реми.

И восхищенный Бюсси протянул руку молодому лекарю.

– Сударь! – воскликнул пораженный Реми.

– Примите, примите ее, вы достойны быть дворянином.

– Сударь, – сказал Реми, – я вечно буду гордиться тем, что имел честь пожать руку отважному Бюсси д'Амбуазу. А пока что совесть моя неспокойна.

– Это почему же?

– В кошельке оказалось десять пистолей.

– Ну и что?

– Это слишком много для лекаря, которому больные платят за визит пять су, а то и совсем ничего не платят, и я разыскивал дом...

– Чтобы вернуть кошелек?

– Вот именно.

– Любезный господин Реми, вы чересчур щепетильны, клянусь вам; эти деньги вы честно заработали, они ваши по праву.

– Вы думаете? – с явным облегчением спросил Реми.

– Я отвечаю за свои слова, но дело в том, что расплачиваться с вами следовало вовсе не этой даме, ведь я ее не знаю, и она меня тоже.

– Вот еще одна причина вернуть деньги. Сами видите.

– Я хотел вам сказать только, что и я тоже, и я ваш должник.

– Вы мой должник?

– Да, и я расквитаюсь с вами. Чем вы занимаетесь в Париже? Давайте рассказывайте. Поверьте мне ваши тайны, любезный господин Реми.

– Чем я занимаюсь в Париже? Да, в сущности, ничем, господин граф, но я мог бы кое-чем подзаняться, имей я пациентов.

– Ну что же, вам очень повезло; для начала я вам доставлю одного пациента: самого себя. Поверьте, у вас будет большая практика! Не проходит дня, чтобы либо я не продырявил самое прекрасное творение создателя, либо кто другой не подпортил великолепный образчик его искусства в моем лице. Ну как, согласны вы заняться штопанием дыр, которые будут протыкать в моей шкуре, или тех, которые я сам проткну в чьей-нибудь оболочке?

– Ах, господин граф, – сказал Реми, – у меня так мало заслуг...

– Напротив, вы именно тот человек, которого мне надо, дьявол меня побери! Рука у вас легкая, как у женщины, и с этим бальзамом Феррагюс...

– Сударь!

– Вы будете жить у меня, у вас будут свои собственные апартаменты, свои слуги; соглашайтесь или, даю слово, вы ввергнете меня в пучину отчаяния. К тому же ваша работа еще не закончена: вам надо сменить мне повязку, любезный господин Реми.

– Господин граф, – отвечал молодой врач, – я в таком восторге, что не знаю, как выразить свою радость. У меня будет работа! У меня будут пациенты!

– Ну пет, ведь я вам сказал, что беру вас только для себя самого..., ну и для моих друзей, естественно. А теперь – вы ничего больше не вспомните?

– Ничего.

– Ну, коли так, то помогите мне разобраться кое в чем, если это возможно.

– В чем именно?

– Да видите ли..., вы человек наблюдательный: вы считаете шаги, вы ощупываете стены, вы запоминаете голоса. Не знаете ли вы, почему после того, как вы меня перевязали, я очутился на откосе рва у Тампля?

– Вы?

– Да., я... Может быть, вы помогали меня переносить?

– Ни в коем случае! Наоборот, если бы спросили моего совета, я решительно воспротивился бы такому перемещению. Холод мог вам очень повредить.

– Тогда я ума не приложу, как это случилось. Вам не угодно будет продолжить поиски вместе со мной?

– Мне угодно все, что угодно вам, сударь, но я боюсь, что от этого не будет проку, ведь все дома тут на одно лицо.

– Тогда, – сказал Бюсси, – надо будет посмотреть на них днем.

– Да, но днем нас увидят.

– Тогда надо будет собрать сведения.

– Мы все разузнаем, монсеньер...

– И мы добьемся своего. Поверь мне, Реми, отныне нас двое, и мы существуем не во сне, а наяву, и это уже много.

Глава 11. О ТОМ, ЧТО ЗА ЧЕЛОВЕК БЫЛ ГЛАВНЫЙ ЛОВЧИЙ БРИАН ДЕ

МОНСОРО

Даже не радость, а чувство какого-то исступленного восторга охватило Бюсси, когда он убедился, что женщина его грез действительно существует и что эта женщина не во сне, а наяву оказала ему то великодушное гостеприимство, неясные воспоминания о котором он хранил в глубине сердца.

Поэтому Бюсси решил ни на мгновение не расставаться с молодым лекарем, которого он только что возвел в ранг своего постоянного врачевателя. Он потребовал, чтобы Реми, такой, как был – весь в грязи с головы до ног, сел вместе с ним в носилки. Бюсси боялся, что, если он хоть на миг упустит Реми из виду, тот исчезнет, подобно дивному видению прошлой ночи; нужно было во что бы то ни стало доставить его к себе домой и запереть на ключ до утра, а на следующий день будет видно, выпускать его на свободу или нет.

Все время обратного пути было употреблено на новые вопросы, но ответы на них вращались в замкнутом кругу, который мы только что очертили. Реми ле Одуэн знал не больше Бюсси, правда, лекарь, не терявший сознания, был уверен, что Бюсси не грезил.

Для всякого человека, начинающего влюбляться, – а Бюсси влюбился с первого взгляда, – чрезвычайно важно иметь под рукой кого-нибудь, с кем можно было бы потолковать о любимой женщине. Правда, Реми не удостоился чести лицезреть красавицу, но в глазах Бюсси это было еще одним достоинством, ибо давало ему возможность снова и снова растолковывать своему спутнику, насколько оригинал во всех отношениях превосходит копию.

Бюсси горел желанием провести всю ночь в разговорах о прекрасной незнакомке, но Реми начал исполнение своих обязанностей врача с того, что потребовал от раненого уснуть или по меньшей мере лечь в постель. Усталость и боль от раны давали нашему герою такой же совет, и в конце концов эти три могущественные силы одержали над ним верх.

Однако, прежде чем лечь в постель, Бюсси самолично разместил своего нового сотрапезника в трех комнатах четвертого этажа, которые он сам занимал в годы юности. И только убедившись, что молодой врач, довольный своей новой квартирой и новой судьбой, подаренной ему провидением, не сбежит тайком из дворца, Бюсси спустился на второй этаж, в свои роскошные апартаменты.

Когда он проснулся на следующий день, Реми уже стоял возле его постели. Молодой человек всю ночь не мог поверить в свалившееся на него счастье и ожидал пробуждения Бюсси, в свою очередь желая убедиться, что все это не сон.

– Ну, – сказал Реми, – как вы себя чувствуете?

– Как нельзя лучше, милейший эскулап, ну а вы, вы довольны?

– Так доволен, мой сиятельный покровитель, что не поменялся бы своей участью с самим королем Генрихом Третьим, хотя за вчерашний день его величество должен был сильно продвинуться по пути в рай. Но не в этом дело, разрешите взглянуть на рану.

– Взгляните.

И Бюсси повернулся на бок, чтобы молодой хирург мог снять повязку.

Рана выглядела как нельзя лучше, края ее стянулись и приняли розовую окраску. Обнадеженный Бюсси хорошо спал, крепкий сон и ощущение счастья пришли па помощь хирургу, не оставив на его долю почти никаких забот.

– Ну что? – спросил Бюсси. – Что вы скажете, мэтр Амбруаз Паре?

– Я скажу, что вы уже почти выздоровели, но я открываю вам эту врачебную тайну с большим страхом – как бы вы не отослали меня обратно на улицу Ботрейи, что в пятистах двух шагах от знаменитого Дома.

– Который мы разыщем, не правда ли, Реми?

– Я в этом уверен.

– Как ты сказал, мой мальчик? – переспросил Бюсси.

– Простите, – вскричал Реми со слезами на глазах, – неужели вы сказали мне «ты», монсеньер?

– Реми, я всегда обращаюсь на «ты» к тем, кого люблю. Разве ты возражаешь против такого обращения?

– Напротив, – воскликнул молодой человек, пытаюсь поймать руку Бюсси и поцеловать ее, – напротив, мне показалось, что я ослышался. О! Монсеньер де Бюсси, вы хотите, чтобы я сошел с ума от радости?

– Нет, мой друг, я хочу только, чтобы и ты, в свою очередь, меня полюбил и считал бы себя принадлежащим к моему дому и чтобы ты сегодня, пока будешь здесь устраиваться, позволил мне присутствовать на церемонии вручения королю эстортуэра⁷.

– Ах, – сказал Реми, – вот мы уже и собираемся надеть глупостей.

– Э, нет, наоборот, обещаю тебе вести себя примерно.

– Но вам придется сесть на коня.

– Проклятие! Это совершенно необходимо.

– Найдется ли у вас хороший скакун со спокойным аллюром?

– У меня таких четыре на выбор.

– Ну хорошо, возьмите себе на сегодняшний день коня, на которого вы посадили бы даму с портрета, понимаете?

– Ах, я понимаю, отлично понимаю. Послушайте, Реми, воистину вы раз навсегда нашли путь к моему сердцу, я страшно боялся, что вы не допустите меня к участию в этой охоте или, скорее, в этом охотничьем представлении, на котором будут присутствовать все придворные дамы и толпы любопытствующих горожанок. И я уверен, Реми, милый Реми, ты понял, что дама с портрета должна принадлежать ко двору или, во всяком случае, должна быть парижанкой. Несомненно, она не простая буржуазка: гобелены, тончайшие эмали, расписной потолок, кровать с белыми и золотыми занавесками, – словом, вся эта изысканная роскошь изобличает в пей даму высокого происхождения или по меньшей мере богатую женщину. Что, если я встречу ее там в лесу?

– Все возможно, – философски заметил Одуэн.

– За исключением одного – разыскать дом, – вздохнул Бюсси.

– И проникнуть в него, когда мы его разыщем, – добавил Реми.

– Ну уж об этом-то я меньше всего беспокоюсь, – сказал Бюсси. – Мне бы только добраться до его дверей, – продолжал он, – а уж там я пушу в ход одно испытанное средство.

– Какое?

– Устрою себе еще один удар шпагой.

– Отлично, – сказал Реми, – ваши слова позволяют надеяться, что вы сохраните меня при себе.

– Ну, на этот счет будь спокоен. Мне кажется, будто я тебя знаю лет двадцать, не меньше, и, слово дворянина, уже не мог бы обходиться без тебя.

Приятное лицо молодого лекаря расцвело под наплывом невыразимой радости.

– Итак, – сказал он, – решено. Вы едете на охоту и займетесь там поисками дамы, а я вернусь на улицу Ботрейи, искать дом.

– Вот будет занятно, – сказал Бюсси, – если, когда мы снова встретимся, окажется, что мы оба добились успеха.

На этом они распрощались, скорее как два друга, чем как господин и слуга.

В Венсенском лесу и на самом деле затевалась большая охота в честь вступления в должность господина Бриана де Монсоро, уже несколько недель тому назад назначенного главным ловчим. Вчерашняя процессия и неожиданное покаяние короля, который начал пост в последний день масленичного карнавала, заставили придворных усомниться, почтит ли он своим присутствием эту охоту. Ибо обычно, когда на Генриха III находил приступ набожности, он по неделям не покидал Лувра, а иногда даже отправлялся умерщвлять плоть в

⁷ Эстортуэр – жезл, который главный ловчий вручает королю, дабы этим жезлом король при скачке галопом раздвигал ветки деревьев. (Прим, автора.)

монастырь. Однако на сей раз, к удивлению придворных, около девяти часов утра распространилось известие, что король уже выехал в Венсенский замок и гонит лань вместе со своим братом, монсеньером герцогом Анжуйским, и всем двором.

Местом сбора охотников служила Коновязь короля Людовика Святого. Так назывался в те времена перекресток дорог, где, как говорят, тогда еще можно было увидеть знаменитый дуб, под которым король-мученик вершил правосудие. Все собрались к девяти часам, и ровно в девять, верхом на прекрасном вороном жеребце, на поляну выехал новоиспеченный главный ловчий, предмет всеобщего любопытства, ибо почти никто из придворных его не знал.

Все взоры обратились на вновь прибывшего.

Граф де Монсоро был высоким мужчиной лет тридцати пяти на вид; на его лице, испещренном мелкими оспинами, при малейшем волнении проступали красные пятна, и это побуждало любопытных приглядываться к нему еще пристальнее, что редко идет на пользу тому, на кого смотрят.

И действительно, чувство взаимной симпатии обычно возникает от первого впечатления: прямой взгляд и открытая улыбка вызывают ответный ласковый взор и улыбку.

В камзоле зеленого сукна, сплошь покрытом серебряными галунами, опоясанный серебряной перевязью, на которой был вышит щит с королевским гербом, в берете с длинным пером, с копьем в левой руке, с эстортуром, предназначенным для короля, в правой, господин де Монсоро мог показаться грозным сеньором, но назвать его красивым нельзя было никак.

– Фи! Что за уroda вы нам привезли из вашего края, монсеньер, – сказал Бюсси, обращаясь к герцогу Анжуйскому, – так вот каким дворянам вы покровительствуете? Черт меня побери, если в Париже найдется второе такое чудище, а Париж город очень большой и густо населенный отнюдь не красавцами. Ваше высочество знает, что я не верю разным слухам, но молва гласит, будто вы приложили все старания к тому, чтобы король согласился принять главного ловчего из ваших рук.

– Сеньор де Монсоро мне хорошо служил, – лаконично сказал герцог Анжуйский, – и я вознаградил его за службу.

– Прекрасно сказано, монсеньер, особенно ежели знать, что признательность – качество, весьма редко встречающееся у принцев; но если дело только в службе, то взять хотя бы меня, думается, я тоже неплохо служил вашему высочеству, и смею вас заверить, камзол главного ловчего был бы мне более к лицу, чем этому долговязому привидению. Ах, да, я сначала было и не заметил, а у него еще и борода рыжая, это его особенно красит.

– Я еще ни от кого не слышал, – возразил герцог Анжуйский, – что только красавцы, отлитые по образцу Аполлона или Антония, могут рассчитывать на придворную должность.

– Удивительно, – ответил Бюсси, сохраняя полнейшее хладнокровие. – Неужели вы этого не слышали?

– Для меня важно сердце, а не лицо, услуги, действительно оказанные, а не только обещанные.

– Ваше высочество может подумать, что я чрезмерно любопытен, – сказал Бюсси, – но я тщетно пытаюсь понять, какую такую услугу мог оказать вам этот Монсоро.

– Ах, Бюсси, – раздраженно заметил герцог, – вы правы: вы весьма любопытны, даже слишком любопытны.

– Вот они, принцы! – воскликнул Бюсси со своей обычной непринужденностью. – Сами всегда спрашивают, и приходится отвечать им на все вопросы, а попробуйте вы один-единственный раз у них чего-нибудь спросить – они не удостоят вас ответом.

– Это правда, – сказал герцог Анжуйский, – но знаешь, что нужно сделать, если ты хочешь получить ответ?

– Нет, не знаю.

– Обратись к самому господину де Монсоро.

– И верно, – сказал Бюсси, – ей-богу, вы правы, монсеньер. К тому же он всего лишь простой дворянин, и если он мне не ответит, я могу прибегнуть еще к одному средству.

– Какому же?

– Назвать его наглецом.

С этими словами Бюсси повернулся спиной к принцу и, без долгих раздумий, на глазах у своих друзей, держа шляпу в руке, поскакал к графу Монсоро; граф восседал на копе посредине поляны, представляя собой мишень для любопытных глаз, и с удивительной выдержкой ожидал появления короля, которое освободило бы его от тяжести прямых взглядов, падавших на него со всех сторон.

При виде Бюсси, приближавшегося к нему с веселым лицом, улыбкой на устах и шляпой в руке, главный ловчий позволил себе немного расслабиться.

– Прошу прощения, сударь, – обратился к нему Бюсси, – но я вижу вас в полнейшем одиночестве. Неужели благодаря оказанной вам милости вы удосужились приобрести здесь столько же врагов, сколько могли бы иметь друзей га неделю до вашего назначения главным ловчим?

– Ей-богу, любезный граф, – ответил сеньор де Монсоро, – присягать в этом я не стал бы, но пари держать могу. Однако же позвольте узнать, что побудило вас оказать мне честь и нарушить мое уединение?

– Черт побери, – смело сказал Бюсси, – я действую, побуждаемый великим восхищением перед вами, которое внушил мне герцог Анжуйский.

– Каким образом?

– Рассказав о вашем подвиге, том самом, за который вам была пожалована должность главного ловчего.

Граф де Монсоро так страшно побледнел, что рассыпанные по его лицу мелкие оспины превратились в черные точки на желтоватой коже; при этом главный ловчий бросил на Бюсси грозный взгляд, не предвещавший ничего доброго.

Бюсси понял, что сделал ложный шаг, но он был не из тех людей, которые отступают; напротив – он принадлежал к тем, кто допущенную нескромность обычно исправляет дерзостью.

– Вы говорите, любезный граф, – произнес главный ловчий, – что монсеньер рассказал вам о моем последнем подвиге?

– Да, сударь, – ответил Бюсси, – и со всеми подробностями. Признаюсь вам, я так заинтересовался, что не мог преодолеть пылкое желание услышать весь рассказ из ваших собственных уст.

Граф де Монсоро судорожно стиснул древко копья, словно его охватило не менее пылкое желание тут же, не сходя с места, проткнуть насквозь графа де Бюсси.

– Поверьте, сударь, – сказал он, – я готов отдать должное вашей учтивости и выполнить вашу просьбу, но, к сожалению, вот наконец и король, и у меня не остается на это времени. Но если вы пожелаете, мы можем встретиться в другой раз.

И в самом деле, король, верхом на своем любимом коне, великолепном испанском жеребце буланой масти, уже скакал от замка к месту сбора.

Бюсси повернул лошадь и встретился взглядом с герцогом Анжуйским; на устах принца играла недобрая улыбка.

«И у хозяина и у слуги, – подумал Бюсси, – когда оси смеются, одинаково мерзкий вид. Как же они выглядят, когда плачут?» Король любил красивые и приветливые лица. Поэтому его не очень-то расположила к себе внешность господина де Монсоро, которого он уже однажды видел и который при второй встрече порадовал его не больше, чем при первой. И все же Генрих с довольно благосклонной улыбкой принял эстуртуэр из рук главного ловчего, преподнесшего королю жезл, по обычаю преклонив колено. Как только король вооружился, старшие загонщики объявили, что лань поднята, и охота началась.

Бюсси занял место с краю охотничьей кавалькады, чтобы иметь возможность видеть все собравшееся общество; он внимательно изучал каждую проезжавшую мимо женщину в надежде обрести оригинал портрета, по труды его были напрасны: на эту охоту, где впервые лицедействовал новый главный ловчий, собрались все красавицы, все прелестницы и все

искусительницы города Парижа и королевского двора, но среди них по было того очаровательного создания, которое он искал.

Отчаявшись в своих поисках, Бюсси решил развлечься болтовней в компании друзей. Антрагэ, как всегда веселый и словоохотливый, помог ему развеять тоску.

– На нашего главного ловчего смотреть тошно, – сказал Антрагэ, – а как по-твоему?

– На мой взгляд, он просто пугало, ну и славная же у него должна быть семейка, если только те, кто имеет честь принадлежать к его родичам, наделены фамильным сходством. Покажи-ка мне его жену.

– Главный ловчий пока еще холост, – ответил Антрагэ.

– Откуда ты знаешь?

– От госпожи де Ведрон, она считает его писанным красавцем и охотно сделала бы своим четвертым мужем, как Лукреция Борджа герцога д'Эсте. Посмотри, как она нахлестывает своего гнедого, поспешая за вороным господина де Монсоро.

– И какого поместья он сеньор? – спросил Бюсси.

– Да у него полно поместий.

– В каких краях?

– Около Анжера.

– Значит, он богат?

– По слухам, да, но не знатен. Кажется, он из худородного дворянства.

– И кто в любовницах у этого дворянчика?

– У него нет любовницы. Сей достойный муж хочет быть единственным в своем роде. Но взгляни, монсеньер герцог Анжуйский машет тебе рукой, поезжай к нему скорее.

– Куда спешить? Герцог Анжуйский подождет. Этот Монсоро возбуждает мое любопытство. Он какой-то странный. Не знаю почему, но, как тебе известно, при первой встрече с человеком бывает что-то вроде предчувствия, так вот, мне кажется, что мне с ним еще придется столкнуться. А имя у него какое – Монсоро!

– Мышиная гора, – пояснил Антрагэ, – вот его этимология; по-латыни Mons soricis. Мой старик аббат объяснил мне это нынче утром.

– Лучше и не придумашь.

– погоди-ка! – вдруг воскликнул Антрагэ.

– Что такое?

– Ведь Ливаро все знает.

– Что все?

– Все о нашем Mons soricis. Они соседи по имениям.

– Что же ты молчал? Эй, Ливаро! Ливаро подъехал к друзьям.

– Чего вам? – осведомился он.

– Расскажи, что ты знаешь о Монсоро.

– Охотно.

– А рассказ будет длинный?

– Нет, постараюсь покороче. В трех словах выскажу все, что я о нем думаю. Я его боюсь!

– Прекрасно. А теперь, когда ты сказал все, что ты о нем думаешь, расскажи все, что ты о нем знаешь.

– Слушайте..., однажды вечером...

– Какое захватывающее начало, – сказал Антрагэ.

– Дадите вы мне рассказать все до конца?

– Продолжай.

– Однажды вечером я возвращался от моего дяди д'Антрагэ и ехал Меридорским лесом, это было примерно полгода назад; вдруг до моих ушей донесся душераздирающий вопль, и мимо меня пробежал белый иноходец без всадника, пробежал и скрылся в чаще. Я дал шпоры коню, погнал его в ту сторону, где кричали, и в поздних вечерних сумерках, в конце длинной просеки, увидел всадника на вороном коне; он не скакал, а мчался, как вихрь. Снова

раздался сдавленный крик, и я разглядел, что он держит перед собой женщину, брошенную поперек седла, и рукой зажимает ей рот. Со мной была моя охотничья аркебуза. Ты ведь знаешь – я довольно меткий стрелок; я прицелился и, клянусь честью, убил бы его, но на беду, проклятый фитиль потух, как раз когда я спустил курок.

– Ну, а дальше, – потребовал Бюсси, – что было дальше?

– Дальше я спросил у встречного угольщика, кто этот господин на вороном коне, который умыкает женщин; угольщик мне ответил, что это господин де Монсоро.

– Ну что ж, – сказал Антрагэ, – мне кажется, бывает, что женщин и похищают, не правда ли, Бюсси?

– Бывает, – ответил Бюсси, – но, во всяком случае, им не затыкают рот.

– А женщина, кто она такая? – любопытствовал д'Антрагэ.

– Ах, вот об этом я ничего не могу сказать, – Ну пет, – сказал Бюсси, – решительно, это человек незаурядный, он меня заинтересовал.

– Вообще, – добавил Ливаро, – у нашего милого графа де Монсоро ужасная репутация.

– Ты знаешь о нем что-нибудь еще?

– Нет, ничего; открыто граф не совершил ни одного злодеяния, более того, говорят, он довольно милостиво относится к своим крестьянам; и все же в той местности, которая до нынешнего дня имеет счастье ему принадлежать, его, как огня, боятся. Впрочем, он страстный охотник, под стать Немвроду, только, может быть, не перед всевышним, а перед сатаной, у короля никогда еще не было такого главного ловчего. К этой должности он подходит больше Сен-Люка. Поначалу король хотел было отдать ее Сен-Люку, но тут вмешался герцог Анжуйский, пустил в ход все свое влияние и отбил ее для Монсоро.

– Слушай, а ведь герцог Анжуйский все еще тебя зовет, – сказал Антрагэ.

– Ладно, пускай себе зовет. А ты знаешь новости о Сен-Люке?

– Нет. Что он – все еще пленник короля? – со смехом спросил Ливаро.

– Наверное, – сказал Антрагэ, – раз его нет здесь.

– Ошибаешься, мой милый, нынче в час ночи он выехал из Парижа, с намерением посетить владения своей жены.

– Что он, изгнан?

– Похоже на то.

– Сен-Люк в изгнании! Немыслимо!

– Все правда, как в Евангелии, мой друг.

– От святого Луки?

– Нет, от маршала де Бриссака, я услышал ото сегодня утром из его собственных уст.

– Ах, вот любопытная новость; Монсоро ото не будет неприятно.

– Понял, – сказал Бюсси.

– О чем ты?

– Угадал.

– Что ты угадал?

– Какую услугу оказал он герцогу.

– Кто? Сен-Люк?

– Нет, Монсоро.

– В самом деле?

– Да, пропади я пропадом, вот увидите, поезжайте за мной.

И Бюсси, сопровождаемый Ливаро и д'Антрагэ, пустил свою лошадь галопом вслед за герцогом Анжуйским, который, устав призывно махать рукой своему любимцу, скакал впереди на расстоянии нескольких аркебузных выстрелов.

– Ах, монсеньер, – воскликнул Бюсси, догоняя герцога, – какой прекрасный человек этот граф Монсоро!

– Вот как?

– И любезный просто до невероятия.

– Значит, ты с ним говорил? – спросил принц, по-прежнему насмешливо улыбаясь.
– Конечно, к тому же у пего незаурядный ум.
– И ты спросил его, что именно он сделал для меня?
– Разумеется, я только для этого с ним и заговорил.
– И он тебе ответил? – спросил герцог, еще больше развеселившись.
– Тут же, и так любезно, что я преисполнился к нему бесконечной признательности.
– Послушаем, что он тебе сказал, мой храбрый бахвал.
– Он в весьма учтивых выражениях признался мне, ваше высочество, что он ваш поставщик.

– Поставщик дичи?
– Нет, женщин.
– Как ты сказал? – переспросил герцог, сразу помрачнев. – Что значит эта шутка, Бюсси?

– Она значит, монсеньер, что он на своем огромном вороном жеребце похищает для вас женщин, а поскольку эти женщины, очевидно, не знают, какая честь их ждет, зажимает им рот рукой, дабы они не кричали.

Герцог нахмурил брови, гневно сжал кулаки и пустил своего копя таким бешеным галопом, что Бюсси и его товарищи остались позади.

– Ага! – воскликнул Аптрагэ. – Сдается мне, твоя шутка попала не в бровь, а в глаз.
– Тем лучше, – ответил Ливаро, – хотя, на мой взгляд, она никому не показалась шуткой.
– Дьявольщина! – выругался Бюсси. – Похоже, я его крепко задел, нашего бедного герцога.

Спустя мгновение они услышали голос герцога Анжуйского. Герцог кричал:

– Эй! Бюсси, где ты? Скачи сюда – Я здесь, монсеньер, – отозвался Бюсси, пришпоривая коня.

Принц захлебывался от смеха.

– Вот как! – удивился Бюсси. – По-видимому, мои слова вас развеселили.
– Нет, Бюсси, я смеюсь не над твоими словами.
– А жаль, рассмешить принца, который смеется так редко, немалая заслуга.
– Я смеюсь, мой бедный Бюсси, над тем, что ты, пытаясь разузнать правду, несешь всякие небылицы.

– Нет, черт меня побери, монсеньер, я сказал чистую правду.
– Допустим. Тогда, пока мы с тобой одни, объяснись: где ты подобрал эту побасенку, которую рассказываешь мне?

– В Меридорском лесу, монсеньер!

Герцог снова побледнел, но ничего не ответил.

– Решительно, – пробормотал Бюсси, – герцог каким-то образом замешан в эту историю с похитителем на вороном коне и женщиной на белом иноходце.

– Давайте поразмыслим, монсеньер, – сказал он, в свою очередь смеясь над тем, что герцогу уже не до смеха, – не найдется ли такого способа вам услужить, который был бы вам особенно приятен, если таковой существует, то укажите его нам, мы им воспользуемся, хотя бы нам пришлось вступить в состязание с господином де Монсоро.

– Да, черт побери, – ответил герцог, – есть один такой способ, и я его тебе сейчас открою. Они отъехали в сторону.

– Слушай, – продолжал герцог, – я случайно встретил в церкви совершенно пленительную женщину хотя она была под вуалью, но мне все же удалось различить черты лица, и они напомнили мне одну даму, которую некогда я безумно любил. Я последовал за незнакомкой и узнал, где она живет. Служанку подкупили, и ключ от дома в моих руках.

– Что ж, монсеньер, мне кажется, пока все идет прекрасно.

– Не торопись. Говорят, что, несмотря на свою молодость, красоту и независимость, она недоступна.

– Ах, монсеньер, вот тут мы вступаем в область фантазии.
– Слушай, ты храбр и, как ты утверждаешь, любишь меня...
– У меня есть свои дни.
– Для храбрости?
– Нет, для любви к вам.
– Понятно. Эти дни уже наступили?
– Услужить вам я всегда готов. Посмотрим, какой услуги вы от меня ждете.
– Так вот, ты должен будешь сделать для меня то, что обычно делают только для самого себя.

– Ага! – обрадовался Бюсси. – Наверное, монсеньер, вы хотите поручить мне приволокнуться за вашей пассией, дабы ваше высочество удостоверилось, что она действительно так же целомудренна, как и прекрасна? Это мне подходит.

– Нет, ты должен будешь выяснить, нет ли у меня соперника.

– Ах! Вот оно как! Дело осложняется. Поясните, пожалуйста, монсеньер.

– Тебе придется спрятаться и выследить, что за мужчина к ней ходит. – Значит, там есть мужчина?

– Боюсь, что так.

– Любовник? Муж?

– Во всяком случае, ревнивец.

– Тем лучше, монсеньер.

– Почему тем лучше?

– Это удваивает ваши шансы.

– Благодарю, но пока что я хотел бы знать, кто он такой.

– И вы поручаете мне это выяснить?

– Да, и если ты согласишься оказать мне такую услугу...

– Вы сделаете меня главным ловчим, когда это место освободится?

– Поверь мне, Бюсси, что мне будет тем приятнее взять па себя такое обязательство еще и потому, что я до сих пор ничем тебя не вознаградил.

– Смотри-ка! Монсеньер изволил это заметить.

– Я говорю себе об этом давно.

– Но совсем тихо, как у принцев принято говорить подобные вещи.

– Итак?

– Что, монсеньер?

– Согласен ты?

– Следить за дамой?

– Да.

– Признаюсь вам, монсеньер, такое поручение мне не очень-то по душе, я предпочел бы какое-нибудь другое.

– Только что ты предлагал свои услуги, Бюсси, и вот уже бьешь отбой.

– Проклятие, вы мне навязываете роль соглядата, монсеньер.

– Ну нет, роль друга. Впрочем, не думай, что я предлагаю чистую синекуру, возможно, тебе придется обнажить шпагу.

Бюсси покачал головой.

– Монсеньер, – сказал он, – есть дела, которые можно выполнить хорошо, только если сам за них возьмешься, поэтому даже принцу за них нужно браться самому.

– Значит, ты отказываешься?

– Да, монсеньер. Герцог нахмурил брови.

– Ну что ж, я последую твоему совету, – сказал он, – пойду сам, и если меня там смертельно ранят, скажу, что просил моего друга Бюсси получить или нанести вместо меня этот удар шпаги и что впервые в своей жизни Бюсси проявил осторожность.

– Монсеньер, – ответил Бюсси, – однажды вечером вы мне сказали: «Бюсси, я ненавижу всех этих миньонов из королевской спальни, которые по всякому поводу

высмеивают и оскорбляют нас, ты должен пойти на свадьбу Сен-Люка, найти случай поспорить с ними и избавить нас от них». Я туда пошел, монсеньер, их было пятеро, я – один. Я их оскорбил. Они мне устроили засаду, навалились на меня всем скопом, убили подо мной коня, и все же я ранил двоих, а третьего оглушил. Сегодня вы требуете, чтобы я обидел женщину. Извините, монсеньер, но такого рода услуг принц не может требовать от благородного человека, и я отказываюсь.

– Пусть так, – сказал герцог, – я сам встану на свой пост, один или с Орильи, как прошлый раз.

– Простите? – переспросил Бюсси, начиная что-то понимать.

– В чем дело?

– Значит, вы были па своем посту, монсеньер, в ту ночь, когда натолкнулись на миньонов, подстерегавших меня?

– Вот именно.

– Стало быть, ваша прелестная незнакомка живет рядом с Бастилией?

– Она обитает в доме напротив церкви святой Екатерины.

– В самом деле?

– Да, в квартале, где вам могут запросто и со всеми удобствами перерезать горло, насчет этого ты должен кое-что знать.

– А после того вечера ваше высочество навещали тог квартал?

– Вчера.

– И монсеньер видел?

– Какого-то человека. Он обшаривал все уголки площади, несомненно желая убедиться, что его никто не выслеживает, а потом, по всей вероятности заметив меня, встал перед той дверью, которая была мне нужна, и не сходил с места.

– Этот человек был один, монсеньер? – спросил Бюсси.

– Да, примерно около получаса.

– Ну а после этого получаса?

– К нему присоединился другой мужчина, с фонарем в руке.

– Ага! – воскликнул Бюсси.

– Тогда человек в плаще... – продолжал принц.

– Первый человек был в плаще? – перебил его Бюсси.

– Ну да. Тогда человек в плаще и тот, что пришел с фонарем, завязали разговор, и, так как они, по-видимому, не собирались покидать свой ночной пост перед дверью, я отступил и вернулся к себе.

– Видно, такая двойная неудача поохладила ваш пыл?

– Признаюсь, да. Клянусь честью!.. И я подумал, что прежде чем мне соваться в этот дом, который вполне может оказаться каким-нибудь разбойничьим вертепом...

– Неплохо будет, если для начала там прирежут кого-нибудь из ваших друзей.

– Не совсем так. Я подумал: пусть мой друг, который более меня привычен к подобным переделкам и у которого, поскольку он не принц, врагов меньше, чем у меня, пусть мой друг разведает, какой опасности я подвергаюсь, и доложит мне.

– На вашем месте, монсеньер, – сказал Бюсси, – я отказался бы от этой женщины.

– Ни в коем случае.

– Почему?

– Она слишком хороша.

– Но вы сами сказали, что едва ее видели. – Я ее видел достаточно, чтобы заметить восхитительные белокурые волосы.

– Ах, вот как!

– Чудесные глаза.

– Неужели!

– Цвет лица, какого я еще не видывал, великолепную талию.

– Да что вы говорите!

– Сам понимаешь, от подобной красоти так легко не отказываются.

– Да, монсеньер, я понимаю и от души сочувствую вам.

Герцог искоса взглянул на Бюсси.

– Честное слово, – сказал Бюсси.

– Ты смеешься?

– Нет. И в доказательство нынче же вечером я встану на пост, если только монсеньер соблаговолит дать мне свои наставления и покажет, где этот дом.

– Значит, ты изменил свое решение?

– Э! Монсеньер, только один наш святой отец Григорий Тринадцатый непогрешим; а теперь говорите, что надо делать.

– Ты должен будешь спрятаться в том месте, которое я укажу, и если какой-нибудь мужчина войдет в дом, последуешь за ним и удостоверись, кто он такой.

– Да, но если, войдя, он запрет за собой дверь?

– Я тебе сказал – у меня есть ключ.

– Ах, правда, теперь я могу опасаться только одного: что я увяжусь не за тем человеком или что там будет еще другая дверь, к которой ключ не подойдет.

– Тут ошибиться невозможно; входная дверь ведет в прихожую, в конце прихожей налево есть лестница, ты поднимешься на двенадцать ступенек и окажешься в коридоре.

– Откуда вы все это знаете, монсеньер, ведь вы ни разу не были в этом доме?

– Разве я тебе не говорил, что служанка в моих руках? Она мне все и объяснила.

– Смерть господня! Как это удобно быть принцем, все тебе преподносят на тарелочке. А мне пришлось бы самому искать дом, исследовать прихожую, пересчитывать ступеньки, разведывать коридор. На это ушла бы уйма времени, и – кто знает? – удалось ли бы мне добиться успеха!

– Значит, ты соглашаешься?

– Разве я могу в чем-нибудь отказать вашему высочеству? Только прошу вас пойти со мной и указать мне дверь.

– Зачем? Возвращаясь с охоты, мы сделаем крюк, поедем Сент-Антуанскими воротами, и ты все увидишь.

– Чудесно, монсеньер. А что прикажете делать с тем человеком, если он придет?

– Ничего, только следить за ним, пока не узнаешь, кто он такой, – Это дело щекотливое. Ну, а если, например, он окажется настолько невежливым, что остановится посреди дороги и наотрез откажется отвечать на мои вопросы?

– Ну тогда я тебе разрешаю действовать по твоему собственному усмотрению.

– Значит, ваше высочество, вы разрешаете мне действовать на свой страх и риск?

– Вот именно.

– Так я и сделаю, монсеньер.

– Но не проболтайся нашим юным друзьям.

– Слово дворянина.

– Никого не бери с собой в эту разведку.

– Пойду один, клянусь вам.

– Ну хорошо, договорились; мы возвратимся мимо Бастилии, я покажу тебе дверь..., ты поедешь ко мне..., я дам тебе ключ..., и нынче вечером...

– Я заменю вас, монсеньер, вот и весь сказ. Бюсси и принц присоединились к охотникам. Господин де Монсоро мастерски руководил охотой. Король был восхищен, с каким умением этот опытный ловчий выбрал места для привалов и расположил подставы собак и лошадей. Лань, которую два часа травили собаками на оцепленном участке леса протяжением четыре-пять лье, раз двадцать появлялась перед глазами охотников и в конце концов вышла прямо под копые короля.

Господин де Монсоро принял поздравления его величества и герцога Анжуйского.

– Монсеньер, – сказал он, – я счастлив заслужить вашу похвалу, потому что вам я обязан своей должностью.

– Но вам известно, сударь, – сказал герцог, – для того, чтобы и впредь заслуживать нашу благодарность, вам придется нынче вечером выехать в Фонтенбло; король желает послезавтра начать там охоту, которая продлится несколько дней, и у вас всего один день на то, чтобы познакомиться с лесом.

– Я это знаю, монсеньер, – ответил Монсоро, – у меня все готово к отъезду, и я отправлюсь сегодня в ночь.

– Ах, вот оно и началось, господин до Монсоро! – воскликнул Бюсси. – Отныне вам не знать покоя. Вы желали быть главным ловчим, ваше желание сбылось. Теперь вам, как главному ловчему, полагается спать на полсотни ночей в году меньше, чем всем остальным. Счастье еще, что вы не женаты, сударь.

Бюсси смеялся, произнося эти слова. Герцог скользнул по лицу главного ловчего пронизывающим взглядом, затем, повернув голову в сторону короля, поздравил своего венценосного брата с тем, что со вчерашнего дня состояние его здоровья, по-видимому, значительно улучшилось.

Что касается графа Монсоро, то шутка Бюсси снова вызвала у него на щеках мертвенную бледность, которая придавала его лицу столь зловещее выражение.

Глава 12. **О ТОМ, КАК БЮССИ НАШЕЛ ОДНОВРЕМЕННО И ПОРТРЕТ И** **ОРИГИНАЛ**

Охота закончилась к четырем часам дня, а уже в пять весь двор возвращался в Париж. Король, словно угадав желание герцога Анжуйского, приказал ехать через Сент-Антуанское предместье.

Господин де Монсоро, под предлогом предстоящего ему в тот же вечер отъезда, распрощался с королем и принцами и со своими охотничьими командами уехал по дороге на Фроманто.

Проезжая мимо Бастилии, король обратил внимание спутников на гордый и мрачный вид сей крепостной твердыни. Это был деликатный способ напомнить придворным о том, что их ожидает, если в один прекрасный день им вздумается перебежать во вражеский стан.

Намек был попят, и придворные начали выказывать королю удвоенное подобиострастие.

Тем временем герцог Анжуйский тихо объяснял Бюсси, который ехал с ним рядом, стремя в стремя:

– Смотри внимательно, Бюсси, смотри хорошенько: видишь направо деревянный домик, с маленькой статуей богоматери под коньком крыши? Начни с него и отсчитай четыре дома, его считай за первый.

– Отсчитал, – сказал Бюсси.

– Нам нужен пятый дом, – сказал герцог, – тот, что напротив улицы Сент-Катрин.

– Вижу, монсеньер. Смотрите, смотрите, народ услышал звуки труб, возвещающих о прибытии короля, и во всех окнах полно любопытных.

– Кроме тех, на которые я тебе показал, – сказал герцог, – эти окна по-прежнему плотно закрыты.

– Но в одном из них занавески слегка раздвинулись, – сказал Бюсси, чувствуя, как забилося его сердце.

– И все равно там ничего не разглядишь. О!.. Эта дама крепко стережется, или ее крепко стерегут. Во всяком случае, вот дом, во дворце я тебе дам ключ от него.

Бюсси метнул жадный взгляд в узкую щелку между занавесками, но, как ни напрягал зрение, ничего не смог различить.

Вернувшись в Анжуйский дворец, герцог незамедлительно вручил Бюсси ключ и еще раз посоветовал быть поосторожнее. Бюсси обещал выполнить все, что от него требуется, и поспешил к себе домой.

– Ну как дела? – спросил он у Реми.
– Я хотел бы обратиться к вам, сударь, с тем же вопросом.
– Ты ничего не нашел?
– Домик оказался столь же хорошо запрятанным днем, как и ночью. Я без толку проболтался между пятью-шестью смежными домами.

– Коли так, – сказал Бюсси, – по-видимому, мне больше посчастливилось, чем тебе, любезный Одуэн.

– Как это понять, монсеньер? Неужели вы тоже искали дом?

– Нет, я просто проехался по улице.

– И вы узнали дверь?

– У провидения, дружище, есть свои окольные пути и свои тайны.

– А вы уверены, что это тот самый дом?

– Не скажу, что уверен, но надеюсь.

– А когда же я узнаю, удалось ли вам найти то, что вы ищете?

– Завтра утром.

– Ну а до того времени я вам понадобится?

– Нет, дорогой Реми.

– Вы не позволите мне сопровождать вас?

– Это исключено.

– По крайней мере будьте осторожны, монсеньер.

– Ах! – сказал Бюсси. – Ваш совет мне ни к чему. Я славлюсь своей осторожностью.

Бюсси плотно пообедал, как человек, который не знает, где и чем ему придется ужинать, затем, когда пробыло восемь, он выбрал самую лучшую из своих шпаг, вопреки только что изданному королевскому указу засунул за пояс два пистолета и приказал подать носилки, в которых его и доставили в конец улицы Сен-Поль. Прибыв на место назначения, он узнал дом с богоматерью, отсчитал четыре дома, удостоверился, что пятый – это тот самый, на который показал ему принц, и, закутавшись в темный широкий плащ, притаился на углу улицы Сент-Катрин, решив прождать два часа, а если по истечении этого срока никто не явится – поступить, как бог на душу положит.

Когда Бюсси устроился в своей засаде, на колокольне церкви святого Павла пробило девять часов. Не прошло и десяти минут, как он заметил в темноте двух всадников, выехавших из ворот Бастилии. Возле Турнельского дворца они остановились. Один всадник спешил и бросил поводья другому, по всей вероятности, слуге, слуга повернул лошадей и пустился обратно по той же дороге. Подождав, пока кони и всадник не скрылись в ночном мраке, его господин направился к дому, порученному наблюдению Бюсси.

Не дойдя нескольких шагов до двери, незнакомец описал большой круг, словно желая исследовать окрестности, затем, убедившись, что за ним не следят, подошел к дому и скрылся в нем.

Бюсси услышал, как дверь со стуком захлопнулась. Он выждал еще немного, опасаясь, как бы таинственный пришелец не вздумал задержаться у окошечка и понаблюдать за улицей; когда прошло несколько минут, Бюсси покинул свое убежище, перешел улицу, открыл ключом дверь и, уже наученный опытом, запер ее без всякого шума.

Затем он заглянул в окошечко. Оно оказалось как раз на высоте его глаз, и это его обрадовало: по всей вероятности, именно через него он смотрел на Келюса.

Но Бюсси проник в заветный дом не для того, чтобы торчать у входной двери. Он медленно двинулся вперед, касаясь руками стен, и в конце прихожей, слева, нащупал ногой первую ступеньку лестницы.

Тут Бюсси остановился по двум причинам: во-первых, он почувствовал, что от волнения у него подкашиваются ноги, во-вторых, он услышал голос, который сказал:

– Гертруда, предупредите вашу госпожу, что я здесь и хочу к ней войти.

Просьба была высказана повелительным тоном, исключавшим возможность отказа. Минуту спустя Бюсси услышал голос служанки. Она сказала:

– Проходите в гостиную, сударь; госпожа выйдет к вам.

Затем скрипнула затворяемая дверь.

Бюсси вспомнил, что Реми насчитал на лестнице двенадцать ступенек, в свою очередь пересчитал их, все двенадцать, и оказался на лестничной площадке.

Дальше должен быть коридор и три двери. Бюсси затаил дыхание и, вытянув руки перед собой, сделал несколько осторожных шагов. Рука его сразу же нащупала первую дверь, ту, в которую вошел незнакомец; Бюсси продолжал свои поиски, нашел вторую дверь, дрожа всем телом, повернул ключ, торчавший в замке, и толкнул дверь.

В комнате, где он очутился, было темно, только из боковой двери пробивалась полоска света. Она освещала окно, занавешенное двумя гобеленами, при виде которых сердце молодого человека радостно забилося.

Бюсси поднял голову и в том же луче света увидел на потолке уже знакомый ему плафон с мифологическими героями. Он протянул руку и нащупал резную спинку кровати.

Его сомнения рассеялись: он стоял в той самой комнате, где очнулся ночью, когда его так счастливо ранили, – счастливо потому, что ранение, по-видимому, и побудило неизвестную даму оказать ему гостеприимство.

Горячий трепет пробежал по его жилам, как только он прикоснулся к этой постели и вдохнул тот сладостный аромат, который исходит от ложа юной и прекрасной женщины.

Бюсси спрятался за занавески балдахина и прислушался.

В соседней комнате раздавались нетерпеливые шаги неизвестного, время от времени он останавливался и бормотал сквозь зубы:

– И куда она запропастилась... Ну, придет она, наконец!

После одного из таких высказываний дверь в гостиную, по-видимому расположенная напротив приоткрытой двери в спальню, отворилась. Ковер зашуршал под маленькой ножкой. До слуха нашего героя донесся шелест юбок, затем раздался женский голос, в котором слышались одновременно и страх и презрение. Голос спросил:

– Я здесь, сударь, чего вы еще от меня хотите? «Ого! – подумал Бюсси, прячась за занавеску. – Если это любовник, то я от всей души поздравляю мужа».

– Сударыня, – произнес незнакомец, которому оказали столь холодный прием, – имею честь известить вас: завтра утром мне придется выехать в Фонтенбло, и потому я пришел провести эту ночь с вами.

– Вы узнали что-нибудь о моем отце? – спросил тот же женский голос.

– Сударыня, послушайте меня...

– Сударь, вы помните, о чем мы договорились вчера, прежде чем я дала согласие стать вашей женой? Первое мое условие – либо в Париж приезжает мой отец, либо я еду к нему.

– Сударыня, как только я вернусь из Фонтенбло, мы тут же отправимся к нему, даю вам слово, ну а пока что...

– О! Сударь, не закрывайте дверь, это ни к чему, я не проведу даже одной-единственной ночи под одной крышей с вами, пока не буду знать, где мой отец и что с ним.

И женщина, произнесшая эти твердые слова, поднесла к губам маленький серебряный свисток. Раздался резкий и долгий свист.

Таким способом вызывали прислугу в те времена, когда звонок еще не был изобретен.

В то же мгновение дверь, через которую проник Бюсси, распахнулась, в спальню вбежала служанка молодой дамы, высокая и крепко сложенная анжуйка; очевидно, она ждала этого сигнала и, заслышав его, со всех ног устремилась на помощь своей госпоже.

Служанка прошла в гостиную, оставив дверь за собой широко открытой.

В комнату, где скрывался Бюсси, хлынул поток света, и наш герой увидел в простенке между окнами знакомый женский портрет.

– Гертруда, – сказала дама, – не ложитесь спать и будьте где-нибудь поблизости,

чтобы вы могли услышать мой голос.

Служанка ничего не ответила и удалилась тем же путем, которым пришла, оставив дверь в гостиную распахнутой, а следовательно, и восхитительный портрет освещенным.

У Бюсси исчезла последняя тень сомнения. Портрет был тот самый.

На цыпочках он прокрался к стене и встал за распахнутой створкой двери, намереваясь вести дальнейшее наблюдение через щель между дверью и дверной рамой, но, как бесшумно он ни старался двигаться, паркет неожиданно скрипнул у него под ногой.

Этот звук заставил женщину обернуться, и глазам Бюсси явилась дама с портрета, сказочная фея его мечты.

Мужчина, хотя он и не слышал ничего, обернулся вслед за женщиной.

Это был граф де Монсоро.

– Ага... – беззвучно прошептал Бюсси, – белый иноходец..., женщина поперек седла..., наверное, я услышу какую-нибудь жуткую историю.

И он вытер пот, внезапно выступивший на лбу. Как мы уже сказали, Бюсси видел обоих, и мужчину и женщину. Незнакомка стояла бледная, прямая, гордо вскинув голову, граф де Монсоро был также бледен, но бледностью мертвенной, пугающей, он нетерпеливо притопывал ногой и кусал себе пальцы.

– Сударыня, – произнес он наконец, – не надейтесь, что вам удастся и впредь разыгрывать передо мною роль гонимой, роль несчастной жертвы. Вы в Париже, вы в моем доме, и, более того, отныне вы графиня де Монсоро, то есть моя законная супруга.

– Если я ваша супруга, то почему вы не хотите отвезти меня к отцу? Почему вы продолжаете прятать меня от глаз всего света?

– Вы забываете герцога Анжуйского, сударыня.

– Вы меня заверили, что, как только я стану вашей экеной, мне нечего будет опасаться с его стороны.

– Я имел в виду...

– Вы мне дали слово.

– Но, сударыня, мне еще остается принять кое-какие меры предосторожности.

– Прекрасно, сударь, примите их, а потом приходите ко мне.

– Диана, – сказал граф, и было заметно, что в сердце его закипает гнев, – Диана, не превращайте в игрушку священные узы супружества. Я вам это настоятельно советую.

– Сделайте так, сударь, чтобы я не питала недоверия к супругу, и я буду образцово выполнять супружеские обязанности.

– Однако мне кажется, что своим отношением к вам в том, что я сделал для вас, я заслужил полное ваше доверие.

– Сударь, думаю, что во всем этом деле вы руководствовались не только моими интересами или, благодаря слепому случаю, извлекли из него пользу для себя.

– О! Это уж слишком! – воскликнул граф. – Здесь мой дом, вы моя жена, и, зовите хоть самого дьявола на помощь, нынче ночью вы будете моей.

Бюсси положил руку на рукоятку шпаги и шагнул вперед, но Диана не дала ему времени выступить на сцену.

– Вот, – сказала она, выхватывая кинжал из-за корсажа, – вот чем я вам отвечу.

В мгновение ока она вскочила в комнату, где укрывался Бюсси, захлопнула за собой дверь и задвинула двойной засов. Граф Монсоро, изрыгая угрозы, заколотил в дверь кулаками.

– Если вы посмеете выбить хотя бы одну доску из этой двери, – сказала Диана, – вы найдете меня мертвой на пороге. Вы знаете меня, сударь, – я сдержу свое слово.

– И будьте спокойны, сударыня, – прошептал Бюсси, заключая Диану в свои объятия, – у вас найдется мститель.

Диана чуть было не закричала, но тут же сообразила, что самая страшная опасность грозит ей со стороны мужа. Она продолжала сжимать в руке кинжал, но молчала, вся дрожала, но не двигалась с места.

Граф де Монсоро несколько раз с силою ударил ногой в дверную филенку, но,

очевидно зная, что Диана в состоянии выполнить свою угрозу, вышел из гостиной, с грохотом захлопнув за собой дверь. Шум его удаляющихся шагов донесся из коридора и затих на лестнице, – Но вы, сударь, – сказала тогда Диана, отступив на шаг назад и высвобождаясь из рук Бюсси, – кто вы такой и как вы сюда попали?

Бюсси открыл дверь в гостиную и преклонил колени перед Дианой.

– Сударыня, – сказал он, – я тот человек, которому вы спасли жизнь. Как могли вы подумать, что я проник к вам с дурными намерениями или злоумышляю против вашей чести?

В потоке света, льющегося из гостиной, Диана увидела благородное лицо молодого человека и узнала вчерашнего раненого.

– Ах, это вы, сударь! – воскликнула она, всплеснув руками. – Вы были здесь, вы все слышали?

– Увы, да, сударыня.

– Но кто вы такой? Ваше имя, сударь.

– Сударыня, я Луи де Клермон, граф де Бюсси.

– Бюсси, вы тот самый храбрец Бюсси! – простодушно воскликнула Диана, не заботясь о том, какой восторг пробудит это восклицание в сердце молодого человека. – Ах, Гертруда, – продолжала она, обращаясь к служанке, которая, услышав, что госпожа с кем-то разговаривает, испуганно вбежала в комнату, – Гертруда, мне больше нечего бояться, с этой минуты я отдаю свою честь под защиту самого благородного и самого беспорочного дворянина Франции.

И протянула Бюсси руку.

– Встаньте, сударь, – сказала она, – теперь, когда я знаю, кто вы, надо, чтобы и вы узнали мою историю.

Глава 13. ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР

Не помня себя от счастья, Бюсси поднялся с колен и вслед за Дианой вошел в гостиную, только что оставленную господином де Монсоро.

Молодой человек смотрел на Диану с восхищенным изумлением, он не смел и надеяться, что разыскиваемая им женщина сможет выдержать сравнение с героиней его сна, но действительность превзошла образ, принятый им за плод воображения.

Диане было лет восемнадцать – девятнадцать, то есть она находилась в том первом расцвете молодости и красоты, который дарит цветам самые чистые краски, а плодам – нежнейшую бархатистость. В значении взгляда Бюсси ошибиться было невозможно. Диана чувствовала, что ею восхищаются, и не находила в себе сил вывести Бюсси из восторженного оцепенения.

Наконец она поняла, что пора прервать это чересчур уж красноречивое молчание.

– Сударь, – сказала она, – вы ответили только на один из моих вопросов: я вас спросила, кто вы такой, и вы мне сказали, но на второй мой вопрос – как вы попали сюда, я все еще не получила ответа.

– Сударыня, – сказал Бюсси, – до меня донеслись только немногие слова из вашего разговора с господином де Монсоро, и все же я понял, что причины, приведшие меня сюда, связаны с той историей, которую вы мне обещали поведать. Разве вы сами минуту назад не сказали, что я должен узнать историю вашей жизни?

– О да, граф, я вам все расскажу, – воскликнула Диана. – Одно ваше имя внушает мне полное доверие. Я много слышала о вас, как о человеке мужественном и верном, как о человеке чести, на которого можно во всем положиться.

Бюсси поклонился.

– Из того, что вы здесь слышали, – продолжала Диана, – вы могли понять, что я дочь барона де Меридор, то есть единственная наследница одной из благороднейших и древнейших фамилий Анжу.

– Был один барон де Меридор, – заметил Бюсси, – который в битве при Павии мог избежать пленения, но сам вручил свою шпагу испанцам, когда узнал, что король в плену, и как единственной милости попросил дозволения сопровождать Франциска Первого в Мадрид. Он разделил с королем все тяготы плена и покинул его лишь для того, чтобы вернуться во Францию вести переговоры о выкупе.

– Это мой отец, сударь, и если вы когда-нибудь войдете в большую залу Меридорского замка, вы увидите там портрет Франциска Первого кисти Леонардо да Винчи, памятный подарок барону от короля в награду за верность.

– Ах! – вздохнул Бюсси. – В те времена принцы еще умели вознаграждать своих слуг.

– Вернувшись из Испании, отец женился. Первые его дети, двое сыновей, умерли. Их смерть была жестоким ударом для барона де Меридор, потерявшего надежду возродиться в наследнике. Вскоре затем скончался король, и горе барона превратилось в отчаяние. Несколько лет спустя он покинул двор и затворился со своей супругой в Меридорском замке, а через десять лет после смерти сыновей, словно чудом, у них родилась я.

Вся любовь барона обратилась на дитя, ниспосланное ему в старости. Он испытывал ко мне не просто отцовскую любовь: он боготворил меня. В трехлетнем возрасте я потеряла мать. Для барона это было новым глубоким горем, но я, еще дитя, не понимала, какая случилась беда. Я непрестанно улыбалась, и моя улыбка служила отцу утешением.

На глазах у батюшки я росла и развивалась. Я была для него всем, но и он, мой бедный отец, он так же заменял мне все на свете. Я вступила в свою шестнадцатую весну, даже не подозревая, что есть какой-то Другой мир, кроме моих овечек, моих павлинов, лебедей и голубок, ни думая, что моя привольная жизнь когда-нибудь должна кончиться, и не желая, чтобы она кончалась.

Меридорский замок окружают дремучие леса, принадлежащие герцогу Анжуйскому; в них резвятся на воле лани, дикие козы и олени, которых никто не тревожит, и поэтому они стали ручными. Я знала почти всех этих животных; иные из них узнавали меня по голосу и сбегались на мой зов, особенно свылклась со мной одна лань, моя любимица, моя фаворитка – Дафна, бедняжка Дафна. Она ела из моих рук.

Однажды весной Дафна пропала на целый месяц, я уже считала ее погибшей и оплакивала, как любимую подружку, но вдруг она появилась и привела с собой двух маленьких оленят. Малыши сначала испугались меня, но, увидев, что их мать ласково лижет мне руки, осмелели и, в свою очередь, начали ко мне ласкаться.

К этому времени распространился слух, что герцог Анжуйский направил в столицу провинции своего наместника. Через несколько дней стало известно, что наместник герцога прибыл и зовут его граф де Монсоро.

Почему, когда я впервые услышала это имя, у меня сжалось сердце? Я могу объяснить это тревожное ощущение только предчувствием беды.

Прошло восемь дней. Во всей округе много толковали о сеньоре де Монсоро, и толковали по-разному. Однажды утром лес огласили звуки охотничьего рога и собачий лай. Я подбежала к решетке парка как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо нашего замка молнией пронеслась Дафна, преследуемая стаей собак, два олененка бежали вместе с матерью.

Еще один миг, и на вороном коне, который, казалось, летел на крыльях, мимо меня промчался мужчина, похожий на страшный призрак. Это был господин де Монсоро.

Я закричала, я молила пощадить мою любимицу, но он настолько был увлечен погоней, что либо не услышал моего голоса, либо не обратил на него внимания.

Тогда, не думая о том, как будет волноваться батюшка, если он обнаружит мое отсутствие, я бросилась бежать вдогонку за охотой. Я надеялась повстречать графа или кого-нибудь из его свиты и упросить их прекратить погоню, разрывавшую мне сердце.

Я пробежала около полулье, не зная, куда бегу, потеряв из виду и лань, и собак, и охотников. Вскоре уже и собачий лай перестал до меня доноситься. Я упала на землю у подножия высокого дерева и залилась слезами. Прошло примерно четверть часа, и мне

показалось, что вдали снова слышался шум охоты. Я не ошиблась, гоп приближался ко мне, еще одно мгновение, и я уже не сомневалась, что охотники должны проскакать где-то поблизости. Я тотчас же вскочила на ноги и бросилась бежать в том направлении, откуда доносился шум.

Действительно, я увидела, как через прогалину пробежала бедная Дафна, она задыхалась, с ней был только один ее детеныш, второй, очевидно, выбился из сил и был растерзан собаками.

Сама Дафна выглядела измученной, расстояние между ней и гончими значительно сократилось, она неслась судорожными скачками и, пробегая передо мной, жалобно закричала.

И снова мне не удалось обратить на себя внимание охотников. Господин де Монсоро мчался, яростно трубя в рог, не видя ничего, кроме преследуемой им дичи. Он промелькнул мимо меня еще стремительней, чем в первый раз.

За ним скакали трое или четверо доезжачих, криками и хриплым воем рогов они подстрекали гончих. Этот вихрь криков, трубных звуков и собачьего лая пронесся мимо меня, исчез в лесу и замер где-то вдали.

Я пришла в отчаяние, я проклинала себя за неповоротливость, мне казалось, что сумей я подбежать ближе к той прогалине всего на каких-нибудь полсотни шагов – и граф де Монсоро заметил бы меня, услышал бы мои мольбы и, несомненно, пощадил бы бедное животное.

Эта мысль меня несколько приободрила.

Охотники могли и в третий раз попасться мне на глаза. Я пошла по дороге под сенью вековых деревьев. Путь был мне знаком, он вел к замку Боже, владению герцога Анжуйского, находящемуся на расстоянии примерно трех лье от Меридора. Вскоре я увидела этот замок и лишь тут поняла, что прошла пешком три лье и сейчас бреду одна-одинешенька вдали от родного крова.

Признаюсь, что чувство смутного страха овладело мной, и только теперь я осознала все безрассудство и даже неприличие своего поведения. Я пошла берегом пруда, надеясь встретить добряка садовника, который, всякий раз когда отец привозил меня сюда, дарил мне великолепные букеты цветов. Я хотела попросить его проводить меня домой. Вдруг до, меня снова донесся шум охоты. Я остановилась как вкопанная и прислушалась. Гон приближался. Я забыла все на свете. Почти в то же мгновение на другом берегу пруда из леса выскочила лань, буквально по пятам преследуемая собаками. Дафна была одна, ее второй детеныш тоже погиб. Вид воды словно придал бедняжке новые силы. Она втянула ноздрами водяную свежесть и бросилась в пруд, как будто хотела доплыть до меня.

Сначала она плыла довольно быстро и, казалось, вновь обрела всю свою живость. Я смотрела на нее со слезами на глазах, протягивала к ней руки и дышала почти так же тяжело, как она. Но силы Дафны постепенно истощались, в то время как гончие, возбужденные близостью добычи, удвоили свои усилия. Вскоре самые злые псы настигли Дафну и стали рвать зубами ее бока, не давая несчастному животному плыть к моему берегу. Тут на опушку леса вылетел господин де Монсоро, подскакал к пруду и быстро спешил. Я простерла к нему руки и крикнула из последних сил: «Пощадите!» Мне показалось, что он посмотрел в мою сторону. Я снова закричала, еще громче, чем в первый раз. Он меня услышал, так как поднял голову, потом бросился к лодке, поспешно отчалил от берега и начал быстро грести к бедняжке Дафне, которая отбивалась, как могла, от окружившей ее своры. Я не сомневалась, что господин де Монсоро, тронутый моими криками и жестами, спешит на выручку Дафне, но когда он оказался возле несчастной лани, я увидела, что он выхватил большой охотничий нож. Стальное лезвие молнией блеснуло в лучах солнца, этот блеск тут же погас, и я вскрикнула в ужасе: клинок до самой рукоятки вошел в горло бедного животного. Фонтаном брызнула кровь, окрашивая воду в красный цвет. Дафна испустила жалобный предсмертный крик, забила по воде передними копытами, вскинулась на дыбы и замертво рухнула в пруд.

Я застонала почти так же жалобно, как Дафна, и без чувств упала на землю.

Очнувшись, я увидела, что лежу на постели в одной из комнат замка Боже и батюшка, за которым послали, плачет у моего изголовья.

Моя болезнь объяснялась всего лишь перенапряжением сил, вызвавшим нервный припадок, поэтому уже на следующий день я смогла вернуться в Меридор. Однако еще три или четыре дня я не выходила из комнаты.

На четвертые сутки отец сказал мне, что все эти дни господин де Монсоро приезжал справляться о моем здоровье. Он видел, как меня несли в бесчувственном состоянии, и пришел в отчаяние, узнав, что был невольной причиной всего происшедшего. Граф просил разрешить ему лично принести мне свои извинения и утверждал, что не успокоится, пока не услышит слов прощения из моих уст.

Я не могла отказаться принять его и, несмотря на все отвращение, испытываемое мной к этому человеку, согласилась с ним встретиться.

На другой день он явился с визитом. Я понимала нелепость своего положения, ведь охота – любимое развлечение не только для мужчин, но и для многих дам. Мне пришлось объяснить, почему я так глупо расчувствовалась, и в оправдание своего обморока рассказать, как я любила Дафну.

Граф изобразил глубокое отчаяние, он раз по двадцать кряду заверял меня своей честью, что, если бы мог угадать, какую любовь я питаю к его жертве, он почел бы за величайшее счастье сохранить ей жизнь. Однако его красноречие меня не убедило, и граф удалился, так и не изгладив из моей души неприятное впечатление, которое он произвел.

Уходя, граф испросил у батюшки дозволения посетить нас еще раз. Граф родился в Испании, воспитывался в Мадриде, и барона соблазнила возможность побеседовать о стране, в которой и ему довелось провести немало времени. К тому же граф был человеком благородного происхождения, наместником провинции; молва называла его любимцем герцога Анжуйского, и у батюшки не было никаких поводов отказывать ему от дома.

Увы! С этого дня нарушилось если не счастливое, то по меньшей мере безмятежное течение моей жизни. Вскоре я заметила, что произвела впечатление на графа. Сначала он навещал нас каждую неделю, затем два раза в неделю и, наконец, стал появляться ежедневно. Он выказывал моему батюшке все знаки внимания и сумел завоевать его расположение. Я видела, что барону нравилось беседовать с ним, как с человеком незаурядным. Я не смела жаловаться; да и на что могла я жаловаться?

Граф был со мной учтив, как с хозяйкой дома, и почтителен, как с родной сестрой.

Однажды утром батюшка вошел в мою комнату с видом торжественнее обычного, и однако, несмотря на всю его важность, было ясно, что он чем-то обрадован.

– Дитя мое, – сказал он, – ты не раз уверяла меня, что была бы счастлива не разлучаться со мной всю жизнь.

– Ах, батюшка! – воскликнула я. – Ведь вы знаете – это самое заветное мое желание.

– Коли так, моя Диана, – сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в лоб, – исполнение этого желания зависит только от тебя.

Я вдруг угадала его мысли и так страшно побледнела, что отец замер, не успев прикоснуться ко мне губами.

– Диана, дитя мое! – воскликнул он. – Милосердный боже! Да что с тобой?

– Господин де Монсоро, не правда ли? – пролепетала я.

– А почему бы и нет? – удивился отец.

– О! Ни за что, батюшка, если у вас есть хоть капля жалости к вашей дочери, ни за что!

– Диана, любовь моя, – сказал он, – ты знаешь, что я не только жалею тебя, а молюсь на тебя; попроси восемь дней на размышление, и если через восемь дней... – О пет, нет! – вскричала я. – Не нужно мне ни восьми дней, ни двадцати четырех часов, ни единой минуты. Нет, нет! О господи, нет!

И я разрыдалась.

Батюшка обожал меня, и ему еще ни разу не приходилось видеть мои слезы; он взял

меня за руки, в двух словах успокоил и поклялся честью дворянина, что никогда больше не заговорит со мной об этом замужестве.

Действительно, прошел месяц, а я ни разу не видела господина де Монсоро и не слышала о нем ни слова. Как-то утром мы с батюшкой получили приглашение на большой праздник, устраиваемый господином де Монсоро в честь королевского брата, герцога Анжуйского, собиравшегося посетить провинцию, имя которой он носил. Праздник должен был состояться в ратуше города Анжера.

К письму было приложено особое приглашение от принца; герцог писал моему отцу, что он помнит, как они в свое время встречались при дворе короля Генриха Второго, и с удовольствием снова с ним повидается.

Моим первым побуждением было упросить отца не ехать на праздник; несомненно, я настояла бы на своем, если бы приглашение исходило только от одного господина де Монсоро, но второе письмо подписал принц, и отец боялся отказом оскорбить его высочество.

Итак, мы отправились на бал. Господин де Монсоро встретил меня так, словно между нами ничего не произошло. В его отношении ко мне не было ни напускного безразличия, ни нарочитой любезности. Он вел себя со мной так же, как и со всеми остальными дамами, и я была рада, что он ничем не выделял меня среди собравшегося общества.

Совсем иначе вел себя герцог Анжуйский. Увидев меня, он уже не сводил с меня глаз. Я чувствовала себя неловко под его тяжелым взглядом; и наконец, ни слова не сказав отцу о своем состоянии, незаметно устроила так, что мы уехали с бала в числе первых.

Три дня спустя господин де Монсоро появился в Меридоре. Увидев, что он едет по аллее к замку, я скрылась в свои покои.

Я боялась, как бы отец не позвал меня к гостю, но он этого не сделал. Прошло не более получаса, и господин де Монсоро покинул наш замок. Никто, даже батюшка ни словом не обмолвился об его визите, однако мне показалось, что после появления графа барон помрачнел.

Прошло еще несколько дней. Вернувшись с прогулки по окрестностям, я узнала, что господин де Монсоро снова разговаривал с моим отцом... В мое отсутствие барон дважды или трижды справлялся обо мне и несколько раз с беспокойством спрашивал, куда именно я могла уйти. Он приказал немедленно известить его, когда я вернусь.

И в самом деле, как только я вошла в свою комнату, отец постучался в дверь.

– Дитя мое, – обратился он ко мне, – причина, которую тебе совершенно ни к чему знать, вынуждает меня расстаться с тобой на некоторое время. Не спрашивай меня ни о чем. Пойми одно – эта причина должна быть весьма уважительной, раз уж я решаюсь провести неделю, две недели, может быть месяц, в разлуке с тобой.

Я вздрогнула, хотя и не могла угадать, какая опасность мне грозит. Но повторный визит господина де Монсоро не сулил мне ничего хорошего.

– И куда я должна буду уехать, батюшка? – осведомилась я.

– В Людский замок, к моей сестре, там ты будешь укрыта от всех глаз. Мы позаботимся о том, чтобы ты прибыла туда под покровом ночи.

– А вы не поедете со мной?

– Нет, я должен остаться здесь, чтобы отвести подозрение. Даже наша челядь не будет знать, куда ты уехала.

– А кто же меня проводит?

– Два человека, в которых я уверен, – О, боже мой! Батюшка! Барон обнял меня.

– Дитя мое, – сказал он, – так надо.

Я знала, как он меня любит, и больше не настаивала ни на чем и не спрашивала никаких объяснений.

Мы договорились, что я возьму с собой дочь моей кормилицы, Гертруду.

Батюшка покинул меня, наказав подготовиться к отъезду.

Стояли самые короткие дни зимы, и к восьми часам вечера уже совсем стемнело и

похолодало. В восемь часов отец пришел за мной. Как он и просил, я была уже готова. Мы бесшумно спустились по лестнице и прошли через сад. Барон собственноручно открыл ключом калитку, выходящую в лес. За ней нас ожидали запряженная карета и двое сопровождающих. Батюшка долго говорил с ними, как мне показалось, поручая меня их попечению. Я уселась в экипаж, Гертруда заняла место рядом со мной. Барон обнял меня на прощание, и мы тронулись в путь.

Я не знала, какого рода опасность мне угрожает и что заставило батюшку услатить меня из Меридорского замка. Гертруда не могла мне ничем помочь, она тоже ничего не знала. Наши спутники были мне незнакомы, и я не осмеливалась к ним обратиться. Мы ехали около двух часов в полном молчании какими-то окольными дорогами, и, хотя я очень волновалась, ровное колышание кареты постепенно меня убаюкало и я уже начала было засыпать, как вдруг мы остановились и Гертруда схватила меня за руку.

– Ах, барышня, – пролепетала бедная девушка, – что с нами будет?

Я выглянула из-за занавесок: нас окружили шесть всадников в масках. Наши провожатые, очевидно пытавшиеся оказать сопротивление, были схвачены и обезоружены.

До смерти напуганная, я не в силах была позвать на помощь, да и кто мог откликнуться на мой призыв?

Замаскированный всадник, который казался старшим, подъехал к дверцам экипажа.

– Успокойтесь, сударыня, – сказал он, – мы вас не обидим, но вам придется последовать за нами.

– Куда? – спросила я.

– Туда, где вам не грозит никакая опасность. Напротив, там с вами будут обращаться как с королевой. Это обещание меня испугало больше, чем любая угроза.

– Ах, батюшка мой, батюшка! – прошептала я.

– Послушайте, барышня, – сказала мне Гертруда, – я хорошо знаю все окрестности, я вам предана, силою бог меня не обидел, поверьте мне – мы сумеем убежать.

Эти заверения моей бедной служанки, конечно, не могли меня успокоить, все же ее поддержка меня подбодрила, и я пришла в себя, – Делайте с нами все, что вам угодно, господа, – ответила я, – мы всего лишь две слабые и беззащитные женщины.

Один из всадников спешил, занял место нашего возницы, и мы свернули в сторону с той дороги, по которой ехали.

Бюсси, как понимают читатели, слушал рассказ Дианы с глубочайшим вниманием. Среди первых проявлений зарождающейся большой любви есть чувство почти религиозного преклонения перед любимой. Вы поднимаете избранницу вашего сердца на пьедестал, возносите ее над всеми остальными женщинами. Вы возвеличиваете, очищаете, обожествляете ее образ, каждый ее жест – это милость, которую она вам дарует, каждое слово – ниспосланное вам счастье, ее взгляд наполняет вас радостью, улыбка – восторгом.

Поэтому молодой человек предоставлял прекрасной рассказчице полную возможность беспрепятственно развертывать свое повествование, не допуская и мысли о том, чтобы перебить ее. Малейшее обстоятельство, связанное с этой женщиной, которую, как он предчувствовал, ему предстоит взять под защиту, вызывало в его душе живейший отклик, он слушал Диану молча, с трудом переводя дыхание, как если бы от каждого ее слова зависела его жизнь.

И когда молодая женщина на минуту умолкла, будучи явно не в состоянии справиться с обуревавшим ее двойным волнением, вызванным и настоящим, и воспоминаниями о прошлом, Бюсси, не в силах сдержать свое беспокойство, молитвенно протянул к ней руки.

– О, продолжайте, сударыня, – простонал он, – ради бога, продолжайте.

Диана не могла ошибиться в глубине чувства, которое она внушала: мольба была не только в словах, но и в голосе, в жесте, в выражении лица молодого человека. Красавица печально улыбнулась и продолжала:

– Мы ехали около трех часов и наконец остановились. Я услышала, как заскрипели

ворота, наши похитители обменялись с кем-то несколькими словами; затем экипаж двинулся дальше, и копыта лошадей застучали по чему-то твердому, словно бы по настилу подъемного моста. Выглянув из-за занавесок, я убедилась, что не ошиблась, – мы оказались во дворе какого-то замка.

Чей это замок? Ни Гертруда, ни я этого не могли угадать. По дороге мы не раз пытались распознать местность, но не видели ничего, кроме бесконечного темного леса. Правда, обоим нам показалось, что наши похитители нарочно петляют по лесу, пытаясь сбить нас с толку и лишить возможности определить, где мы находимся.

Дверцы кареты распахнулись, и тот же замаскированный мужчина, который ранее говорил с нами, пригласил нас выйти.

Я молча повиновалась. Два человека, очевидно, слуги из замка, в который мы прибыли, встречали нас с факелами в руках. Страшное обещание, данное мне, сбывалось – нам, пленницам, оказывались знаки величайшего почета. Мы последовали за людьми с факелами. Они провели нас в пышную опочивальню, которая, по-видимому, была обставлена и украшена в самые блестящие годы царствования Франциска Первого.

На столе нас ждал богато сервированный ужин.

– Вы у себя дома, сударыня, – сказал тот, кто уже дважды ко мне обращался. – Несомненно, вы нуждаетесь в услугах, поэтому ваша девушка останется при вас. Ее комната возле вашей.

Мы с Гертрудой обменялись радостным взглядом.

– Если вам что-нибудь понадобится, – продолжал человек в маске, – постучите в дверь молотком, который на ней висит, в прихожей все время кто-нибудь будет дежурить, и он немедленно явится к вам.

Эта притворная забота свидетельствовала, что нас будут тщательно сторожить.

Человек в маске поклонился и вышел, мы услышали, как он закрыл дверь на двойной оборот ключа.

Гертруда и я остались одни.

Какое-то время мы молча глядели друг на друга. Два канделябра, стоявшие на обеденном столе, освещали комнату. Гертруда открыла было рот, собираясь что-то сказать, но я предостерегающе поднесла палец к губам: пас могли подслушивать.

Дверь комнаты, предназначенной Гертруде, была открыта, и нам обоим одновременно пришла в голову мысль осмотреть это помещение. Гертруда взяла один из канделябров, и мы на цыпочках вошли туда.

Мы увидели большую туалетную комнату, дополняющую спальню; в ней была еще одна дверь и в той же стене, что и дверь, через которую нас ввели в спальню. Эта дверь, несомненно, также выходила в прихожую; на пей, как и на двери спальни, висел на медном гвоздике молоточек из того же металла. И молоточки и гвозди были столь тонкой и изящной работы, что казались творениями самого Бенвенуто Челлини.

Гертруда поднесла свечу к замку; дверь была закрыта на двойной оборот ключа.

Мы были узниками.

Просто невероятно, насколько одинаково два человека, даже принадлежащие к разным слоям общества, по оказавшиеся в одном и том же положении и подвергающиеся одной и той же опасности, просто невероятно, говорю я, насколько одинаково они мыслят и как легко они понимают друг друга с полуслова.

Гертруда приблизилась ко мне.

– Вы заметили, барышня, – тихо сказала она, – когда мы входили сюда со двора, мы поднялись только на пять ступенек?

– Да, – ответила я.

– Значит, мы на первом этаже?

– Несомненно.

– А что, если, – продолжала она шепотом, показывая глазами на ставни, закрывающие окна, – а что, если...

– Если на окнах нет решеток, – перебила я.
– Да, и если барышня наберется смелости.
– Смелости! – воскликнула я. – О, будь спокойна, смелости у меня хватит.
На этот раз наступил черед Гертруды приложить палец к губам.
– Да, да, все ясно, – сказала я.

Гертруда сделала мне рукой знак – оставаться на месте, а сама унесла канделябр в спальню и снова поставила его на стол.

Я уже поняла, что она задумала, подошла к окну и принялась искать задвижки ставен.

Я их нашла, вернее, их нашла Гертруда, пришедшая мне на помощь. Ставни открылись.

У меня вырвался радостный крик: на окне решетки не было.

Но Гертруда тут же обнаружила причину этого мнимого недосмотра со стороны наших стражей. Подножие стены омывал широкий пруд. Эти воды, добрых десять футов глубиной, стерегли нас надежнее любых решеток.

Переведя взор с поверхности пруда на его берега, я узнала знакомые места: мы были пленницами в замке Боже, который, как я уже говорила, мы с отцом несколько раз посещали и куда месяц тому назад, в день гибели Дафны, меня принесли в бесчувственном состоянии. Замок Боже принадлежал герцогу Анжуйскому. И, как будто вспышка молнии осветила мое сознание, я разом все поняла.

Я глядела на пруд с чувством мрачного удовлетворения: вот она – последняя возможность уйти от насилия, надежное убежище от бесчестия.

Мы заперли ставни. Я, не раздеваясь, бросилась в постель, Гертруда заснула в кресле у моих ног.

За ночь я раз двадцать просыпалась, охваченная неизъяснимым ужасом, но каждый раз убеждалась, что мои страхи ничем не оправданы, не считая моего положения пленницы. Ничто вокруг не говорило о злых умыслах против меня, наоборот, весь замок, казалось, спал безмятежным сном, и только крики болотных птиц нарушали тишину ночи.

Рассвело. Ночной мрак, в котором всегда есть что-то пугающее, отступил. Но мои ночные страхи не рассеялись. Я поняла, что без помощи извне бегство невозможно. Но откуда могла прийти к нам эта помощь?

Около девяти часов в дверь постучали. Я перешла в комнату Гертруды, а ей разрешила впустить тех, кто стучится.

Дверь за собой я оставила неприкрытой и в щелку могла видеть, как в комнату вошли все те же вчерашние слуги. Они забрали оставшийся нетронутым ужин и поставили на стол завтрак.

Гертруда обратилась к ним с вопросом, но они удалились, ничего ей не ответив.

Тогда я вернулась в свою спальню. То, что мы находимся в замке Боже, и показной почет, которым нас окружали, объясняло мне все. Герцог Анжуйский увидел меня па балу у господина де Монсоро и влюбился. Батюшка был об этом предупрежден и решил уберечь свою дочь от преследований, которым она, несомненно, должна была подвергнуться. Он хотел удалить меня из Меридора, но эта предосторожность, благодаря измене какого-нибудь слуги или несчастному случаю, не увенчалась успехом. Я попала в руки того человека, от которого отец тщетно пытался меня спасти.

Эта мысль показалась мне вполне правдоподобной и действительно впоследствии подтвердилась.

Уступив мольбам Гертруды, я выпила чашку молока и съела ломтик хлеба.

Утро прошло за составлением самых безрассудных планов бегства. В ста шагах перед нами, в камышах, стояла лодка с веслами. Будь это суденышко в пределах досягаемости, то, конечно, моих сил, удесятеренных страхом, и от природы немалых сил Гертруды нам хватило бы, чтобы спастись.

В течение дня нас никто не беспокоил. Нам сервировали обед точно так же, как в свое

время – завтрак. Но я от слабости едва стояла на ногах. За обедом мне прислуживала только Гертруда; паши стражники, поставив блюда на стол, тут же удалились. И вдруг, разломив маленький хлебец, я увидела в нем записку.

Я торопливо развернула ее и прочла:

«Ваш друг печется о вас. Завтра вы получите весточку от него и от вашего отца».

Понятно, как я обрадовалась; мое сердце забилося так отчаянно, словно хотело выпрыгнуть из груди. Я показала записку Гертруде. Остаток дня прошел в ожиданиях в надеждах.

Вторая ночь протекла так же спокойно, как и первая; наступил час завтрака, которого я ждала с нетерпением, ибо не сомневалась, что в хлебе снова найду записку. И я не обманулась. Содержание записки было следующим:

«Лицо, которое вас похитило, прибудет в замок Боже сегодня вечером, в десять часов. Но в девять часов друг, пекущийся о вас, появится под вашими окнами с письмом от вашего отца. Это письмо внушит вам доверие к его подателю, которое иначе вы, быть может, ему и не оказали. Записку сожгите».

Я читала и перечитывала это послание, затем бросила сто в огонь, как мне советовали. Почерк был мне незнаком, и, признаюсь, я совершенно не подозревала, кто мог быть автором записки.

Мы обе, Гертруда и я, терялись в догадках. Сто раз за его утро подходили мы к окну посмотреть, нет ли кого-нибудь на берегах пруда или в лесу, но и лес и пруд были пустынные.

Час спустя после обеда в нашу дверь постучали. Впервые к нам стучались не в часы трапезы, но мы не могли запереться изнутри, и поэтому нам ничего по оставалось, как разрешить войти.

Вошел тот человек, который привез нас сюда, и по могла узнать его по лицу, потому что видела его только в маске, но с первых же слов узнала по голосу, Он подал мне письмо.

– Кто вас послал, сударь? – спросила я.

– Потрудитесь, пожалуйста, прочесть это письмо, сударыня, – ответил он, – и вы все узнаете.

– Но я не желаю читать письмо, не зная, от кого оно.

– Сударыня вольна делать все, что ей вздумается. Мне приказано вручить ей это послание, и я складываю его к ее ногам. Если сударыня соблаговолит наклониться и поднять письмо, она наклонится и поднимет его.

И действительно, этот человек, по всей вероятности дворянин, положил письмо на скамеечку, на которой стояли мои ноги, и вышел.

– Что делать? – спросила я Гертруду.

– Осмелюсь посоветовать вам, барышня, прочесть письмо. Может быть, в нем говорится о какой-то опасности, которой мы сможем избежать, если будем знать о ней.

Совет был настолько разумен, что я передумала и распечатала письмо.

Тут Диана прервала свое повествование, встала, открыла маленькую шкатулку из тех, за которыми мы сохранили итальянское название *stipo*, достала шелковый портфель и извлекла оттуда письмо.

Бюсси посмотрел на адрес.

– «Прекрасной Диане де Меридор», – прочел он. Затем, взглянув на молодую женщину, сказал:

– Этот адрес написан рукой герцога Анжуйского.

– Ах, – вздохнула Диана, – значит, он меня не обманул.

Затем, видя, что Бюсси не решается раскрыть письмо, приказала:

– Читайте. Случай сделал вас свидетелем самых интимных событий моей жизни, мне

нечего от вас скрывать. Бюсси повиновался и прочел следующее:

«Несчастный принц, пораженный в самое сердце Вашей божественной красотой, навестит Вас сегодня вечером, в десять часов, дабы принести извинения за все, что он себе позволил по отношению к Вам. Для его действий, как это он сам понимает, не может быть иного оправдания, кроме неодолимой любви, которую Вы ему внушаете.

Франсуа».

— Значит, это письмо действительно написано герцогом Анжуйским? — спросила Диана.

— Увы, да! — ответил Бюсси. — Это его почерк и его подпись.

Диана вздохнула.

— Может быть, и в самом деле он не так уж виноват, как я думала? — пробормотала она.

— Кто — он, принц? — спросил Бюсси.

— Нет, граф де Монсоро.

Теперь наступила очередь Бюсси вздохнуть.

— Продолжайте, сударыня, — сказал он, — и мы рассудим и принца и графа.

— Это письмо, в подлинности которого у меня тогда не было никаких причин сомневаться, ибо оно полностью подтверждало мои собственные догадки, показало, как и предвидела Гертруда, какой опасности я подвергаюсь, и тем драгоценнее сделалась для меня поддержка неизвестного друга, предлагавшего свою помощь от имени моего отца. Только на этого друга я и могла рассчитывать.

Вернувшись на наш наблюдательный пост у окна, мы с Гертрудой не сводили глаз с пруда и леса перед нашими окнами. Однако на всем пространстве, открытом взору, мы не могли заметить ничего утешительного.

Наступили сумерки, и, как всегда в январе, быстро стемнело. До срока, назначенного герцогом, оставалось четыре или пять часов, и мы ждали, охваченные тревогой.

Стоял один из тех погожих зимних вечеров, когда, если бы не холод, можно подумать, что на дворе конец весны или начало осени. Сверкало небо, усеянное тысячами звезд, и молодой полумесяц заливал окрестности серебряным светом; мы открыли окно в комнате Гертруды, думая, что за этим окном наблюдают, во всяком случае, менее строго, чем за моим.

Часам к семи легкая дымка, подобная вуали из прозрачной кисеи, поднялась над прудом, она не мешала нам видеть, может быть, потому, что наши глаза уже привыкли к темноте.

У нас не было часов, и я не могу точно сказать, в котором часу мы заметили, что на опушке леса движутся какие-то тени. Казалось, они с большой осторожностью, укрываясь за стволами деревьев, приближаются к берегу пруда. Может быть, мы в конце концов решили бы, что эти тени только привиделись нашим утомленным глазам, но тут до нас донеслось конское ржание.

— Это наши друзья, — пробормотала Гертруда.

— Или принц, — ответила я.

— О, принц, — сказала она, — принц бы не прятался.

Эта простая мысль рассеяла мои подозрения и укрепила мой дух.

Мы с удвоенным вниманием вглядывались в прозрачную мглу.

Какой-то человек вышел вперед, его спутники, по-видимому, остались позади, в тени деревьев.

Человек подошел к лодке, отвязал ее от столба, к которому она была привязана, сел в нее, и лодка бесшумно заскользила по воде, направляясь в нашу сторону.

По мере того как она продвигалась вперед, я все больше и больше напрягала зрение, пытаясь разглядеть друга, спешащего к нам на помощь.

И вдруг мне показалось, что его высокая фигура напоминает графа де Монсоро. Потом я смогла различить мрачные и резкие черты лица; наконец, когда лодка была уже в десяти шагах от нас, мои последние сомнения рассеялись.

Теперь новоявленный друг внушал мне почти такой же страх, как и враг.

Я стояла, безмолвная и неподвижная, сбоку от окна, и граф не мог меня видеть. Подъехав к подножию стены, он привязал лодку к причальному кольцу, и голова его показалась над подоконником. Я не удержалась и вскрикнула.

– Ах, простите, – сказал граф де Монсоро, – я полагал, что вы меня ждете.

– Я действительно ждала кого-то, но не знала, что это будете вы, Граф горько улыбнулся.

– Кто же еще, кроме меня и вашего отца, будет оберегать честь Дианы де Меридор?

– В том письме, которое я получила, вы писали мне, сударь, что уполномочены моим батюшкой.

– Да, и поскольку я предвидел, что вы усомнитесь в этом, я захватил от него письмо.

И граф протянул мне листок бумаги, Мы не зажигали свечей, чтобы иметь возможность свободно передвигаться в темноте. Я перешла из комнаты Гертруды в свою спальню, встала на колени перед камином и в неверном свете пламени прочла:

«Моя дорогая Диана, только граф де Монсоро может спасти тебя от опасности, которая тебе угрожает, а опасность эта огромна. Доверься ему полностью, как верному другу ниспосланному нам небесами.

Позже он откроет тебе, чем бы ты могла отплатить ему за его благородную помощь, знай, что его помыслы отвечают самым заветным желаниям моего сердца.

Заклинаю тебя поверить мне и пожалеть и меня и себя.

Твой отец, барон де Меридор».

Определенных причин не доверять графу де Монсоро у меня не было. Он внушал мне чисто инстинктивное отвращение, не опирающееся на доводы рассудка. Я могла вменить ему в вину только смерть Дафны, но разве убийство лани преступление для охотника?

Я вернулась к окну.

– Ну и как? – спросил граф.

– Сударь, я прочла письмо батюшки. Он пишет, что вы готовы увезти меня отсюда, но ничего ни говорит о том, куда вы меня отвезете.

– Я вас отвезу туда, где вас ждет барон, – А где он меня ждет?

– В Меридорском замке.

– Значит, я увижу отца?

– Через два часа.

– О сударь! Если только вы говорите правду... Я остановилась. Граф с видимой тревогой ждал, что я скажу дальше.

– Рассчитывайте на мою признательность, – добавила я дрогнувшим голосом, ибо уже угадала, в чем, по его мнению, должна была заключаться эта признательность, но у меня не хватало сил назвать все своими словами.

– В таком случае, – сказал граф, – готовы ли вы следовать за мной?

Я с беспокойством взглянула на Гертруду. По ее лицу было видно, что мрачная фигура нашего спасителя впутала ей доверие не больше, чем мне.

– Имейте в виду, каждая минута промедления грозит вам такой бедой, что вы и помыслить не можете, – сказал он. – Я запоздал примерно на полчаса; скоро уже десять, разве вам не сообщили, что ровно в десять часов принц прибудет в замок Боже?

– Увы! Да, – ответила я.

– Как только принц появится здесь, я уже ничего не смогу сделать для вас, даже если поставлю па карту свою жизнь, тогда как сейчас я рискую ею в полной уверенности, что мне удастся вас спасти.

– Почему с вами нет моего отца?

– Как по-вашему, неужели за вашим отцом не следят? Да он не может шагу ступить без того, чтобы ко стало известно, куда он идет.

– Ну а вы? – спросила я.

– Я? Со мной другое дело. Я друг принца, его доверенное лицо.

– Но, сударь, – воскликнула я, – коли вы друг принца, коли вы его доверенное лицо, значит...

– Значит, я предаю его ради вас; да, именно так. Поэтому я и сказал вам сейчас, что рискую своей жизнью ради спасения вашей чести.

В тоне графа звучала такая убежденность и все его слова были так похожи на правду, что, хотя этот человек все еще вызывал у меня неприязнь, я не знала, как объяснить ему свое недоверие.

– Я жду, – сказал граф.

Я взглянула на Гертруду, но она тоже была в нерешительности.

– Ну вот и дождались, – сказал граф. – Если вы еще колеблетесь, взгляните на тот берег.

И он показал мне на кавалькаду, скакавшую к замку по берегу пруда, противоположному тому, от которого он отчалил.

– Кто эти люди? – спросила я.

– Герцог Анжуйский со свитой, – ответил граф.

– Барышня! Барышня! – заволновалась Гертруда. – Нельзя терять времени.

– Мы и так потеряли его слишком много, – сказал граф. – Небом вас заклинаю, решайтесь. Я упала на стул, силы меня покинули.

– Господи боже! Господи боже! Что делать? Что делать? – повторяла я, – Слышите, – сказал граф, – слышите: они стучат в ворота.

Действительно, два всадника, отделившиеся от кавалькады, уже стучали в ворота молотком.

– Еще пять минут, – сказал граф, – и все будет кончено.

Я хотела подняться, но ноги у меня подкосились.

– Ко мне, Гертруда, – пролепетала я. – Ко мне!

– Барышня, – взмолилась бедная девушка. – Вы слышите? Ворота уже открываются. Вы слышите? Всадники въезжают во двор.

– Да, да! – отвечала я, тщетно пытаясь подняться. – Но у меня нет сил.

– Ах, если только это!.. – обрадовалась Гертруда.

И она обхватила меня руками, легко подняла, словно ребенка, и передала графу.

Почувствовав прикосновение рук этого человека, я вздрогнула так сильно, что чуть было не упала в воду.

Но он прижал меня к груди и бережно опустил в лодку.

Гертруда последовала за мной и спустилась в лодку без посторонней помощи.

И тут я заметила, что с меня слетела вуаль и плавает на воде.

Я подумала, что она выдаст наши следы преследователям.

– Там вуаль, моя вуаль! – обратилась я к графу. – Выловите ее.

Граф бросил взгляд в ту сторону, куда я показывала пальцем.

– Нет, – сказал он, – лучше пусть все остается, как есть.

Он взялся за весла и принялся грести с такой силой, что через несколько взмахов веслами наша лодка подошла к берегу.

В эту минуту мы увидели, что в окнах моей комнаты появился свет: в нее вошли слуги со свечами в руках.

– Ну что, разве не моя была правда? – сказал господин де Монсоро. – Разве можно было еще медлить?

– Да, да, да, сударь, – ответила ему я, – воистину вы мой спаситель.

Тем временем огоньки свечей тревожно заметались в окнах, перемещаясь то из моей

спальни в комнату Гертруды, то из комнаты Гертруды в спальню. До нас донеслись голоса. В спальне появился человек, перед которым все остальные почтительно расступились. Он подошел к открытому окну, высунулся из него и вдруг закричал, вероятно заметив ною вуаль, плавающую на воде.

– Видите, как хорошо я сделал, оставив там вуаль – сказал граф. – Принц подумает, что, желая спасти свою честь, вы утопились в пруде, и, пока они будут искать там ваше тело, мы убежим.

Я снова вздрогнула, на сей раз пораженная мрачными глубинами этого ума, который мог предвидеть даже и такой страшный исход.

Но тут мы причалили к берегу.

Глава 14. ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРПДОР. – ДОГОВОР

Снова наступила тишина. Диана, заново пережившая все события тех трагических дней, пришла в такое волнение, что у нее перехватило горло.

Бюсси весь превратился в слух, он заранее поклялся в вечной ненависти к врагам молодой женщины, кто бы они ни были.

Наконец, достав из кармана своего платья флакон с ароматическими солями и глубоко вдохнув их острый запах, Диана продолжала:

– Едва мы ступили на берег, как к нам подбежали семь или восемь человек. Это были люди графа, и мне показалось, что я узнала среди них двух слуг, которые сопровождали наш экипаж, пока на нас не напали и не увезли в замок Боже. Стремянный подвел к нам двух лошадей: графского вороного и белого иноходца, предназначенного для меня. Граф посадил меня в седло и, как только я уселась, вскочил на коня.

Гертруда устроилась на крупе лошади за одним из графских слуг.

И, ни минуты не медля, мы понеслись галопом по лесной дороге.

Граф не выпускал из рук повод моего иноходца, я заметила это и сказала ему, что умею ездить верхом и не нуждаюсь в подобных мерах предосторожности; он ответил, что у меня пугливая лошадь, которая может понести или неожиданно метнуться в сторону.

Мы скакали уже минут десять, когда я услышала голос Гертруды, звавшей меня. Я обернулась и увидела, что наш отряд разделился: четверо всадников свернули на боковую тропу, уходящую в лес, а остальные четверо вместе со мной продолжали скакать вперед.

– Гертруда! – воскликнула я. – Сударь, почему Гертруда не едет с нами?

– Это совершенно необходимая предосторожность, – ответил мне граф. – Надо, чтобы мы оставили два следа, на случай если за нами будет погоня. Пусть на двух разных дорогах люди скажут, что видели женщину, увозимую четырьмя мужчинами. Тогда герцог Анжуйский может пойти по ложному следу и поскакать за служанкой вместо того, чтобы погнаться за госпожой.

Хотя его доводы казались основательными, все же они не убедили меня, но что я могла сказать и что я могла сделать? Вздохнув, я смирилась.

К тому же мы скакали по дороге в Меридорский замок, и наши кони мчались с такой быстротой, что мы должны были уже через четверть часа оказаться в замке. Но вдруг, когда мы выехали на хорошо известный мне перекресток, граф вместо того, чтобы следовать дальше по дороге, ведущей к моему батюшке, свернул влево и поскакал прочь от замка. Я закричала и, невзирая на быстрый галоп моего иноходца, оперлась о луку седла, чтобы соскочить на землю, но тут граф, несомненно следивший за моими движениями, перегнулся с лошади, обхватывая меня рукой за талию и перебросил на луку своего седла. Иноходец, почувствовав себя свободным, заржал и поскакал в лес.

Все это граф проделал столь молниеносно, что я успела лишь вскрикнуть.

Господин де Монсоро зажал мне рот рукой.

– Сударыня, – сказал он, – клянусь вам своей честью, я только выполняю приказание

вашего батюшки и предъявлю вам доказательство этого па первой же остановке, которую мы сделаем; если это доказательство окажется неубедительным или вызовет у вас сомнения, еще раз клянусь честью, я предоставлю вам свободу.

– Но, сударь, ведь вы обещали отвезти меня к отцу! – воскликнула я, отталкивая его руку и откинув голову.

– Да, я вам обещал это, так как видел, что вы колеблетесь; еще одно мгновение – и эти колебания, как вы сами могли убедиться, погубили бы нас всех: вашего отца, вас и меня. Теперь подумайте, – сказал граф, останавливая копя, – разве вы хотите убить барона? Хотите попасть в руки тому, кто намерен вас обесчестить? Одно ваше слово – и я вас отвезу в Меридорский замок.

– Вы сказали, у вас есть какое-то доказательство, подтверждающее, что вы действуете от имени моего отца?

– Доказательство, вот оно, – сказал граф, – возьмите это письмо и на первом же постоялом дворе, где мы остановимся, прочтите его. Повторяю, если, прочитав письмо, вы пожелаете вернуться в замок, клянусь честью, вы вольны будете это сделать. Но если вы хоть сколько-нибудь уважаете барона, вы так не поступите, я в том уверен.

– Тогда вперед, сударь, и поскорее доберемся до этого первого постоялого двора, ибо я горю желанием убедиться в правдивости ваших слов.

– Не забывайте, вы последовали за мной добровольно.

– Да, добровольно, если только можно говорить о доброй воле, оказавшись в том положении, в каком я очутилась. Разве можно говорить о доброй воле молодой девушки, у которой есть только два выбора: либо смерть отца и бесчестие, либо полное доверие к человеку почти незнакомому; впрочем, пусть будет по-вашему – я следую за вами добровольно, и вы сами это увидите, если сообразовались дать мне коня.

Граф сделал знак одному из своих людей, и тот спешился. Я соскользнула с вороного и через мгновение уже сидела в седле.

– Иноходец не мог убежать далеко, – сказал граф слуге, уступившему мне лошадь, – поищите его в лесу, покличьте его; он знает свое имя и, как собака, прибежит на голос или на свист. Вы присоединитесь к нам в Ла-Шатре.

Я невольно вздрогнула. Ла-Шатр находился в добрых десяти лье от Меридорского замка по дороге в Париж.

– Сударь, – сказала я графу, – решено, я еду с вами. По в Ла-Шатре мы поговорим.

– Это значит, сударыня, – ответил граф, – что в Ла-Шатре вы сообразовались дать мне ваши приказания.

Его притворная покорность меня ничуть не успокаивала; и все же, поскольку у меня не было выбора, не было иного средства спастись от герцога Анжуйского, я молча продолжала путь. К рассвету мы добрались до Ла-Шатра. Но вместо того, чтобы въехать в деревню, граф за сотню шагов от ее первых садов свернул с дороги и полем направился к одиноко стоящему домику. Я придержала лошадь.

– Куда мы едем?

– Послушайте, сударыня, – сказал граф, – я уже имел возможность заметить, что вы мыслите чрезвычайно логично, и потому позволю себе обратиться к вашему рассудку. Можем ли мы, убегая от принца, самой могущественной особы в государстве после короля, можем ли мы остановиться на обычном постоялом дворе посреди деревни, где первый же крестьянин, который нас увидит, не преминет нас выдать? Можно подкупить одного человека, но целую деревню не подкупишь.

Все ответы графа были весьма логичны и убедительны, и это меня подавляло.

– Хорошо, – сказала я. – Поедемте.

И мы снова поскакали.

Нас ждали; один из всадников, незаметно от меня, отделился от нашей кавалькады, опередил нас и все подготовил. В камине более или менее чистой комнаты пылал огонь, постель была застелена.

– Вот ваша спальня, – сказал граф, – я буду ждать ваших приказаний.

Он поклонился и вышел, оставив меня одну.

Первое, что я сделала, это подошла к светильнику и достала из-за корсажа письмо отца... Вот оно, господин до Бюсси. Будьте моим судьей, прочтите его, Бюсси взял письмо и прочел.

«Моя нежно любимая Диана, если, как я в этом не сомневаюсь, ты уступила моим мольбам и последовала за графом де Монсоро, то граф должен был тебе сказать, что ты имела несчастье понравиться герцогу Анжуйскому и принц приказал тебя похитить и привезти в замок Божсе, по этим его делам суди сама, на что он еще может быть способен и какой позор тебе грозит. Избежать бесчестия, коего я не переживу, ты можешь только одним путем, а именно, если ты выйдешь замуж за нашего благородного друга. Когда ты станешь графиней Монсоро, граф вправе будет защищать тебя, как свою законную супругу; он поклялся мне, что ничего для этого не пожалеет.

Итак, я желаю, возлюбленная моя дочь, чтобы это бракосочетание состоялось как можно скорее, и если ты меня слушаешься, то к моему родительскому согласию на брак я присовокупляю мое отеческое благословение и молю бога даровать тебе всю полноту счастья, которую он хранит для чистых сердец, подобных твоему.

Твой отец, который не приказывает тебе, а умоляет тебя, барон де Меридор».

– Увы, – сказал Бюсси, – если это действительно письмо вашего отца, его желание выражено совершенно недвусмысленно.

– Письмо написано отцом, в этом нет никаких сомнений, и все же я трижды перечитала его, прежде чем принять какое-нибудь решение. Наконец я пригласила графа.

Граф появился тотчас же, очевидно, он ждал за дверью.

Я держала письмо в руке.

– Ну и как, – спросил он, – вы прочли письмо?

– Да, – ответила я.

– Вы все еще сомневаетесь в моей преданности и в моем уважении?

– Если бы я и сомневалась, сударь, письмо батюшки придало бы мне веру, которой мне не доставало. Теперь скажите, сударь, предположим, я последую советам отца, как вы намерены поступить в этом случае?

– Я намерен отвезти вас в Париж, сударыня. Именно там вас легче всего спрятать, – А мой отец?

– В любом месте, где бы вы ни были, и вы это хорошо знаете, баров присоединится к нам, как только минует непосредственная опасность.

– Ну хорошо, сударь, я готова принять ваше покровительство на ваших условиях.

– Я не ставлю никаких условий, сударыня, – ответил граф, – я предлагаю вам путь к спасению, вот и все.

– Будь по-вашему: я готова принять предлагаемый вами путь к спасению на трех условиях.

– Каких же, сударыня?

– Первое, пусть мне вернут Гертруду.

– Она уже здесь, – сказал граф.

– Второе, мы должны ехать в Париж по отдельности.

– Я и сам хотел предложить вам разделиться, чтобы успокоить вашу подозрительность.

– И третье, наше бракосочетание, которое я отнюдь не считаю чем-то безотлагательным, состоится только в присутствии моего отца.

– Это мое самое горячее желание, и я рассчитываю, что благословение вашего батюшки призовет на нас благоволение небес.

Я была поражена. Мне казалось, что граф должен найти какие-то возражения против

этого тройного изъявления моей воли, а получилось совсем наоборот, он во всем был со мной согласен.

– Ну, а сейчас, сударыня, – сказал господин де Монсоро, – не позволите ли вы мне, в свою очередь, предложить вам несколько советов?

– Я слушаю, сударь.

– Путешествуйте только по ночам.

– Я так и решила.

– Представьте мне выбор дорог, по которым вы поедете, и постоянных дворов, где вы будете останавливаться. Я принимаю все эти предосторожности с одной целью – спасти вас от герцога Анжуйского.

– Если вы меня любите, как вы это говорили, сударь, наши интересы совпадают, и у меня нет ни малейших возражений против всего, что вы предлагаете.

– Наконец, в Париже я советую вам поселиться в том доме, который я для вас приготавливаю, каким бы скромным и уединенным он ни был.

– Я хочу только одного, сударь: жить укрытой от всех, и чем скромнее и уединеннее будет выбранное вами жилище, тем более оно будет приличествовать беглянке.

– Тогда, сударыня, мы договорились по всем статьям, и для того, чтобы выполнить начертанный вами план, мне остается только изъяснить вам мое глубочайшее почтение, послать к вам вашу служанку и заняться выбором дороги, по которой вы поедете в Париж.

– Ну, а мне, сударь, – ответила я, – остается сказать вам, что я тоже, как и вы, благородного рода: выполняйте ваши обещания, а я выполню свои.

– Только этого я и хочу, – сказал граф, – и ваши слова для меня верный залог того, что вскорости я буду самым счастливым человеком на земле.

Тут он поклонился и вышел.

Пять минут спустя в комнату вбежала Гертруда.

Добрая девушка была вне себя от радости: она думала, что ее хотят навсегда разлучить со мной. Я рассказала ей все, что произошло. Мне хотелось иметь около себя человека, который мог бы знать мои намерения, разделять мои желания и, в случае необходимости, понять меня с полуслова, повиноваться мне по первому знаку, по движению руки. Меня удивляла уступчивость господина де Монсоро, и я опасалась, как бы он не задумал нарушить только что заключенный между нами договор.

Не успела я закончить свой рассказ, как мы услышали стук лошадиных копыт. Я подбежала к окну. Граф галопом удалялся по той дороге, по которой мы приехали. Почему он возвращался обратно, вместо того чтобы ехать впереди нас в направлении Парижа? Этого я не могла понять. Но так или иначе, выполнив первый пункт нашего договора – вернув мне Гертруду, он выполнял и второй: избавлял меня от своего общества. Тут нечего было возразить. Впрочем, куда бы он ни ехал, все равно его отъезд меня успокаивал.

Мы провели весь день в маленьком домике, хозяйка которого оказалась особой весьма услужливой. Вечером тот, кто по видимости был начальником нашего эскорта, вошел в комнату узнать, каковы будут мои распоряжения. Поскольку опасность казалась мне тем большей, чем ближе мы находились к замку Боже, я ответила, что готова ехать немедленно. Через пять минут он вернулся и с поклоном сообщил, что дело только за мной. У дверей дома стоял белый иноходец; как и предвидел граф Монсоро, он прибежал по первому зову.

Мы ехали всю ночь и, как и в прошлый раз, остановились только на рассвете. По моим подсчетам, мы сделали за ночь примерно пятнадцать лье. Господин де Монсоро всемерно позаботился, чтобы я не страдала в пути ни от усталости, ни от холода: белая кобылка, которую он для меня выбрал, шла удивительно ровной рысью, а перед выездом мне на плечи накинули меховой плащ.

Вторая остановка походила на первую, как все наши ночные переезды – один на другой. Повсюду нас встречали с почетом и уважением; повсюду из всех сил старались нам услужить. Очевидно, кто-то ехал впереди нас и подготавливал для нас жилье. Был ли это граф? Не знаю. Строго соблюдая условия соглашения, он ни разу не попался мне на глаза на

всем протяжении нашей дороги.

К вечеру седьмого дня пути с вершины высокого холма я заметила огромное скопление домов. Это был Париж.

Мы остановились в ожидании ночи и с наступлением темноты снова двинулись вперед. Вскоре мы проехали под аркой больших ворот, за которой меня поразило огромное здание; глядя на его высокие стены, я подумала, что это, должно быть, монастырь. Затем мы дважды переправились через реку, повернули направо и через десять минут оказались на площади Бастилии. От двери одного из домов отделился человек, по-видимому поджидавший нас; подойдя к начальнику эскорта, он сказал:

– Это здесь.

Начальник эскорта повернулся ко мне:

– Вы слышите, сударыня, мы прибыли. И, соскочив с коня, он подал мне руку, чтобы помочь сойти с иноходца, как он это проделывал обычно на каждой остановке. Дверь в дом была открыта, лестницу освещал стоявший на ступеньках светильник.

– Сударыня, – обратился ко мне начальник эскорта, – здесь вы у себя дома. Нам было поручено сопровождать вас до этих дверей, теперь наше поручение можно считать выполненным. Могу я надеяться, что мы сумели угодить всем вашим желаниям и оказать вам должное уважение, как нам и было предписано?

– Да, сударь, – ответила я ему, – я могу только поблагодарить вас. Соболаговолите передать мою признательность и другим смельчакам, которые меня сопровождали-. Я хотела бы вознаградить их чем-нибудь более ошутимым, но у меня ничего нет.

– Не беспокойтесь, сударыня, – сказал тот, кому я принесла это извинение, – они щедро вознаграждены. И, отвесив мне глубокий поклон, он вскочил на коня.

– За мной, – приказал он своим спутникам, – и чтоб к завтрашнему утру все вы начисто позабыли и это г дом, и эту дверь.

После этих слов маленький отряд пустил коней в галоп и скрылся за углом улицы Сент-Антуан.

Первой заботой Гертруды было закрыть дверь, и мы смотрели через дверное окошечко, как они удаляются.

Затем мы подошли к лестнице, освещенной светильником, Гертруда взяла светильник в руки и пошла впереди.

Поднявшись по ступенькам, мы оказались в коридоре; в него выходили три открытые двери. Мы вошли в среднюю и очутились в той гостиной, где мы с вами находимся. Она была ярко освещена, как сейчас.

Я открыла сначала вон ту дверь и увидела большую туалетную комнату, затем другую дверь, которая вела в спальню; к моему глубокому удивлению, войдя в спальню, я оказалась лицом к лицу со своим изображением.

Я узнала портрет, который висел в комнате моего отца в Меридорском замке; граф, несомненно, выпросил его у барона.

Я вздрогнула перед этим новым доказательством того, что батюшка уже видит во мае жену господина де Монсоро.

Мы обошли весь дом. В нем никого не было, но имелось все необходимое. Во всех каминах пылал огонь, а в столовой меня поджидал накрытый стол. Я бросила па него быстрый взгляд, на столе стоял только один прибор, это меня успокоило.

– Ну вот, барышня, – сказала мне Гертруда, – видите, граф до конца держит свое слово.

– К сожалению, да, – со вздохом ответила я, – но лучше бы он нарушил какое-нибудь свое обещание и этим освободил бы меня от моих обязательств.

Я поужинала, затем мы вторично осмотрели дом, но, как и в первый раз, не встретили ни одной живой души; весь дом принадлежал нам, только нам одним.

Гертруда легла спать в моей комнате.

На другой день она вышла познакомиться с нашим новым местом жительства.

Только тогда от нее я узнала, что мы живем в конце улицы Сент-Антуан, напротив Турнельского дворца, и что крепость, возвышающаяся справа от нас, – Бастилия.

Но в общем-то эти сведения не представляли для меня почти никакой ценности. Я сроду не бывала в Париже в совсем не знала этот город.

День прошел спокойно. Вечером, когда я собиралась сесть за стол и поужинать, во входную дверь постучали.

Мы с Гертрудой переглянулись.

Стук раздался снова.

– Пойди посмотри, кто стучит, – сказала я.

– Ну, а если пришел граф? – спросила Гертруда, увидев, что я побледнела.

– Если пришел граф, – с усилием проговорила я – открой ему, Гертруда: он неукоснительно выполняет свои обещания; пусть же видит, что и я держу свое слово не хуже его.

Гертруда быстро вернулась.

– Это господин граф, сударыня, – сказала она.

– Пусть войдет, – ответила я.

Гертруда посторонилась, и на пороге появился граф.

– Ну что, сударыня, – спросил он меня, – в точности ли я соблюдал все пункты договора?

– Да, сударь, – ответила я, – и я вам за это весьма благодарна.

– В таком случае позвольте мне нанести вам визит, – добавил он с улыбкой, иронию которой не мог скрыть, несмотря на все усилия.

– Входите, сударь.

Граф вошел в комнату и остановился передо мной.

Кивком головы я пригласила его садиться.

– У вас есть какие-нибудь новости, сударь? – спросила я.

– Новости? Откуда и о ком, сударыня?

– О моем отце и из Меридора прежде всего.

– Я не заезжал в Меридорский замок и не видел барона.

– Тогда из Боже и о герцоге Анжуйском.

– Вот это другое дело, Я был в Боже и разговаривал с герцогом.

– Ну и что он делает?

– Пытается усомниться.

– В чем?

– В вашей смерти.

– Но, надеюсь, вы его убедили?

– Я сделал для этого все, что было в моих силах.

– А где сейчас герцог?

– Вчера вечером вернулся в Париж.

– Почему так поспешно?

– Потому что никому не приятно задерживаться в тех местах, где, как ты думаешь, по твоей вине погибла женщина.

– Видели вы его после возвращения в Париж?

– Я только что от него.

– Он вам говорил обо мне?

– Я ему не дал для этого времени.

– О чем же вы с ним говорили?

– Он мне кое-что обещал, и я побуждал его выполнить свое обещание.

– Что же он обещал вам?

– В награду за услуги, оказанные ему мной, он обязался добыть для меня должность главного ловчего.

– Ах да, – сказала я с грустной улыбкой, так как вспомнила смерть бедняжки

Дафны, – ведь вы заядлый охотник, я припоминаю, и у вас есть все права на это место.

– Я получу его вовсе не потому, что я охотник, сударыня, а потому, что я слуга принца; мне его дадут не потому, что у меня есть какие-то права, а потому, что герцог Анжуйский не посмеет оказаться неблагодарным по отношению ко мне.

Несмотря на уважительный тон графа, во всех его ответах звучала пугающая меня властная интонация, в них сквозила мрачная и непреклонная воля.

На минуту я замолчала, затем спросила:

– Позволено ли мне будет написать батюшке?

– Конечно, но не забывайте, что письма могут быть перехвачены.

– Ну а выходить на улицу мне тоже запрещено?

– Для вас нет никаких запретов, сударыня; я только хочу обратить ваше внимание на то, что за вами могут следить, – Могу я слушать мессу, хотя бы по воскресеньям?

– Я думаю, для вашей же безопасности было бы лучше ее не слушать совсем, но коли вам этого так уж хочется, то слушайте ее – заметьте, с моей стороны это простой совет и никак не приказание – слушайте ее в церкви святой Екатерины.

– А где эта церковь?

– Напротив вашего дома, только улицу перейти.

– Благодарю вас, сударь. Снова наступило молчание.

– Когда я теперь увижу вас, сударь?

– Я жду только вашего дозволения, чтобы прийти опять.

– Вам это необходимо?

– Несомненно. Ведь я все еще незнакомец для вас.

– Разве у вас нет ключа от этого дома?

– Только ваш супруг имеет право на такой ключ. Его странная покорность встревожила меня больше, чем мог бы встревожить резкий, не терпящий возражения тон.

– Сударь, – сказала я, – вы вернетесь сюда, когда вам будет угодно или когда вы узнаете какую-нибудь новость, которую сочтете нужным мне сообщить.

– Благодарствую, сударыня, я воспользуюсь вашим дозволением, но не буду им злоупотреблять и в подтверждение моих слов начну с того, что попрошу у вас дозволения откланяться.

С этими словами граф поднялся с кресла.

– Вы меня покидаете? – спросила я, все больше я больше удивляясь сдержанности, которой я от него никак не ожидала.

– Сударыня, – ответил граф, – я знаю, что вы меня не любите, и я не хочу злоупотреблять положением, в котором вы очутились и которое вынуждает вас принимать мои попечения. Я питаю надежду, что ежели буду смиренно пользоваться вашим обществом, вы мало-помалу привыкнете к моему присутствию. И когда придет время стать моей супругой, жертва покажется вам менее тягостной.

– Сударь, – сказала я, в свою очередь поднимаясь, – я вижу всю деликатность вашего поведения и ценю, несмотря на то что в каждом вашем слове чувствуется какая-то резкость. Вы правы, и я буду говорить с вами столь же откровенно, как вы говорили со мной. Я все еще отношусь к вам с некоторым предубеждением, но надеюсь, что время все уладит.

– Позвольте мне, сударыня, – сказал граф, – разделить с вами эту надежду и жить ожиданием грядущего счастья.

Затем, отвесив мне низайший поклон, такой поклон коего я могла бы ожидать от самого почтительного из своих слуг, он знаком приказал Гертруде, присутствовавшей при этом разговоре, посветить ему и вышел.

Глава 15.

ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР. – СОГЛАСИЕ НА БРАК

– Клянусь своей душой, вот странный человек, – сказал Бюсси.

– О да, весьма странный, не правда ли, сударь? Даже когда он изъяснялся мне в любви, казалось что он признается в ненависти. Вернувшись, Гертруда нашла меня еще более встревоженной и опечаленной, чем обычно.

Верная служанка попыталась меня успокоить, но по всему было видно, что сама она тревожилась не менее моего. Ледяное почтение, ироническая покорность, подавленная страсть, которая прорывалась в каждом слова графа, пугали меня еще и потому, что за ними словно и не скрывалось определенно выраженного желания, которому я могла бы противостоять.

Следующий день был воскресеньем. С тех пор как я себя помню, я ни разу не упускала случая присутствовать на воскресном богослужении, и, когда зазвенел колокол церкви святой Екатерины, мне показалось, что он меня призывает. Народ со всех сторон шел в храм господень. Я закрылась густой вуалью и, сопровождаемая Гертрудой, смешалась с верующими, спешащими на зов колокола.

В церкви я разыскала самый темный уголок и преклонила колени возле стены. Гертруда встала, как часовой, между мной и другими молящимися. Но все эти предосторожности оказались излишними: никто на нас и не посмотрел, или я не заметила ничего взгляда.

Назавтра граф снова нанес мне визит и объявил, что его назначили главным ловчим. Должность главного ловчего была уже почти обещана одному из фаворитов короля, некоему господину де Сен-Люку, но влияние герцога Анжуйского все превозмогло. Это была победа, на которую и сам граф не смел надеяться.

– Ив самом деле, – заметил Бюсси, – назначение графа главным ловчим нас всех удивило.

– Он пришел сообщить мне эту новость, – продолжала Диана, – рассчитывая, что его высокое положение ускорит мое согласие; однако не торопил меня, не настаивал, а терпеливо ждал, полагаясь на мое обещание и на ход событий.

А мне все чаще и чаще приходила в голову мысль, что если герцог Анжуйский полагает меня мертвой, значит, опасность миновала и моя зависимость от графа скоро кончится.

Прошло еще семь дней, не принеся ничего нового, за исключением двух визитов графа. Во время этих посещений он, как и прежде, был исполнен сдержанности и почтения. Но я уже говорила, какими странными, я бы сказала – почти угрожающими, казались мне и его сдержанность, и его почтение.

На следующее воскресенье я, как и прошлый раз, отправилась в церковь и заняла то же самое место, на котором молилась семь дней назад. Ощущение безопасности делает человека неосторожным, и, погрузившись в молитвы, я не заметила, как вуаль сдвинулась с моего лица... Впрочем, в доме божьем я обращалась мыслями только к богу... Я горячо молилась за отца и вдруг почувствовала, что Гертруда прикоснулась к моей руке. Однако только после второго ее прикосновения я вышла из состояния молитвенного восторга, подняла голову, невольно оглянулась вокруг и с ужасом заметила герцога Анжуйского; прислонясь к колонне, он пожирал меня глазами.

Рядом с герцогом стоял какой-то молодой человек, державшийся скорее как наперсник, чем как слуга.

– Это Орильи, – сказал Бюсси, – его лютнист.

– Да, да, – ответила Диана, – мне кажется, что именно это имя потом называла мне Гертруда.

– Продолжайте, сударыня, – потребовал Бюсси, – сделайте милость, продолжайте. Я начинаю все понимать.

– Я поспешно закрыла лицо вуалью, но было уже поздно: герцог меня видел, и если даже и не узнал, то, во всяком случае, мое сходство с женщиной, которую он любил и считал погибшей, должно было глубоко его поразить. Испытывая неловкость под его упорным взглядом я поднялась с колен и направилась к выходу из церкви, но герцог уже ждал меня у

дверей. Он обмакнул пальцы в чашу со святой водой и хотел коснуться ими моей руки.

Я сделала вид, что не замечаю его, и прошла мимо, не приняв услуги.

Даже не оборачиваясь, я чувствовала, что за нами идут. Если бы я знала Париж, я попыталась бы обмануть герцога и скрыть от него, где я живу, но я никуда не ходила, кроме как из своего дома в церковь, я не знала никого, кто бы мог приютить меня на четверть часа, у меня не было ни одной подружки, никого, кроме моего защитника, а его я боялась больше, чем врага...

– О, боже мой, – прошептал Бюсси, – почему небо, провидение или случай не привели меня раньше на вашу дорогу?

Диана бросила на молодого человека благодарный взгляд.

– Простите, ради бога, – спохватился Бюсси, – я вечно вас прерываю и в то же время сгораю от любопытства. Продолжайте, умоляю вас.

– В тот же вечер явился господин де Монсоро. Я не знала, стоит ли рассказывать ему о том, что случилось со мной, но он сам вывел меня из нерешительности.

– Вы спрашивали меня, – сказал он, – не воспрещается ли вам ходить к мессе. И я вам ответил, что вы здесь полная хозяйка и вольны во всех своих действиях и поступках, но лучше бы было для вас не выходить из дому. Вы не верили мне, нынче утром вы вышли послушать мессу в церкви святой Екатерины; случайно или скорее по воле рока, принц был там и вас видел.

– Это правда, сударь, но я колебалась, рассказывать ли вам об этой встрече, так как не знала, понял ли принц, что он видит Диану де Меридор, или его просто поразила моя внешность.

– Ваша внешность его поразила, ваше сходство с женщиной, которую он оплакивает, показалось ему необычайным; он последовал за вами и попытался разузнать, кто вы такая, но ничего не узнал, так как о вас никому ничего неизвестно.

– Господи боже мой! – воскликнула я.

– Герцог – человек недобрый и упрямый, – сказал господин де Монсоро.

– О, надеюсь, он меня забудет!

– Я в это не верю. Тот, кто однажды вас увидел, никогда уже не забудет. Я сам делал все возможное, чтобы забыть вас, но так и не смог.

И в этот миг я впервые заметила, как в глазах господина де Монсоро сверкнула молния страсти.

Это пламя, неожиданно взметнувшееся над очагом, который казался потухшим, напугало меня больше, чем давешняя встреча с принцем.

Я замерла в молчании.

– Что вы собираетесь делать? – спросил граф.

– Сударь, нет ли возможности сменить дом, квартал, улицу, переехать в другой конец Парижа, или, еще лучше, вернуться в Анжу?

– Все это ни к чему, – сказал господин де Монсоро качая головой. – Герцог Анжуйский – опытная ищейка; он напал на след и отныне, куда бы вы ни бежали, все равно он будет идти по следу, пока вас не настигнет, – О, господи боже, вы меня пугаете!

– Я не хочу вас пугать, я просто говорю вам все как есть, и ничего больше.

– Тогда пришел мой черед задать вам тот же вопрос, который вы только что задали мне. Что вы собираетесь делать, сударь?

– Увы! – воскликнул граф де Монсоро, и горькая ирония прозвучала в его голосе. – Я человек со слабым воображением. Я нашел было один выход, но вы его отвергли, и я от него отказался. Не заставляйте меня искать других путей!

– Но, бог мой! – продолжала я. – Быть может, опасность не так уж близка, как вы думаете?

– Время покажет, сударыня, – ответил граф, поднимаясь. – Во всяком случае, я хочу повторить: госпожа де Монсоро тем менее может опасаться преследований принца еще и потому, что на моей новой должности я подчиняюсь непосредственно королю, и, естественно,

мы, я и моя супруга, всегда можем искать защиты у его величества.

Я ответила на эти слова вздохом. Все, что говорил граф, было вполне разумно и походило на правду.

Господин де Монсоро задержался на минуту, словно хотел предоставить мне полную возможность ему ответить, но у меня не было сил что-нибудь сказать. Он ждал стоя, готовый уйти. Наконец горькая улыбка скользнула по его губам. Он поклонился и вышел. Мне послышалось, что на лестнице он сквозь зубы процедил проклятие.

Я кликнула Гертруды.

Гертруда сразу же появилась. Обычно, когда приходил граф, она находилась поблизости: в туалетной комнате или в спальне.

Я встала у окна, укрывшись за занавеской. Таким образом, я могла видеть все, что делается на улице, сама оставаясь невидимой.

Граф вышел из наших дверей и удалился.

Приблизительно около часа мы внимательно наблюдали за улицей, но улица была пуста.

Ночь прошла спокойно.

На другой день с Гертрудой на улице заговорил молодой человек, в котором она узнала вчерашнего спутника принца; Гертруда не откликнулась на его приставания и на все его вопросы отвечала молчанием.

В конце концов молодому человеку наскучило, и он ретировался.

Когда я узнала об этой встрече, меня охватил глубокий ужас; несомненно, принц начал розыски и будет продолжать их дальше. Я испугалась, что господин де Монсоро нынче вечером не придет к нам, а именно этой ночью я могу подвергнуться нападению. Я послала за ним Гертруды, и он тотчас же явился.

Я рассказала ему все и со слов Гертруды описала внешность незнакомца.

– Это Орильи, – сказал граф, – а что ему ответила Гертруда?

– Гертруда ничего не отвечала. Господин де Монсоро призадумался.

– Она плохо сделала.

– Почему?

– Да потому, что нам нужно выиграть время.

– Время?

– Сегодня я все еще завишу от герцога Анжуйского; но пройдет две недели, десять, может быть, восемь дней – в герцог Анжуйский будет зависеть от меня. Сейчас нужно его обмануть и заставить ждать.

– Боже мой!

– Именно так. Надежда придаст ему терпения. Решительный отказ может толкнуть на отчаянный поступок.

– Сударь, напишите моему отцу! – воскликнула я. – Батюшка тотчас же прискачет в Париж и бросится к ногам короля. Король сожалеет старика.

– Это в зависимости от расположения духа, в котором окажется король, и от того, что будет в тот день в его интересах: иметь герцога своим другом или своим недругом. Кроме того, гонец раньше чем через шесть суток не доскачет до вашего отца, и барону потребуется еще шесть суток, чтобы доскакать до Парижа. За двенадцать суток герцог Анжуйский, если мы его не остановим, сделает все, что он может сделать.

– А как его остановить?

Господин де Монсоро промолчал. Я угадала его мысль и опустила глаза.

– Сударь, – сказала я после непродолжительного молчания. – Прикажите Гертруде, она выполнит все ваши распоряжения.

Неуловимая улыбка тенью прошла по губам господина де Монсоро, ведь я впервые обращалась к нему за покровительством.

Несколько минут он говорил с Гертрудой.

– Сударыня, – сказал он мне, – меня могут увидеть выходящим из вашего дома; до

темноты остается всего лишь два или три часа; не позволите ли вы мне провести эти два-три часа в вашем обществе?

Господин де Монсоро ограничился просьбой, хотя имел право требовать; знаком я пригласила его садиться.

И тогда я поняла, как прекрасно граф владел собою; в один миг он преодолел натянутость, порожденную неловким положением, в котором мы очутились, и выказал себя любезным и занимательным собеседником. Резкость тона, о которой я уже говорила, придававшая его словам мрачную властность, исчезла. Граф много путешествовал, много видел, много думал, и за два часа беседы с ним я поняла, каким образом этот необычный человек смог приобрести столь большое влияние на моего отца.

Бюсси вздохнул.

– Когда стемнело, граф не стал ничего домогаться от меня и с таким видом, словно он вполне удовлетворен достигнутым, поднялся, отвесил поклон и вышел.

После его ухода мы, то есть я и Гертруда, снова встали у окна. На этот раз мы ясно видели двоих людей, которые рассматривали наш дом. Несколько раз они подходили к двери. Нас они не могли увидеть: все огни в доме были погашены.

Около одиннадцати часов подозрительные пришельцы удалились.

Назавтра Гертруда, выйдя на улицу, снова на том же углу повстречала того же молодого человека. Он опять, как и накануне, начал приставать к ней с вопросами. Но на сей раз Гертруда оказалась менее неприступной в перебросилась с ним несколькими словами.

На следующий день Гертруда была еще более общительной, она рассказала, что я вдова советника и, оставшись после смерти мужа без состояния, веду очень уединенный образ жизни; Орильи пытался разузнать больше, но ему пришлось пока удовлетвориться этими сведениями.

Еще через день Орильи, по-видимому, возымел какие-то подозрения относительно достоверности сведений, полученных им накануне. Он завел речь о графстве Анжу, о замке Боже и произнес слово «Меридор».

Гертруда ответила, что все эти названия ей совершенно неизвестны.

Тогда Орильи признался, что он человек герцога Анжуйского и что герцог меня видел и влюбился в меня.

Сделав это признание, он начал сулить золотые горы и мне и Гертруде: Гертруде – если она впустит принца в дом, мне – если я соглашусь его Припятъ.

Каждый вечер господин Монсоро навещал нас, и каждый вечер я рассказывала ему все наши новости. Он оставался в нашем доме с восьми часов вечера до полуночи, и по всему было видно, что он сильно встревожен.

В субботу вечером он пришел более бледный и возбужденный, чем обычно.

– Слушайте, – сказал он, – пообещайте свидеться с герцогом во вторник или в среду.

– Обещать свидание, а почему? – воскликнула я.

– Потому что герцог Анжуйский готов на все, сейчас он в прекрасных отношениях с королем, и, следовательно, помощи от короля ждать нечего.

– Но разве до среды положение может измениться в нашу пользу?

– Возможно. Я со дня па день жду одного события, которое должно поставить принца в зависимость от меня; я подталкиваю, я тороплю это событие, и не только молитвами, но и делами. Завтра мне придется вас покинуть, я еду в Моптеро.

– Так надо? – спросила я со страхом, к которому примешивалось чувство некоторого облегчения.

– Да, у меня там встреча, совершенно необходимая для того, чтобы ускорить то событие, о котором я вам говорил.

– А если мы окажемся в трудном положении, что тогда делать? Боже мой!

– Что могу я против принца, сударыня? Ведь у меня нет никаких прав защищать вас. Придется уступить злой судьбе.

– Ах, батюшка, мой батюшка! – воскликнула я, Граф пристально посмотрел на меня.

- О сударь!
- Вы можете меня в чем-нибудь упрекнуть?
- Нет, нет, напротив!
- Разве я не был предан вам, как друг, и почиттелен, как брат?
- Вы вели себя образцово во всех отношениях.
- Помните, что вы мне обещали?
- Да.
- Разве я хоть раз напоминал вам об этом?

– Пет.. ч – И однако, когда обстоятельства сложились так, что вам приходится выбирать между почетным положением супруги и позорной участью куртизанки, вы предпочитаете стать любовницей герцога Анжуйского, а не женой графа де Монсоро.

- Я этого не сказала, сударь.
- Но тогда решайте же.
- Я решила.
- Стать графиней де Монсоро?
- Лишь бы не быть любовницей герцога Анжуйского.
- Лишь бы не быть любовницей герцога Анжуйского. Нечего сказать, лестный для меня выбор. Я промолчала.

– Впрочем, не важно, – сказал граф. – Вы меня поняли? Пусть Гертруда дотянет до среды, а в среду мы посмотрим.

На другой день Гертруда вышла, как обычно, но не встретила Орильи. Когда она вернулась, мы обе встревожились: отсутствие этого человека обеспокоило нас больше, чем если бы он появился. Гертруда снова вышла из дому только для того, чтобы с ним встретиться, но его не было. Выходила она и в третий раз, но так же безрезультатно.

Я послала Гертруду к графу де Монсоро; граф уехал, и никто не знал куда.

Оставшись в полном одиночестве, мы почувствовали всю свою слабость. Впервые я поняла, как несправедливо относилась к графу.

– О! Сударыня, – вскричал Бюсси, – не торопитесь менять свое мнение об этом человеке: в его поступках есть нечто такое, чего мы не знаем, но до чего мы еще докопаемся.

– Наступил вечер и принес нам новые страхи. Я была готова на все, лишь бы не попасть живой в руки герцога Анжуйского. Я обзавелась вот этим кинжалом и решила заколоть себя на глазах у принца в тот миг, когда он или его приспешники посмеют поднять на меня руку. Мы забаррикадировались в наших комнатах, ибо по какому-то немыслимому упущению у входной двери не было внутреннего засова. Затем мы погасили лампу и заняли наш наблюдательный пост у окна.

До одиннадцати часов вечера все было спокойно. В одиннадцать из улицы Сент-Антуан вышли пять человек, они остановились, по-видимому, о чем-то посоветовались, а потом спрятались за угол Турнельского дворца.

Мы начали дрожать от страха. Но всей вероятности, эти люди пришли за нами.

Однако они не двигались. Так прошло около четверти часа.

Через четверть часа мы увидели, как на углу улицы Сен-Поль появилось еще два человека. В свете луны, скользившей между облаками, Гертруда узнала в одном из них Орильи.

– Увы, барышня! Это они! – прошептала бедная девушка.

– Да, – ответила я, дрожа всем телом, – а те пятеро пришли, чтобы поддержать их в случае необходимости.

– Но им придется взломать дверь, – сказала Гертруда, – и тогда соседи сбегутся на шум.

– Почему ты думаешь, что соседи сбегутся? Они нас не знают, зачем же им ввязываться в какое-то темное дело и нас защищать? Увы, Гертруда, приходится признать, что у нас нет иного защитника, кроме графа.

– Ну, а коли так, то почему вы упрямитесь и не соглашаетесь стать графиней?

Я вздохнула.

Глава 16. ИСТОРИЯ ДИАНЫ ДЕ МЕРИДОР. – СВАДЬБА

Пока мы разговаривали, два человека, появившиеся на углу улицы Сев-Поль, украдкой пробрались вдоль домов и остановились под нашими окнами.

Мы слегка приоткрыли окно.

– Ты уверен, что это здесь? – спросил один голос.

– Да, монсеньер, совершенно уверен. Это пятый дом считая от угла улицы Сен-Поль.

– И ты думаешь, ключ подойдет?

– Я снял слепок с замочной скважины.

Я схватила руку Гертруды и крепко ее стиснула.

– А после того, как мы войдем?

– А после того, как мы войдем, я все беру на себя. Служанка нам откроет. У вашего высочества в кармане золотой ключ, который не уступает этому железному.

– Тогда открывай.

Мы услышали, как ключ со скрежетом повернулся замке. Но вдруг люди, прятаясь в углу дворца, отделились от стены и бросились на принца и Орильи с криками: «Смерть ему! Смерть ему!» Я ничего не могла понять. Ясно было только одно – к вам неожиданно-негаданно подоспела помощь. Я упала на колени и возблагодарила небо.

Но стоило принцу открыть лицо, назвать свое имя, и крики тотчас же смолкли, шпаги вернулись в ножны, в пятеро нападающих дружно отступили.

– Да, да, – сказал Бюсси, – это не принца они подкарауливали, а меня.

– Как бы то ни было, – продолжала Диана, – это нападение заставило принца удалиться. Мы видели, как он ушел по улице Жуй, а пятеро дворян снова вернулись в свою засаду.

Было ясно, что по крайней мере на эту ночь опасность миновала, ибо люди в засаде на меня не покушались. Но мы с Гертрудой были слишком взволнованы и перепуганы, чтобы уснуть. Мы остались стоять у окна в ожидании какого-то неведомого события, которое, как мы обе смутно предчувствовали, к нам приближалось.

Ждать пришлось недолго. На улице Сент-Антуан показался всадник, он ехал, держась середины улицы. Без сомнения, он и был тем человеком, которого подстерегали пятеро дворян, спрятавшиеся в засаде, ибо, как только они его заметили, они закричали: «За шпаги! За шпаги!» – и бросились на него.

– Все, что касается этого всадника, вы знаете лучше меня, – сказала Диана, – так как им были вы.

– Отнюдь нет, сударыня, – ответил Бюсси, который по тону молодой женщины надеялся выведать тайну ее сердца, – отнюдь нет, я помню только стычку, потому что сразу же после нее потерял сознание.

– Излишне было бы вам говорить, – продолжала Диана, слегка покраснев, – на чьей стороне были наши симпатии в этом сражении, в котором вы так доблестно бились, несмотря на неравенство сил. При каждом ударе шпаги мы то вздрагивали от испуга, то вскрикивали от радости, то шептали молитву. Мы видели, как у вашей лошади подкосились ноги и как она свалилась. Казалось, с вами все кончено; но нет, отважный Бюсси вполне заслужил свою славу. Вы успели соскочить с коня и тут же бросились на врагов. Наконец, когда вас окружили со всех сторон, когда отовсюду вам грозила неминуемая гибель, вы отступили, как лев, лицом к противникам, и мы видели, что вы прислонились к нашей двери. Тут нам с Гертрудой пришла одна и та же мысль – впустить вас в дом. Гертруда взглянула на меня. «Да», – сказала я, и мы бросились к лестнице. Но, как я вам уже говорила, мы забаррикадировались изнутри, и нам потребовалось несколько секунд, чтобы отодвинуть мебель, загораживавшую дверь в коридор; когда мы выбежали на лестничную площадку, снизу до нас донесся стук

захлопнувшейся двери.

Мы замерли в неподвижности. Кто этот человек, который только что вошел к нам, и как он сумел войти?

Я оперлась на плечо Гертруды, и мы молча стояли и ждали, что будет дальше.

Вскоре в прихожей послышались шаги, они приближались к лестнице, наконец внизу показался человек; шатаясь, он добрался до лестницы, вытянул руки вперед и с глухим стоном упал на нижние ступеньки.

Мы догадались, что его не преследуют, так как ему удалось закрыть дверь, которую, на его счастье, оставил незапертой герцог Анжуйский, и, таким образом, преградить путь своим противникам, но мы подумали, что он свалился на лестницу тяжело, а может быть, даже и смертельно раненный.

Во всяком случае, нам нечего было опасаться, напротив того, у наших ног лежал человек, нуждающийся в помощи.

– Свету, – сказала я Гертруде. Она убежала и вернулась со светильником. Мы не обманулись: вы были в глубоком обмороке. Мы распознали в вас того отважного дворянина, который столь доблестно оборонялся, и, не колеблясь, решили оказать вам помощь.

Мы перенесли вас в мою спальню и уложили в постель.

Вы все еще не приходили в сознание; по всей видимости, нужно было немедленно показать вас хирургу. Гертруда вспомнила, что ей рассказывали о каком-то молодом лекаре с улицы..., с улицы Ботрейи, который несколько дней назад чудесным образом исцелил тяжело больного. Она знала, где он живет, и вызвалась сходить за ним.

– Однако, – сказала я, – ведь молодой лекарь может нас выдать.

– Будьте покойны, – ответила Гертруда, – об этом я позабочусь.

– Гертруда – девушка одновременно и смелая и осторожная, – продолжала Диана. – Я положила на нее. Она взяла деньги, ключ и мой кинжал, а я осталась одна возле вас..., и молилась за вас.

– Увы, – сказал Бюсси, – я и не подозревал, сударыня, что мне выпало такое счастье.

– Четверть часа спустя Гертруда вернулась. Она привела к нам молодого лекаря, который согласился на все условия и проделал путь к нашему дому с завязанными глазами.

Я удалилась в гостиную, а его ввели в мою комнату. Там ему позволили снять с глаз повязку.

– Да, – сказал Бюсси, – именно в эту минуту я пришел в себя и мои глаза остановились на вашем портрете, а потом мне показалось, что и сами вы вошли.

– Так и было, я вошла: тревога за вас возобладала над осторожностью. Я задала молодому хирургу несколько вопросов, он осмотрел рану, сказал, что отвечает за вашу жизнь, и у меня словно камень с души свалился.

– Все это сохранилось в моем сознании, – сказал Бюсси, – но лишь в виде воспоминания о каком-то сне, который я почему-то не позабыл, и, однако, вот здесь, – добавил он, положив руку на сердце, – что-то говорило мне: «Это был не сон».

– Доктор перевязал вашу рану, а потом достал флакон с жидкостью красного цвета и капнул несколько капель вам в рот. По его словам, этот эликсир должен был усыпить вас и прогнать лихорадку.

Действительно, через несколько секунд после того, как он дал вам лекарство, вы снова закрыли глаза и, казалось, опять впали в тот глубокий обморок, от которого очнулись несколько минут тому назад.

Я испугалась, но доктор заверил меня, что все идет как нельзя лучше. Сон восстановит ваши силы, нужно лишь не будить вас.

Гертруда снова завязала лекарю глаза платком и отвела его на улицу Ботрейи. Вернувшись, она рассказала, что он, как ей показалось, считал шаги.

– Ей не показалось, сударыня, – подтвердил Бюсси, – он и на самом деле их сосчитал.

– Это предположение нас напугало. Молодой человек мог нас выдать. Мы решили уничтожить всякий след гостеприимства, которое мы вам оказали, но прежде всего надо было

унести вас.

Я собрала все свое мужество. Было два часа утра, в это время улицы обычно пустынные. Гертруда попробовала вас поднять, с моей помощью ей это удалось, и мы отнесли вас ко рву у Тампля и положили на откос. Затем пошли обратно, до смерти перепуганные своей собственной смелостью: подумать только, мы – две слабые женщины – решились выйти из дому в такой час, когда и мужчины не выходят без сопровождения.

Бог нас хранил. Мы никого не встретили и благополучно вернулись, никому не попавшись на глаза.

Войдя в комнаты, я не вынесла тяжести всех тревожений и упала в обморок.

– Сударыня, ах, сударыня! – воскликнул Бюсси, молитвенно соединив руки. – Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня?

Наступило короткое молчание, во время которого Бюсси пожирал глазами Диану. Молодая женщина сидела, опершись локтем на стол и уронив голову на руку.

Тишину нарушил бой часов на колокольне церкви святой Екатерины.

– Два часа! – вздрогнула Диана. – Два часа, а вы еще здесь.

– О сударыня, – взмолился Бюсси, – не отсылайте меня, пока вы не расскажете все до конца. Не гоните меня, не подкавав, чем я могу быть вам полезен. Вообразите, что господь бог ниспослал вам брата, и скажите этому брату, что он может сделать для своей сестры.

– Увы! Уже ничего, – сказала молодая женщина. – Слишком поздно.

– Что случилось на другой день? – спросил Бюсси. – Что вы делали в тот день, когда я думал только о вас, не будучи еще уверен, не мечта ли вы, порожденная бредом, не видение ли, порожденное лихорадкой?

– В тот день, – продолжала Диана, – Гертруда снова встретила Орильи. Посланец герцога вел себя настойчивее, чем когда-либо; он не обмолвился ни словом о том что произошло накануне, но от имени своего господина потребовал свидания.

Гертруда притворно согласилась ему помочь, но просила обождать до среды, то есть до сегодняшнего дня, сказав, что за это время сумеет меня уговорить.

Орильи пообещал, что герцог потерпит до среды.

Таким образом, в нашем распоряжении были еще три дня.

Вечером вернулся господин де Монсоро. Мы рассказали ему все, умолчав только о вас. Мы сказали, что накануне герцог открыл нашу дверь поддельным ключом, но в ту самую минуту, когда он собирался войти, на него напали пятеро дворян, среди которых были господа д'Эпернон и де Келюс. До меня донеслись эти имена, и я повторила их графу.

– Да, да, – сказал граф, – разговоры об этом я уже слышал. Значит, у него есть поддельный ключ. Я так и думал.

– Может быть, сменить замок? – спросила я.

– Он прикажет изготовить другой ключ, – ответил граф.

– Приделать к дверям засовы?

– Он приведет с собой десять человек челяди и сломает и дверь и засовы.

– Ну, а то событие, которое, как вы говорили, должно было дать вам неограниченную власть над герцогом?

– Оно задерживается, и, может быть, на неопределенное время.

Я замолчала, холодные капли пота выступили у меня на лбу, я больше не могла уже скрывать от себя, что мне не остается иной возможности ускользнуть от герцога Анжуйского, как стать супругой господина де Монсоро.

– Сударь, – сказала я, – герцог через посредство своего наперсника обязался ничего не предпринимать до вечера среды; а я, я прошу вас подождать до вторника.

– Во вторник вечером, в этом же часу, сударыня, – ответил граф, – я буду у вас.

И, не прибавив ни слова, он поднялся и вышел.

Я следила за ним из окна; но он не ушел, а в свой черед спрятался в темном углу Турнельского дворца и, по-видимому, собирался охранять меня всю ночь. Каждое доказательство преданности со стороны этого человека поражало меня в самое сердце, как

удар кинжала.

Два дня пронеслись, словно один миг, никто не потревожил нашего уединения. Сейчас я не в силах описать все, что выстрадала за эти два дня, с тоской следя за стремительным полетом часов.

Наступила ночь второго дня, я была в подавленном состоянии, казалось, все чувства меня покидают. Я сидела, холодная, немая, по виду бесстрастная, как статуя, только сердце мое еще билось, все остальное мое существо словно уже умерло.

Гертруда не отходила от окна. Я сидела на этом же самом кресле, не двигаясь, и лишь время от времени вытирала платком пот со лба. Вдруг Гертруда протянула ко мне руку, но этот предостерегающий жест, который раньше заставил бы меня вскочить с места, не произвел никакого впечатления.

– Сударыня! – позвала Гертруда.

– Что еще? – спросила я.

– Четыре человека..., я вижу четырех мужчин... Она идут к нашему дому..., открывают дверь..., входят.

– Пусть входят, – сказала я, не шелохнувшись.

– Но ведь это наверняка герцог Анжуйский, Орильи и люди из свиты герцога.

Вместо ответа я вытащила свой кинжал и положила его на стол перед собой.

– О, дайте я хоть взгляну, кто это! – крикнула Гертруда и бросилась к двери.

– Взгляни, – ответила я. Гертруда тут же вернулась.

– Барышня, – сказала она, – господин граф. Не произнеся ни слова, я спрятала кинжал за корсаж. Когда граф вошел, я лишь повернула к нему голову. Вне всяких сомнений, моя бледность напугала его.

– Что сказала мне Гертруда?! – воскликнул он. – Вы приняли меня за герцога и, если бы я действительно оказался герцогом, убили бы себя?

Впервые я видела его в таком волнении. Но кто скажет, было ли оно подлинным или притворным?

– Гертруда напрасно напугала вас, сударь, – ответила я, – раз это не герцог, то все хорошо. Мы замолчали.

– Вы знаете, что я пришел сюда не один, – сказал граф.

– Гертруда видела четырех человек.

– Вы догадываетесь, кто они, эти люди?

– Предполагаю, один из них священник, а двое остальных наши свидетели.

– Стало быть, вы готовы стать моей женой?

– Но ведь мы договорились об этом? Однако я хочу напомнить условия нашего договора; мы условились, что если не возникнет каких то неотложных причин, признанных мною, я сочетаюсь с вами браком только в присутствии моего отца.

– Я прекрасно помню это условие, но разве эти неотложные причины не возникли?

– Пожалуй, да.

– Ну и?

– Ну и я согласна сочетаться с вами браком, сударь. Но запомните одно: по-настоящему я стану вашей женой только после того, как увижу отца.

Граф нахмурился и закусил губу.

– Сударыня, – сказал он, – я не намерен принуждать вас. Если вы считаете себя связанной словом, я возвращаю вам ваше слово; вы свободны, только...

Он подошел к окну и выглянул на улицу.

–..только посмотрите сюда.

Я поднялась, охваченная той неодолимой силой, которая влечет нас собственными глазами удостовериться в своей беде, и внизу под окном я увидела закутанного в плащ человека, который, казалось, пытался проникнуть в наш дом.

– Боже мой! – воскликнул Бюсси. – Вы говорите, что это было вчера?

– Да, граф, вчера, около девяти часов вечера.

– Продолжайте, – сказал Бюсси.

– Спустя некоторое время к незнакомцу подошел другой человек, с фонарем в руке.

– Как по-вашему, кто эти люди? – спросил меня господин де Монсоро.

– По-моему, это принц и его лазутчик, – ответила я. Бюсси застонал.

– Ну, а теперь, – продолжал граф, – приказывайте, как я должен поступить – уходить мне или оставаться?

Я все еще колебалась; да, несмотря на письмо отца, несмотря на свое клятвенное обещание, несмотря на опасность, непосредственную, осязаемую, грозную опасность, да, я все еще колебалась! И не будь там, под окном, этих двух людей...

– О, я злосчастный! – воскликнул Бюсси. – Ведь это я, я был человеком в плаще, а другой, с фонарем, – Реми ле Одуэн, тот молодой лекарь, за которым вы посылали.

– Так это были вы! – вскричала, словно громом пораженная, Диана.

– Да, я! Я все больше убеждался в том, что мои грезы были действительностью, и отправился на поиски того дома, где меня приютили, комнаты, в которую меня принесли, женщины или, скорее, ангела, который явился мне. О, как я был прав, назвав себя злосчастным!

И Бюсси замолчал, словно раздавленный тяжестью роковой судьбы, использовавшей его как орудие для того, чтобы принудить Диану отдать свою руку графу.

– Итак, – спросил он, собрав все свои силы, – вы его жена?

– Со вчерашнего дня, – ответила Диана. И снова наступила тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием обоих собеседников.

– Ну а вы? – вдруг спросила Диана. – Как вы проникли в этот дом, как вы оказались здесь? Бюсси молча показал ей ключ.

– Ключ! – воскликнула Диана. – Откуда у вас этот ключ, кто вам его дал?

– Разве Гертруда не пообещала принцу ввести его к вам нынче вечером? Принц видел, хотя и не узнал, господина де Монсоро и меня, так же как господин де Монсоро и я видели его; он побоялся попасть в какую-нибудь ловушку и послал меня вперед, на разведку.

– А вы согласились? – с упреком сказала Диана.

– Для меня это была единственная возможность увидеть вас. Неужели вы будете столь жестоки и рассердитесь на меня за то, что я отправился на поиски женщины, которая стала величайшей радостью и самым большим горем моей жизни.

– Да, я сержусь на вас, – сказала Диана, – потому что нам было бы лучше не встречаться снова. Не увидев меня еще раз, вы бы меня забыли.

– Нет, сударыня, – сказал Бюсси, – вы ошибаетесь. Напротив, сам бог привел меня к вам и повелел проникнуть до самой глубины в подлый заговор, жертвой которого вы стали. Послушайте меня: как только я вас увидел, я дал обет посвятить вам всю свою жизнь. Отныне я приступаю к выполнению этого обета. Вы хотели бы знать, что с вашим отцом?

– О да! – воскликнула Диана. – Ведь поистине мне неизвестно, что с ним случилось.

– Ну что ж, я берусь узнать это. Только сохраните добрую память о том, кто, начиная с сегодняшнего дня, будет жить вами и для вас, – Ну а ключ? – с беспокойством спросила Диана.

– Ключ? Отдаю его вам, так как я хотел бы получить его только из ваших собственных рук. Скажу одно: даю вам слово, что ни одна сестра не доверила бы ключ от своих покоев более преданному и более почтительному брату.

– Я верю слову отважного Бюсси, – сказала Диана. – Возьмите, сударь.

И она вернула ключ молодому человеку.

– Сударыня, – сказал Бюсси, – пройдет две недели, и мы узнаем, кто такой на самом деле господин де Монсоро.

И, простившись с Дианой с почтительностью, к которой примешивались одновременно и пылкая любовь, и глубокая печаль, Бюсси спустился по ступенькам лестницы.

Диана, склонив голову в сторону двери, прислушивалась к его удаляющимся шагам.

Шум шагов давно уже затих, а она все слушала, слушала с трепещущим сердцем и со слезами на глазах.

Глава 17.

О ТОМ, КАК ЕХАЛ НА ОХОТУ КОРОЛЬ ГЕНРИХ III И КАКОЕ ВРЕМЯ ТРЕБОВАЛОСЬ ЕМУ НА ДОРОГУ ИЗ ПАРИЖА В ФОНТЕНБЛО

Три или четыре часа спустя после только что описанных нами событий бледное солнце чуть посеребрило края красноватой тучи, и занимающийся день стал свидетелем выезда короля Генриха III в Фонтенбло, где, как мы уже говорили, на следующее утро намечалась большая охота.

Выезд на охоту у всякого другого короля прошел бы незамеченным, но у того оригинала, историю царствования которого мы решились бегло очертить, он вызвал столько шума, суеты и беготни, что превратился в настоящее событие, как это случалось со всеми затеями Генриха. Судите сами: около восьми часов утра из больших ворот Лувра, между Монетным двором и улицей Астрюс, выехала кавалькада придворных на добрых конях и в плащах, подбитых мехом; за ними последовало великое множество пажей, затем толпа лакеев и, наконец, рота швейцарцев, которая непосредственно предшествовала королевской карете.

Сие сложное сооружение, влекомое восьмеркой мулов в богатой сбруе, заслуживает отдельного описания.

Оно представляло собой прямоугольный длинный кузов, поставленный на четыре колеса, внутри сплошь выложенный подушками, снаружи задрапированный парчовыми занавесками. В длину карета имела примерно пятнадцать футов, а в ширину – восемь. На труднопроходимых участках дороги или на крутых подъемах восьмерку мулов заменяли волами в любом потребном количестве. Эти медлительные, но сильные и упрямые животные хотя и не прибавляли скорости, зато вселяли уверенность в том, что место назначения будет достигнуто, правда, с опозданием, и с опозданием не на какой-нибудь час, а уж не менее чем на два или три часа.

Карета вмещала короля Генриха III и весь его походный двор, за исключением королевы Луизы де Водемон; по правде говоря, королева так мало принадлежала ко двору своего супруга, что о ней можно было бы вообще не упоминать, если бы не паломничества и религиозные процессии, в которых она принимала самое деятельное участие.

Оставим же бедняжку в покое и расскажем, из кого состоял походный двор короля Генриха III.

Прежде всего, в него входил сам король, затем королевский лекарь Марк Мирон, королевский капеллан, имя которого до нас, к сожалению, не дошло, затем наш старый знакомец, королевский шут Шико, пять или шесть миньонов, бывших в фаворе, – в описываемое нами время этих счастливых звали Келюс, Шомберг, д'Эпернон, д'О и Можирон, – затем две огромные борзые, чьи удлиненные, змеиные головы, нередко с раскрытой в отчаянном зевке пастью, то и дело высывались из этой толпы людей, лежавших, сидящих, стоящих на ногах или на коленях, наконец, неотъемлемой принадлежностью походного двора были крохотные английские щенки в корзине, которую король либо держал на коленях, либо подвешивал на цепочке или на лентах к себе на грудь.

Из особо оборудованной ниши время от времени извлекали их кормилицу, суку с набухшими молоком сосцами, и вся щенячья команда тут же пристраивалась к ее животу. Борзые, прижимаясь своими острыми носами к побрякивавшему по левую сторону от короля четкам в виде черепов, снисходительно смотрели на обряд кормления и даже не давали себе труда ревновать, будучи твердо уверены в особом благорасположении к ним короля.

Под потолком королевской кареты покачивалась клетка из золоченой медной проволоки, в клетке сидели самые красивые во всем мире голуби: белоснежные птицы с двойным черным воротничком. Если, по воле случая, в карете появлялась дама, к этому зверинцу добавлялись две или три обезьянки из породы уистити или сапажу – обезьяны были

в особой чести у модниц при дворе последнего Валуа.

В глубине кареты, в позолоченной нише, стояла Шартрская богоматерь, высеченная из мрамора Жаном Гужоном по заказу короля Генриха II; взор богоматери, опущенный долгу, на голову ее богоданного сына, казалось, выражал удивление всем происходящим вокруг.

Вполне понятно, что все памфлеты того времени – а в них не было недостатка – и все сатирические стихи той эпохи – а их сочинялось великое множество – оказывали честь королевской карете и частенько упоминали ее, именуя обычно Ноевым ковчегом.

Король восседал в глубине экипажа, как раз под статуэткой Шартрской богоматери. У его ног Келюс и Можирон плели коврики из лент, что в те времена считалось одним из самых серьезных занятий для молодых людей. Некоторым счастливым удавалось подобрать искусные сочетания цветов, неизвестные до тех пор и с тех пор оставшиеся неповторенными, и сплести коврики из двенадцати разноцветных ленточек. В одном углу Шомберг вышивал свой герб с новым девизом, который, как ему казалось, он только что изобрел, а на самом деле он на него просто где-то набрел. В другом углу королевский капеллан беседовал с лекарем. Невыспавшиеся д'О и д'Эпернон рассеянно глазели в окошечки и дружно зевали, но хуже борзых. И, наконец, в одной из дверей сидел Шико, спустив ноги наружу, чтобы быть готовым в любую минуту, когда ему взбредет в голову, соскочить с кареты или же забраться внутрь ее; он то распевал духовные гимны, то декламировал стихотворные сатиры, то составлял бывшие тогда в большом ходу анаграммы, находя в имени каждого куртизана – либо по-французски, либо по-латыни – намеки, донельзя обидные для того, чью личность он таким образом высмеивал.

Когда карета выехала на площадь Шатле, Шико затянул духовный гимн.

Капеллан, который, как мы уже говорили, беседовал с Мироном, повернулся к шуту и нахмурил брови.

– Шико, друг мой, – сказал король, – поберегись; кусай моих миньонов, разорви в клочья мое величество, говори все, что хочешь, о боге – господь добр, – но не ссорься с церковью.

– Спасибо за совет, сын мой, – отозвался Шико, – а я и не заметил, что там в углу наш достойный капеллан беседует с лекарем о последнем покойнике, которого медик послал святому отцу, дабы тот упокоил брненное тело в земле, и жалуется, что за день это был третий по счету и что его вечно отрывают от трапезы. Не надо гимнов, золотые твои слова, гимны уже устарели, лучше я спою тебе совсем новенькую песенку.

– А на какой мотив? – спросил король.

– Да все на тот же, – ответил Шико. И загорланил во всю глотку:

Наш король должен сотню миллионов...

– Я должен куда больше, – прервал его Генрих. – Сочинитель твоей песни плохо осведомлен. Шико, не смущаясь поправкой, продолжал:

*Генрих должен две сотни миллионов,
На миньонов потратился он.
Нужно срочно придумать закон,
Чтоб в заклад не попала корона.
Новых пошлин набавить пяток,
А быть может, и новый налог.
Эта дружная гартий семья
Когти в нас запустила глубоко;
Ненасытные дети порока,
Все глотают они, не жуя.*

– Недурно, – сказал Келюс, продолжая сплести ленты, – а у тебя прекрасный голос,

Шико; давай второй куплет, дружок.

– Скажи свое слово, Валуа, – не удостаивая Келюса ответом, обратился Шико к королю, – запрети своим друзьям называть меня другом; это меня унижает.

– Говори стихами, Шико, – ответил король, – твоя проза ни гроша не стоит.

– Изволь, – согласился Шико и продолжал:

Их наряд драгоценным шитьем
И брильянтами весь изукрашен,
Постыдилась бы женщина даже
Показаться на улице в нем.
Головою вертеть им удобно
В брыжах пышных, обширных и модных.
На крахмал не годна им пшеница,
Полотно, дескать, портит она,
И крахмалы для их полотна
Нынче делают только из риса.

– Bravo! – похвалил король. – Скажи, д'О, не ты ли выдумал рисовый крахмал?

– Нет, государь, – сказал Шико, – это господни де Сен-Мегрен, который прошлый год отдал богу душу – его заколол шпагой Майеннский! Черт побери, не отнимайте заслуг у бедного покойника; ведь для того, чтобы память о нем дошла до потомства, он может рассчитывать лишь на этот крахмал, да еще на неприятности, причиненные им герцогу де Гизу; отнимите у него крахмал, и он застрянет на полпути.

И, не обращая внимания на лицо короля, помрачневшее при этом воспоминании, Шико снова запел;

Их прически полны новизны...

– Разумеется, речь все еще идет о миньонах, – заметил он, прервав свое пение.

– Да, да, продолжай, – сказал Шомберг. Шико запел:

*Их прически полны новизны:
По линейке подстрижены пряди;
Непомерно обкорнаны сзади,
Впереди непомерно длинны.*

– Твоя песенка уже устарела, – сказал д'Эпернон.

– Как устарела? Она появилась только вчера.

– Ну и что? Сегодня утром мода уже переменялась. Вот, посмотри.

И д'Эпернон, сняв шляпу, показал Шико, что впереди у него волосы острижены почти так же коротко, как и сзади.

– Фу, какая мерзкая голова! – заметил Шико и снова запел:

*И клеєм обмазаны густо,
Уложены в волны искусно
Волоса, от рожденья прямые,
И не шляпы отнюдь, не береты –
Колпачки шутовские одеты
На головы эти пустые.*

– Я пропускаю четвертый куплет, – сказал Шико, – он чересчур безнравственный. И продолжал:

*Уж не мните ли вы, что деды,
Соблюдавшие чести закон,
Французы былых времен,
Друзья и любимцы Победы,
В сражениях или в походе
Думали только о моде
Или что в битвах жестоких
В накладных они дрались кудрях,
В накрахмаленных кружевах,
Румянами вымазав щеки?*

– Bravo! – сказал Генрих. – Если бы мой братец ехал с нами, он был бы тебе весьма признателен, Шико.

– Кого ты зовешь своим братом, сын мой? – спросил Шико. – Не Жозефа ли Фулона, аббата монастыря святой Женевиевы, где, как я слышал, ты собираешься постричься?

– Нет, – ответил Генрих, подыгрывавший шуточкам Шико. – Я говорю о моем брате Франсуа.

– Ах, ты прав; этот действительно твой брат, но не во Христе, а во дьяволе. Добро, добро, значит, ты говоришь о Франсуа, божьей милостью наследнике французского престола, герцоге Брабантском, Лотьерском, Люксембургском, Гельдском, Алансонском, Анжуйском, Туреньском, Беррийском, Эвре и Шато-Тьерри, графе Фландрском, Голландском, Зеландском, Зютфенском, Мэнском, Першском, Мантском, Меланском и Бофорском, маркизе Священной империи, сеньоре Фриза и Малиля, защитнике бельгийской свободы, которому из одного носа, дарованного природой, оспа соорудила целых два; по поводу этих носов я сложил такой куплет:

*Господа, не глядите косо
На Франсуа и его два носа.
Ведь и по праву и по обычаю
Два носа под стать двулличию.*

Миньоны дружно захохотали, ибо считали герцога Анжуйского своим личным врагом и эпиграмма, высмеивающая герцога, немедленно заставила их забыть направленную против них сатиру, которую только что распевал Шико.

Что до короля, то поскольку из этого каскада острот на него попадали только отдельные брызги, он смеялся громче всех, весело угощал собак сахаром и печеньем и усердно оттачивал язык на своем брате и на своих друзьях.

Вдруг Шико воскликнул:

– Фу, как это неумно, Генрих, как неосторожно и даже дерзко.

– О чем ты? – сказал король.

– Нет, слово Шико, ты не должен признаваться в таких вещах. Фи, как это нехорошо!

– В каких вещах? – спросил удивленный король.

– В тех, в которых ты признаешься всякий раз, когда подписываешь свое имя. Ах, Генрике! Ах, сын мой!

– Берегитесь, государь, – сказал Келюс, заподозривший под елейным тоном Шико какую-то злую шутку.

– Какого черта? Что ты хочешь сказать?

– Как ты подписываешься? Скажи-ка?

– Черт побери..., я подписываюсь..., я подписываюсь «Henri de Valois» – Генрих Валуа.

– Добро. Заметьте, господа, он сам это сказал, по доброй воле, а теперь взглянем, не найдется ли среди этих тринадцати букв буквы «V».

– Разумеется, найдется: «Valois» начинается с «V».

– Возьмите ваши таблички, отец капеллан, ибо сейчас вы узнаете, как отныне вам следует записывать в них имя короля. Ведь «Henri de Valois» – это всего лишь анаграмма.

– То есть как?

– Очень просто. Всего лишь анаграмма. Я сейчас вам открою подлинное имя ныне царствующего величества. Итак, мы сказали: в подписи «Henri de Valois» есть «V», занесите эту букву на ваши таблички.

– Занесли, – сказал д'Эпернон.

– Нет ли там еще и буквы «i»?

– Конечно, есть, последняя буква в слове «Henri».

– До чего безгранично людское коварство! – сказал Шико. – Так разделить две буквы, созданные, чтобы стоять рядышком, друг возле дружки. Напишите «i» сразу после «V». Сделано?

– Да, – ответил д'Эпернон.

– Теперь поищем хорошенько, не найдется ли буква «I». Ага, вот она, попалась? А теперь – буква «a»; она тоже тут; еще одно «i» – вот оно; и, наконец, «и». Добро. Ты умеешь читать, Ногарэ?

– К стыду моему, да, – сказал д'Эпернон.

– Смотрите, какой хитрец! Да, случаем, не считаешь ли ты, что настолько уж знатен, что можешь быть круглым невеждой?

– Пустомеля, – сказал д'Эпернон, замахиваясь на Шико сарбаканом.

– Ударь, но прочти, грамотей, – сказал Шико. Д'Эпернон рассмеялся и громко прочел:

– «Vi-lain, vilain», подлый.

– Молодец! – воскликнул Шико. – Видишь, Генрих, как это делается: вот уже найдено настоящее имя, данное тебе при крещении. Надеюсь, если мне удастся раскрыть твою подлинную фамилию, ты прикажешь выплачивать мне пенсион не хуже того, который наш брат Карл Девятый пожаловал господину Амьё.

– Я прикажу тебя поколотить палками, Шико, – сказал король.

– Где ты разыщешь палки, которыми колотят дворян, сын мой? Неужто в Польше? Скажи мне, пожалуйста.

– Однако, если я не ошибаюсь, – заметил Келюс, – герцог Майеннский все же где-то нашел такую палку в тот день, когда он застал тебя, мой бедный Шико, со своей любовницей.

– Это счет, который нам еще предстоит закрыть. Будьте покойны, синьор Купидо, – вот тут все занесено герцогу в дебет.

И Шико постучал пальцем себе по лбу, и это доказывает, что уже в те времена голову считали вместилищем памяти.

– Перестань, Келюс, – вмешался д'Эпернон, – иначе из-за тебя мы можем упустить фамилию.

– Не бойся, – сказал Шико, – я ее держу крепко, если бы речь шла о господине де Гизе, я бы сказал: за рога, а о тебе, Генрих, скажу просто: за уши.

– Фамилию, давайте фамилию! – дружно закричали миньоны.

– Прежде всего, среди тех букв, которые нам остаются, мы видим «H» прописное: пиши «H», Ногарэ. Д'Эпернон повиновался.

– Затем «e», потом «г», да еще там в слове «Valois» осталось «o»; наконец, в подписи Генриха имя от фамилии отделяют две буквы, которые ученые грамматики называют частицей; и вот я накладываю руку на «d» и на «e», и все это вместе с «s», которым заканчивается родовое имя, образует слово; прочти его по буквам, Эпернон.

– «H-e-r-o-d-e-s»: «Herodes», Ирод, – прочитал д'Эпернон.

– «Vilain Herodes»! Подлый Ирод! – воскликнул король.

– Верно, – сказал Шико. – И таким именем ты подписываешься каждый день, сын мой. Фу!

И шут откинулся назад, изобразив на лице ужас и отвращение.

– Господин Шико, вы переходите границы! – заявил Генрих.

– Да ведь я сказал только то, что есть. Вот они, короли: им говорят правду, а они сердятся.

– Да уж, нечего сказать, прекрасная генеалогия, – сказал Генрих.

– Не отказывайся от нее, сын мой, – ответил Шико. – Клянусь святым чревом! Она вполне подходит королю, которому два или три раза в месяц приходится обращаться к евреям.

– За этим грубияном, – воскликнул король, – всегда останется последнее слово. Не отвечайте ему, господа, только так можно заставить его замолчать.

В карете немедленно воцарилась глубокая тишина, и это молчание, которое Шико, весь ушедший в наблюдение за дорогой, по-видимому, не собирался нарушать, длилось несколько минут, до тех пор, пока карета, миновав площадь Мобер, не достигла угла улицы Нуайе. Тут Шико внезапно соскочил на мостовую, растолкал гвардейцев и преклонил колени перед каким-то довольно приятным на вид домиком с выступающим над улицей резным деревянным балконом, который опирался на расписные балки.

– Эй, ты! Язычник! – закричал король. – Коли тебе так уж хочется встать на колени, встань хотя бы перед крестом, что на середине улицы Сент-Женевьев, а не перед простым домом. Что в этом домишке, церковь спрятана или, может, алтарь?

Но Шико не ответил, он стоял, коленопреклоненный, посреди мостовой и во весь голос читал молитву. Король слушал, стараясь не упустить ни одного слова.

– Господи боже! Боже милосердный, боже праведный! Я помню этот дом и всю жизнь буду его помнить; вот она, обитель любви, где Шико претерпел муки, если не ради тебя, господи, то ради одного из твоих созданий;

Шико никогда не просил тебя наслать беду ни на герцога Майеннского, приказавшего подвергнуть его мучениям, ни на мэтра Николя Давида, выполнившего этот приказ. Нет, господи, Шико умеет ждать, Шико терпелив, хотя он и не вечен. И вот уже шесть полных лет, в том числе один високосный год, как Шико накапливает проценты на маленьком счете, который он открыл на имя господ герцога Майеннского и Николя Давида. Считая по десяти годовых, – а это законный процент, под него сам король занимает деньги, – за семь лет первоначальный капитал удвоится. Великий боже! Праведный боже! Пусть терпения Шико хватит еще на один год, чтобы пятьдесят ударов бичом, полученные им в сем доме по приказу этого подлого убийцы – лотарингского принца, от его грязного наемника – нормандского адвоката, чтобы эти пятьдесят ударов, извлечшие из бедного тела Шико добрую пинту крови, выросли до ста ударов бичом каждому из этих негодяев и до двух пинт крови от каждого из них. Пусть у герцога Майеннского, как бы он ни был толст, и у Николя Давида, как бы он ни был длинен, не хватит ни крови, ни кожи расплатиться с Шико, и пусть они объявят себя банкротами и молят скостить им выплату до пятнадцати или двадцати процентов, и пусть они сдохнут на восьмидесятом или восемьдесят пятом ударе бича. Во имя отца, и сына, и святого духа! Да будет так! – заключил Шико.

– Аминь, – сказал король.

На глазах у пораженных зрителей, ничего не понявших в этой сцене, Шико поцеловал землю и снова занял свое место в карете.

– А теперь, – сказал король, который хотя за последние три года и лишился многих привилегий, подобающих его сану, отдав их в другие руки, все еще сохранял право обо всем узнавать первым. – А теперь, мэтр Шико, откройте нам, зачем была нужна такая странная и длинная молитва? К чему это биение себя в грудь? К чему, наконец, все эти кривляния перед самым обычным с виду домом?

– Государь, – ответил гасконец, – Шико – как лисица: Шико обнюхивает и лижет камни, на которые пролилась его кровь, до тех пор, пока не размозжит об эти камни головы тех, кто ее пролил., – Государь, – воскликнул Келюс, – я держу пари! Как вы сами могли слышать, Шико в своей молитве упомянул имя герцога Майеннского. Держу пари, что эта молитва связана с палочными ударами, о которых мы только что говорили.

– Держите пари, сеньор Жак де Леви, граф де Келюс, – сказал Шико, – держите пари – и вы выиграете.

– Стало быть... – начал король.

– Именно так, государь, – продолжал Шико, – в этом доме жила возлюбленная Шико, доброе и очаровательное создание, из благородных, черт побери! Однажды ночью, когда Шико пришел ее повидать, один ревнивый принц приказал окружить дом, схватить Шико и жестоко избить его, и Шико был вынужден спастись через окно, разбив стекла, – открыть его у Шико не было времени, – и затем прыгнуть с высоты этого маленького балкона на улицу. Не убили его только чудом, и потому всякий раз, проходя мимо этого дома, Шико преклоняет колени, молится и в своих молитвах благодарит господина, извлекшего его из такой передраги.

– Ах, бедняга Шико, а вы еще порицаете его, государь. По-моему, он вел себя, как подобает доброму христианину.

– Значит, тебя все же изрядно поколотили, мой бедный Шико?

– О, весьма изрядно, государь, но не так сильно, как я бы хотел.

– То есть?

– По правде говоря, я не прочь был бы получить несколько ударов шпагой.

– В счет твоих грехов?

– Нет, в счет грехов герцога Майеннского.

– Ах, я понимаю; ты намерен воздать Цезарю...

– Нет, зачем же Цезарю, не будем смешивать, государь, божий дар с яичницей: Цезарь – великий полководец, отважный воин, Цезарь – это старший брат, тот, кто хочет быть королем Франции. Речь не о нем, у него счеты с Генрихом Валуа, и это касается тебя, сын мой. Плати свои долги, Генрих, а я уплачу свои.

Генрих не любил, когда при нем упоминали его кузена, герцога де Гиза, поэтому, услышав намек Шико, король насупился, разговор был прерван и не возобновлялся более до прибытия в Бисетр.

Дорога от Лувра до Бисетра заняла три часа, исходя из этого оптимисты считали, что королевский поезд должен прибыть в Фонтенбло завтра к вечеру, а пессимисты предлагали пари, что он прибудет туда не раньше, чем в полдень послезавтра.

Шико был убежден, что он туда вообще не прибудет. Выехав из Парижа, кортеж начал двигаться живее. На погоду грех было жаловаться: стояло погожее утро, ветер утих, солнцу наконец-то удалось прорваться сквозь завесу облаков, и начинающийся день напоминал ту прекрасную октябрьскую пору, когда под шорох последних опадающих листьев восхищенным взорам гуляющих открывается голубоватая тайна перешептывающихся лесов.

В три часа дня королевский выезд достиг первых стен крепостной ограды Жювизи. Отсюда уже видны были мост, построенный через реку Орж, и большая гостиница «Французский двор», от которой пронизывающий ветер доносил запах дичи, жарящейся на вертеле, и веселый шум голосов.

Нос Шико на лету уловил кухонные ароматы. Гасконец высунулся из кареты и увидел вдали, у дверей гостиницы, группу людей, закутанных в длинные плащи. Среди них был маленький толстяк, лицо которого до самого подбородка закрывала широкополая шляпа.

При виде приближающегося кортежа эти люди поспешили войти в гостиницу.

Но маленький толстяк замешкался в дверях, и Шико с удивлением признал его. Поэтому в тот самый миг, когда толстяк исчез в гостинице, наш гасконец соскочил на землю, взял свою лошадь у пажа, который вел ее под уздцы, укрылся за углом стены и, затерявшись в быстро сгущающихся сумерках, оторвался от кортежа, продолжавшего путь до Эссонна, где король наметил остановку на ночлег. Когда последние всадники исчезли из виду и глухой стук колес по вымощенной камнем дороге затих, Шико покинул свое убежище, объехал вокруг замка и появился перед гостиницей со стороны, противоположной той, откуда на самом деле прибыл, как если бы он возвращался в Париж. Подъехав к окну, Шико заглянул внутрь через стекло и с удовлетворением увидел, что замеченные им люди, среди них и приземистый

толстяк, который, по-видимому, его особенно интересовал, все еще там. Однако у Шико, очевидно, имелись причины желать, чтобы вышеупомянутый толстяк его не увидел, поэтому гасконец вошел не в главную залу, а в комнату напротив, заказал бутылку вина и занял место, позволяющее беспрепятственно наблюдать за выходом из гостиницы.

С этого места Шико, предусмотрительно усевшемуся в тени, была видна часть гостиничного зала с камином. У камина, на низеньком табурете, восседал маленький толстяк и, несомненно не подозревая, что за ним наблюдают, спокойно подставлял свое лицо потрескивающему огню, в который только что подбросили охапку сухих виноградных лоз, удвоившую силу и яркость пламени.

– Нет, глаза мои меня не обманули, – сказал Шико, – и, когда я молился перед домом на улице Нуайе, можно сказать, я нюхом учуял, что он возвращается в Париж. Но почему он пробирается украдкой в престольный град нашего друга Ирода? Почему он прячется, когда король проезжает мимо? Ах, Пилат, Пилат! Неужто добрый божешенька не пожелал дать мне отсрочку на год, о которой я просил, и требует от меня выплаты по счетам раньше, чем я предполагал?

Вскоре Шико с радостью обнаружил, что в силу какого-то акустического каприза с того места, на котором он сидит, можно не только видеть, что происходит в зале гостиницы, но и слышать, что там говорят. Сделав такое открытие, Шико напряг слух с не меньшим усердием, чем зрение.

– Господа, – сказал толстяк своим спутникам, – полагаю, нам пора отправляться, последний лакей кортежа давно скрылся из виду, и, по-моему, в этот час дорога безопасна.

– Совершенно безопасна, монсеньер, – произнес голос, заставивший Шико вздрогнуть. Голос принадлежал человеку, на которого Шико, всецело погруженный в созерцание маленького толстяка, до этого не обращал никакого внимания.

Человек с голосом, резанувшим слух Шико, представлял собой полную противоположность тому, кого называли монсеньером. Он был настолько же несуразно длинен, насколько тот был мал ростом, настолько же бледен, насколько тот был румян, настолько же угодлив, насколько тот был высокомерен.

– Ага, попался, мэтр Николя, – сказал Шико, беззвучно смеясь от радости. – *Tu quoque...*⁸ Нам очень не повезет, если на этот раз мы расстанемся, не обменявшись парой слов.

И Шико осушил свой стакан и расплатился с хозяином, чтобы иметь возможность беспрепятственно встать и уйти, когда ему заблагорассудится.

Эта предосторожность оказалась далеко не лишней, так как семь человек, привлечшие внимание Шико, в свою очередь, расплатились (вернее сказать, маленький толстяк расплатился за всех) Они вышли из гостиницы, лакеи или конюхи подвели им лошадей, все вскочили в седла, и маленький отряд поскакал по дороге в Париж и вскоре затерялся в первом вечернем тумане.

– Добро! – сказал Шико. – Он поехал в Париж, значит, и я туда вернусь.

И Шико, в свою очередь, сел на коня и последовал за кавалькадой на расстоянии, позволяющем видеть серые плащи всадников или же, в тех случаях, когда осторожный гасконец терял их из виду, слышать стук лошадиных копыт.

Все семеро свернули с дороги, ведущей на Фроманто, и прямо по открытому полю доскакали до Шуази, затем переехали Сену по Шарантонскому мосту, через Сент-Антуанские ворота проникли в Париж и, наконец, как рой пчел исчезает в улье, исчезли во дворце Гизов, двери которого тотчас же плотно закрылись за ними, словно только и ожидали их прибытия.

– Добро, – повторил Шико, устраиваясь в засаде на углу улицы Катр-Фис, – здесь пахнет уже не одним Майенном, но и самим Гизом. Пока что все это только любопытно, но скоро станет весьма занятным. Подождем.

⁸ И ты (Брут) (лат.).

И действительно, Шико прождал добрый час, не обращая внимания на голод и холод, которые начали грызть его своими острыми клыками. Наконец двери открылись, но вместо семи всадников, закутанных в плащи, из них вышли, потрясая огромными четками, семеро монахов монастыря святой Женевиевы, лица у всех у них были скрыты под капюшонами, опущенными на самые глаза.

– Вот как? – удивился Шико. – Что за неожиданная развязка! Неужто дворец Гизов до такой степени пропитан святостью, что стоит разбойникам переступить его порог, как они тут же превращаются в агнцев божьих? Дело становится все более и более занятным.

И Шико последовал за монахами так же, как до этого он следовал за всадниками, не сомневаясь, что под рясами скрываются те же люди, что прятались под плащами.

Монахи перешли через Сену по мосту Нотр-Дам, пересекли Сите, преодолели Малый мост, вышли на площадь Мобер и поднялись по улице Сент-Женевиев.

– Что такое! – воскликнул Шико, не забыв снять шляпу у домика на улице Нуайе, перед которым нынче утром он возносил свою молитву. – Может быть, мы возвращаемся в Фонтенбло? Тогда я выбрал отнюдь не самый краткий путь. Но нет, я ошибся, так далеко мы не пойдем.

И действительно, монахи остановились у входа в монастырь святой Женевиевы и вошли под его портик; там в глубине можно было разглядеть монаха того же ордена, который самым внимательным образом рассматривал руки входящих в монастырь.

– Смерть Христова! – выругался Шико. – По-видимому, нынче вечером в аббатство пускают только тех, у кого чистые руки. Решительно, здесь происходит что-то из ряда вон выходящее.

Придя к такому заключению, Шико, до сих пор всецело занятый тем, чтобы не упустить из виду тех, за кем он следовал, оглянулся вокруг и с удивлением увидел, что на всех улицах, сходящихся к аббатству, полным-полно людей в монашеских рясах с опущенными капюшонами; поодиночке или парами все они, как один, направлялись к монастырю.

– Вот как! – сказал Шико. – Значит, сегодня вечером в аббатстве состоится великий капитул, на который приглашены все монахи-женевиевцы со всей Франции? Честное слово, меня впервые разбирает желание присутствовать на капитуле, и, признаюсь, желание неодолимое.

А монахи все шли и шли, вступали под своды портика, предъявляя свои руки или некий предмет, который держали в руках, и скрывались в аббатстве.

– Я бы прошел вместе с ними, – сказал Шико, – но для этого мне недостает двух существенно важных вещей: во-первых, почтенной рясы, которая их облекает, ибо, как я ни смотрю, я не вижу среди сонма святых отцов ни одного мирянина; и, во-вторых, той штучки, которую они показывают брату привратнику; а они ему что-то показывают. Ах, брат Горанфло, брат Горанфло! Если бы ты был сейчас здесь, у меня под рукой, мой достойный Друг!

Слова эти были вызваны воспоминанием об одном из самых почтенных монахов монастыря святой Женевиевы, обычном сотрапезнике гасконца в те дни, когда он обедал в городе, о монахе, с которым в день покаянной процессии Шико недурно провел время в кабачке возле Монмартрских ворот, поедая чирка и запивая его терпким вином.

А монахи продолжали прибывать, – можно было подумать, что половина парижского населения надела рясу, – брат привратник без устали проверял вновь прибывших, никого не обделяя своим вниманием.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал Шико, – решительно, нынче вечером произойдет что-то необыкновенное. Ну что ж, будем любопытны до конца. Сейчас половина восьмого, сбор милостыни закончен. Я найду брата Горанфло в «Роге изобилия», это час его ужина.

И Шико предоставил легиону монахов возможность свободно маневрировать вокруг аббатства и исчезать в его дверях, а сам, пустив коня галопом, добрался до широкой улицы Сен-Жак, где напротив монастыря святого Бенуа стояла гостиница «Рог изобилия», заведение весьма процветающее и усердно посещаемое школярами и неистовыми спорщиками –

монахами.

В этом доме Шико пользовался известностью, но не как завсегдатай, а как один из тех таинственных гостей, которые время от времени появляются, чтобы оставить золотой экю и частицу своего рассудка в заведении мэтра Клода Бономе. Так звали раздавателя даров Цереры и Бахуса, тех даров, которые без усталости извергал знаменитый мифологический рог, служивший вывеской гостиницы.

Глава 18.

ГДЕ ЧИТАТЕЛЬ БУДЕТ ИМЕТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С БРАТОМ ГОРАНФЛО, О КОТОРОМ УЖЕ ДВАЖДЫ ГОВОРИЛОСЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ НАШЕЙ ИСТОРИИ

За погожим днем последовал ясный вечер, однако день был прохладный, а к вечеру еще похолодало. Можно было видеть, как под шляпами запоздалых буржуа сгущается пар от дыхания, розоватый в свете фонаря. Слышались четко звучащие по замерзающей земле шаги, звонкие «хм», исторгаемые холодом и, как сказал бы современный физик, отражаемые эластичными поверхностями. Одним словом, на дворе стояли те прекрасные весенние заморозки, которые придают двойное очарование светящимся багряным светом окнам гостиницы.

Шико сначала вошел в общий зал, окинул взором все его углы и закоулки и, не обнаружив среди гостей мэтра Клода того, кого искал, непринужденно направился на кухню.

Хозяин заведения был занят чтением какой-то божественной книги, в то время как целое озеро масла, заключенное в берегах огромной сковороды, терпеливо томилось, ожидая, пока температура не поднимется до градуса, который позволил бы положить на сковороду обваленных в муке мерланов.

Услышав шум открывающейся двери, мэтр Бономе поднял голову.

– Ах, это вы, сударь, – сказал он, – захлопывая книгу. – Доброго вечера и доброго аппетита.

– Спасибо за двойное пожелание, хотя вторая его часть пойдет на пользу столько же вам, сколько и мне. Но мой аппетит будет зависеть.

– Как, неужели ваш аппетит от чего-то еще зависит?

– Да, вы знаете, что я терпеть не могу угощаться и одиночестве.

– Ну если так надо, сударь, – сказал Бономе, приподнимая свой фисташкового цвета колпак, – я готов отужинать вместе с вами.

– Спасибо, великодушный хозяин, я знаю, что вы отменный сотрапезник, но я ищу одного человека.

– Не брата ли Горанфло? – осведомился Бономе.

– Именно его, – ответил Шико, – а что, он уже приступил к ужину?

– Пока еще нет, но поторопитесь.

– Зачем торопиться?

– Непременно поторопитесь, так как через пять минут он уже кончит.

– Брат Горанфло еще не приступал к ужину и через пять минут он уже отужинает, говорите вы?

И Шико покачал головой, что во всех странах мира считается знаком недоверия.

– Сударь, – сказал мэтр Клод, – сегодня среда, великий пост уже начался.

– Ну и что с того? – спросил Шико, явно сомневаясь в приверженности брата Горанфло к догматическим установлениям религии, – А, черт! – высказался мэтр Бономе, махнув рукой, что, очевидно, означало: «Я тут понимаю не больше вашего, но дела обстоят именно так».

– Решительно, – заметил Шико, – что-то разладилось в нашем, подлунном механизме: пять минут на ужин брату Горанфло! Мне суждено сегодня повидать подлинные чудеса.

И с видом путешественника, вступающего на неисследованные земли, Шико сделал несколько шагов по направлению к маленькой боковой комнатке, подобию отдельного кабинета, толкнул стеклянную дверь, закрытую шерстяным занавесом в белую и розовую клетку, и при свете свечи с чающим фитилем увидел в глубине комнаты почтенного монаха, который пренебрежительно ковырял вилкой на тарелке скудную порцию шпината, сваренного в кипятке, пытаясь усовершенствовать вкус этой травянистой субстанции путем присовокупления к ней остатков сюренского сыра.

Пока достойный брат готовит свою смесь с гримасой на лице, выражающей сомнение во вкусовых качествах столь жалкого сочетания, попытаемся представить его нашим читателям в самом ярком свете и этим загладить пашу вину, состоящую в том, что мы так долго оставляли его в тени.

Итак, брат Горанфло был мужчиной лет, тридцати восьми и около пяти футов росту. Столь малый рост возмещался, по словам самого монаха, удивительной соразмерностью пропорций, ибо все, что брат сборщик милостыни потерял в высоте, он приобрел в ширине и в поперечнике от одного плеча к другому имел примерно три фута; такая длина диаметра, как известно, соответствует девяти футам в окружности.

Между этими поистине геркулесовыми плечами располагалась дюжая шея, на которой, словно канаты, выступали могучие мускулы. К несчастью, шея также находилась в соответствии со всем остальным телом, то есть она была толстой и короткой, что угрожало брату Горанфло при первом же мало-мальски сильном волнении неминуемым апоплексическим ударом. Но, сознавая, какой опасностью чреват этот недостаток его телосложения, брат Горанфло никогда не волновался; и мы должны сказать, что лишь в крайне редких случаях его можно было видеть таким разобиженным и раздраженным, как в тот час, когда Шико вошел в кабинет.

– Э, дружище, что вы здесь делаете? – воскликнул наш гасконец, глядя поочередно на травы, на Горанфло, на чающую свечу и на чашу, до краев полную водой, чуть подкрашенной несколькими каплями вина.

– Разве вы не видите, брат мой? Я ужинаю, – ответил Горанфло голосом гулким, как колокол его аббатства.

– Вы называете это ужином, вы, Горанфло? Травка и сыр? Да что с вами? – воскликнул Шико.

– Мы вступили в первую среду великого поста; попечемся же о нашем спасении, брат мой, попечемся о нашем спасении, – прогнусавил Горанфло, блаженно возводя очи горе.

Шико замер, как громом пораженный, взгляд гасконца говорил, что ему не раз приходилось видеть брата Горанфло, совсем иным манером прославляющего святыне дни того самого великого поста, который только что начался.

– О нашем спасении? – повторил он. – А разве наше спасение может зависеть от воды и травы?

*По пятницам ты мяса не вкушай,
А также и по средам, –*

Пропел Горанфло.

– Ну, а давно ли вы завтракали?

– Я совсем не завтракал, брат мой, – сказал монах, говоря все более и более в нос.

– Ах, если все дело в том, чтобы гнусавить, – сказал Шико, – я берусь соревноваться с монахами-женевьевцами всего мира. – И он загудел в нос самым отвратительным образом:

– Итак, если вы еще даже не завтракали, то чем же вы были заняты, брат мой?

– Я сочинял речь, – заявил Горанфло, гордо вскинув голову.

– Что вы говорите? Речь, а зачем?

– Затем, чтобы произнести ее нынче вечером в аббатстве.

«Вот тебе на! – подумал Шико. – Речь сегодня вечером в аббатстве. Занятно».

– А сейчас, – добавил Горанфло, поднося ко рту первую вилку с грузом шпината и сыра, – мне уже пора уходить, мои слушатели, наверное, заждались.

Шико подумал о бесчисленном множестве монахов, которые на его глазах устремлялись к аббатству, и, вспомнив, что среди них, по всей вероятности, был и герцог Майеннский, задал себе вопрос, почему Жозефу Фулону, аббату монастыря святой Женевьевы, взбрело в голову избрать для произнесения проповеди перед лотарингским принцем и столь многочисленным обществом именно Горанфло, ценимого до сего дня за качества, не имевшие никакого отношения к красноречию.

– Ба! – сказал он. – А в каком часу ваша проповедь?

– С девяти часов до девяти с половиной, брат мой.

– Добро! Сейчас девять без четверти. Уделите мне всего пять минут. Клянусь святым чревом! Уже более восьми дней нам не выпадало случая пообедать вместе.

– Но это не наша вина, – сказал Горанфло, – и поверьте, возлюбленный брат мой, что наша дружба не потерпела от этого никакого ущерба; обязанности, связанные с вашей должностью, удерживают вас при особе нашего славного короля Генриха Третьего, да хранит его господь; обязанности, вытекающие из моего положения, вынуждают меня заниматься сбором милостыни, а все оставшееся время посвящать молитвам; поэтому ничего удивительного, что мы так долго не встречались.

– Вы правы, однако, клянусь телом Христовым, – сказал Шико, – мне кажется, это еще одна причина возрадоваться тому, что мы снова свиделись.

– Я и радуюсь, радуюсь беспредельно, – ответил Горанфло, скроив самую благостную физиономию, какую только можно себе представить, – и тем не менее мне придется вас покинуть.

И монах приподнялся на стуле, собираясь встать.

– Доешьте хоть вашу травку, – сказал Шико, положив ему руку на плечо.

Горанфло взглянул на шпинат и вздохнул.

Затем он обратил взор на розоватую воду и отвернулся.

Шико понял, что настал благоприятный момент для атаки.

– Помните, как мы с вами прекрасно посидели последний раз, – обратился он к Горанфло, – там, в кабачке у Монмартрских ворот? Пока ваш славный король Генрих Третий бичевал себя и других, мы уничтожили чирка из болот Гранж-Бательер и раковый суп, а все это запили превосходным бургундским; как бишь оно называется? Не то ли это вино, которое открыли вы?

– Это романейское вино, вино моей родины, – сказал Горанфло.

– Да, да припоминаю; это то самое молочко, которое вы сосали в младенчестве, достойный сын Ноя. Горанфло с грустной улыбкой облизал губы.

– Ну и что вы скажете о тех бутылках, которые мы распили? – спросил Шико.

– Хорошее было вино, однако не из самых лучших сортов.

– Это же говорил как-то вечером и наш хозяин, Клод Бономе. Он утверждал, что в его погребе найдется с полсотни бутылок, перед которыми вино у его собрата с Монмартрских ворот просто выжимки.

– Чистая правда, – засвидетельствовал Горанфло.

– Как! Правда? – возмутился Шико. – И вы тянете эту мерзкую подкрашенную воду, когда вам только руку стоит протянуть, чтобы выпить такого вина? Фу!

И Шико схватил чашку и выплеснул ее содержимое на пол.

– Всеу свое время, брат мой, – сказал Горанфло. – Вино хорошо, если после того, как ты его выпьешь, тебе остается только славить господя, создавшего такую благодать. Но если ты должен выступать с речью, то вода предпочтительнее, не по вкусу, конечно, а по воздействию: *facunda est aqua*⁹.

⁹ Вино еще больше способствует (лат.).

– Ба! – ответил Шико. – *Magis facundum est vinum*¹⁰, и в доказательство я закажу бутылочку вашего романейского, хотя мне сегодня тоже выступать с речью. Я верю в чудотворную силу вина; по чести, Горанфло, посоветуйте, какую закуску мне к нему взять.

– Только не эту прмерзостную зелень, – сказал монах. – Хуже ее ничего не придумаешь.

– Бррр! – содрогнулся Шико, взяв тарелку и поднеся ее к носу. – Бррр!

На этот раз он открыл маленькое окошко и выбросил на улицу шпинат вместе с тарелкой.

– Мэтр Клод! – обернувшись, позвал он. Хозяин, который, по-видимому, подслушивал у дверей, мигом возник на пороге.

– Мэтр Клод, принесите мне две бутылки того романейского вина, которое, по вашим словам, у вас лучшего сорта, чем где бы то ни было.

– Две бутылки! – удивился Горанфло. – Зачем две? Ведь я не буду пить.

– Если бы вы пили, я заказал бы четыре бутылки, я заказал бы шесть бутылок, я заказал бы все бутылки, сколько их ни на есть в погребе. Но раз я пью один, двух бутылок мне хватит, ведь я питух никудышный.

– И верно, – сказал Горанфло, – две бутылки – это разумно, и если вы при этом будете вкушать только постную пищу, ваш духовник не станет вас порицать.

– Само собой. Кто же ест скоромное в среду великого поста? Этого еще не хватало.

Мэтр Бономе отправился в погреб за бутылками, а Шико подошел к шкафу для провизии и извлек оттуда откормленную манскую курицу.

– Что вы там делаете, брат мой? – воскликнул Горанфло, с невольным интересом следивший за всеми движениями гасконца. – Что вы там делаете?, – Вы видите, я схватил этого карпа из страха, как бы кто-нибудь другой не наложил на него лапу. В среду великого поста этот род пищи пользуется особенным успехом.

– Карпа? – изумился Горанфло.

– Конечно, карпа, – сказал Шико, поворачивая перед его глазами аппетитную птицу.

– Ас каких это пор у карпа клюв? – спросил монах.

– Клюв! – воскликнул гасконец. – Где вы видите клюв? Это рыба голова.

– А крылья?

– Плавники.

– А перья?

– Чешуя, милейший Горанфло, да вы пьяны, что ли?

– Пьян! – возмутился Горанфло. – Я пьян! Ну уж это слишком. Я пьян! Я ел только шпинат и не пил ничего, кроме воды.

– Ну и что? Значит, шпинат обременил вам желудок, а вода ударила в голову.

– Черт возьми! – сказал Горанфло. – Вот идет ваш хозяин, он рассудит.

– Что рассудит?

– Карп это или курица.

– Согласен, но сначала пусть он откупорит вино. Я хочу знать, каково оно на вкус. Отчините бутылочку, мэтр Клод.

Мэтр Клод откупорил бутылку и наполнил до половины стакан Шико.

Шико осушил стакан и прищелкнул языком.

– Ах! – сказал он. – Я бездарный дегустатор, у моего языка совершенно нет памяти; я не могу определить, хуже или лучше это вино того, что мы пили у Монмартрских ворот. Я даже не уверен, что это то самое вино.

Глаза брата Горанфло засверкали при виде нескольких капелек рубиновой влаги, оставшихся на дне стакана Шико.

– Держите, брат мой, – сказал Шико, налив с наперсток вина в стакан монаха, – вы

¹⁰ Вода способствует красноречию (лат.).

посланы в сей мир, дабы служить ближнему; наставьте же меня на путь истинный.

Горанфло взял стакан, поднес к губам и, смакуя, медленно процедил сквозь зубы его содержимое.

– Нет сомнения, это вино того же сорта, – изрек он, – но...

– Но?... – повторил Шико.

– Но его тут было слишком мало, чтобы я мог сказать, хуже оно или лучше монмартрского.

– А я все же хотел бы это знать. Чума на мою голову! Я не хочу быть обманутым, и если бы вам, брат мой, не предстояло произносить речь, я попросил бы вас еще раз продегустировать это вино.

– Ну разве только ради вас, – сказал монах.

– Черт побери! – заключил Шико и наполнил стакан до половины.

Горанфло с не меньшим уважением, чем в первый раз, поднес стакан к губам и просмаковал вино с таким же сознанием ответственности.

– Это лучше! – вынес он приговор. – Это лучше. Я ручаюсь.

– Ба, да вы сговорились с нашим хозяином.

– Настоящий питух, – изрек Горанфло, – должен по первому глотку определять сорт вина, по второму – марку, по третьему – год.

– О! Год! Как бы я хотел узнать, какого года это вино.

– Нет ничего легче, – сказал Горанфло, протягивая стакан, – капните мне сюда. Капли две, не больше, и я вам скажу.

Шико наполнил стакан на три четверти, и монах медленно, но не отрываясь, осушил его.

– Одна тысяча пятьсот шестьдесят первого, – произнес он, ставя стакан на стол.

– Слава! – воскликнул Клод Бономе. – Тысяча пятьсот шестьдесят первого года, именно так.

– Брат Горанфло, – сказал Шико, снимая шляпу, – в Риме понаделали много святых, которые и мизинца вашего не стоят.

– Малость привычки, брат мой, вот и все, – скромно заметил Горанфло.

– И талант, – возразил Шико. – Чума на мою голову! Одна привычка ничего не значит, я по себе это знаю, уж кажется, я ли не привыкал. Постойте, что вы делаете?

– Разве вы не видите? Я встаю.

– Зачем?

– Пойду в монастырь.

– Не отведав моего карпа?

– Ах да! – спохватился Горанфло. – По-видимому, мой достойный брат, в пище вы разбираетесь еще меньше, чем в питье. Мэтр Бономе, что это за живность? И брат Горанфло показал пальцем на предмет спора. Трактирщик удивленно воззрился на человека, задавшего ему такой вопрос.

– Да, – поддержал Шико, – вас спрашивают: что это такое?

– Черт побери! – сказал хозяин. – Это курица.

– Курица! – растерянно повторил Шико.

– И даже из Мана, – продолжал мэтр Клод.

– Говорил я вам! – с торжеством в голосе сказал Горанфло.

– Да, очевидно, я попал впросак. Но мне страшно хочется съесть эту курицу и в то же время не согрешить. Послушайте, брат мой, сделайте милость – во имя нашей взаимной любви окропите ее несколькими капельками воды и нарежьте карпом.

– Чур меня! Чур! – захохотал монах.

– Я вас очень прошу, иначе я могу оскоромиться и впасть в смертный грех.

– Ну ладно, так и быть, – сдался Горанфло, который по природе своей был хорошим товарищем, и, кроме того, на нем уже сказывались вышеописанные три дегустации, – однако у нас нет воды.

– Я не помню где, но было сказано, – заявил Шико. – «В случае необходимости ты возьмешь то, что найдется под рукой». Цель оправдывает средства; окрестите курицу вином, брат мой, окрестите вином; может быть, она от этого станет чуточку менее католической, но вкус ее не пострадает.

И Шико опорожнил первую бутылку, наполнив до краев стакан монаха.

– Во имя Бахуса, Мома и Кома, троицы великого святого Пантагрюэля, – произнес Горанфло, – нарекаю тебя карпом.

И, обмакнув концы пальцев в стакан, окропил курицу несколькими каплями вина.

– А теперь, – сказал Шико, чокнувшись с монахом, – за здоровье моего крестника, пусть его поджарят хорошенько, и пусть мэтр Клод Бономе своим искусством усовершенствует его природные достоинства.

– За его здоровье, – отозвался Горанфло с громким смехом, осушая свой стакан, – за его здоровье. Черт побери, вот забористое винцо!

– Мэтр Клод, немедленно посадите этого карпа на вертел, – распорядился Шико, – полейте его свежим маслом, добавив мелко нарубленного свиного сала и лука, а когда рыба подрумянится, разделите ее на две части, залейте соусом и подайте на стол горячей.

Слушая эти указания, Горанфло не произнес ни слова, но по его глазам и чуть заметным кивкам головы можно было понять, что он полностью их одобряет.

– Ну а теперь, – сказал Шико, видя, что ему удалось добиться своего, – несите сардины, мэтр Бономе, давайте сюда тунца. У нас нынче великий пост, как справедливо разъяснил наш набожный брат Горанфло, и я не хочу оскоромиться. Постойте, не забудьте принести еще пару бутылок вашего замечательного романейского вина, урожая тысяча пятьсот шестьдесят первого года.

Ароматы этих яств, вызывающие в памяти блюда провансальской кухни, столь милые сердцу подлинных гурманов, начали разливаться по комнате и незаметно затуманили сознание монаха. Его язык увлажнился, глаза засверкали, но он все еще держался и даже сделал было попытку подняться из-за стола.

– Куда вы? – спросил Шико. – Неужели вы способны покинуть меня в час битвы?

– Так надо, брат мой, – ответил Горанфло, возводя глаза к небу, чтобы обратить внимание всевышнего па жертву, которую он приносит.

– Выступать с речью натошак весьма неосмотрительно с вашей стороны.

– Эт-то поч-чему? – пробормотал монах.

– Потому что вам откажут легкие, брат мой, – Галеп сказал: «*Puimo hominis facile deficit*». Легкие человека слабы и легко, отказывают.

– Увы, да, – сказал Горанфло. – Я не раз испытал это на себе; будь у меня крепкие легкие, мои слова поражали бы, как молния.

– Вот видите.

– К счастью, – продолжал Горанфло, падая на стул, – к счастью, у меня есть священное рвение.

– Да, но одного рвения еще недостаточно. На вашем месте я попробовал бы сии сардины и проглотил бы еще несколько капелек сего нектара.

– Одну-единственную сардинку, – сказал Горанфло, – и один стакан, не больше.

Шико положил на тарелку монаха сардину и передал ему вторую бутылку.

Горанфло съел сардину и выпил стакан вина.

– Ну как? – поинтересовался Шико, который старательно накладывал кушанья на тарелку монаха и, подливая ему вина в стакан, сам оставался совершенно трезвым. – Ну как?

– И вправду, я чувствую, что сил у меня прибавилось.

– Клянусь святым чревом! Если вы идете произносить речь, еще недостаточно чувствовать, что у вас прибавилось сил, вы должны быть в полной силе. И на вашем месте, – продолжал гасконец, – чтобы войти в полную силу, я съел бы два плавничка нашего карпа; ибо, если вы не будете плотно закусывать, от вас будет пахнуть вином. *Merum sobrio male*

olet¹¹.

– Ах, черт побери, – сказал Горанфло, – вы правы, об этом я и не подумал.

Тут как раз принесли курицу, снятую с вертела. Шико отрезал одну из ножек, которые он окрестил «плавниками», и монах с жадностью ее обглодал.

– Клянусь телом Христовым, – сказал Горанфло, – вот вкуснейшая рыба!

Шико отрезал второй «плавник» и положил его на тарелку монаха, сам он деликатно обсасывал крылышко.

– Что за чудесное вино, – сказал он, откупоривая третью бутылку.

Однажды растревожив, однажды разогрев, однажды разбудив глубины своего необъятного желудка, Горанфло уже не в силах был остановиться: он сожрал оставшееся крыло, обглодал до костей всю курицу и позвал Бономе.

– Мэтр Клод, – сказал он, – я сильно голоден, но найдется ли у вас какой-нибудь яичницы с салом?

– Конечно, найдется, – вмешался Шико, – она даже заказана. Не правда ли, Бономе?

– Несомненно, – подтвердил трактирщик, который взял себе за правило никогда не противоречить посетителям, если они увеличивают свои заказы, а следовательно, и свои расходы.

– Ну так несите ее, давайте ее сюда, мэтр! – потребовал монах.

– Через пять минут, – сказал хозяин гостиницы и, повинувшись взгляду Шико, быстро вышел, чтобы приготовить требуемое.

– Ах, – вздохнул Горанфло, опуская на стол свой огромный кулак, в котором была зажата вилка, – вот мне и полегчало.

– В самом деле?

– И если бы яичница была уже здесь, я проглотил бы ее разом, одним глотком, как это вино.

Он одним махом осушил полный стакан, почав уже третью бутылку, и в его глазах заблестели счастливые искорки.

– Так, стало быть, вам нездоровилось?

– Я был глуп, дружище, – ответил Горанфло. – Эта проклятая речь мне в печенки въелась, последние три дня я только о ней и думаю.

– Должно быть, великолепная речь, – заметил Шико.

– Блестящая.

– Скажите мне что-нибудь из нее, пока яичницы еще нет.

– Ни в коем случае! – обиделся Горанфло. – Проповедь за столом! Где ты это видывал, господин дурак? Может быть, при дворе короля, твоего хозяина?

– При дворе короля Генриха, да храпит его бог, произносят прекрасные речи, – сказал Шико, приподнимая шляпу.

– И о чем они, эти речи? – поинтересовался Горанфло.

– О добродетели, – ответил Шико.

– Ну да, – воскликнул монах, откидываясь на стуле, – вот еще нашелся добродетельный распутник, твой король Генрих Третий.

– Я не знаю, добродетелен он или нет, – возразил гасконец, – но при его дворе мне ни разу не приходилось видеть ничего такого, что заставило бы меня покраснеть.

– Смерть Христова! Я уверен, что ты уже давно разучился краснеть, господин греховодник, – сказал монах.

– Какой же я греховодник, – возмутился Шико. – Да я олицетворенное воздержание, воплощенное целомудрие, без меня не обходится ни одно шествие, ни один пост.

– Да, шествия и посты твоего Сарданапала, твоего Навуходоносора, твоего Ирода. Корыстные шествия, показательные посты. К счастью, все уже начинают разбираться в твоём

¹¹ Излишняя умеренность плохо пахнет (лат.).

короле Генрихе, дьявол его побери!
И Горанфло вместо речи запел во всю глотку:

*Король, чтоб раздобыть деньжат,
В лохмотья вырядиться рад;
Он лицемер.
И покаяний, и постов,
И бичеваний сам готов
Подать пример.
Но изучил его Париж,
И вместо денег ему шиш
Сулит любой.
Он просит в долг – ему в ответ
Везде дают один совет:
«Ступай с сумой!»*

- Браво! – закричал Шико. – Браво! Затем тихо добавил:
– Добро, он запел, значит – заговорит. В эту минуту вошел мэтр Бономе, он нес знаменитую яичницу и две новые бутылки.
– Тащи ее сюда, – крикнул монах, блестя глазами и ухмыляясь во весь рот.
– Но, мой друг, – сказал Шико, – вы не забыли, что вам нужно произносить речь?
– Она у меня здесь, – сказал монах, стуча кулаком по своему лбу, на который со щек уже наплывал огненный румянец.
– В половине десятого, – напомнил Шико.
– Я солгал, – признался Горанфло. – *Omnis homo mendax confiteor*¹².
– В котором же часу на самом деле?
– В десять часов.
– В десять часов? По-моему, монастырь закрывается в девять.
– Ну и на здоровье, пускай себе закрывается, – произнес монах, разглядывая пламя свечи через стакан, наполненный рубиновым вином, – пусть закрывается, у меня есть ключ.
– Ключ от монастыря? – воскликнул Шико. – Вам доверили ключ от монастыря?
– Он у меня в кармане, – и Горанфло похлопал себя по бедру, – вот здесь.
– Не может быть, – возразил Шико. – Я отбывал покаяние в трех монастырях; я знаю – ключ от аббатства не доверяют простому монаху.
– Вот он, – с торжеством в голосе заявил Горанфло, откидываясь на стуле и показывая Шико какую-то монету.
– Смотри-ка! Деньги, – сказал тот. – А, понимаю. Вы совратили брата привратника, и он в любой час ночи пропускает вас, несчастный грешник.
Горанфло растянул рот до ушей в блаженной и доброй улыбке пьяного человека.
– *Sufficit!*¹³ – пробормотал он.
И неверной рукой понес монету по направлению к карману.
– Подождите, дайте сначала взглянуть, – остановил его Шико. – Смотри, какая забавная монетка.
– Это изображение еретика, – пояснил Горанфло. – А на месте сердца – дырка.
– Действительно, это тостон с изображением короля Беарнского. В самом деле, вот и дырка.
– Удар кинжалом! – воскликнул Горанфло. – Смерть еретику! Убийца еретика

¹² Каждый человек – лжец (лат.).

¹³ Довольно! (лат.)

заранее причисляется к лику святых, я уступаю ему свое место в раю.

«Ага, – подумал Шико, – вот кое-что начинает уже проясняться, но этот болван еще недостаточно опьянел».

И гасконец снова наполнил стакан монаха.

– Да, – сказал он, – смерть еретику и да здравствует месса!

– Да здравствует месса! – прорычал Горанфло и с размаху опрокинул стакан в свою глотку. – Да здравствует месса!

– Значит, – сказал Шико, который при виде тестона, зажато в толстом кулаке монаха, вспомнил, как привратник осматривал руки у всех, входивших под портик монастыря, – значит, вы предъявляете эту монетку отцу привратнику и..., вы...

– И я вхожу.

– Свободно?

– Как вот это вино входит в мой желудок.

И монах проглотил еще одну порцию доброго напитка.

– Чума побери! Если ваше сравнение верно, то вы войдете, не касаясь дверей.

– Для брата Горанфло, – бормотал мертвецки пьяный монах, – для брата Горанфло двери распахнуты настежь.

– И вы произносите свою речь!

– И я про..., произношу мою речь. Вот как это будет: я пришел, слушай, Шико, я пришел...

– Конечно, я слушаю, я весь превратился в слух.

– Я пришел, г-говорю тебе, я пришел. С-собрание большое, общество самое избранное, тут – бароны, тут – графы, тут – герцоги.

– И даже принцы.

– И д-даже принцы, – повторил монах. – Как т-ты сказал..., принцы? Подумаешь, принцы! Я вхожу смиренно среди других верных во Союзе...

– Верных во Союзе? – переспросил Шико. – А что это за верность такая?

– Я вхожу среди верных во Союзе; в-выкликают;

«Брат Горанфло!», я в-выхожу, в-вперед. При этих словах монах поднялся.

– Ну давайте, выходите, – поторопил Шико.

– Я в-выхожу, – сказал Горанфло, пытаясь сопроводить слова действием.

Но стоило ему сделать один шаг, как он налетел на угол стола и покатился на пол.;

– Bravo! – крикнул Шико, поднимая монаха и снова водружая на стул. – Вы выходите, приветствуете собрание и говорите...

– Н-нет, и-не я говорю, говорят мои друзья.

– И что же они говорят, ваши друзья?

– Друзья говорят: «В-вот он – брат Горанфло! Будет держать речь б-брат Горанфло! Какое отличное имя для лигиста – б-брат Г-горанфло!» И монах принялся твердить свое имя с самыми нежными интонациями в голосе.

– Отличное имя для лигиста? – повторил Шико. – Какая еще истина выйдет из вина, которое вылакал этот пьяница?

– И т-тут я и начинаю...

Монах поднялся, закрыв глаза, ибо все предметы расплывались перед ним, и опираясь о стену, так как ноги его не держали.

– Вы начинаете... – сказал Шико, прислонив его к стене и поддерживая, как Паяц Арлекина.

– Н-начинаю: «Братие, сегодня пр-рекрасный день для веры; братие, сегодня р-распрекрасный день для веры; братие, сегодня самый пр-рекрасный-р-р-распре-красный день для веры».

После этого прилагательного в превосходной степени Шико понял, что ему уже не удастся вытянуть из брата Горанфло ничего путного, и отпустил монаха.

Брат Горанфло, который сохранял равновесие только благодаря поддержке Шико,

будучи предоставлен самому себе, тут же соскользнул вниз по стене, как плохо прибитая доска, и при этом толкнул ногами стол, да так сильно, что пустые бутылки попадали на пол.

– Аминь! – сказал Шико.

Почти в то же мгновение богатырский храп, напоминающий раскат грома, потряс стекла тесной комнатухи.

– Добро, – сказал Шико, – куриные ножки сделали свое дело. Теперь наш друг проспит не менее двенадцати часов, и я беспрепятственно могу его разоблачить.

Времени терять было нельзя, и Шико не мешкая развязал шнурки на рясе Горанфло, высвободил его руки из рукавов и, ворочая монаха, как мешок с орехами, завернул в скатерть, закрыл ему голову салфеткой и, спрятав рясу под свой плащ, вышел на кухню.

– Мэтр Бономе, – сказал он, протягивая хозяину гостиницы нобль с розой. – Это за наш ужин, за ужин моей лошади, которую я вам препоручаю, и в особенности за то, чтобы не будили брата Горанфло, пусть он спит сном праведника.

– Хорошо! – сказал мэтр Клод, довольный щедрой платой. – Хорошо! Будьте покойны, господин Шико.

С этими заверениями Шико вышел из гостиницы и легкий на ногу, как лань, зоркий, как лисица, дошел до угла улицы Сент-Этьен, там он крепко зажал в правой руке тестон с изображением Беарнца, надел на себя монашескую рясу и без четверти десять, испытывая некоторый сердечный трепет, предстал перед дверьми монастыря святой Женевиевы.

Глава 19.

О ТОМ, КАК ШИКО ЗАМЕТИЛ, ЧТО ЛЕГЧЕ ВОЙТИ В АББАТСТВО СВЯТОЙ ЖЕНЕВЬЕВЫ, ЧЕМ ВЫЙТИ ОТТУДА

Облачаясь в рясу, Шико принял одну важную меру предосторожности – он удвоил ширину своих плеч, расположив на них плащ и другую свою одежду, без которой ряса позволяла обойтись. Борода у него была того же цвета, что у Горанфло, и хотя он родился на берегах Сены, а монах – на Гаронне, Шико так часто развлекался передразниванием голоса своего друга, что научился в совершенстве подражать ему. А всем известно, что из глубин монашеского капюшона на свет божий выходят только борода и голос.

Когда Шико подоспел к дверям монастыря, их уже собирались закрывать, и брат привратник ожидал только нескольких запоздавших. Гасконец предъявил своего Беарнца с пробитым сердцем и был пропущен без дальнейших околичностей. Перед ним вошли два монаха, Шико последовал за ними и оказался в часовне монастыря, с которой был уже знаком, так как часто сопровождал туда короля. Аббатству святой Женевиевы король неизменно оказывал особое покровительство.

Часовня была романской архитектуры, то есть возвели ее в XI столетии, и, как во всех часовнях той эпохи, под хорами у нее находился склеп или подземная церковь. Поэтому хоры располагались на восемь или десять футов выше нефа, и на них всходили по двум боковым лестницам. В стене между лестницами имелась железная дверь, через которую из нефа часовни можно было спуститься в склеп, куда вело столько же ступенек, что и на хоры.

На хорах, господствовавших над всей часовней, по обе стороны от алтаря, увенчанного образом святой Женевиевы, который приписывали кисти мэтра Россо, стояли статуи Кловиса и Клотильды, Часовню освещали только три лампы: одна из них была подвешена посреди хоров, две другие висели в нефе на равном удалении от первой.

Это слабое освещение придавало храму особую торжественность, так как позволяло воображению до бесконечности расширять его пределы, погруженные во мрак.

Сначала Шико должен был приучить свои глаза к темноте. Чтобы поупражнять их, он принялся пересчитывать монахов. В нефе оказалось сто двадцать человек и на хорах двенадцать, всего сто тридцать два. Двенадцать монахов на хорах стояли в ряд напротив алтаря и издали казались строем часовых, охраняющих святилище.

Шико с удовольствием увидел, что он не последним присоединился к тем, кого

Горанфло называл «братьями во Союзе». После него вошли еще три монаха, одетые в широкие серые рясы. Вновь прибывшие заняли места па хорах впереди двенадцати монахов, уподобленных нами строю часовых.

Маленький монашек, на которого Шико до этого не обратил никакого внимания, по всей вероятности, — мальчик-певчий из монастырского хора, обошел всю часовню и пересчитал присутствующих. Закончив счет, он что-то сказал одному из трех монахов, прибывших последними.

— Нас здесь сто тридцать шесть, — густым басом провозгласил монах, — это число, угодное богу.

Тотчас же сто двадцать монахов, стоявших на коленях в нефе, поднялись и заняли места на стульях или на скамьях. Вскоре лязгание задвигаемых засовов и скрип дверных петель возвестили, что массивные двери часовни закрылись.

Каким бы храбрецом ни был Шико, все же, когда до его слуха донесся скрежет ключей в замочных скважинах, сердце у него в груди усиленно забилося. Чтобы взять себя в руки, он уселся в тени церковной кафедры, и глаза его вполне естественно обратились на трех монахов, которые, казалось, председательствовали на этом собрании.

Им принесли кресла, они торжественно уселись и стали похожи на трех судей. Двенадцать других монахов за ними па хорах остались стоять.

Когда улеглась суматоха, вызванная закрытием дверей и рассаживанием по местам, трижды прозвенел колокольчик.

Несомненно, это был сигнал к тишине, так как во время первых двух звонков со всех сторон слышались протяжные «тс-с-с», а на третьем — всякий шум прекратился.

— Брат Монсоро, — сказал все тот же монах, — какие новости вы привезли Союзу из провинции Анжу?

Шико наострил уши, и сделал это по двум причинам.

Во-первых, его поразил этот повелительный голос, казалось созданный для того, чтобы греметь не в церкви из-под монашеского капюшона, а на поле сражения из-под боевого забрала.

Во-вторых, он услышал имя Монсоро, всего лишь несколько дней назад ставшее известным при дворе, где оно, как мы знаем, вызвало разные толки.

Высокий монах, ряса которого топорщилась на бедре, прошел среди собравшихся и, твердо и смело ступая, поднялся на кафедру. Шико попытался разглядеть его лицо.

Это было невозможно.

«Добро, — сказал гасконец. — Пусть я не могу видеть физиономии собравшихся, зато и они не могут меня лицезреть».

— Братья мои, — произнес голос, который при первых же его звуках Шико признал за голос главного ловчего, — новости из провинции Анжу не очень-то радуют, и не потому, что там не хватает сочувствующих нашему делу, но потому, что там недостает наших представителей. Умножение рядов Союза в этой провинции было доверено барону Меридору, но сей старец, потрясенный недавней смертью дочери, запустил дела святой Лиги, и, пока он не придет в себя и не утешится в своей потере, мы не можем на него рассчитывать. Что касается до меня лично, то я привез три новых просьбы о зачислении в наше сообщество и по уставу опустил их в главную монастырскую кружку для сбора пожертвований. Совет решит, достойны ли три новых брата, за которых я, впрочем, ручаюсь, как за самого себя, приема в наш святой Союз.

В рядах монахов поднялся одобрительный шум, но стихнувший еще и после того, как брат Монсоро вернулся на свое место.

— Брат Ла Юрьер! — выкликнул тот же монах, который, по-видимому, был вправе вызывать ораторов по своему усмотрению. — Расскажите нам, что вы сделали в городе Париже.

Человек с опущенным капюшоном занял кафедру, только что оставленную графом Монсоро.

– Братья мои, – начал он, – все вы знаете, предан ли я католической религии и подтвердил ли я эту преданность делами в славный день торжества нашей веры. Да, братья мои, я горжусь, что с того дня принадлежу к верным сторонникам нашего великого Генриха де Гиза, и это из уст самого господина де Бэзме – да почитет на нем благодать господня! – я получал приказы, которыми герцог меня удостаивал, и выполнял их так ревностно, что не остановился бы даже перед тем, чтобы поубивать своих собственных постояльцев. Зная мою преданность святому делу, меня назначили старшим по кварталу, и я смею сказать, – мое назначение пошло на пользу нашей вере. На этой должности я смог переписать всех еретиков в квартале Сен-Жермен-л'Оксеруа, где на улице Арбр-Сек я уже много лет содержу гостиницу «Путеводная звезда», – к вашим услугам, братья, – и, переписав их, указать на них нашим друзьям. Конечно, сегодня я уже не жажду крови еретиков так страстно, как в былые времена, но я не скрываю от себя подлинной цели святого Союза, который мы с вами сейчас создаем.

– Послушаем, – сказал Шико. – Помнится мне, этот Ла Юрьер был ревностным истребителем еретиков, и если доверие господ лигистов оказывается по заслугам, то он должен быть хорошо осведомлен в делах Лиги.

– Продолжайте! Продолжайте! – раздалось несколько голосов.

Ла Юрьер, получивший возможность проявить свои ораторские способности, что редко выпадало на его долю, хотя он и считал себя прирожденным оратором, какую-то минуту собирался с мыслями, затем откашлялся и продолжал:

– Надеюсь, братья мои, я не ошибусь, сказав, что нас заботит не только искоренение отдельных ересей; мы, то есть все добрые французы, должны быть уверены в том, что среди принцев крови, которые могут оказаться на троне, нам никогда не встретится еретик. Ибо, братья, куда мы зашли? Франциск Второй, обещавший быть ревнителем веры, умер бездетным; Карл Девятый, а он был ее подлинным ревнителем, умер бездетным; король Генрих Третий, в истинности веры которого я не вправе сомневаться, а деяния не полномочен судить, по всей вероятности, умрет бездетным; таким образом, остается герцог Анжуйский, но и у него нет детей, и к тому же он, по-видимому, равнодушен к святой Лиге.

Тут оратора прервало несколько голосов, среди которых был и голос главного ловчего.

– Почему равнодушен? – спросил Монсоро. – И кто уполномочил вас выдвинуть против принца такое обвинение?

– Я сказал: равнодушен, потому что он все еще не дал согласия примкнуть к Лиге, хотя высокочтимый брат, который меня перебил, вполне определенно обещал нам это от его имени.

– Кто вам сказал, что он не дал согласия? – снова раздался тот же голос. – Ведь у нас есть новые просьбы о вступлении в Союз. По-моему, вы не вправе подозревать кого бы то ни было, пока эти просьбы не будут рассмотрены.

– Ваша правда, – сказал Ла Юрьер, – я еще подожду. Но герцог Анжуйский смертей, у него нет детей, а, заметьте, в этой семье умирают молодыми, кому же достанется корона после герцога Анжуйского? Самому нераскаянному гугеноту, которого только можно себе представить, отступнику, закоренелому грешнику, Навуходоносору...

На этот раз уже не ропот протеста, а шумные рукоплескания прервали речь Ла Юрьера.

–...Генриху Наваррскому, против которого в первую голову и создано наше сообщество, Генриху Наваррскому, о котором мы часто думаем, что он занят своими любовными шашнями в По или в Тарбе, а в это время его встречают в Париже.

– В Париже! – раздалось несколько голосов. – В Париже! Не может быть!

– Он приезжал в Париж! – завизжал Ла Юрьер. – Он был в Париже в ту ночь, когда убили госпожу де Сов; вполне возможно, он и сейчас в Париже.

– Смерть Беарнцу! – загремело по часовне.

– Да, только смерть! – отозвался с кафедры Ла Юрьер, – и если мне посчастливится и он остановится у меня в гостинице «Путеводная звезда», я за него полностью отвечаю; но нет,

ко мне он не заглянет. Лисицу не заманишь дважды в одну и ту же западню. Он спрячется где-нибудь в другом месте, у какого-нибудь своего друга, ведь у него еще есть друзья, у этого нечестивца. Стало быть, надо уменьшить число его друзей или хотя бы знать их всех до единого. Наш Союз свят, наша Лига узаконена, освящена, благословлена, вдохновлена нашим святейшим отцом, папой Григорием Тринадцатым. Потому я требую, чтобы из нашего Союза больше не делали тайны, чтобы вашим старшим по кварталам и по участкам вручили подписные листы, и пусть с этими листами они ходят по домам и приглашают добрых горожан поставить свою подпись. Те, кто подпишется, будут нашими друзьями, те, кто откажется подписаться, станут нашими врагами, и когда снова наступит ночь святого Варфоломея, а в ее неотложности, как мне кажется, истинные ревнители веры убеждаются все более и более, тогда мы повторим то, что проделали в первую Варфоломеевскую ночь. Мы избавим господ бога от труда самому отделять овец от козлищ.

Это заключение было встречено бурными овациями; потом, когда они затихли – затихли медленно и не сразу, потому что восторги присутствующих явно не иссякли, а лишь на время поуспокоились, – раздался голос монаха, руководившего собранием:

– Предложение брата Ла Юрьера, которого святой Союз благодарит за проявленное им рвение, принято во внимание и будет обсуждено на Высшем совете.

Овации возобновились с удвоенной силой. Ла Юрьер несколько раз поклонился, благодаря собравшихся, сошел по ступенькам кафедры и занял свое место, сгибаясь под великим бременем славы.

– Ага, – сказал Шико, – теперь все начинает проясняться. Примером ревностного служения католической вере является не мой Генрих, а его брат Карл Девятый и господа Гизы. Этого надо было ждать, раз уж герцог Майеннский тут замешан. Господа Гизы хотят образовать в государстве небольшое сообщество, в котором они будут хозяевами; Великий Генрих, как полководец, получит армию, толстый Майенн – буржуазию, а наш знаменитый кардинал – церковь. И в одно прекрасное утро сын мой Генрих обнаружит, что в руках у него остались одни четки, и тогда его вежливо пригласят забрать эти четки и исчезнуть в каком-нибудь монастыре. Разумно, в высшей степени разумно! Ах да.., но ведь остается еще герцог Анжуйский. Дьявол! А куда они денут герцога Анжуйского?

– Брат Горанфло! – выкрикнул монах, уже вызывавший главного ловчего и Ла Юрьера.

Потому ли, что Шико был погружен в размышления, о которых мы только что поведали нашим читателям, или потому, что еще не привык отзываться на имя, прихваченное им вместе с рясой брата сборщика милостыни, но он не откликнулся.

– Брат Горанфло! – подхватил монашек голосом настолько тонким и чистым, что Шико вздрогнул.

– Ого! – пробормотал он. – Можно подумать, что брата Горанфло позвал женский голосок. Неужто в сей почтенной ассамблее смешаны не только все сословия, но и оба пола?

– Брат Горанфло! – повторил тот же женский голос. – Где вы, брат Горанфло?

– Ах, однако, – прошептал Шико, – ведь брат Горанфло – это я. Ну что ж, двинулись. И громко зачистил, гнусава, как монах:

– Я здесь, я здесь, вот он я, вот я. Я погрузился в благочестивые размышления, которые породила во мне речь брата Ла Юрьера, и не услышал, что меня кличут.

Упоминание имени брата Ла Юрьера, чьи слова еще трепетали во всех сердцах, вызвало новый одобрителный шум, который дал Шико время подготовиться.

Могут сказать, что Шико не следовало бы откликаться на имя Горанфло, ибо никто из собравшихся не поднимал капюшона. Но, как мы помним, все участники собрания были пересчитаны и отсутствие одного человека, который по счету оказывался налицо, повлекло бы за собой общую проверку, и тогда обман неминуемо бы обнаружили и Шико попал бы как кур в ощи́п.

Шико не колебался ни секунды. Он встал и с важностью поднялся по ступенькам кафедры, не забыв при этом опустить капюшон как можно ниже.

– Братие, – начал он, искусно подражая голосу Горанфло, – я брат сборщик милостыни этого монастыря, и, как вы знаете, мои обязанности дают мне право входить во все двери. Я использую это право на благо господ.

– Братие, – продолжал он, вспомнив начало речи Горанфло, так некстати прерванной сном, который, по всей вероятности, еще не выпускал мертвецки пьяного брата сборщика милостыни из своих могучих объятий, – братие, какой прекрасный день для веры, сей день, в который мы все соединились. Скажем откровенно, братие, прекрасный день для веры, ибо мы с вами собрались здесь, во храме господнем.

Что такое Французское королевство? Тело. Святой Августин сказал «*Oninis civitas corpus est*». «Всякое общество есть тело». Что нужно для существования этого тела? Хорошее здоровье. Как сохранять это здоровье? Применяя разумные кровопускания, когда силы в избытке. Итак, очевидно, что враги католической веры слишком сильны, раз мы их боимся; значит, надо еще раз устроить кровопускание огромному телу, называемому обществом. Это мне повторяют каждый день добрые католики, от которых я уношу в монастырь яички, окорока и деньги.

Вступительная часть речи Шико произвела на слушателей живейшее впечатление.

Он замолчал, давая время улечься одобрителю шуму, вызванному его словами, и, когда этот шум утих, продолжал:

– Мне возразят, быть может, что святая церковь ненавидит кровопролитие: «*Ecclesia abhorret a sanguine*». Но заметьте хорошенько, дорогие братья, – ученый богослов не сказал, чья именно кровь ужасает церковь; бьюсь об заклад и ставлю тельца против яйца, что, во всяком случае, не кровь еретиков он имел в виду. Вспомните:

«*Fons mains corruptorum sangius, hoereticorum autem pes-simus*»¹⁴. И затем, еще один аргумент, братие! Я сказал:

«Церковь», но мы, здесь присутствующие, мы не только люди церкви. До меня с этой кафедры так красноречиво говорил брат Монсоро, я уверен, что к его поясу подвешен кинжал главного ловчего. Брат Ла Юрьер мастерски действует своим вертелом: «*Veru agreste, lethiferum tamen instrumentum*»¹⁵. Да я и сам, братие, я, кто говорит с вами, я Жак-Непомюсен Горанфло, носил мушкет в Шампани и сжег там гугенотов в их молельне. Для меня это было немалой заслугой, и место в раю мне было обеспечено. По крайней мере я так полагал, но вдруг на моей совести обнаружилось пятно: прежде чем сжечь гугенотов, мы ими чуточку потешились. И это, по-видимому, подпортило богоугодное дело, – во всяком случае, так объяснил мне мой духовный отец. Поэтому я и поспешил постричься в монахи и, дабы очиститься от пятна, которое оставили на моей совести еретички, принял обет провести остаток дней моих в воздержании и общаться только с добрыми католичками.

Эта вторая часть речи имела не меньший успех, чем первая, по-видимому, все слушатели были восхищены средством, к которому прибег господь с тем, чтобы побудить брата Горанфло обратиться.

Поэтому к одобрителю шуму кое-где примешались рукоплескания.

Шико скромно поклонился аудитории.

– Нам остается, – продолжал он, – поговорить о вождах, которых мы себе выбрали, и о которых, как разумею я, недостойный грешник, бедный монах из монастыря святой Женевьевы, нам следовало бы поговорить. Конечно, это прекрасно и, в особенности, весьма предусмотрительно прокрадываться сюда ночью, прикрываясь рясой, и слушать, как проповедует брат Горанфло. Но, по моему суждению, обязанности людей, которым доверили власть, этим не должны ограничиваться. Столь великая осторожность может вызвать насмешки проклятых гугенотов, которые, надо отдать им справедливость, когда завязывается

¹⁴ Плохой источник кровь развратников, кровь еретиков – еще худший (лат.).

¹⁵ Вертел – деревенское, но смертоносное орудие (лат.).

драка, дерутся как бешеные. Я считаю, что мы должны вести себя, как подобает людям мужественным, каковыми мы и являемся или, скорее, каковыми мы хотим выглядеть. К чему мы стремимся? К искоренению ереси... За чем же дело стало?... Ведь об этом можно кричать со всех крыш, так я думаю. Почему бы нам не пройти по улицам Парижа в святом шествии, чтобы все видели нашу отличную выправку и наши добрые протазаны? Зачем нам ходить крадучись, подобно шайке ночных воров, которые на каждом перекрестке оглядываются, не идет ли стража? «Но кто подаст нам пример?» – спросите вы. Ну что ж, пусть этим человеком буду я, я, Жак-Непомюсен Горанфло, я, недостойный брат монастыря святой Женевьевы, сирий и убогий сборщик милостыни. С кирасой на теле, с каской на голове и мушкетом на плече я выступлю, если потребуется, во главе всех добрых католиков, которые пожелают за мной последовать. И я это сделаю хотя бы для того, чтобы вогнать в краску наших вождей, которые прячутся так, словно, обороняя церковь, мы выступаем на защиту грязного пьяницы, попавшего в драку.

Заключительная часть речи Шико отвечала чаяниям большинства членов Лиги, которые не видели иного пути к цели, кроме дороги, открытой шесть лет тому назад святым Варфоломеем, и приходили в отчаяние от медлительности вождей. Его слова возжгли священный огонь в сердцах собравшихся, и все они, кроме хранивших молчание трех капюшонов, в один голос принялись кричать:

– Да здравствует месса! Слава храброму брату Горанфло! Шествие! Шествие!

Общий восторг был особенно пылок еще и потому, что ревностное усердие достойного брата впервые проявилось в таком ярком свете. До сего дня самые близкие друзья Горанфло, хотя и считали его рьяным поборником веры, в то же время относили к числу тех ее защитников, усердие которых могучее чувство самосохранения всегда удерживает в границах осторожности. А тут брат Горанфло, обычно предпочитавший тень, внезапно на глазах у всех в боевых доспехах ринулся на поле брани под яркие лучи солнца. Это была великая неожиданность, показавшая достойного собрата совсем в новом свете. Некоторые из собравшихся в своем восхищении – тем более сильном, чем неожиданной оно было, – уже видели в брате Горанфло, призывающем к первому шествию правоверных католиков, подобие Петра Пустынника, который провозгласил первый крестовый поход.

К несчастью или к счастью для того, кто вызвал эти восторги, в планы руководителей отнюдь не входило предоставить ему свободу действий. Один из трех молчаливых монахов наклонился к уху монашка, и мелодичный детский голосок зазвенел под сводами; монашек трижды прокричал:

– Братья мои, время истекло, наше собрание закончено.

Монахи, гудя, как пчелиный рой, поднялись с мест и медленно двинулись к двери, на ходу договариваясь единодушно потребовать на ближайшем собрании шествия, предложенного этим молодцом, братом Горанфло. Многие подходили к кафедре, чтобы выразить свое одобрение сборщику милостыни, когда он спустится на землю с высоты трибуны, на которой столь блестяще ораторствовал. Однако Шико подумал, что вблизи его могут распознать по голосу, ибо, несмотря на все усилия, он не мог избавиться от легкого гасконского акцента, да и рост его может вызвать удивление, ведь он на добрых шесть или восемь дюймов выше брата Горанфло, который, конечно, вырос в глазах своих братьев, но только душой. Поэтому Шико бросился на колени и сделал вид, что он, подобно Самуилу, беседует с господом с глазу на глаз и всецело погружен в эту беседу.

Монахи не стали нарушать его молитвенного экстаза и направились к выходу. Они были сильно возбуждены, и это развеселило Шико, который через щелку в складках капюшона незаметно следил за всем происходящим вокруг.

И все же Шико почти ничего не добился. Ведь он оставил короля, не испросив на то королевского дозволения, лишь потому, что увидел герцога Майеннского, и вернулся в Париж, лишь потому, что увидел Николя Давида. Шико, как мы уже знаем, поклялся отомстить обоим этим людям, но ему, человеку слишком маленькому, чтобы напасть на принца Лотарингского дома и сделать это безнаказанно, приходилось долго и терпеливо

выжидать подходящего случая. С Николя Давидом дело обстояло совсем иначе, это был простой нормандский адвокат, правда, продувная бестия, и к тому же, прежде чем стать адвокатом, он служил в армии на должности учителя фехтования. Шико не занимал должности учителя фехтования, но считал, что неплохо владеет рапирой. Все, что ему требовалось, – это встретиться со своим недругом лицом к лицу, а там уж Шико, подобно древним героям, доверил бы свою жизнь своей правоте и своей шпаге.

Шико исподтишка разглядывал уходящих один за другим монахов, в надежде обнаружить под какой-нибудь рясой и капюшоном длинную и тощую фигуру мэтра Николя, и вдруг он заметил, что при выходе монахи подвергаются проверке, подобной той, которую им учиняли при входе: каждый выходящий доставал из кармана какой-то предмет, предъявлял его брату привратнику, и лишь затем получал свое ехат¹⁶. Шико сначала подумал, что это ему просто показалось, с минуту он колебался, но вскоре подозрения превратились в уверенность, и на лбу гасконца у самых корней волос выступили капли холодного пота.

Брат Горанфло любезно снабдил его пропуском для входа в монастырь, но забыл предложить пропуск, дававший право на выход.

Глава 20.

О ТОМ, КАК ШИКО, ОСТАВШИЙСЯ В ЧАСОВНЕ АББАТСТВА, ВИДЕЛ И СЛЫШАЛ ТО, ЧТО ДЛЯ НЕГО БЫЛО ВЕСЬМА ОПАСНО ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ

Шико торопливо спустился с кафедры и смешался с последними монахами, надеясь узнать, какой предмет служил пропуском на улицу, и попытаться раздобыть его, если это еще возможно. И в самом деле, примкнув к толпе запоздавших и вытянув голову поверх других голов, Шико увидел, что они показывают привратнику денье с краями, вырезанными в форме звезды.

В карманах у нашего гасконца позвякивало немало денье, но, к несчастью, среди них не было ни одного звездообразного, и найти его было тем более невозможно еще и потому, что искалеченный денье навсегда изгонялся из денежного обращения.

Шико в один миг оценил создавшееся положение. Если он подойдет к двери и не предъявит звездообразного денье, его тут же разоблачат, как поддельного монаха, но на этом дело, естественно, не кончится, в нем узнают мэтра Шико, королевского шута, а эта должность, которая давала ему немалые привилегии в Лувре и в королевских замках, здесь, в аббатстве святой Женевиевы, да еще в подобных обстоятельствах, отнюдь не вызовет уважения. Шико понял, что попал в капкан. Он зашел за четырехугольную колонну и забился в угол между колонной и придвинутой к ней исповедальней.

«К тому же, – сказал себе Шико, – погубив себя, я погублю дело этого дурачка, моего господина, которого я имел глупость полюбить, хотя и браню его в глаза па чем свет стоит. Конечно, хорошо было бы вернуться в гостиницу „Рог изобилия“ и составить компанию брату Горанфло, но на нет и суда нет».

И, откровенничаая таким образом с самим собой, то есть с собеседником, более чем кто-либо заинтересованным в сохранении всего сказанного в тайне, Шико постарался как можно глубже втиснуться в узкое пространство между углом исповедальни и колонной.

И тут он услышал голос мальчика-певчего, донесшийся с паперти:

– Все ли ушли? Сейчас закроют двери.

Никто не откликнулся. Шико вытянул шею и увидел, что часовня совсем пуста и только три монаха, еще больше закутавшись в свои рясы, молча сидят посреди хор в креслах, которые для них поставили.

– Добро, – сказал Шико, – лишь бы не вздумали окна запирать, вот все, что я у них

¹⁶ Выходи (лат.).

прошу.

– Проверим, все ли ушли, – предложил мальчик-певчий привратнику.

– Клянусь святым чревом, – возмутился Шико, – вот настырный монашек!

Брат привратник зажег свечу и в сопровождении маленького певчего приступил к обходу церкви.

Нельзя было терять ни секунды. Монах со свечой должен был пройти в четырех шагах от Шико и неминуемо его обнаружить.

Сначала Шико ловко перемещался вокруг колонны, все время оставаясь в тени, затем, открыв дверцу исповедальни, запертую только на задвижку, он проскользнул в этот продолговатый ящик, уселся на скамью и закрыл за собою дверь.

Брат привратник и монашек прошли в четырех шагах от него, и через резную решетку на рясу Шико упали блики света от свечи, которая освещала им путь.

– Какого дьявола! – сказал Шико. – Привратник, монашек и те три монаха, не будут же они оставаться в церкви целую вечность, а как только они уйдут, я поставлю стулья на скамейки, взгроможу Пелион на Оссу, как говорит господин Ронсар, и выберусь через окно.

– Ну да, через окно, – возразил Шико самому себе, – но если я вылезу через окно, я попаду во двор, а двор еще не улица. Пожалуй, лучше всего провести ночь в исповедальне. У брата Горанфло теплая ряса, и эта ночь будет куда более христианской, чем если бы я провел ее в другом месте, думаю – она зачтется мне во спасение.

– Потушите лампы, – распорядился мальчик-певчий, – пусть снаружи видят, что в церкви никого не осталось.

Привратник с помощью огромного гасильника немедленно потушил две лампы в нефе, и неф часовни погрузился в мрачную темноту.

Затем погасили свет и на хорах.

Теперь церковь освещал только бледный свет зимней луны, который с большим трудом просачивался сквозь цветные витражи.

После того как погасли лампы, затихли и все шумы. Колокол пробил двенадцать раз.

– Пресвятое чрево! – сказал Шико. – Полночь в часовне; будь на моем месте Генрике, он здорово бы перепугался; к счастью, мы не из трусливого десятка. Пойдем-ка спать, дружище Шико, доброй тебе ночи и приятных снов.

И, высказав самому себе эти пожелания, Шико устроился поудобнее в исповедальне, задвинул внутреннюю задвижку, чтобы чувствовать себя совсем как дома, и закрыл глаза.

Прошло уже около десяти минут с тех пор, как он смежил веки, и в его сознании, отуманенном первым дуновением сна, уже роились смутные образы, плавающие в том таинственном тумане, который порождает сумерки мысли, когда вдруг звон медного колокольчика разорвал тишину, отозвался под сводами часовни и пропал где-то в глубинах.

– Что такое? – спросил Шико, открывая глаза и Прислушиваясь. – Что это значит?

И тут же лампада на хорах засияла голубоватым светом, первые отблески которого осветили все тех же трех монахов, сидевших друг возле друга все на том же месте и все в той же неподвижности.

Шико не был чужд суевериям своего времени. Какой бы храбростью ни отличался наш гасконец, он был сыном своей эпохи, богатой фантастическими преданиями и страшными легендами.

Шико тихонько перекрестился и чуть слышно прошептал: «Vade retro, Satanas»¹⁷. Однако таинственный свет не погас при святом знаке креста, как это не преминул бы сделать всякий адский огонь, а три монаха, несмотря на vade retro, не тронулись с места, и гасконец понемногу начал соображать, что хоры осветила простая лампада, а перед ним если и не подлинные монахи, то, во всяком случае, настоящие люди из плоти и крови.

¹⁷ Изыди, Сатаиа (лат.).

И все же Шико продолжала бить дрожь; легкий озноб, охватывающий человека, пробудившегося ото сна, сочетался в его теле с судорожным трепетом, порожденным испугом.

В это мгновение одна из плит пола на хорах медленно поднялась и застыла в вертикальном положении. Из черного отверстия показался сначала серый монашеский капюшон, а затем и весь монах; как только он ступил на мраморный пол, плита за ним медленно опустилась и закрыла отверстие.

Увидев это, Шико забыл об испытании, которому он только что подверг нечистую силу, и утратил веру в могущество заклинания, считавшегося пепрелонным. Волосы стали дыбом на его голове, и на минуту ему почудилось, что все приоры, аббаты и деканы монастыря святой Женевиевы, начиная с Оптафа, почившего в 533 году, до Пьера Будена, непосредственного предшественника нынешнего приора, воскресли в своих гробницах, стоящих в подземном склепе, где некогда покоились мощи святой Женевиевы, и, заразившись поданным примером, приподымут сейчас плиты пола своими костистыми черепами.

Но это наваждение продолжалось недолго.

– Брат Монсоро, – обратился один из трех монахов на хорах к пришельцу, появившемуся столь странным образом, – что, тот, кого мы ждем, уже здесь?

– Да, монсеньеры, – ответил граф де Монсоро, – он ожидает.

– Тогда откройте дверь и впустите его к нам.

– Добро! – сказал Шико. – По-видимому, комедия будет в двух действиях, пока что я видел только первое. Два действия – ни то ни се! Как нелепо скроили эту пьесу!

Пытаясь шуточками укрепить свой дух, Шико все еще ощущал во всем теле остатки дрожи, вызванной страхом; казалось, тысячи острых иголок выскакивают из деревянной скамьи, на которой он сидит, и впиваются ему в бока и в седалище.

Тем временем брат Монсоро спустился с хоров в неф и распахнул железную дверь между двумя лестницами, ведущую в подземный склеп.

Одновременно монах, сидевший посередине, откинул капюшон и открыл большой шрам – благородный знак, при виде которого парижане с бурным восторгом приветствовали того, кто уже считался героем католической веры и от кого ждали, что он станет ее мучеником.

– Великий Генрих де Гиз собственной персоной, а его преглупейшее величество думает, что он сейчас занимается осадой Ла-Шарите! Ах, теперь я понимаю, – воскликнул Шико. – Тот, кто справа от него, тот, кто благословлял присутствующих, это кардинал Лотарингский, а тот, кто слева, кто говорил с этим недомерком из певчих, – монсеньер Майеннский, мой старый друг; но где же тогда мэтр Николя Давид?

И действительно, как будто для того, чтобы тут же подтвердить правильность догадок Шико, монахи, сидевшие слева и справа от герцога Гиза, тоже откинули свои капюшоны, и гасконец увидел умную голову, высокий лоб и острые глаза знаменитого кардинала и куда более грубую и заурядную физиономию герцога Майеннского.

– Ага, я тебя узнаю, дружная, но отнюдь не святая троица, – сказал Шико. – Теперь посмотрим, что ты будешь делать, – я весь глаза; послушаем, что ты скажешь, – я весь уши.

Как раз в эту минуту господин де Монсоро и подошел к железным дверям подземного склепа, чтобы открыть их.

– Вы думаете, он придет? – спросил Меченый своего брата кардинала.

– Я не только думаю, – ответил последний, – я в этом уверен и даже держу под рясой все, что необходимо для замены сосуда со святым миром.

И Шико, который находился неподалеку от троицы, как он называл братьев Гизов, и мог все видеть и все слышать, заметил, как в слабом свете лампы, висящей над хорами, блеснул позолоченный резной ларец.

– Вот оно! – сказал Шико. – По-видимому, здесь собираются кого-то посвятить в сан. Мне просто посчастливилось. Я давно мечтаю поглядеть па эту церемонию.

Тем временем десятка два монахов, головы которых были закрыты огромными

капюшонами, вышли из дверей склепа и заняли места в нефе.

Лишь один из них, предводимый графом Монсоро, поднялся на хоры и то ли сел на скамью справа от Гизов, то ли встал на ее приступку.

Снова появился мальчик-певчий, почтительно выслушал какие-то распоряжения кардинала и исчез.

Герцог Гиз, обведя взглядом собрание в пять раз менее многочисленное, чем предыдущее, и, по всей вероятности, бывшее сборищем избранных, удостоверился, что все не только ждут его слова, но и ждут с нетерпением.

– Друзья, – сказал он, – время драгоценно, и я хочу взять быка за рога, Вы только что слышали, ибо я полагаю, что все вы участвовали в первом собрании, вы только что слышали, говорю я, как в речах некоторых членов католической Лиги звучали жалобы той части нашего сообщества, которая обвиняет в холодности и даже в недоброжелательстве одного из наших старшин, принца, ближе всех стоящего к трону. Настало время отнестись к этому принцу со всем уважением, которое ему подобает, и по справедливости оценить его заслуги. Вы, кто всем сердцем стремитесь выполнить первую задачу святой Лиги, вы сами все услышите и сами сможете судить – заслуживают ли ваши вожди упреков в равнодушии и бездеятельности, прозвучавших в речи одного из выступавших здесь братьев лигистов, которому мы не сочли нужным раскрыть нашу тайну; я говорю о брате Горанфло.

При этом имени, которое герцог де Гиз произнес пренебрежительным тоном, свидетельствующим, что воинствующий монах далеко не пришелся ему по душе, Шико в своей исповедальне не мог удержаться от смеха, его смех, хотя и был беззвучным, тем не менее явно был направлен против сильных мира сего.

– Братья мои, – продолжал герцог, – принц, содействие которого нам обещали, принц, от которого мы едва смели ожидать даже не присутствия на наших собраниях, но хотя бы одобрения наших целей, этот принц – здесь.

Любопытные взоры всех собравшихся обратились на монаха, стоявшего на приступке скамьи справа от трех лотарингских принцев.

– Монсеньер, – сказал герцог де Гиз, обращаясь к предмету всеобщего внимания, – мне кажется, господь проявил свою волю, ибо если вы согласились к нам присоединиться, значит, все, что мы делаем, мы делаем во благо. Теперь молю вас, монсеньер: сбросьте капюшон пусть верные члены Союза своими глазами увидят, как вы держите обещание, которое им дали от вашего имени обещание столь лестное, что они и поверить ему не смели.

Таинственная личность, которую Генрих Гиз таким образом представил собранию, поднесла руку к капюшону, отбросила его на плечи, и Шико, полагавший, что под этой рясой скрывается какой-то еще неизвестный ему лотарингский принц, с удивлением узрел голову герцога Анжуйского; герцог был так бледен, что при погребальном свете лампы походил на мраморную статую.

– Ого! – сказал Шико. – Наш брат Анжуйский. Стало быть, он все еще пытается выиграть трон, делая ставки чужими головами.

– Да здравствует монсеньер герцог Анжуйский! – закричали все присутствующие. Франсуа побледнел еще больше.

– Ничего не бойтесь, монсеньер, – сказал Генрих де Гиз. – Эта часовня непроницаема, и двери ее плотно закрыты.

– Счастливая предосторожность, – отметил Шико.

– Братья мои, – сказал граф де Монсоро, – его высочество желает обратиться к собранию с несколькими словами.

– Да, да, пусть говорит, – раздались голоса, – мы слушаем.

Три лотарингских принца повернулись к герцогу Анжуйскому и отвесили ему поклон. Герцог оперся обеими руками о ручки скамьи, можно было подумать, что он вот-вот упадет.

– Господа, – начал он голосом, таким слабым и дрожащим, что первые слова его речи с трудом можно было разобрать, – господа, я верю, что всевышний, который часто кажется

нам глухим и равнодушным к земным делам, напротив, неотступно следит за нами своим всевидящим оком и напускает на себя видимость бесстрастия и безразличия лишь для того, чтобы однажды ударом молнии раз и навсегда положить конец беспорядку, порожденному безумным честолюбием сынов человеческих.

Начало речи принца было, как и его характер, довольно темным, и все ждали, пока его высочество прояснит свои мысли и даст возможность либо рукоплескать им, либо осудить их.

Герцог продолжал более уверенным голосом:

– И я, я тоже посмотрел на сей мир и, не будучи в силах охватить его весь моим слабым взглядом, остановил взор на Франции. Что же узрел я повсюду в нашем королевстве? Основание святой Христовой веры потрясено, истинные служители божьи рассеяны и гонимы. Тогда я исследовал глубины пропасти, развернутой уже двадцать лет назад еретиками, которые подрывают основы веры под тем предлогом, что им ведом более надежный путь к спасению, и душу мою, подобно душе пророка, затопила скорбь.

Одобрительный шепот пробежал по толпе слушателей. Герцог высказал сочувствие к страданиям церкви, за этим можно было увидеть объявление войны тем, кто заставляет эту церковь страдать.

– И когда я глубоко скорбел душой, – продолжал герцог, – до меня дошел слух, что несколько благородных и набожных дворян, хранителей обычаев наших предков, пытаются укрепить пошатнувшийся алтарь. Я оглянулся вокруг, и мне показалось, что я уже присутствую на Страшном суде, и бог уже отделил агнцев от козлищ. На одной стороне были отщепенцы, и я с ужасом отшатнулся от них; на другой – стояли праведники, и я поспешил броситься им в объятия. И вот я здесь, братья мои!

– Аминь! – шепотом заключил Шико.

Но это была напрасная предосторожность, он смело мог бы высказаться во весь голос, его слова все равно потонули бы в вихре рукоплесканий и криков «браво», взметнувшимся до самых сводов часовни.

Три лотарингских принца призвали к тишине и дали собранию время успокоиться; затем кардинал, находившийся ближе остальных к герцогу, сделал еще шаг в его сторону и спросил:

– Вы пришли к нам по доброй воле, принц?

– По доброй воле, сударь.

– Кто открыл вам святую тайну?

– Мой друг, ревностный слуга веры, граф де Монсоро.

– Теперь, – заговорил в свою очередь герцог де Гиз, – теперь, когда ваше высочество примкнуло к нам, соблаговолите, монсеньер, рассказать, что вы намерены совершить во благо святой Лиги.

– Я намерен преданно служить католической вере, апостольской и римской, и выполнять все, что она от меня потребует, – ответил неофит.

– Пресвятое чрево! – сказал Шико. – Вот глупые люди, клянусь своей душой: они прячутся, чтобы говорить подобные вещи. Почему они просто-напросто не изложат свои намерения Генриху Третьему, моему высокочтимому королю? Все это ему очень поправится. Шествия, умерщвление плоти, искоренение ереси, как в Риме, вязанка хвороста и аутодафе, как во Фландрии и в Испании. Может быть, это единственное средство заставить моего доброго короля обзавестись детишками. Клянусь телом Христовым! Этот милейший герцог Анжуйский до того меня растрогал, что хочется вылезти из исповедальни и в свой черед представиться всем присутствующим. Продолжай, достойный братец его величества, продолжай, благородный прохвост!

И герцог Анжуйский, словно уловив это поощрение, действительно продолжал.

– Однако, – сказал он, – и защита святой веры не единственная цель, которую благородные дворяне должны ставить перед собой. Что до меня, то я предвижу и другую.

– Вот как! – воскликнул Шико. – Ведь я тоже благородный дворянин, стало быть, и

меня это касается не меньше, чем других. Говори, Анжуйский, говори!

– Монсеньер, словам вашего высочества внимлют с самым глубоким вниманием, – заявил кардинал де Гиз.

– И когда мы слушаем вас, в наших сердцах бьется надежда, – добавил герцог Майеннский.

– Я готов объяснить, – сказал герцог Анжуйский, с тревогой всматриваясь в темные глубины часовни, словно желая удостовериться, что его слова будут услышаны только людьми, достойными доверия.

Граф Монсоро понял опасения принца и успокоил его улыбкой и многозначительным взглядом.

– Итак, когда дворянин воздаст все должное богу, – продолжал герцог Анжуйский, невольно понизив голос, – он обращается мыслями к...

– Черт возьми, – выдохнул Шико, – к своему королю, это ясно.

–...к своему отечеству, и он спрашивает себя, действительно ли его родина пользуется всем почетом и всем благосостоянием, которыми она должна пользоваться по праву? Ибо благородный дворянин получает свои привилегии сначала от бога, а потом от страны, в которой он рожден.

Собрание разразилось бурными рукоплесканиями.

– Пусть так, однако, – сказал Шико, – а король куда делся? Разве о нем уже и речи нет, о нашем бедном монархе? А я-то верил, что всегда говорят, как написано на инуамиде в Жювизи: «Бог, король и дамы!» – И я спросил себя, – продолжал герцог Анжуйский, на крутых скулах которого заиграл лихорадочный румянец, – я спросил себя, наслаждается ли моя родина миром и счастьем, коих по праву заслуживает эта прекрасная и благодатная страна, называемая Францией, и с горем в душе я увидел, что ни мира, ни счастья у нас нет, И в самом деле, братья мои, государство раздирают на части равные по могуществу, противоборствующие воли и желания; и это благодаря слабости верховной воли, которая, забыв, что она, ради блага своих подданных, должна надо всем господствовать, вспоминает об этой основе королевской власти лишь время от времени, когда ей вздумается, и всякий раз действует так неразумно, что ее деяния только умножают зло; это бедствие, вне всякого сомнения, надо приписать либо роковой судьбе Франции, либо слепоте ее правителя. Но хотя бы мы и не знали истинной причины зла или могли только предполагать ее, зло от этого не умаляется, и, по моему разумению, оно порождено либо преступлениями против религии, совершенными Францией, либо безбожными поступками некоторых ложных друзей короля, а не самого монарха. И в том и в другом случае, господа, я, как верный слуга алтаря и тропа, обязан примкнуть к тем, кто всеми средствами добивается искоренения ереси и падения коварных советников. Вот, господа, что я намерен сделать для Лиги, присоединившись к вам.

– Ого! – пробормотал остолбеневший от изумления Шико. – Кончики ушей вылезают прямо на глазах, и, как я и раньше полагал, это уши не осла, а лисицы.

Нашим читателям, отделенным тремя столетиями от политических интриг того времени, речь герцога Анжуйского может показаться растянутой, однако она настолько заинтересовала слушателей, что большинство из них придвинулось к оратору, стараясь не упустить ни одного звука, ибо голос принца все более и более слабел по мере того, как смысл его слов все более и более прояснялся.

Зрелище было довольно занимательным. Слушатели в количестве двадцати пяти или тридцати человек, откинув капюшоны, столпились у подножия кафедры; в свете единственной лампы, освещавшей место действия, видны были их гордые, возбужденные лица, глаза, сверкавшие отвагой или любопытством.

Густая тень скрывала все остальные приделы часовни, казалось, они не имеют никакого отношения к драме, которая разыгрывается в освещенном пространстве.

В центре этого пространства виднелось бледное лицо герцога Анжуйского: маленькие глазки, глубоко запрятанные под выступающими костями лба, рот, который, открываясь, походил на мрачный оскал черепа.

– Монсеньер, – начал герцог де Гиз, – я хочу поблагодарить ваше высочество за прекрасные слова, которые вы сейчас произнесли, и считаю себя обязанным заверить вас, что вы окружены здесь лишь теми, кто предан не только принципам, изложенным вами, но и самой особе вашего королевского высочества, и, ежели вы все еще питаете сомнения на этот счет, то в дальнейшем ходе нашего собрания вам будут даны доказательства более убедительные, чем те, которых вы могли бы ожидать.

Герцог Анжуйский поклонился и, распрямляясь, бросил тревожный взгляд на собравшихся.

– Ого! – пробормотал Шико. – Если я не ошибаюсь, все, что мы видели до сих пор, только начало, и здесь должно произойти что-то гораздо более важное, чем все нелепицы, которые тут говорились и делались.

– Монсеньер, – сказал кардинал, от внимания которого не укрылся взгляд принца, – ежели ваше высочество чего-то опасается, то я надеюсь, что даже одни имена тех, кто его здесь окружает, успокоят его. Вот господин губернатор провинции Онис, вот господин д'Антрагэ-младший, господин де Рибейрак и господин де Ливаро, дворяне, с которыми его высочество, быть может, знакомы и которые столь же преданы вам, сколь отважны. Вот еще господин викарный епископ Кастильонский, господин барон де Люзиньян, господа Крюс и Леклерк. Все они поражены мудростью вашего королевского высочества и счастливы оказанной им честью выступить под его стягом на борьбу за освобождение святой веры и трона. Мы с благодарностью будем повиноваться приказам, которые ваше высочество соизволит дать нам.

Герцог Анжуйский, не в силах сдержаться, гордо вскинул голову. Гизы, эти Гизы, такие надменные, что никто никогда не мог принудить их склониться, сами заговорили о повиновении.

Герцог Майеннский поддержал своего брата, кардинала, – Вы, монсеньер, и по праву рождения, и в силу присущей вам мудрости являетесь природным вождем нашего святого Союза, и вы должны разъяснить нам, какого образа действий следует придерживаться в отношении тех лживых друзей короля, о которых мы только что говорили.

– Нет ничего проще, – ответил принц, охваченный тем лихорадочным возбуждением, которое слабым людям заменяет мужество, – когда сорняки прорастают в поле и не дают возможности снять с него богатый урожай, сии ядовитые травы выпалывают с корнем. Короля окружают не друзья, а куртизаны, они губят его и своим поведением постоянно возмущают и Францию, и весь христианский мир.

– Истинно так, – глухим голосом подтвердил герцог де Гиз.

– И кроме того, эти куртизаны, – подхватил кардинал, – мешают нам, подлинным друзьям его величества, приблизиться к трону, хотя мы на это имеем право и по нашему сану, и по рождению.

– Давайте-ка оставим бога, – грубо вмешался герцог Майеннский, – на попечение рядовых лигистов, лигистов первой Лиги. Служа богу, они будут служить тем, кто им говорит о боге. А мы займемся своим делом. Нам мешают некоторые люди, они заносятся перед нами, они оскорбляют нас, они постоянно отказывают в уважении принцу, которого мы чтим больше всех и который является нашим вождем.

У герцога Анжуйского покраснел лоб.

– Уничтожим же, – продолжал герцог Майеннский, – уничтожим же их всех, от первого до последнего, истребим начисто эту проклятую породу, которую король обогатил за счет наших состояний, и пусть каждый из нас возьмет на себя обязательство убить одного из них, нас здесь тридцать, давайте пересчитаем их.

– Это мудрое предложение, – сказал герцог Анжуйский, – и вы уже выполнили свою задачу, господин герцог.

– Сделанное не в счет, – возразил герцог Майеннский.

– Оставьте все-таки что-нибудь и на нашу долю, монсеньер, – сказал д'Антрагэ. – Я беру на себя Келюса!

– А я Можирона! – поддержал его Ливаро.
– А я Шомберга! – крикнул Рибейрак.
– Хорошо, хорошо, – отвечал принц. – Но ведь у нас есть еще Бюсси, мой храбрый Бюсси. Он тоже внесет свою лепту.

– И мне! И мне! – раздавались крики со всех сторон. Господин де Монсоро выступил вперед.

– Ага, – сказал Шико, который, видя, какой оборот принимают события, уже не смеялся, – главный ловчий хочет потребовать свою долю добычи.

Но Шико ошибался.

– Господа, – сказал Монсоро, протягивая руку. – Помолчите минуту. Мы, здесь собравшиеся, люди смелые, а боимся откровенно поговорить друг с другом. Мы, здесь собравшиеся, люди умные, а вертимся вокруг каких-то глупых мелочей. Давайте же, господа, проявим чуть больше мужества, чуть больше смелости, чуть больше откровенности. Дело не в миньонах короля Генриха и не в том, что нам затруднен доступ к его королевской особе.

– Валяй! Валяй! – бормотал Шико, широко раскрыв глаза и приставив к уху согнутую ладонь левой руки, чтобы не упустить ни одного слова. – Пошел дальше! Не задерживайся. Я жду.

– То, что нас всех тревожит, господа, – продолжал граф, – это безвыходное положение, в котором мы оказались. Это король, навязанный нам и не устраивающий французское дворянство. Это бесконечные молебны, деспотизм, бессилие, оргии, бешеные траты на празднества, над которыми смеется вся Европа, скаредная экономия во всем, что относится к войне и к ремеслам. Подобное поведение нельзя объяснить ни слабостью характера, ни невежеством, это слабоумие, господа.

Речь главного ловчего звучала в зловещей тишине. Она произвела особенно глубокое впечатление потому, что все присутствующие думали про себя то же самое, что Монсоро произносил во всеуслышание, и слова главного ловчего заставляли каждого невольно вздрагивать, словно он признавался себе в полном своем согласии с оратором.

Граф де Монсоро, чувствуя, что молчание слушателей объясняется избытком согласия, продолжал:

– Можем ли мы и впредь, оставаться под властью короля – глупца, бездеятельного лентяя в то время, когда Испания разжигает костры, когда Германия будит старых ересиархов, уснувших в тени монастырей, когда Англия, неуклонно проводя свою политику, рубит головы и идеи? Все государства со славой трудятся над чем-нибудь. А мы, мы – спим. Господа, простите, что я выскажусь в присутствии великого принца, который, быть может, осудит мою дерзость, так как он связан родственными чувствами, но подумайте, господа, уже четыре года нами правит не король, а монах.

При этих словах взрыв, умело подготовленный и в течение часа умело сдерживаемый осторожными руководителями, разразился с такой силой, что никто бы не узнал в этой беснующейся толпе тех спокойных, мудро расчетливых людей, которых мы видели в предыдущей сцене.

– Долой Валуа, – вопили они, – долой отца Генриха! Пусть нас ведет принц-дворянин, король-рыцарь, пусть он будет даже тираном, лишь бы не был долгополым.

– Господа, господа, – лицемерно твердил герцог Анжуйский, – заклинаю вас, прощения, прощения моему брату, он обманывается, или, вернее, его обманывают. Позвольте мне надеяться, господа, что наши мудрые упреки, что действенное вмешательство могущественной Лиги наставят его на путь истинный.

– Шипи, змея, – прошептал Шико, – шипи.

– Монсеньер, – ответил герцог де Гиз, – ваше высочество слышали, может быть, несколько преждевременно, но все же слышали искреннее выражение наших помыслов. Нет, речь идет уже не о Лиге, направленной против Беарнца, этого пугала для дураков; речь идет и не о Лиге, имеющей целью поддержать церковь, – наша церковь сама позаботится о себе, – речь идет о том, господа, чтобы вытащить дворянство Франции из грязной трясины, в которой

оно тонет. Слишком долго нас сдерживало уважение, внушаемое нам вашим высочеством; слишком долго та любовь, которую, как мы знаем, вы испытываете к вашей семье, заставляла нас притворяться. Теперь все вышло наружу, и сейчас вы, ваше высочество, будете присутствовать на настоящем заседании Лиги, все, что происходило здесь до сих пор, – только присказка.

– Что вы хотите этим сказать, господин герцог? – спросил принц, одновременно раздираемый страхом и распираемый тщеславием, – Монсеньер, – продолжал герцог де Гиз, – мы собрались здесь, как справедливо сказал господин главный ловчий, не для того, чтобы обсудить уже сто раз обсужденные вопросы теории, а для того, чтобы действовать с пользой. Сегодня мы избираем вождя, способного прославить и обогатить дворянство Франции. В обычае древних франков, когда они избирали себе вождя, было подносить избраннику достойный его дар, и мы подносим в дар вождю, которого мы избрали...

Все сердца забились, но сильнее всех заколотилось сердце герцога Анжуйского.

И все же он стоял немой и неподвижный, и только бледность выдавала его волнение.

– Господа, – продолжал герцог де Гиз, взяв со стоящего за ним кресла какой-то предмет и с усилием поднимая его над головой, – господа, вот дар, который я от вашего имени приношу к стопам принца.

– Корона! – вскричал герцог Анжуйский. – Корона! Мне, господа?!

– Да здравствует Франциск Третий! – в один голос прогремела, заставив вздрогнуть церковные своды, тесно сплотившаяся толпа дворян, которые обнажили свои шпаги.

– Мне, мне, – бормотал герцог, содрогаясь и от радости и от страха, – мне! Но это невозможно! Мой брат еще жив, он помазанник божий.

– Мы его низлагаем, – сказал Генрих де Гиз, – в ожидании, пока господь его смертью не утвердит сделанный нами сегодня выбор или, вернее сказать, пока какой-нибудь его подданный, которому опостылело это бесславное царствование, ядом или кинжалом не предвосхитит божью справедливость!..

– Господа, – задыхаясь, сказал герцог и еще тише:

– Господа...

– Монсеньер, – произнес кардинал, – на столь благородную шепетильность, которую вы сейчас перед па-ми проявили, мы ответим такими словами: Генрих Третий был помазанником божьим, но мы его низложили, больше он уже не избранник божий, и теперь вы будете этим избранником, монсеньер. Мы здесь в храме не менее чтимом, чем Реймский собор; ибо здесь хранятся мощи святой Женевиевы, покровительницы Парижа; ибо здесь погребено тело короля Хлодвиг, первого короля-христианина; и вот, монсеньер, в этом святом храме, перед статуей подлинного основателя французской монархии, я, один из князей церкви, который без ложного тщеславия может надеяться со временем стать ее главой, я говорю вам, монсеньер: «Вот святое миро, посланное папой Григорием Тринадцатым, оно заменит миро, хранящееся в Реймском соборе. Монсеньер, назовите вашего будущего архиепископа реймского, назовите вашего будущего коннетабля, и через минуту вы станете королем, помазанным на царствие, и ваш брат Генрих, если он не уступит вам трона, будет почитаться узурпатором». Мальчик, зажгите свечи перед алтарем.

И тут же мальчик-певчий, очевидно ожидавший этого распоряжения, вышел из ризницы с зажженным факелом в руке, и вскоре вокруг алтаря и на хорах загорелись свечи в пятидесяти канделябрах.

И тогда взорам всех открылись митра, сверкающая драгоценными камнями, и большой меч, украшенный геральдическими лилиями: митра архиепископа и меч коннетабля.

И в то же мгновение в темном углу, куда не проникал свет, зазвучал орган, он играл «Veni Creator»¹⁸.

Это подобие спектакля, приготовленное тремя лотарингскими принцами без ведома

¹⁸ Прийди, создатель (лат.)

герцога Анжуйского, вдохновило присутствующих. Смелые воодушевились, слабые почувствовали себя сильными.

Герцог Анжуйский поднял голову и более твердым шагом, чем от него можно было ожидать, направился к алтарю, довольно решительно взял в левую руку митру, а в правую – меч и, подойдя к герцогу и кардиналу, заранее ожидавшим этой чести, возложил митру на голову кардинала и опоясал герцога мечом.

Собравшиеся встретили единодушными рукоплесканиями уверенные действия принца, которых они, зная его нерешительный характер, не ждали от него.

– Господа, – сказал герцог Анжуйский, обращаясь к присутствующим, – сообщите ваши имена герцогу Майеннскому, главному дворецкому Франции, и в тот день, когда я стану королем, вы все станете рыцарями ордена.

Рукоплескания усилились, и все присутствующие, один за другим, начали подходить к герцогу Майеннскому и называть свои имена.

– Смерть Христова! – сказал Шико. – Вот прекрасный случай занять голубую ленточку. Такой возможности у меня больше никогда не будет. И подумать только, что мне приходится от нее отказаться!

– А теперь к алтарю, государь, – сказал кардинал де Гиз.

– Господин де Монсоро, мой капитан-полковник, господа де Рибейрак и д'Антрагэ, мои капитаны, господин де Ливаро, лейтенант моей гвардии, займите на хорах места, подобающие тем званиям, которые я вам присвоил.

Каждый из названных дворян занял место, которое полагалось бы ему по этикету при подлинной церемонии помазания на царство.

– Господа, – сказал герцог, обращаясь к остальным, – пусть каждый из вас попросит у меня, чего хочет, и я постараюсь, чтобы среди вас не было ни одного недовольного.

Тем временем кардинал зашел за дарохранилище и надел на себя епископское облачение. Вскоре он появился, держа в руках сосуд с миром, который поставил на алтарь.

Затем он сделал знак рукой мальчику-певчему, и тот принес книгу Евангелий и крест. Кардинал взял то и другое, возложил крест на книгу и протянул герцогу Анжуйскому, который положил на них руку.

– Перед лицом всевышнего, – сказал герцог, – я обещаю моему народу сохранять и чтить нашу святую веру, как это подобает всехристианнейшему королю и старшему сыну церкви. Да будут мне в помощь бог и его святые Евангелия.

– Аминь! – в один голос откликнулись присутствующие.

– Аминь! – повторило эхо, казалось выходящее из самых глубин часовни.

Герцог де Гиз, как мы уже говорили, исполнявший обязанности коннетабля, поднялся на три ступени к алтарю и положил свой меч перед дарохранилищем; кардинал благословил оружие.

Затем кардинал извлек меч из ножен и, держа за клинок, протянул королю, который взял его за рукоятку.

– Государь, – сказал кардинал, – примите сей меч, вручаемый вам с благословения господа, дабы с его помощью и силой святого духа вы могли противоборствовать всем вашим врагам, охранять и защищать святую церковь и вверенное вам государство. Возьмите меч сей, дабы его сталью вершить правосудие, оборонять вдов и сирот, пресекать беспорядки, дабы все добродетели покрыли вас славой, и вы заслуженно царствовали бы вкупе с тем, чьим образом вы являетесь на земле, с тем, кто царствует и ныне, и присно, и во веки веков вместе с Отцом и Духом святым.

Герцог Анжуйский опустил острие меча к земле и, посвятив меч богу, вручил его герцогу Гизу.

Маленький певчий принес подушечку и положил ее перед герцогом Анжуйским, герцог преклонил колени.

Тогда кардинал открыл небольшой позолоченный сосуд, кончиком золотой иглы взял из него несколько капель мира и размазал их на патене. Затем, держа патен в левой руке,

он прочитал над герцогом две молитвы, после чего, смочив большой палец в мире, начертил на темени герцога крест и сказал:

– Ungo te in regem de oleo sanctificato, in nomine Pat-ris et Filii et Spiritus sancti¹⁹.

Почти тотчас же маленький певчий платком с золотой вышивкой стер помазание.

Тогда кардинал взял обеими руками корону и опустил ее к голове принца, но не возложил на голову. Герцог де Гиз и герцог Майеннский приблизились к принцу и с двух сторон поддерживали корону.

И кардинал, держа корону одной левой рукой, правой благословил принца со словами:

– Господь венчает тебя венцом славы и справедливости.

Затем, возлагая корону на голову принца, он произнес:

– Прими сей венец во имя Отца, и Сына, и Святого духа.

Герцог Анжуйский, бледный и дрожащий, почувствовал тяжесть короны на своей голове и невольно схватился за нее рукой.

Колокольчик маленького певчего зазвенел снова, и все склонили головы.

Но тотчас же свидетели этой церемонии выпрямились и, размахивая шпагами, закричали:

– Да здравствует король Франциск Третий!

– Государь, – сказал кардинал герцогу Анжуйскому, – отныне вы царствуете во Франции, ибо вы помазаны самим папой Григорием Тринадцатым, которого я представляю.

– Пресвятое чрево! – сказал Шико. – Как жаль, что я не золотушный, я тут же мог бы получить исцеление.

– Господа, – произнес герцог Анжуйский гордо и величественно, поднимаясь с колен, – я никогда не забуду имена тридцати дворян, которые первыми сочли меня достойным царствовать над ними; а теперь прощайте, господа, да хранит вас святая и могущественная десница божья.

Кардинал и герцог де Гиз склонились перед герцогом Анжуйским; однако Шико из своего угла заметил, что пока герцог Майеннский провожал новоявленного короля к выходу, остальные два лотарингских принца обменялись ироническими улыбками.

– Вот как! – удивился гасконец. – Что все это значит и что это за игра, в которой все игроки плутуют?

В это время герцог Анжуйский дошел до ступеней лестницы, ведущей в склеп, и вскоре исчез во мраке подземелья; один за другим за герцогом последовали и все остальные, за исключением трех братьев, которые скрылись в ризнице, пока привратник тушил свечи на алтаре.

Маленький певчий закрыл дверь склепа, и теперь часовню освещала только одна негасимая лампада, казавшаяся символом какой-то тайны, непонятной непосвященным.

Глава 21. **О ТОМ, КАК ШИКО, ДУМАЯ ПРОСЛУШАТЬ КУРС ИСТОРИИ,** **ПРОСЛУШАЛ КУРС ГЕНЕАЛОГИИ**

Шико встал в своей исповедальне, чтобы немного поразмять затекшие ноги. У него были все основания думать, что это заседание было последним, и, так как время приближалось к двум часам ночи, следовало поспешить с устройством на ночлег.

Но, к великому удивлению гасконца, после того, как в дверях подземного склепа дважды со скрипом повернулся ключ, три лотарингских принца снова вышли из ризницы, только на этот раз они сбросили рясы и были в своей обычной одежде.

Увидев их, мальчик-певчий расхохотался таи весело и чистосердечно, что заразил

¹⁹ Помазаю тебя на царство освященным елеем во имя Отца, и Сына, и Святого духа (лат.).

Шико и тот тоже начал смеяться, сам не зная чему.

Герцог Майеннский поспешно подошел к лестнице.

– Не смейтесь так громко, сестра, – сказал он. – Они недалеко ушли и могут вас услышать.

«Его сестра?! – подумал Шико, переходя от удивления к удивлению. – Неужто этот монашек – женщина?!» И действительно, послушник отбросил капюшон и открыл самое одухотворенное и самое очаровательное женское личико, которое только можно вообразить; такую красоту не доводилось переносить на полотно самому Леонардо да Винчи, художнику, как известно, написавшему Джоконду.

Черные глаза искрились лукавством, однако, когда зрачки этих глаз расширялись, их эбеновые кружки увеличивались, и, несмотря на все усилия красавицы придать своему взгляду строгое выражение, он становился почти устрашающим.

Рот был маленький, изящный и алый, нос – вырезан с классической строгостью, безукоризненный овал несколько бледного лица, на котором выступали две иссиня-черные дуги сросшихся бровей, идеально правильного рисунка, завершался округлым подбородком.

Это была достойная сестрица братьев Гизов, госпожа де Монпансье, опасная сирена, ловко скрывавшая под грубой монашеской рясой свои телесные изыяны – плечи, из которых одно было выше другого, и слегка искривленную правую ногу, заставлявшую ее прихрамывать.

Благодаря этим физическим недостаткам, в теле, которому бог дал голову ангела, поселилась душа демона.

Шико узнал герцогиню, он раз двадцать видел ее при дворе, где она любезничала со своей двоюродной сестрой, королевой Луизой де Водемон, и понял, что она присутствует здесь неспроста и что за упорным нежеланием семейства Гизов покинуть церковь скрывается еще одна тайна.

– Ах, братец-кардинал, – захлебываясь судорожным смехом, тараторила герцогиня, – какого святошу вы из себя корчили и как прочувственно произносили имя божье. Была такая минута, когда я даже испугалась: мне показалось, что вы все делаете всерьез; а он-то, он, до чего охотно этот болван подставлял свою глупую голову под помазание и под корону и каким жалким гаденышем выглядел в короне!

– Не важно, – сказал герцог де Гиз, – мы добились, чего хотели, и Франсуа теперь уж от нас не отречется. У Монсоро, несомненно, есть какой-то свой тайный расчет, он завел своего принца так далеко, что отныне мы можем быть спокойны – Франсуа не бросит нас на полпути к эшафоту, как он бросил Ла Моля и Коконнаса.

– Ого, – сказал герцог Майеннский, – принцев нашей крови не так-то просто заставить ступить на этот путь: от Лувра до аббатства святой Женевьевы нам всегда будет ближе, чем от ратуши до Гревской площади.

– Давайте вернемся к делу, господа, – прервал его кардинал. – Все двери закрыты, не правда ли?

– О, за двери я вам отвечаю, – ответила герцогиня, – впрочем, я могу пойти проверить.

– Не надо, – сказал герцог, – вы, должно быть, устали, мой прелестный мальчик из хора.

– Даю слово, нет, все это очень забавно.

– Майенн, вы говорите, он здесь? – спросил герцог.

– Да.

– Я его не заметил.

– Я думаю, он спрятался.

– И где?

– В исповедальне.

Эти слова раздались в ушах Шико, как сто тысяч труб Апокалипсиса.

– Кто же это прячется в исповедальне? – спрашивал он, беспокойно вертясь в своем

деревянном ящике. – Клянусь святым чревом, кроме себя, никого не вижу.

– Значит, он все видел и все слышал? – спросил герцог.

– Ну и что, ведь он вполне наш человек.

– Приведите его ко мне, Майенн, – сказал герцог. Герцог Майеннский опустился по лестнице с хоров, некоторое время стоял, словно раздумывая, куда идти, и, наконец, решительно двинулся прямо к той исповедальне, где притаился Шико.

Шико был храбр, но на этот раз он залязгал зубами от страха, и капли холодного пота потекли с его лба на руки, – Ах, так! – говорил он, пытаясь высвободить шляпу из складок рясы. – Однако же я вовсе не хочу, чтоб меня закололи в этом ящике, как ночного вора. Ну что ж, встретим смерть лицом к лицу, клянусь святым чревом! И, раз представляется случай, уьем сами, прежде чем умереть.

И готовясь привести в исполнение свой смелый замысел, Шико, который наконец-то нащупал рукоять шпаги, уже положил было руку на дверную задвижку. Но тут он услышал голос герцогини:

– Не в этой, Майенн, не в этой, в другой – на левой стороне, совсем в глубине.

– Ах да, верно! – пробормотал герцог Майеннский, резко поворачиваясь и опуская руку, уже протянутую было к исповедальне Шико.

– Уф! – вырвался у Шико вздох облегчения, которому позавидовал бы сам Горанфло. – В самую пору. Но какой черт прячется в другой коробке?

– Выходите, мэтр Николя Давид, – пригласил герцог Майеннский, – мы остались одни.

– К вашим услугам, монсеньер, – отозвался человек из исповедальни.

– Добро, – сказал Шико, – тебя не было на празднике, мэтр Николя, я искал тебя повсюду и вот сейчас, когда уже бросил искать, нашел.

– Вы все видели и все слышали, не так ли? – спросил герцог де Гиз.

– Я не упустил ни одного слова из того, что здесь говорилось, и я не забуду ни одной мелочи. Будьте спокойны, монсеньер.

– И вы сможете все передать посланцу его преосвященства папы Григория Тринадцатого? – продолжал Меченый.

– Все до мельчайших подробностей.

– Ну, а теперь посмотрим, что вы там для нас сделали; брат Майенн мне сказал, что вы прямо чудеса творите.

Кардинал и герцогиня подошли поближе, влекомые любопытством. Три брата и сестра встали рядом.

Николя Давид стоял в трех шагах от них на полном свету лампы.

– Я сделал все, что обещал, монсеньер, – сказал он, – то есть я нашел для вас способ по законному праву занять французский трон.

– И они туда же! – воскликнул Шико. – Вот так так! Все стремятся занять французский трон. Последние да будут первыми!

Как видите, наш славный Шико воспрянул духом и снова обрел свою веселость. Эта перемена была вызвана тремя причинами.

Во-первых, он совершенно неожиданно ускользнул от неминуемой гибели: во-вторых, открыл опасный заговор и, наконец, открыв этот заговор, нашел средство погубить двух своих главных врагов: герцога Майеннского и адвоката Николя Давида.

– Мой добрый Горанфло, – пробормотал он, когда все эти мысли утряслись в его голове, – каким ужином я отплачу тебе завтра за то, что ты ссудил мне рясу! Вот увидишь.

– Но если узурпация слишком бросается в глаза, мы воздержимся от применения нашего способа, – произнес Генрих де Гиз. – Мне нельзя восстанавливать против себя всех христианских королей, ведущих начало от божественного права.

– Я подумал о вашей щепетильности, монсеньер, – сказал адвокат, кланяясь герцогу и окидывая уверенным взглядом весь триумвират. – Я понаторел не только в искусстве фехтования, монсеньер, как могли вам донести мои враги, дабы лишить меня вашего доверия;

будучи человеком сведущим в богословии и в юриспруденции, я, как подобает всякому настоящему казуисту и ученому юристу, обратился к анналам и декретам и подкрепил ими свои изыскания. Получить законное право на наследование трона, – это значит получить все, я же обнаружил, монсеньеры, что вы и есть законные наследники, а Валуа только побочная и узурпаторская ветвь.

Уверенный тон, которым Николя Давид произнес свою маленькую речь, вызвал живейшую радость мадам де Монпансье, сильнейшее любопытство кардинала и герцога Майеннского, и почти разгладил морщины на суровом челе герцога де Гиза.

– Вряд ли Лотарингский дом, – сказал герцог, – каким бы славным он ни был, может претендовать на преимущество перед Валуа.

– И, однако, это доказано, монсеньер, – ответил мэтр Николя. Распахнув полы рясы, он извлек из кармана широких штанов свиток пергамента, при этом движении из-под его рясы высунулась также и рукоятка длинной рапиры.

Герцог взял пергамент из рук Николя Давида.

– Что это такое? – спросил он.

– Генеалогическое древо Лотарингского дома.

– И родоначальник его?

– Карл Великий, монсеньер.

– Карл Великий! – в один голос воскликнули три брата с недоверчивым видом, к которому, однако, примешивалось некоторое удовлетворение. – Это немыслимо. Первый герцог Лотарингский был современником Карла Великого, но его звали Ранье, и он ни по какой линии не состоял в родстве с великим императором.

– Подождите, монсеньеры, – сказал Николя. – Вы, конечно, понимаете, что я вовсе не искал таких доказательств, которые можно с ходу опровергнуть и которые первый попавшийся знаток геральдики сотрет в порошок. Вам нужен хороший процесс, который затянулся бы на долгое время, занял бы и парламент и народ и позволил бы вам привлечь на свою сторону не народ – он и без того ваш, а парламент. Посмотрите, монсеньер, как это получается: Ранье, первый герцог Лотарингский, современник Карла Великого. Гильберт, его сын, современник Людовика Благочестивого. Генрих, сын Гильберта, современник Карла Лысого.

– Но... – начал герцог де Гиз.

– Чутьчку терпения, монсеньер, мы уже подходим, Слушайте внимательно. – Бон...

– Да, – сказал герцог, – дочь Рисена, второго сына Ранье.

– Верно, – подхватил адвокат, – за кем замужем?

– Бон?

– Да.

– За Карлом Лотарингским, сыном Людовика Четвертого, короля Франции.

– За Карлом Лотарингским, сыном Людовика Четвертого, короля Франции, – повторил Давид. – Прибавьте еще: братом Лотаря, у которого после смерти Людовика Пятого Гуго Капет похитил французскую корону.

– О! О! – воскликнули одновременно герцог Майеннский и кардинал.

– Продолжайте, – сказал Меченый, – тут появляется какой-то просвет.

– Ибо Карл Лотарингский должен был наследовать своему брату Лотарю, если род Лотаря прекратится; род Лотаря прекратился; стало быть, господа, вы единственные законные наследники французской короны.

– Смерть Христова! – сказал Шико. – Это гадина еще ядовитее, чем я думал.

– Что вы на это скажете, братец? – в один голос спросили Генриха Гиза кардинал и герцог Майеннский.

– Я скажу, – ответил Меченый, – что, на нашу беду, во Франции существует закон, который называется салическим, и он сводит к нулю все наши претензии.

– Этого возражения я ожидал, монсеньер, – воскликнул Давид с гордым видом человека, честолюбие которого удовлетворено, – но помните, когда был первый случай

применения салического закона?

– При восшествии на престол Филиппа Валуа в ущерб Эдуарду Английскому.

– А какова дата этого восшествия? Меченый поискал в своей памяти.

– Тысяча триста двадцать восьмой год, – без запинки подсказал кардинал Лотарингский.

– То есть триста сорок один год после узурпации короны Гуго Капетом; двести сорок лет после прекращения рода Лотаря. Значит, к тому году, когда был принят салический закон, ваши предки уже двести сорок лет имели права на французскую корону. А каждому известно, что закон обратной силы не имеет.

– Да вы ловкач, мэтр Николя Давид, – сказал Меченый, рассматривая адвоката с восхищением, к которому примешивалась, однако, доля презрения.

– Это весьма остроумно, – заметил кардинал.

– Это просто здорово, – высказался герцог Майеннский.

– Это восхитительно! – воскликнула герцогиня. – И вот я уже принцесса королевской крови. Теперь подавайте мне в мужья самого германского императора.

– Господи боже мой, – взмолился Шико, – ты знаешь, что у меня к тебе была только одна молитва:

«Ne nos inducas in teutationera, et libera nos ab advo-catis»²⁰.

Среди общей шумной радости один только герцог де Гиз оставался задумчивым.

– Неужели человек моей породы не может обойтись без подобных уловок? – пробормотал он. – Подумать только, что люди, прежде чем повиноваться, должны изучать пергаменты, вроде вот этого, а не судить о благородстве человека по блеску его глаз или его шпаги.

– Вы правы, Генрих, вы десять раз правы. И если бы судили только по лицу, то вы были бы королем среди королей, ибо говорят, что все другие принцы по сравнению с вами просто мужичье. Но для того, чтобы подняться на трон, существенно важное значение имеет, как уже сказал мэтр Николя Давид, хороший процесс, а чтобы выиграть его, надо, как сказали вы, чтобы герб нашего дома не уступал гербам, висящим над другими европейскими тронами.

– Ну тогда эта генеалогия хороша, – улыбнулся Генрих де Гиз, – и вот вам, мэтр Николя Давид, двести золотых экю, их просил у меня для вас мой брат Майенн.

– А вот и еще двести, – сказал кардинал адвокату, пока тот с глазами, блестящими от радости, опускал монеты в свой большой кошелек. – Это за выполнение нового поручения, которое мы хотим вам доверить.

– Говорите, монсеньер, я весь к услугам вашего преосвященства.

– Эта генеалогия должна получить благословение нашего святого отца Григория Тринадцатого, но мы не можем поручить вам самому отвезти ее в Рим. Вы слишком маленький человек, и двери Ватикана перед вами не откроются.

– Увы! – сказал Николя Давид. – Я человек высокого мужества, это правда, но низкого рождения. Ах, если бы я был хотя бы простым дворянином!

– Заткнись, проходимец! – прошептал Шико.

– Но, к несчастью, – продолжал кардинал, – вы не дворянин. Поэтому нам придется возложить эту миссию на Пьера де Гонди.

– Позвольте, братец, – сказала герцогиня, сразу посерьезнев. – Гонди умные люди, это надо признать, но они от нас не зависят и нам никоим образом не подчиняются. Мы можем играть разве что на их честолюбии, но честолюбивые притязания этой семейки король может удовлетворить не хуже, чем дом Гизов.

– Сестра права, Людовик, – заявил герцог Майеннский со свойственной ему грубостью, – мы не смеем доверять Пьеру Гонди так же, как мы доверяем Николя Давиду. Николя Давид наш человек, и мы можем повесить его, когда нам вздумается.

²⁰ Не вводи нас во искушение и избави нас от адвокатов (лат.).

Эти простодушные слова герцога, брошенные прямо в лицо адвокату, произвели на бедного законника неожиданное впечатление: он разразился судорожным смехом, обличавшим сильнейший испуг.

– Мой брат Карл шутит, – сказал Генрих де Гиз побледневшему адвокату, – известно, что вы наш верный слуга, вы доказали это во многих делах.

«В особенности моем», – подумал Шико, грозя кулаком своему врагу или, вернее, обоим своим врагам.

– Успокойтесь, Карл, успокойтесь, Катрин, я заранее все предусмотрел: Пьер де Гонди отвезет эту генеалогию в Рим, но вместе с другими бумагами и не зная, что именно он везет. Благословит ее папа или не благословит, в любом случае решение святого отца не будет известно Гонди. И, наконец, Гонди, все еще не зная, что он везет, вернется во Францию с этой генеалогией, благословленной папой или не одобренной им. Вы, Николя Давид, выедете почти одновременно с Гонди и останетесь ждать его возвращения в Шалоне, Лионе или Авиньоне, в зависимости от того, какой из этих трех городов мы вам укажем. Таким образом только вы будете знать настоящую цель этой поездки. Как видите, вы по-прежнему остаетесь нашим единственным доверенным лицом.

Давид поклонился.

– И ты знаешь, при каком условии, милый друг, – прошептал Шико, – при условии, что тебя повесят, если ты сделаешь хоть шаг в сторону; но будь спокоен: клянусь святой Женевьевой, представленной здесь в гипсе, в мраморе или в дереве, а возможно, и в кости, ты сейчас стоишь между двумя виселицами, и ближе к тебе болтается как раз та петля, что я тебе уготовил.

Три брата обменялись рукопожатием и обняли свою сестру, герцогиню, которая принесла рясы, оставленные ими в ризнице. Затем герцогиня помогла братьям натянуть на себя защитные монашеские одежды, а потом, опутив капюшон на глаза, повела их к арке дверей, где поджидал привратник. Вся компания Исчезла в дверях. Позади всех шел Николя Давид, в карманах которого при каждом шаге позвякивали золотые экю.

Проводив гостей, привратник закрыл двери на засов, вернулся в церковь и потушил лампаду на хорах.

Тотчас же густая тьма затопила часовню и снова принесла с собой тот таинственный страх, который уже не раз поднимал дыбом волосы Шико.

Во тьме зашаркали по плитам пола сандалии монаха, шарканье постепенно удалялось, слабело и, наконец, совсем затихло.

Прошло пять минут, показавшиеся Шико часами, и ничто более не нарушило ни темноту, ни тишину.

– Добро, – сказал гасконец, – по-видимому, на сей раз и в самом деле все кончено, все три акта сыграны, и актеры уходят. Попробуем и мы за ними последовать; такой комедии, как эта, для одной-единственной ночи с меня хватит.

И Шико, повидавший раскрывающиеся гробницы и исповедальни, в которых прячутся люди, отказался от мысли подождать в часовне наступления дня; он легонько приподнял щеколду, осторожно толкнул дверцу и вытянул ногу из своего ящика.

Следя за передвижениями мнимого певчего, Шико заметил в углу лестницу, предназначенную для чистки витражей. Он не стал терять времени даром. Вытянув руки вперед, осторожно переставляя ноги, бесшумно добрался до угла, нащупал рукой лестницу и, определив, по возможности, свое местонахождение, приставил ее к одному из окоп.

В лунном свете Шико увидел, что не обманулся в своих расчетах: окно выходило на кладбище монастыря, а за кладбищем лежала улица Бурдель.

Шико открыл окно, уселся верхом на подоконник и с силой и ловкостью, которые радость или страх всегда придают человеку, втянул лестницу в окно и поставил основанием на землю.

Спустившись, он спрятал лестницу среди тисов, росших вдоль стены. Затем, скользя от могилы к могиле, добрался до ограды, отделявшей кладбище от улицы, и перелез через нее,

сбив с гребня несколько камней, которые одновременно с ним оказались на улице.

Очутившись на свободе, Шико остановился и вздохнул полной грудью.

Он выбрался, отделавшись всего несколькими ссадинами, из осинового гнезда, где жизнь его не раз висела на волоске.

Ощувив, что легкие наполнились свежим воздухом, он направился на улицу Сен-Жак, не останавливаясь, дошел до гостиницы «Рог изобилия» и уверенно постучал в двери, словно час и не был таким поздним или, вернее сказать, таким ранним.

Мэтр Клод Бономе собственноручно открыл ему дверь. Хозяин гостиницы знал, что всякое беспокойство оплачивается, и рассчитывал нажать себе состояние скорее на дополнительных подношениях, чем на обычных доходах.

Он распознал Шико с первого взгляда, хотя Шико ушел в костюме для верховой езды, а вернулся в монашеской рясе.

– Ах, это вы, сударь, – сказал он. – Добро пожаловать.

Шико дал ему экую и спросил:

– А как брат Горанфло?

Лицо хозяина гостиницы просияло широкой улыбкой. Он подошел к кабинету и толкнул дверь.

– Смотрите.

Брат Горанфло громко храпел, лежа там, где его оставил Шико.

– Клянусь святым чревом, мой почтенный друг, – сказал гасконец, – ты только что, сам того не зная, видел кошмарный сон.

Глава 22.

О ТОМ, КАК СУПРУГИ СЕН-ЛЮК ПУТЕШЕСТВОВАЛИ ВМЕСТЕ И КАК ПО ДОРОГЕ К НИМ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СПУТНИК

На следующее утро, приблизительно в тот час, когда брат Горанфло проснулся, заботливо укутанный в свою рясу, наш читатель, путешествуя он по дороге из Парижа в Анжер, мог бы повстречать где-то между Шартром и Ножаном двух всадников, по виду дворянина и его пажа; их смиренные лошади шли рядом, голова в голову, ласково касаясь друг друга мордами и переговариваясь ржанием и пофыркиванием, как добропорядочные животные, которые, будучи лишены дара слова, все же открыли способ обмениваться мыслями.

Накануне, примерно в тот же ранний утренний час, эти всадники прискакали в Шартр на взмыленных копытах; конские бока дымились, с губ свисали клочья пены. Один конь упал на соборной площади как раз в то время, когда верующие шли к мессе; вид породистого скакуна, загнанного и, как самая последняя кляча, брошенного владельцами на произвол судьбы, представил для шартрских обывателей зрелище, не лишенное интереса.

Некоторые из горожан заметили, – а жители города Шартра издавна отличались наблюдательностью, – итак, говорим мы, некоторые из горожан заметили, как тот всадник, что был повыше ростом, сунул экую в руку какому-то честному малому и малый проводил приезжих до ближайшего постоялого двора. А по прошествии получаса оба путешественника, уже на свежих лошадях, выехали из задних ворот постоялого двора, выйдя в открытое поле, и щеки их пылали ярким румянцем, свидетельствующим о пользительности бокала теплою вином, выпитого на дороге.

Выехав на простор полей, все еще пустых, все еще холодных, но уже отливающих голубизной – первым признаком приближения весны, высокий всадник вплотную подъехал к своему спутнику и, раскрыв объятия, сказал:

– Моя маленькая женушка, поцелуй меня хорошенько. С этого часа нам уже нечего бояться.

Тогда госпожа де Сен-Люк, ибо это была она, распахнув теплый плащ, в который была закутана, грациозно склонилась с седла, положила обе руки на плечи молодому супругу

и, не сводя с него глаз, выполнила просьбу, одарив его нежным и долгим поцелуем.

Может быть, заверения Сен-Люка успокоили молодую женщину, а может быть, виновником был поцелуй, которым госпожа де Сен-Люк вознаградила своего супруга, но, так или иначе, наши знакомцы в тот же день остановились на небольшом постоялом дворе в деревне Курвиль, расположенной на удалении всего лишь четырех лье от Шартра; уединенность этого строения, двойные двери в комнатах для постояльцев и множество других преимуществ были для двух влюбленных надежной порукой их безопасности.

Супруги укрылись в отведенной им маленькой комнатке и, после того как туда был подан завтрак, заперлись на ключ. Там они в полной тайне провели весь день и всю ночь, сказав хозяину, что за время долгого пути совсем выбились из сил и просят не беспокоить их до следующего утра. Нужно ли говорить, что эта просьба была свято уважена.

Именно в это утро мы и встретили господина и госпожу Сен-Люк на дороге из Шартра в Ножан.

Супруги чувствовали себя гораздо увереннее, чем па-кануне, и походили не на беглецов и даже не на влюбленных, а скорее па двух школьников. Они резвились от всей души и то и дело сворачивали с дороги – полюбоваться скалой, напоминающей конную статую, наломан, молодых веток с набухающими почками, поискать ранних мхов, нарвать подснежников, этих дозорных весны, пробившихся сквозь уже подтаявший снег. А заметив отблески солнца на переливчатом оперении дикой утки или увидев зайца, стремглав несущегося по полю, они приходили в бурный восторг.

– Смерть Христова! – неожиданно воскликнул Сен-Люк. – Как прекрасно быть свободным. Ты была когда-нибудь свободной, Жанна?

– Я-то? – весело отозвалась молодая женщина. – Да никогда в жизни. Это впервые я могу досыта наслаждаться свежим воздухом и простором. Мой отец был человеком недоверчивым, мать – домоседкой. Меня выпускали из дому только в сопровождении гувернантки, двух горничных и огромного лакея. Не помню, чтобы мне хоть раз позволили побегать по лужайке с тех пор, как взбалмошным а веселым ребенком я резвилась в больших Меридорских лесах вместе с моей доброй подружкой Дианой. Бывало, вызову ее бежать наперегонки, и мы несемся сломя голову по лесным просекам, пока не потеряем друг друга из виду. Тогда мы останавливаемся и трепещем от страха, заслышав, как хрустит валежник под ногой оленя, лани или напуганной нами косули, которая бросилась удирать со всех йог, предоставив нам с дрожью прислушиваться к молчанию лесной чащи. Но ты, мой любимый Сен-Люк, ты был свободен?

– Я, свободен?

– Конечно, мужчина...

– Да что ты! Ни разу в жизни! Я вырос в свите короля, когда он был еще герцогом Анжуйским, он увез меня в Польшу, вместе с ним я вернулся в Париж, нерушимыми правилами этикета прикованный к его особе, преследуемый слезливым голосом, который, стоило мне на минуту уединиться, тут же кричал: «Сен-Люк, друг мой, мне скучно! Приди разделить мою скуку!» Свободен! Как же! А корсет, который сдавливал мне желудок? А огромные накрахмаленные брыжи, которые в кровь обдирают шею? А эти локоны, завитые на клею? В дождь они размокают и слипаются, а всякую пыль притягивают к себе, как магнит. А шляпа, наконец, шляпа, приколотая к голове булавками, словно гвоздями прибитая? О нет, нет, моя ненаглядная Жанна, мне кажется, я был еще менее свободен, чем ты. Ты же видишь, как я радуюсь свободе. Да здравствует творец! Какая отличная штука свобода! И зачем это люди сами себя порабащают, когда они могут без этого обойтись?

– Ну а если нас схватят, Сен-Люк, – испуганно оглянувшись, сказала молодая женщина, – если нас посадят в Бастилию?

– Если нас посадят вместе, моя маленькая Жанна, будет еще полбеды. Сдается мне, что вчера мы с тобой вовсе не скучали, хотя весь день просидели взаперти, совсем как государственные преступники.

– Ну, па это не надейся, Сен-Люк, – сказала Жанна с лукавой и веселой улыбкой, –

если нас схватят, не думаю, чтобы нас посадили вместе, И, попытавшись высказать так много в столь немногих словах, очаровательная молодая женщина покраснела.

– Тогда спрячемся хорошенько, – сказал Сен-Люк.

– О! Не беспокойся! – ответила Жанна. – Нам нечего бояться. Мы будем надежно укрыты; знал бы ты Меридор с его вековыми дубами, похожими на церковные колонны, подпирающие небесный свод, с его бесконечными чащобами, с его медлительными речками, струящими свои воды летом в тени зеленых аркад, а зимой – под покровом опавших листьев; а потом, большие пруды, хлебные нивы, цветники, бесконечные лужайки и маленькие башенки, вокруг которых, как пчелы вокруг ульев, с веселым шумом кружатся тысячи голубей, а потом, а потом – это еще не все, Сен-Люк, – в этом маленьком королевстве есть своя королева, у этих садов Армиды есть своя волшебница, красавица, воплощенная доброта, ни с кем не сравнимая Диана, алмазное сердце в золотой оправе. Ты ее полюбишь, Сен-Люк.

– Уже люблю, раз она тебя любила.

– О! Ручаюсь, что она меня все еще любит и никогда не перестанет любить. Не в ее характере по капризу менять свои привязанности. Только вообрази себе, как счастливо мы заживем в нашем гнездышке из цветов и мхов, которые весной зазеленеют. Диана полновластная хозяйка в доме старого барона, своего отца. Он не будет нам помехой. Это воин времен Франциска Первого, сейчас он столь же немощен и безобиден, сколь в давние времена был смел и силен. В прошлом у него одно воспоминание – его король, победитель при Мариньяно и пленник при Павии; в настоящем – только одна любовь и одна надежда – его горячо любимая Диана. Мы можем жить в Меридоре, а он об этом и знать не будет и даже ничего не заметит. А если и узнает – не беда! Мы заплатим ему за гостеприимство тем, что будем его терпеливыми слушателями и дадим ему возможность сколько угодно превозносить Диану как самую прекрасную красавицу во всем мире и восхвалять Франциска Первого как величайшего полководца всех времен и народов.

– Все будет очень мило. По я предвижу бурные ссоры.

– Какие?

– Между бароном и мной.

– Из-за кого? Неужели из-за короля Франциска Первого?

– Нет. Пусть он остается наипервейшим полководцем на земле. Из-за того, кто самая прекрасная красавица во всем мире.

– Ну, я не в счет, ведь я твоя жена.

– Ах да, это верно.

– Ты представляешь, любимый, как мы заживем. С утра убегаем в лес через маленькую дверь охотничьего домика, который Диана отведет нам под жилье. Я знаю этот домик: две башенки, связанные строением восхитительной архитектуры, возведенным при Людовике Двенадцатом. Ты обязательно будешь им любоваться, ведь ты так любишь цветы и кружева. А окна, окна! С одной стороны – вид на спокойные, сумрачные, бескрайние леса, на просеках можно заметить лань или косулю, которая щиплет траву, поднимая голову при малейшем шорохе; а с другой стороны – открытые дали, золотистые поля, красные черепичные крыши и белые стены деревень, Луара серебрится на солнце, сплошь усеянная маленькими лодочками. Потом мы поедем па озеро, до него всего три лье, там в тростниках нас будет ждать лодка. А лошади! А собаки! Мы поднимем лань в дремучих лесах, и старый барон, не подозревающий, что в его замке кто-то гостит, скажет, заслышав далекий лай:

«Диана, послушай, похоже, Летрея и Флегетоп гонят дичь?»

«Ну если и гонят, батюшка, – ответит Диана, – то пускай себе гонят».

– Поспешим, Жанна! – воскликнул Сен-Люк. – Я хотел бы уже быть в Меридоре.

Они пришпорили лошадей. Лошади бежали крупной рысью и через каждые два-три лье внезапно останавливались, очевидно желая дать своим всадникам возможность возобновить прерванную беседу или подправить не вполне удавшийся поцелуй.

Так супруги проехали от Шартра до Мана; в Мане, чувствуя себя почти в полной безопасности, они остановились на сутки; затем, на следующее утро, после еще одной

чудесной остановки на чудесном пути, по которому они следовали, они дали себе твердое слово вечером того же дня прибыть в Меридор, проехав по дороге, которая шла через пески и еловые леса, в те времена простиравшиеся от Геселара до Экомуа.

Выехав на эту дорогу, Сен-Люк уже не думал об опасности: он досконально изучил характер короля, у которого приливы кипучей деятельности сменялись ленивым безразличием; в зависимости от того, в каком расположении духа король находился в день отъезда Сен-Люка, он должен был либо отрядить вдогонку за беглецами сотню гонцов и две сотни гвардейцев с приказом схватить их живыми или мертвыми, либо лениво потянуться, не вылезая из постели, и с глубоким вздохом пробормотать:

– О предатель Сен-Люк! И почему я тебя раньше не раскусил!

Но раз беглецов не догнал ни один гонец и ни один гвардеец не появился на горизонте, то король, видимо, пребывал не в деятельном, а в ленивом настроении.

Так успокаивал себя Сен-Люк, время от времени все же оборачиваясь и оглядывая пустынную дорогу, на которой нельзя было заметить никаких признаков погони.

«Хорошо, – думал молодой супруг, – значит, буря падет на голову бедняги Шико, ведь это Шико, какой он ни на есть дурак, а может быть, именно потому, что он дурак, дал мне добрый совет. Ну, ничего, я расплачусь с ним анаграммой и постараюсь, чтобы она была поостроумнее».

И Сен-Люк вспомнил убийственную анаграмму, которую сотворил Шико из его имени еще в те дни, когда он был в фаворе у короля.

Вдруг он почувствовал, как на его руку легла рука жены. Сен-Люк вздрогнул. Это прикосновение не походило на ласку.

– Оглянись, – сказала Жанна.

Сен-Люк обернулся и заметил на горизонте всадника, который скакал по той же дороге, что и они, и, по-видимому, погонял коня.

Всадник находился на гребне холма и, четко выделяясь силуэтом на фоне блеклого неба, казался больше, чем он был в действительности. Читателям, несомненно, знаком такой оптический обман, создаваемый перспективой.

Появление всадника показалось Сен-Люку дурным предзнаменованием, потому ли, что судьба удачно выбрала самый подходящий момент для сокрушения чувства безопасности, испытываемого молодым супругом, а может быть, потому, что, несмотря на постоянно выдаваемое внешнее спокойствие, в глубине души он все еще опасался непредвиденного королевского каприза.

– Да, верно, – сказал Сен-Люк, невольно бледнея, – там всадник.

– Бежим! – предложила Жанна, пришпоривая своего скакуна.

– Нет, – возразил Сен-Люк, который, несмотря на испуг, не потерял присутствия духа, – нет, насколько я могу судить, он один, и нам не пристало бежать от одного человека. Давай остановимся и дадим ему проехать, а потом продолжим наш путь.

– Но если он тоже остановится?

– Ну и пусть, тогда мы увидим, с кем имеем дело, и будем действовать сообразно этому.

– Ты прав, и чего это я испугалась, ведь мой Сен-Люк здесь, со мной, и сумеет меня защитить.

– Нет, видимо, придется бежать, – сказал Сен-Люк, бросив последний взгляд на неизвестного, который, заметив их, пустил коня в галоп, – перо у него на шляпе и брыжи под шляпой внушают мне подозрения.

– О, боже мой, но каким образом перо и брыжи могут внушать тебе подозрения? – спросила Жанна, следуя за своим мужем, который схватил ее лошадь под уздцы и повлек за собой в лес.

– Потому что перо – цвета самого модного сейчас при дворе, а брыжи – новехонького покроя; окраска такого пера не по карману манским дворянам, а накрахмаливание брыжей потребовало бы от них непосильных забот. Это значит, что нас

догоняет отнюдь не соотечественник аппетитных кур, любимого блюда Шико. Скорей, скорей, Жанна, сдается мне, этот всадник – посланец моего господина.

– Поспешим! – воскликнула молодая женщина, дрожа как лист при одной мысли, что ее могут разлучить с мужем.

Но это было легче сказать, чем сделать. Огромные ели стояли тесно сомкнувшись, образовывая сплошную стену из ветвей.

К тому же лошади по грудь увязали в зыбучем песке. А всадник тем временем приближался с молниеносной быстротой; слышно было, как копыта его коня стучат по склону холма.

– Да он и в самом деле за нами гонится, господи Иисусе! – воскликнула Жанна.

– Черт возьми, – сказал Сен-Люк, осаживая лошадь. – Если это за нами он скачет, давай посмотрим, что ему от нас понадобилось, так или иначе, стоит ему спешиться, и он нас тут же нагонит.

– Он останавливается, – сказала молодая женщина.

– И даже слезает с коня, – поддержал ее Сен-Люк. – Входит в лес. Ах, ей-богу, будь он хоть сам дьявол во плоти, я прегражу ему путь.

– Подожди, – сказала Жанна, схватив мужа за руку, – подожди. Мне кажется, он что-то кричит нам.

Действительно, неизвестный, привязав своего коня к одной из елок, росших на опушке, двинулся в лес, крича во весь голос:

– Эй вы, сударь, сударь! Не убегайте, тысячу чертей, я привез одну вещицу, которую вы потеряли.

– Что он там говорит? – спросила Жанна.

– Черт возьми! Он кричит, будто мы что-то потеряли.

– Эй, сударь! – продолжал неизвестный. – Вы, вы, маленький господин, вы потеряли ваш браслет на постоялом дворе в Курвиле. Какого черта! Портрет женщины так не бросают, в особенности портрет нашей высокочтимой госпожи де Косее. Во имя вашей любимой матушки, не заставляйте меня гоняться за вами.

– Но мне знаком это голос! – воскликнул Сен-Люк.

– И потом, он ссылается на мою матушку.

– Так вы потеряли браслет с ее портретом, моя крошка?

– Ах, боже мой, да, конечно. Я заметила пропажу только сегодня утром и не могла вспомнить, где я его оставила.

– Но ведь это Бюсси! – вдруг закричал Сен-Люк.

– Граф де Бюсси! – взволнованно подхватила Жанна. – Наш друг Бюсси?

– Наш верный друг! – обрадовался ее муж, устремляясь навстречу вновь прибывшему с той же резвостью, с которой он только что пытался убежать от него.

– Сен-Люк! Значит, я не ошибся, – раздался звучный голос Бюсси, и наш герой одним прыжком оказался перед супругами.

– Добрый день, сударыня, – продолжал он, с громким смехом протягивая графине браслет, который она действительно позабыла на постоялом дворе в Курвиле, где, как мы помним, путешественники провели ночь.

– Неужели вы приехали арестовать нас по приказу короля, господин де Бюсси? – улыбаясь, спросила Жанна.

– Я? Даю слово, нет. Я недостаточно близок к его величеству, чтобы он доверял мне подобные поручения. Нет. Я просто нашел в Курвиле ваш браслет и понял, что вы едете впереди меня. Тогда я пришпорил коня и вскоре заметил вас, но усомнился – точно ли это вы, и невольно погнался за вами. Примите мои извинения.

– Стало быть, – сказал Сен-Люк, у которого еще по рассеялось последнее облачко сомнения, – только случай привел вас на нашу дорогу?

– Случай, – ответил Бюсси, – впрочем, теперь, когда я вас встретил, я скажу: providence.

И под прямым взглядом и перед открытой улыбкой Бюсси в голове Сен-Люка рассеялись последние тени подозрения.

– Значит, вы путешествуете? – спросила Жанна.

– Я путешествую, – ответил Бюсси, садясь на копя.

– Но не так, как мы?

– К сожалению, нет.

– То есть, я хотела сказать, не потому, что вы впали в немилость?

– Ей-богу, до этого немного не хватает.

– И куда вы держите путь?

– В сторону Анжера, а вы?

– И мы тоже туда.

– Ах, понимаю. Ваш замок Бриссак находится между Анжером и Сомюром, отсюда до него каких-нибудь десять лье; вы хотите укрыться в родительском гнездышке, как преследуемые голубки; это прелестно, и я позавидовал бы вашему счастью, не будь зависть столь отвратительным пороком.

– Э, господин де Бюсси, – сказала Жанна, устремив на нашего героя взгляд, исполненный признательности, – женитесь, и вы будете так же счастливы, как и мы; клянусь вам, для тех, кто любит, счастье – дело нехитрое.

И она с улыбкой взглянула на Сен-Люка, словно призывая его в свидетели.

– Сударыня, – сказал Бюсси, – я не доверяю такому счастью, и вы мне не пример, не каждой выпадает возможность сочетаться браком с любимцем короля.

– Что вы говорите, вы – всеобщий любимец?

– Когда человека любят все, сударыня, – вздохнул Бюсси, – это значит, что по-настоящему его никто не любит.

– Коли так, – предложила Жанна, обменявшись с мужем многозначительным взглядом, – позвольте мне вас женить. Прежде всего, ваш брак успокоит многих известных мне ревнивых мужей. Ну, а еще, обещаю найти вам то самое счастье, возможность коего вы отрицаете.

– Я не отрицаю возможность счастья, сударыня, – снова вздохнул Бюсси, – я отрицаю только, что счастье возможно для меня.

– Хотите, я вас женю? – настаивала госпожа де Сен-Люк.

– Если вы собираетесь подобрать мне невесту по своему вкусу, то нет, ну, а если по моему, то я не стану возражать.

– Вы говорите, как человек, твердо решивший остаться холостяком.

– Быть может.

– Значит, вы влюблены в женщину, на которой не можете жениться?

– Граф, бога ради, – сказал Бюсси, – попросите госпожу де Сен-Люк не вонзать мне в сердце тысячу кинжалов.

– Ах, вот как! Берегитесь, Бюсси, вы заставляете меня подозревать, что предмет вашей страсти – моя жена.

– Ну если бы это было так, то, во всяком случае, согласитесь, что я веду себя с исключительной деликатностью, и муж не имеет никакого права меня ревновать.

– Ваша правда, – сказал Сен-Люк, вспомнив, что это Бюсси привел жену к нему в Лувр. – Но все равно, признайтесь, что ваше сердце занято.

– Признаюсь, – сказал Бюсси.

– Ну, а что в нем – любовь или прихоть? – спросила Жанна.

– Страсть, сударыня.

– Я вас исцелю.

– Не верю.

– Я вас женю.

– Сомневаюсь.

– И я добуду для вас то счастье, которое вы заслуживаете.

– Увы, сударыня, отныне я счастлив только несчастьем.

– Я очень упряма, предупреждаю вас, – сказала Жанна.

– И я тоже, – ответил Бюсси.

– Граф, вы уступите.

– Ради бога, сударыня, – сказал молодой человек, – будем путешествовать, как добрые друзья. Сначала выберемся из этой песочницы, а потом, если вы не возражаете, переночуем в очаровательной маленькой деревушке, которая блестит на солнце там, внизу.

– Там или в каком-нибудь другом месте.

– Мне все равно, предоставляю вам выбор.

– Значит, вы нас сопровождаете?

– До того места, куда я еду, если я вас не стесняю.

– Напротив, мы очень рады. Но сделайте еще лучше: поезжайте с нами туда, куда мы едем.

– А куда вы едете?

– В Меридорский замок.

Кровь бросилась в лицо Бюсси и разом отхлынула к сердцу. Он так побледнел, что его тайна тут же обнаружилась бы, не будь Жанна в это мгновение занята – она улыбалась мужу.

Пока супруги или, скорее, влюбленные переглядывались, Бюсси сумел взять себя в руки и ответить хитростью на хитрость молодой женщины, только хитростью на свой лад: он решил не раскрывать своих намерений. Вы сказали, сударыня, в Меридорский замок, – произнес он, как только почувствовал себя в силах выговорить это название, – а что это такое? Объясните, пожалуйста.

– Владение одной из моих ближайших подруг, – ответила Жанна.

– Одной из ваших ближайших подруг..., и... – продолжал Бюсси, – она там и живет, ваша подруга?

– Несомненно, – ответила госпожа де Сен-Люк, которая не имела ни малейшего представления о том, какие события произошли в Меридоре за последние два месяца. – Но разве вы ничего не слышали о бароне де Меридор, одном из самых богатых баронов Пуату, и...

– И?... – подхватил Бюсси, видя, что Жанна остановилась.

– И об его дочери, Диане де Меридор, самой красивой из всех баронских дочерей, которые когда-либо существовали на свете.

– Нет, сударыня, – ответил Бюсси, чуть не задохнувшись от волнения.

И наш герой, пока Жанна со значением смотрела на мужа, наш герой, повторяем мы, тихонько спрашивал себя, по какой удивительной удаче на этой дороге, без разумных на то причин, вопреки всякой логике, он встретил людей, с которыми мог говорить о Диане де Меридор, у которых могла найти отголосок единственная мысль, занимавшая его сердце. Что это? Простая случайность? Маловероятно. Ну, а если ловушка? Почти невозможно. Сен-Люка уже не было в Париже в тот вечер, когда он проник к графине де Монсоро и узнал, что раньше она звалась Дианой де Меридор.

– А далеко еще до этого замка, сударыня? – осведомился Бюсси.

– По-моему, около семи лье. Я готова держать пари, что нынче вечером мы ляжем спать в этом замке, а не в той маленькой деревушке, которая заманчиво блестит на солнце, хотя мне ее вид не внушает никакого доверия. Вы, конечно, поедете с нами, не правда ли?

– Да, сударыня.

– Ну вот, – сказала Жанна, – вы уже сделали шаг к тому счастью, которое я вам предлагаю.

Бюсси поклонился и продолжал ехать рядом с молодыми супругами, а те, чувствуя себя обязанными ему, делали вид, что присутствие третьего человека ничуть их не стесняет. Некоторое время все трое молчали. Наконец Бюсси, которому многое еще хотелось узнать, осмелился продолжить свои расспросы. Преимущество его положения заключалось в том, что

он мог спрашивать, и он, казалось, решил воспользоваться им до конца.

– А этот барон де Меридор, о котором вы мне говорили, – спросил он, – самый богатый человек в Пуату, что он из себя представляет?

– Образец дворянина, древний герой, рыцарь, который, живи он во времена короля Артура, несомненно получил бы место за Круглым столом.

– Ну и как, – спросил Бюсси, напрягая мускулы лица и сдерживая волнение в голосе, – удалось ему выдать замуж свою дочь?

– Выдать замуж свою дочь!

– Я только спрашиваю.

– Диана, замужем!

– Ну и что тут такого необыкновенного?

– Ничего, но Диана не замужем; нет сомнения, если бы она предполагала выйти замуж, я бы узнала об этом первая.

Сердце Бюсси сжалось, и горький вздох прорвался сквозь его сведенные судорогой губы.

– Стало быть, – спросил он, – Диана де Меридор живет в замке со своим отцом?

– Мы на это очень надеемся, – ответил Сен-Люк, подчеркнув голосом слово «очень», дабы показать жене, что он ее понял, разделяет ее мысли и присоединяется к ее планам.

Наступило непродолжительное молчание, в течение которого каждый думал о своем.

– Ах! – внезапно воскликнула Жанна, привстав па стременах. – Вот и башни замка. Глядите, глядите, господин де Бюсси, видите, там, среди нагих лесов, которые через какой-нибудь месяц станут такими красивыми, видите там черепичную крышу?

– О да, конечно, – сказал Бюсси, охваченный волнением, удивлявшим его самого, настолько оно было непривычным для этого отважного сердца, которое до сих пор оставалось незатронутым. – Да, я вижу. Так это и есть Меридорский замок?

По естественному ходу мысли при виде жилища знатного сеньора и вековых лесов, сияющих гордой красотой среди природы, еще не страхнувшей с себя зимнее оцепенение, он вспомнил бедную узницу, погребенную в туманах Парижа, в душном домишке на улице Сент-Антуан. И Бюсси снова вздохнул, но это уже не был вздох безысходного отчаяния. Посулив ему счастье, госпожа де Сен-Люк подарила ему надежду.

Глава 23. ОСИРОТЕВШИЙ СТАРЕЦ

Госпожа де Сен-Люк не ошиблась: спустя два часа путники подъехали к Меридорскому замку.

Эти два часа они молчали. Бюсси спрашивал себя, не следует ли ему рассказать вновь обретенным друзьям о событиях, заставивших Диану де Меридор покинуть родное гнездо. Но стоит сделать лишь один шаг на пути к откровенному признанию, и ему придется поведать не только то, что вскоре будет известно всем, но и то, что знал лишь он один и не собирался никому открывать. Поэтому он не решился на признание, которое неминуемо повлекло бы за собой немало разных предположений и вопросов.

К тому же Бюсси хотел войти в Меридорский замок как человек совершенно неизвестный. Он хотел без всякой подготовки встретиться с бароном де Меридор и услышать, что тот скажет о графе де Монсоро и герцоге Анжуйском. Нет, он не сомневался в искренности Дианы и ни на секунду не мог заподозрить во лжи этого чистого ангела, но, может быть, Диана сама в чем-то обманывалась, и Бюсси хотел наконец убедиться, что в рассказе, выслушанном им с таким неослабным вниманием, все события были изображены правильно.

Как заметил читатель, в душе Бюсси жили два чувства, которые дают преимущество мужчине, даже если он охвачен любовным безумием. Этими двумя чувствами были – осторожность по отношению ко всем незнакомым людям и глубокое уважение к предмету

любви.

Поэтому госпожа де Сен-Люк, несмотря на свою женскую проницательность, обманулась напускным безразличием Бюсси и пребывала в убеждении, что молодой человек впервые услышал имя Дианы де Меридор и оно не пробудило в нем ни воспоминаний, ни надежд. Он ожидает встретить в Меридоре заурядную провинциалочку, весьма неловкую и чрезвычайно смущенную встречей со столичными кавалерами.

Жанна заранее предвкушала, как она насладится его изумлением.

Однако она с удивлением заметила, что при звуках рога, которыми дозорный со стены предупредил об их появлении, Диана не выбежала на подъемный мост. Обычно, слышав этот сигнал, она спешила навстречу гостям.

Но вместо Дианы из главных ворот замка вышел согбенный годами старец, опирающийся на палку.

На нем был падед балахон из зеленого бархата, отороченного лисьим мехом, у пояса сверкал серебряный свисток и позвякивала связка ключей.

Вечерний ветер развеивал над его головой длинные волосы, белые, как последние снега. Он прошел по подъемному мосту, сопровождаемый двумя огромными псами немецкой породы, которые, опустив головы, неторопливо шли сзади, ни на шаг не опережая друг друга, но и не отставая ни на шаг.

– Кто там? – слабым голосом спросил барон, дойдя до замкового вала. – Кто оказал честь бедному старику своим посещением?

– Это я, это я, сеньор Огюстен! – весело закричала молодая женщина.

Ибо Жанна де Коссе привыкла звать старого барона по имени, чтобы отличить от его младшего брата Гийома, умершего всего три года назад.

Жанна ожидала услышать в ответ такое же радостное восклицание, но старец медленно поднял голову и уставился на нечаянных гостей безжизненными очами.

– Вы? – сказал он. – Я вас не вижу. Кто вы?

– О, боже мой! – воскликнула Жанна. – Неужто вы меня не узнаете? Ах, правда, ведь я переодета.

– Не обессудьте, – сказал барон, – но я почти совсем не вижу. Стариковские глаза не терпят слез, и когда старики плачут, слезы выжигают им глаза.

– Ах, дорогой барон, – ответила молодая женщина, – значит, ваше зрение действительно ослабело, иначе вы бы меня признали даже в мужском платье. Стало быть, мне придется назвать себя?

– Да, непременно, ведь я сказал, что почти не различаю вас.

– Но я вас все равно обману, дорогой сеньор Огюстен: я госпожа де Сен-Люк.

– Сен-Люк? – переспросил старый барон. – Я вас не знаю, сударыня.

– Но мое девичье имя, – рассмеялась молодая женщина, – но мое девичье имя Жанна де Коссе-Бриссак.

– О господи! – воскликнул старец, пытаясь своими трясущимися руками поднять перекладину, закрывающую проезд. – О господи!

Жанна, будучи не в силах понять, почему ей оказан столь странный прием, совершенно непохожий на тот, которого она ожидала, объясняла себе поведение барона его преклонным возрастом и упадком сил. Теперь, видя, что ее наконец-то признали, она соскочила с коня и вихрем бросилась в объятия владельца Меридорского замка, как это делала еще девочкой. Однако, обнимая почтенного старца, госпожа де Сен-Люк почувствовала, что щеки его мокры: барон плакал.

«Это от радости, – подумала она. – Сердце вечно остается молодым».

– Прошу пожаловать, – пригласил барон, после того как поцеловал Жанну.

И, словно не заметив ее двух спутников, направился к замку размеренным ровным шагом, за ним на прежнем удалении двинулись собаки, которые за это время успели обнюхать и разглядеть посетителей.

У замка был необычно печальный вид. Все ставни закрыты, слуги, там и сям

попадавшие на глаза, – в трауре. Меридорский замок напоминал огромную гробницу.

Сен-Люк бросил на жену недоумевающий взгляд – разве таким она описывала ему приют своего детства?

Жанна поняла мужа, да ей и самой хотелось поскорее покончить с создавшейся неловкостью; молодая женщина догнала барона и взяла его за руку.

– А Диана? – спросила она. – Неужели, на свою беду, я не встречу с ней?

Старый барон остановился как молнией пораженный и почти с ужасом воззрился на Жанну.

– Диана! – повторил он.

И вдруг собаки, услышав это имя, подняли головы по обе стороны от своего хозяина и испустили душераздирающий вой.

Бюсси не смог сдержать холодной дрожи, Жанна взглянула на Сен-Люка, а Сен-Люк остановился, не зная, что делать, – то ли идти дальше, то ли повернуть обратно.

– Диана! – повторил старец, словно только сейчас уразумев вопрос, который ему задали. – Да неужто вы не знаете?..

И его голос, уже слабый и дрожащий, захлебнулся в рыдании, вырвавшемся из глубины сердца.

– Но что такое? Что случилось? – воскликнула Жанна, взволнованно стиснув руки.

– Диана мертва! – закричал барон, в безудержном отчаянии вздымая руки к небу, из глаз его хлынули потоки слез.

И он опустился на первые ступени крыльца, к которому они тем временем подошли.

Обхватив голову руками, старик сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, словно желая отогнать роковое воспоминание, которое неотступно его мучило.

– Мертва! – в страхе вскричала Жанна, побледневшая как привидение.

– Мертва! – сказал Сен-Люк, охваченный состраданием к несчастному отцу.

– Мертва! – пробормотал Бюсси. – Он и его уверил, и его тоже, в ее смерти. Ах, бедный старик, как ты меня полюбишь в один прекрасный день!

– Мертва! Мертва! – твердил барон. – Они ее убили.

– Ах, мой дорогой сеньор! – пробормотала Жанна; потрясенная страшным известием, она прибегла к слезам – спасительному средству, которое не позволяет разбиться слабому женскому сердцу.

Молодая женщина обняла старика за шею, омывая его лицо горькими слезами.

Старый сеньор с трудом поднялся.

– Входите, – сказал он, – каким бы опустошенным и безутешным ни был этот дом, все равно он не утратил своего гостеприимства, покорнейше вас прошу – входите.

Жанна взяла барона под руку и, пройдя через крытую галерею и прежнее помещение для стражи, преобразованное в столовую, вместе с ним вступила в гостиную.

Слуга, скорбное лицо и красные глаза которого свидетельствовали о нежной привязанности к своему господину, шел впереди, открывая двери. Сен-Люк и Бюсси замыкали шествие.

Войдя в гостиную, старый барон, все еще поддерживаемый Жанной, сел или, скорее, упал в большое кресло резного дерева.

Слуга открыл окно, чтобы впустить свежий воздух, и не покинул комнату, а лишь отошел в темный угол.

Жанна не осмеливалась нарушить молчание. Она боялась своими вопросами снова разбередить раны старика; и все же, как все молодые и счастливые люди, она не могла поверить в несчастье, о котором услышала. Есть возраст, когда человек не способен постигнуть бездну смерти, потому что он не верит в смерть.

Тогда барон, словно угадав мысли молодой женщины, заговорил первым:

– Вы мне сказали, что вышли замуж, моя милая Жанна, значит, этот господин ваш супруг? И барон указал на Бюсси.

– Нет, сеньор Огюстен, – отвечала Жанна. – Мой муж господин де Сен-Люк.

Сен-Люк склонился перед злосчастным отцом в самом глубоком поклоне, отдавая дань не столько старости, сколько горю барона. Тот отечески приветствовал молодого человека и даже попытался изобразить улыбку; затем его потухшие глаза обратились к Бюсси.

– А этот господин, – сказал он, – ваш брат, брат вашего мужа или ваш родственник?

– Нет, любезный барон, этот господин не наш родственник, а наш друг: Луи де Клермон, граф де Бюсси д'Амбуаз, приближенный дворянин герцога Анжуйского.

Услышав имя герцога, старый барон резко выпрямился, как будто подброшенный скрытой пружиной, кинул гневный взгляд на Бюсси, и словно истощив все свои силы этим немым вызовом, со стоном упал в кресло.

– Что с вами? – забеспокоилась Жанна.

– Вы знакомы с бароном, сеньор де Бюсси? – поинтересовался Сен-Люк.

– Нет, я впервые имею честь видеть господина барона де Меридор, – спокойно ответил Бюсси; только он один понял, какое действие произвело на старца имя герцога.

– А! Вы приближенный дворянин герцога Анжуйского, – сказал барон, – вы из свиты этого чудовища, этого демона, и вы смеете открыто признаваться в этом, и у вас хватило дерзости явиться ко мне?

– Что он, с ума сошел? – тихо спросил Сен-Люк у своей жены, с удивлением глядя на барона.

– Должно быть, горе помutilо его рассудок, – испуганно ответила Жанна.

Владелец Меридора сопровождал свои слова, заставившие Жанну усомниться, в полном ли он рассудке, взглядом еще более грозным, чем предыдущий; однако Бюсси, по-прежнему храня спокойствие, выдержал этот взгляд с видом самого глубокого почтения и ничего не ответил.

– Да, этого чудовища, – повторил барон де Меридор, по-видимому все более и более впадая в безумие, – убийцы моей дочери.

– Что вы сказали? – спросила Жанна.

– Несчастный сеньор! – прошептал Бюсси.

– Стало быть, вы этого не знаете, раз смотрите па меня так испуганно? – воскликнул барон, взяв за руки Жанну и Сен-Люка. – Но ведь герцог Анжуйский убил мою Диану! Герцог Анжуйский! Мое дитя! Девочку мою! Он ее убил!

И такое отчаяние прозвучало в его старческом голосе, что даже у Бюсси навернулись на глаза слезы.

– Сеньор, – сказала молодая женщина, – если это и так, хотя я не понимаю, как это могло случиться, все равно вы не вправе возлагать вину за постигшее вас ужасное несчастье на господина де Бюсси, самого верного, самого благородного рыцаря во всем дворянском сословии. Взгляните, дорогой батюшка, господин де Бюсси плачет, как мы и вместе с нами; он ничего не знал о вашей беде. Разве бы он пришел сюда, если бы мог подозревать, какой прием вы ему окажете? Ах, милый сеньор Огюстен, заклинаю вас именем вашей любимой Дианы, расскажите нам, как все это произошло.

– Так вы ничего не знаете? – спросил барон, обращаясь к Бюсси.

Бюсси молча поклонился.

– Ах, боже мой, конечно, пет, – сказала Жанна. – Никто об этом ничего не знает.

– Моя Диана мертва, а ее задушевная подруга ничего не знает об этом! Хотя верно, ведь я никому не писал, никому не говорил о ее смерти. Мне казалось, что мир должен прекратить свое существование с той минуты, когда перестала существовать моя Диана. Мне казалось, вся вселенная должна носить траур по Диане.

– Говорите, говорите, вам станет легче, – сказала Жанна.

– Тогда слушайте, – с рыданием произнес барон. – Этот подлый принц, позор французского дворянства, увидел мою Диану и, пленившись ее красотой, приказал похитить ее и отвезти в замок Боже. Там он собирался ее обесчестить, все равно как дочь своего крепостного. Но Диана, моя Диана, святое и благородное создание, предпочла смерть позору. Она выбросилась из окна в озеро, и нашли только ее вуаль, плававшую на воде.

Старик с трудом произнес последние слова сквозь душившие его рыдания. Это зрелище показалось Бюсси одним из самых душераздирающих, которые он видывал на своем веку, он – закаленный воин, привыкший и сам проливать кровь, и видеть, как другие ее проливают.

Жанна, близкая к обмороку, также смотрела на Бюсси со страхом в глазах.

– О, граф! – вскричал Сен-Люк. – Это просто чудовищно, не правда ли? Граф, вам нужно немедленно покинуть этого презренного принца! Граф, такое благородное сердце, как ваше, не может питать дружеские чувства к похитителю и убийце женщин.

Эти слова несколько приободрили старого барона, и он ждал ответа Бюсси, чтобы составить себе о нем окончательное мнение. Сочувствие Сен-Люка принесло утешение старцу. В момент великих душевных потрясений человек становится слаб, как ребенок, а один из самых верных способов утешения ребенка, укушенного любимой собачкой, состоит в том, чтобы на глазах у потерпевшего побить собаку, которая его укусила.

Но Бюсси, не отвечая Сен-Люку, сделал шаг к барону де Меридор.

– Господин барон, – сказал он, – не сообразовали ли вы оказать мне честь и удостоить меня разговора наедине?

– Послушайте господина де Бюсси, любезный сеньор, – сказала Жанна, – и вы увидите, какой он добрый и как он умеет помочь в беде.

– Говорите, сударь, – разрешил барон, он невольно вздрогнул, почувствовав во взоре молодого человека что-то необычное.

Бюсси повернулся к Сен-Люку и его жене и посмотрел на них дружеским, открытым взглядом., – Вы позволите? – спросил он.

Молодые супруги вышли из зала, взявшись под руку, с удвоенной силой сознавая свое счастье перед лицом этого непомерного горя.

Когда дверь за ними закрылась, Бюсси приблизился к барону и отвесил ему глубокий поклон.

– Господин барон, – обратился он к старику, – минуту назад в моем присутствии вы обвиняли принца, которому я служу, и обвиняли его в столь резких выражениях, что я вынужден просить у вас объяснения.

Старик гордо выпрямился.

– О, не сомневайтесь в самом почтительном смысле моих слов, я говорю с вами, испытывая к вам глубочайшее сочувствие и только из горячего желания облегчить ваше горе. Прошу вас, господин барон, расскажите мне во всех подробностях ужасную историю, которую вы только что вкратце изложили Сен-Люку и его жене. Посмотрим, действительно ли все свершилось так, как вы это думаете, и действительно ли все потеряно.

– Сударь, – сказал барон, – у меня был проблеск надежды. Господин де Монсоро, благородный и преданный дворянин, полюбил мою бедную дочь и попросил ее руки.

– Господин де Монсоро! Ну и как он вел себя все время? – спросил Бюсси.

– О, как человек чести и долга. Диана отказала ему, и, несмотря на это, именно он первым известил меня о подлых намерениях герцога. Именно он указал мне способ сорвать их выполнение. Он вызвался спасти мою дочь и просил только одного, – и это еще раз показывает все его благородство и прямоту, – чтобы я отдал ему Диану в жены, если ему удастся вырвать ее из когтей герцога. – Увы! Мою дочь ничто не спасло! – И тогда он, молодой, деятельный и предприимчивый, сможет защитить ее от посягательств могущественного принца, раз уж ее бедному отцу это не по силам. Я с радостью дал мое согласие, но – горе мне! – все было напрасно. Граф прибыл слишком поздно, когда моя бедная Диана уже спаслась от бесчестия ценой своей жизни.

– А после этого рокового дня господин де Монсоро не подавал о себе известий? – спросил Бюсси.

– С того дня прошел всего один месяц, – ответил барон, – и бедный граф, очевидно, не смеет показаться мне на глаза, ведь ему не удалось выполнить свой великодушный замысел.

Бюсси опустил голову, ему было все ясно. Теперь он понял, каким путем графу де Монсоро удалось перехватить у принца девушку, в которую тот влюбился, и как, опасаясь, что принц узнает о его женитьбе на этой девушке, граф повсюду распространил слух о ее смерти и даже несчастного отца заставил ему поверить.

– Итак, сударь, – сказал старый барон, видя, что молодой человек в задумчивости поник головой и потупил глаза, которые не раз сверкали огнем, пока он слушал печальный рассказ.

– Итак, господин барон, – ответил Бюсси, – мне поручено монсеньером герцогом Анжуйским доставить вас в Париж; его высочество желает побеседовать с вами.

– Беседовать со мной, со мной! – воскликнул барон. – После смерти моей дочери мне встать лицом к лицу с этим извергом! И что он может мне сказать, он, ее погубитель?

– Кто знает? Может быть, он хочет оправдаться.

– К чему мне его оправдания! Нет, господин де Бюсси, нет, я не поеду в Париж; помимо всего, я не хочу удаляться от того места, где покоится мое бедное дитя в своем холодном саване из тростника.

– Господин барон, – твердым голосом сказал Бюсси, – позвольте мне настоять на моей просьбе; мой долг сопровождать вас в Париж, только за вами я сюда и приехал.

– Пусть будет так, я поеду в Париж! – воскликнул старый барон, весь дрожа от гнева. – Но горе тем, кто захотел бы меня погубить! Король меня выслушает, а если вы не пожелает меня выслушать, я обращусь ко всему французскому дворянству. Как это могло случиться? – пробормотал он. – В своем горе я позабыл, что у меня в руках оружие, которое до сего дня остается без употребления. Решено, господин де Бюсси, я еду с вами.

– А я, господин барон, – сказал Бюсси, беря старца за руку, – я советую вам проявлять терпение, сохранять спокойствие и достоинство, подобающие христианскому сеньору. Милосердие божие для благородных сердец бесконечно, и пути господни неисповедимы. Прошу вас также в ожидании того дня, когда богу будет угодно проявить свое милосердие, не числить меня среди ваших врагов, так как вы не знаете, что я собираюсь сделать для вас. Итак, до завтра, господин барон, а завтра с наступлением дня, если вы согласны, мы тронемся в путь.

– Я согласен, – ответил старый сеньор, вопреки своей воле тронутый проникновенным тоном голоса Бюсси, – однако пока что, друг вы мне или враг, вы мой гость, и мой долг проводить вас в отведенные вам покои.

Барон взял со стола серебряный трехсвечный канделябр и тяжелым шагом начал подниматься по парадной лестнице замка, Бюсси д'Амбуаз следовал за ним.

За Бюсси шли двое слуг и тоже несли канделябры со свечами. Собаки поднялись, готовые сопровождать хозяина, но тот остановил их взмахом руки.

У порога отведенной ему комнаты Бюсси спросил, где сейчас господин де Сен-Люк и его жена.

– Мой старый Жермен должен был о них позаботиться, – ответил барон. – Спокойной ночи, господин граф.

Глава 24.

О ТОМ, КАК РЕМИ ЛЕ ОДУЭН В ОТСУТСТВИЕ БЮССИ ВЕЛ РАЗВЕДКУ ДОМА НА УЛИЦЕ СЕНТ-АНТУАН

Господин и госпожа де Сен-Люк не могли прийти в себя от изумления. Подумать только: Бюсси о чем-то секретничает с бароном де Меридор, Бюсси собирается ехать вместе с бароном в Париж, наконец, Бюсси внезапно берет на себя руководство чужими делами, о которых поначалу, казалось, не имел никакого понятия. Все это в глазах молодоженов выглядело необъяснимой загадкой.

Что касается барона, то магическая сила, заключенная в титуле «его королевское высочество», возымела на него свое обычное действие, ибо во времена короля Генриха III

дворяне еще не привыкли иронически улыбаться, заслышав титулы и глядя на гербы.

Для барона де Меридор, как и для всякого другого француза, за исключением короля, слова «королевское высочество» означали некую высшую власть, то есть гром и молнию.

Наступило утро, барон распрощался со своими гостями, которых он разместил в замке. Однако супруги Сен-Люк, понимая неловкость создавшегося положения, дали себе слово покинуть Меридор при первой возможности, и, как только они будут уверены в согласии боязливой маршала, перебраться в соседние с владениями барона земли де Бриссака.

Бюсси потребовалась только одна секунда для того, чтобы объяснить свое странное поведение. Единоличный владелец тайны, полномочный открыть ее, кому пожелает, он напоминал восточного волшебника, который первым взмахом магической палочки осушает все слезы, а вторым – заставляет все зрачки радостно расшириться и все уста раскрыться в веселой улыбке.

Этой секундой, в течение которой Бюсси, как мы уже сказали, мог произвести столь великие изменения, он воспользовался для того, чтобы шепнуть несколько слов в нетерпеливо подставленное ему ушко очаровательной жены Сен-Люка.

Лицо Жанны просияло, румянец залил ее чистый лоб, коралловые губки раскрылись, и за ними блеснули перламутром маленькие белые зубы. Пораженный супруг всем своим видом изобразил вопрос, но Жанна поднесла палец к губам и унеслась вприпрыжку, как молодая козочка, не забыв поблагодарить Бюсси воздушным поцелуем.

Старый барон не заметил этой выразительной пантомимы. Не сводя глаз с родительского замка, он машинально ласкал своих собак, не отступавших от него ни на шаг, и взволнованным голосом отдавал последние распоряжения слугам. Затем, опираясь на плечо стремянного, он с большим трудом вскарабкался на старого конька чалой масти, к которому питал нежную привязанность, ибо тот был его боевым конем в последних гражданских войнах, махнул на прощание рукой Меридорскому замку и, не сказав никому ни слова, тронулся в путь.

Бюсси сияющим взглядом ответил на улыбку Жанны и несколько раз оборачивался, чтобы снова попрощаться со своими друзьями. Расставаясь, Жанна тихо сказала ему:

– Какой вы необыкновенный человек, сеньор граф! Я обещала вам, что счастье ждет вас в Меридорском замке., а вышло наоборот: это вы возвращаете в Меридор счастье, которое его покинуло.

От Меридора до Парижа далеко, особенно длинным показался этот путь барону, продырявленному ударами шпага и мушкетными пулями в кровавых войнах, где число полученных ран было тем большим, чем больше было число врагов. Долог был путь и для другого заслуженного ветерана, чалого коня, которого звали Жарнак. Услышав это имя, копь вскидывал голову, утопающую в густой гриве, и гордо косил глазом из-под нависшего тяжелого века.

В дороге у Бюсси были свои заботы: сыновьей почтительностью и вниманием он старался пленить сердце старого барона, чей гнев поначалу навлек на себя, и, несомненно, преуспел в своих стараниях, так как утром на шестой день пути, когда они подъезжали к Парижу, господин де Меридор обратился к своему спутнику со словами, показывающими, какие перемены произошли в его душе за это время:

– Удивительно, граф, я сейчас ближе, чем когда-либо, к своей беде и, однако, чувствую себя спокойнее, чем при отъезде.

– Еще два часа, сеньор Огюстен, – сказал Бюсси, – и вы рассудите меня по справедливости, только этого я и добиваюсь.

Они въехали в Париж через предместье Сен-Марсель, извечные входные ворота столицы, которым именно с тех времен путники начали отдавать предпочтение, потому что этот ужасный квартал, один из самых грязных в Париже, благодаря многочисленным церквям, тысячам живописных зданий и узким мостикам, переброшенным через клоаки, казалось, ярче других воплощал в своем облике особое парижское своеобразие.

– Куда мы едем? – осведомился барон. – В Лувр, не правда ли?

– Сударь, – сказал Бюсси, – сначала я должен проводить вас к себе домой и дать вам возможность несколько минут отдохнуть с дороги и привести себя в порядок, чтобы вы в достойном виде предстали перед особой, к которой я вас поведу.

Барон не возражал, и они направились на улицу Гренель-Сент-Оноре, во дворец Бюсси.

Люди графа не ждали, или, лучше сказать, уже не ждали его; последний раз перед своим отъездом он вернулся во дворец ночью, прошел через калитку, ключ от которой был у него одного, сам оседлал коня и уехал, не попавшись на глаза никому, кроме Реми ле Одуэна. Естественно, что внезапное исчезновение Бюсси, получившее огласку нападение на него на прошлой неделе, которое он не сумел замолчать, потому что не смог скрыть своей раны, и, наконец, его тяга к рискованным похождениям, не утихающая, несмотря ни на какие уроки, – все это многих навело на мысль, что Бюсси попал в ловушку, расставленную врагами на его пути, и фортуне, столь долгое время благосклонно поощрявшей его дерзкие выходки, в конце концов наскучили постоянные безрассудства ее любимца, и теперь он валяется где-нибудь мертвый с кинжалом или аркебузной пулей в груди.

Таким образом, лучшие друзья и самые верные слуги Бюсси уже творили девятидневные молитвы о его возвращении, хотя последнее казалось им делом столь же маловероятным, как и возвращение Пирифоса из ада, а иные из них, люди более рассудительные, не рассчитывая встретить Бюсси живым, тщательно искали его труп во всех сточных канавах, подозрительных погребках, пригородных каменоломнях, на дне реки Бьевры и во рвах Бастилии.

И только один человек на вопрос: «Нет ли каких-нибудь известий о Бюсси?» – неизменно отвечал:

– Господин граф пребывает в добром здравии.

Но когда от него допытывались, где сейчас господин граф и чем он занят, то оказывалось, что он об этом ничего не знает.

Человеком, на которого, благодаря его успокаивающему, по слишком отвлеченному ответу, обрушивались попреки и проклятия, был не кто иной, как мэтр Реми ле Одуэн. Он с утра до вечера о чем-то хлопотал; иной раз впадал в странную задумчивость; время от времени, то днем, то ночью куда-то исчезал из дворца и возвращался с волчьим аппетитом и веселыми шутками, которые ненадолго рассеивали мрачное уныние, царившее в доме Бюсси.

Вернувшись после одной из этих таинственных отлучек, Одуэн слышал радостные клики на парадном дворе и увидел, что Бюсси сидит на коне и не может соскочить на землю, потому что слуги шумной толпой суетятся вокруг лошади и оспаривают друг у друга честь поддержать стремя своего господина.

– Ну, довольно, – говорил Бюсси. – Вы рады видеть меня живым, благодарю вас. Вы сомневаетесь – точно ли это я? Ну что ж, поглядите хорошенько, даже пощупайте, но только поторопитесь. Вот и хорошо, а теперь помогите этому почтенному дворянину сойти с коня и не забывайте, что я отношусь к нему с большим уважением, чем к принцу.

У Бюсси были причины возвеличить таким образом своего гостя, на которого никто не обращал внимания. Скромные манеры владельца Меридорского замка, его старомодное платье и кляча чалой масти, с первого взгляда по достоинству оцененная челядью, привыкшей ухаживать за породистыми скакунами, внушили слугам Бюсси мысль, что перед ними какой-то старый стремянный, удалившийся от дел в провинцию, откуда сумасбродный Бюсси вытащил его, как с того света.

Но, услышав наказ господина, все тотчас же засуетились вокруг барона. Ле Одуэн взирал на эту сцену, по своей привычке втихомолку ухмыляясь, и только выразительный и строгий взгляд Бюсси стер насмешливое выражение с жизнерадостного лица молодого лекаря.

– Быстро, комнату монсеньеру! – крикнул Бюсси.

– Какую? – разом откликнулись пять или шесть голосов.

– Самую лучшую, мою собственную.

А сам он предложил руку почтенному старцу, чтобы помочь ему взойти по ступенькам лестницы; при этом Бюсси старался оказывать еще больше почета, чем было оказано ему самому в Меридорском замке.

Барон де Меридор покорно позволил себя увлечь этой обаятельной учтивости; так мы безвольно следуем за какой-нибудь мечтой, уводящей нас в страну фантазии, королевство воображения и ночи.

Барону подали графский позолоченный кубок, и Бюсси, выполняя обряд гостеприимства, пожелал собственноручно налить ему вина.

– Благодарствую, благодарствую, сударь, – сказал старик, – но скоро ли мы отправимся туда, куда должны пойти?

– Скоро, сеньор Огюстен, скоро, не беспокойтесь. Там нас ждет счастье, не только вас, но и меня тоже.

– Что вы хотите этим сказать и почему вы взяли за правило изъясняться со мной какими-то непонятными иве намеками?

– Я хочу сказать, сеньор Огюстен, та, что уже раньше говорил вам о милости провидения к благородным сердцам. Приближается минута, когда я от вашего имени обращаюсь к провидению.

Барон удивленно посмотрел на Бюсси, но Бюсси, сделав рукой почтительный жест, как бы говоривший: «Я тотчас вернусь», с улыбкой на губах вышел из комнаты.

Как он и ожидал, ле Одуэн сторожил его у дверей, Бюсси взял молодого человека за руку и увел в свой кабинет.

– Ну, что скажете, дорогой Гиппократ? – сказал он. – Какие новости?

– Где, монсеньер?

– Черт побери, на улице Сент-Антуан.

– Монсеньер, я предполагаю, что там вами весьма интересуются. Но это уже не новость. Бюсси вздохнул.

– А что, муж не возвращался? – спросил он.

– Возвращался, но безуспешно. Во всем этом действо есть еще отец, он-то, по-видимому, и должен принести развязку – как некий бог, который в одно прекрасное утро спустится с неба в машине. И все ждут явления этого отсутствующего отца, этого неведомого бога.

– Хорошо! – сказал Бюсси. – Но откуда ты все это узнал?

– Дело в том, монсеньер, – ответил ле Одуэн, со своей доброй и открытой улыбкой, – что пока вы отсутствовали, мои врачебные обязанности до поры превратились в чистейшую синекуру, и я решил употребить в ваших интересах образовавшееся у меня свободное время.

– Ну и что ты сделал? Расскажи, любезный Реми, я слушаю.

– Вот что я сделал: как только вы уехали, я перенес свои деньги, книги и шпагу в маленькую комнатку, снятую мной в доме на углу улиц Сент-Антуан и Сент-Катрин.

– Хорошо.

– Откуда я мог видеть известный вам дом, весь – от подвальных окошечек до дымовых труб.

– Отлично.

– Вступив во владение комнатой, я сразу же обосновался у окна.

– Превосходная позиция.

– Но у этой превосходной позиции тем не менее оказался один существенный изъян.

– Какой?

– Если я видел, то и меня могли увидеть или хотя бы заметить тень какого-то незнакомца, упорно глядящего в одну и ту же сторону. Такое постоянство через два или три дня навлекло бы на меня подозрение в том, что я вор, любовник, шпион или сумасшедший...

– Вполне резонно, любезный ле Одуэн. Ну и как же ты вышел из соложения?

– О, тогда, господин граф, я понял, что надо прибегнуть к какому-нибудь исключительному средству, и, ей-богу...

– Ну, ну, говори.

– Ей-богу, я влюбился.

– Что, что? – переспросил Бюсси, не понимая, каким образом ему может быть полезна любовь Реми.

– Влюбился, как я уже имел честь вам сообщить, влюбился по уши, влюбился безумно, – с важным видом произнес молодой лекарь.

– В кого?

– В Гертруду.

– В Гертруду, в служанку госпожи де Монсоро?

– Ну да, бог мой! В Гертруду, служанку госпожи де Монсоро. Что вы хотите, монсеньер, мы не дворяне и влюбляться в хозяек нам не по чину. Я всего лишь бедный, маленький лекарь, у которого вся практика состоит в одном пациенте, да и тот, как я надеюсь, впредь будет нуждаться в моей помощи только в весьма редких случаях; мне приходится делать свои опыты *in anima vili*²¹, как говорят у нас в Сорбонне.

– Бедный Реми, – сказал Бюсси, – поверь, что я высоко ценю твою преданность!

– Э, монсеньер, – ответил ле Одуэн, – в конце концов, мне не на что пожаловаться; Гертруда девушка сильная и статная, она на целых два дюйма выше меня и, схватив вашего покорного слугу за воротник, может поднять его па вытянутых руках, что свидетельствует о прекрасно развитых бицепсах и дельтовидной мышце. Это внушает мне к ней почтение, которое ей льстит, и так как я всегда уступаю, то мы никогда не ссоримся; затем Гертруда обладает драгоценным даром...

– Каким, мой милый Реми?

– Она мастерица рассказывать.

– Ах, в самом деле?

– Да. Таким образом, я узнаю от нее все, что происходит в доме ее госпожи. Ну, что вы скажете? Я думаю, вам пригодится лазутчик в этом доме.

– Ле Одуэн, ты добрый гений, которого мне послал случай, а вернее сказать, провидение. Значит, с Гертрудой ты...

– *Puella me diligit*²², – ответил ле Одуэн, раскачиваясь с самым фатовским видом.

– И тебя принимают в доме?

– Вчера в полночь я вступил туда на цыпочках, через знаменитую дверь с окошечком, которая вам известна.

– И как же ты достиг такого счастья?

– Признаться, вполне естественным путем.

– Ну, говори же.

– Через день после вашего отъезда и на следующий день после того, как я водворился в маленькую комнату, я уже поджидал, когда будущая королева моих грез выйдет из дому за провиантом, – такую вылазку она, должен вам признаться, производит ежедневно с восьми до десяти часов утра. В восемь часов десять минут она появилась, и я тотчас же спустился со своей обсерватории и преградил ей путь.

– И она тебя узнала?

– Еще как! Она тут же закричала во весь голос и пустилась наутек.

– А ты?

– А я, я бросился вслед и догнал ее, это стоило мне большого труда, так как Гертруда чрезвычайно легка па ногу, но вы понимаете, юбки, они в любом случае только мешают.

– Иисус! – сказала она.

– Святая дева! – воскликнул я.

²¹ На существах низшего порядка (лат.).

²² Дева меня избрала (лат.)

Это восклицание отрекомендовало меня с самой лучшей стороны; кто-нибудь другой, менее набожный, на моем месте крикнул бы «черт побери» или «клянусь телом Христовым».

– Лекарь! – сказала она.

– Прелестная хозяйюшка! – ответил я. Она улыбнулась, но сразу же спохватилась и приняла неприступный вид.

– Вы обознались, сударь, – сказала она, – я вас ни разу в глаза не видела.

– Но зато я вас видел, – возразил я, – вот уже целых три дня, как я не живу и не существую, а только и делаю, что обожаю вас, поэтому я теперь обитаю уже не на улице Ботрейи, а на улице Сент-Антуан на углу с улицей Сент-Катрин. Я сменил свое жилье лишь для того, чтобы созерцать вас, когда вы входите в дом или выходите из него. Если я вам снова понадобится для того, чтобы перевязать раны какого-нибудь красавца дворянина, вам придется искать меня уже не по старому, а по новому адресу.

– Тише! – сказала она.

– А! Вот я вас и поймал, – подхватил я. И таким образом наше знакомство состоялось или, правильнее будет сказать, возобновилось.

– Значит, на сегодняшний день ты...

– Настолько ошастливлен, насколько может быть ошастливлен любовник. Ошастливлен Гертрудой, разумеется; все относительно в этом мире. Но я более чем счастлив, я наверно блаженства, ибо добился того, чего я хотел добиться ради вас.

– А она не подозревает?

– Ни о чем, я ни слова не говорил о вас. Разве бедный Реми ле Одуэн может знать столь благородную особу, как сеньор де Бюсси? Нет, я только один раз, с самым равнодушным видом, спросил у нее:

– А как ваш молодой господин? Ему уже полегчали?

– Какой молодой господин?

– Да тот молодец, которого я пользовал у вас?

– Он мне вовсе не господин, – отвечала она.

– Ах! Но ведь он лежал в постели вашей госпожи, поэтому я и подумал...

– О нет, бог мой, нет, – со вздохом сказала она. – Бедный молодой человек, он нам никем не приходится; мы и видели-то его с той поры всего один раз.

– Значит, вы даже имени его не знаете? – спросил я.

– О! Имя-то мы знаем.

– Но вы могли и знать его, да забыть.

– Такие имена не забывают.

– Как же его зовут?

– Может, вам приходилось слышать о сеньоре де Бюсси?

– Само собой! – ответил я. – Бюсси, храбрец Бюсси!

– Вот это он и есть.

– Значит, дама?..

– Моя госпожа замужем, сударь.

– Можно быть замужем, можно быть верной женой и в то же время порой думать о юном красавце, даже если вы его видели..., всего только раз, особенно если этот молодой красавец был ранен, внашал участие и лежал в нашей постели.

– Вот, – вот, – ответила Гертруда, если уж как на духу, то я не сказала бы, что моя госпожа не думает о нем. Алая волна крови прихлынула к лицу Бюсси.

– Мы о нем даже вспоминаем, – добавила Гертруда, – всякий раз как одни остаемся.

– Что за чудесная девушка! – воскликнул граф.

– И что вы говорите? – спросил я.

– Я рассказываю о разных его храбрых делах, а это нетрудно, ведь в Париже только и разговору как о том, что он кого-то ранил или что его ранили. Я даже научила госпожу маленькой песенке о нем, которая нынче в моде.

– А, я ее знаю, – ответил я. – Уж не эта ли?

*Кто первый задира у нас?
Конечно, Бюсси д'Амбуаз.
Кто верен и нежен, спроси,
Ответят: «Сеньор де Бюсси».*

– Вот, вот, она самая! – обрадовалась Гертруда. – И теперь моя госпожа только ее и поет.

Бюсси сжал руку молодого лекаря; неизъяснимая дрожь счастья пробежала по его жилам.

– И это все? – спросил он, ибо человек ненасытен в своих желаниях.

– Все, монсеньер. О, я сумею вывести еще кое-что. Но, какого дьявола! Нельзя узнать все за один день..., или, вернее, за одну ночь.

Глава 25. ОТЕЦ И ДОЧЬ

Рассказ Реми просто осчастливил Бюсси. И в самом деле, он был вполне счастлив, ибо узнал: во-первых, что господина де Монсоро ненавидят по-прежнему и, во-вторых, что его, Бюсси, уже полюбили.

И к тому же искреннее дружеское участие молодого человека радовало его сердце. Возвышенные чувства вызывают расцвет всего нашего существа и словно удваивают наши способности. Добрые чувства создают ощущение счастья.

Бюсси понял, что отныне нельзя больше терять времени и что каждое горестное содрогание, сжимающее сердце старика, граничит со святотатством. В отце, оплакивающем смерть своей дочери, есть такое несоответствие всем законам природы, что тот, кто может одним словом утешить несчастного родителя и не утешает его, заслуживает проклятия всех отцов на свете.

Владельца Меридорского замка во дворе ожидала свежая лошадь, приготовленная для него по приказу Бюсси, рядом стоял конь Бюсси. Барон и граф сели в седла и в сопровождении Реми выехали со двора.

По дороге к улице Сент-Антуан барон де Меридор не переставал изумляться; он не был в Париже уже двадцать лет, и теперь его поражала разноголосая сумятица большого города: ржание лошадей, крики лакеев, мелькание множества экипажей. Барон находил, что со времен царствования короля Генриха II Париж сильно переменялся.

Но, несмотря на это изумление, порой граничившее с восхищением, черные мысли продолжали точить сознание барона, и по мере приближения к неведомой цели печаль его все возрастала. Какой прием окажет ему герцог и какие новые горести сулит ему это свидание?

Время от времени старый барон удивленно поглядывал на Бюсси и спрашивал себя: по какому наваждению он покорно последовал за придворным принца, того самого принца, который был причиной всех его бедствий? Разве не достойнее было бы бросить вызов герцогу Анжуйскому и не плестись за Бюсси, во всем подчиняясь его воле, а направиться прямо в Лувр и пасть к ногам короля? Что может сказать ему принц? Чем он может его утешить? Разве герцог Анжуйский не принадлежит к числу людей, привыкших расточать льстивые слова, этими словами они, как болеутоляющим бальзамом, смачивают рану, нанесенную их же рукой. Но стоит им уйти, и кровь хлынет из раны с новой силой, а боль удвоится.

Наконец наши всадники прибыли на улицу Сен-Поль;

Бюсси, как опытный полководец, выслал Реми вперед с приказом разведать дорогу и подготовить путь для вступления в крепость.

Молодой лекарь разыскал Гертруду и, вернувшись, доложил своему господину, что путь свободен и никакая шляпа, никакая рапира не загромождают прихожую, лестницу и

коридор, ведущие к покоям госпожи де Монсоро.

Нет нужды пояснять, что все переговоры между Бюсси и ле Одуэном велись шепотом.

Барон молча ждал и с удивлением озирался вокруг.

«Может ли быть – спрашивал он себя, – чтобы герцог Анжуйский жил в таком месте?» Скромный вид дома пробудил в душе барона недоверие.

– Нет, конечно, герцог здесь не живет, – улыбаясь, сказал Бюсси, угадав его сомнения, – это не его дом. Здесь обитает одна дама, которую он любил.

Тень прошла по челу старого дворянина.

– Сударь, – сказал он, натянув поводья копя, – мы, провинциалы, скроены по иному образцу, нежели вы, столичные жители, легкие нравы Парижа нас пугают, и мы не смогли бы жить среди ваших тайн. Сдается мне, что коль скоро монсеньер герцог Анжуйский желает видеть барона де Меридор, то он должен принять его в своем дворце, а не в доме одной из своих любовниц. И затем, – добавил старец с глубоким вздохом, – вы мне кажетесь человеком чести, но почему вы ведете меня к такой женщине? Может быть, вы хотите дать мне понять, что моя бедная Диана осталась бы в живых, если бы она, подобно хозяйке этого дома, предпочла позор смерти?

– Полноте, полноте, господин барон, – сказал Бюсси со своей открытой улыбкой, которая служила ему самым надежным средством для убеждения старика, – не углубляйтесь в ложные догадки. Даю вам слово дворянина, вы глубоко ошибаетесь. Дама, которую вы увидите, образец добродетели и достойна всяческого уважения.

– Но кто она такая?

– Это..., это супруга одного дворянина, которого вы знаете.

– Неужто? Но, тогда, сударь, почему вы мне сказали, что принц любил ее?

– Потому что я всегда говорю только правду, господин барон; войдите, и вы сами увидите, были ли ложными мои обещания.

– Берегитесь, я оплакал мое возлюбленное дитя, и вы мне сказали: «Утешьтесь, сударь, милосердие божие велико», обещать утешения в моем горе – это почти все равно как обещать чуда.

– Входите, сударь, – повторил Бюсси все с той же улыбкой, которой старый барон не мог противостоять.

Барон спешил.

Пораженная Гертруда стояла в дверях и растерянно взидала на Одуэна, Бюсси и барона де Меридор, не в силах постичь, каким образом providению удалось свести их всех вместе.

– Ступайте предупредите госпожу де Монсоро, – сказал граф, – что господин де Бюсси вернулся и сию же минуту желает ее видеть. Но, заклинаю вас, – тихо добавил он, – ни слова о том, кого я привел с собой.

– Госпожу де Монсоро! – ошеломленно пробормотал старик. – Госпожу де Монсоро!

– Проходите, господин барон, – пригласил Бюсси, подталкивая сеньора Огюстена в прихожую.

Старец подкашивающимися ногами начал восхождение по ступенькам лестницы, и тут они услышали, они услышали, говорим мы, необычно взволнованный голос Дианы:

– Господин де Бюсси, Гертруда? Господин де Бюсси, сказали вы? Пусть он войдет.

– Этот голос! – воскликнул барон, резко остановившись посередине лестницы. – Этот голос! О, мой боже, боже мой!

– Поднимайтесь же, господин барон, – сказал Бюсси. По барон, дрожа всем телом, остановился, ухватившись за перила, и стал озираться вокруг, и тут перед ним на верхней площадке лестницы, освещенная золотистыми лучами солнца, возникла Диана, сияющая красотой, с улыбкой на устах, хотя она вовсе не ожидала увидеть отца.

Она показалась барону потусторонним видением. Издав жуткий вопль, он застыл на месте с блуждающими глазами, протянув руки вперед, являя собой столь закопченный образ

ужаса и отчаяния, что Диана, уже собиравшаяся было броситься на шею отцу, также остановилась, изумленная и испуганная.

Барон повел рукой, нащупал плечо Бюсси и оперся о него.

– Диана жива! – бормотал старец. – Диана, моя Диана! А мне сказали – она умерла. О господи!

И сей сильный воин, привыкший к победам в войнах и междоусобицах, которого пощадили и копья и пули, сей старый дуб, как ударом молнии пораженный известием о смерти дочери и все же оставшийся на ногах, сей могучий борец, сумевший противстоять горю, был сломлен, раздавлен, уничтожен радостью. При виде дорогого образа, который плыл и колыхался перед его глазами, словно рассыпаясь на отдельные атомы, барон отступил, колени его подогнулись, и не поддержки его Бюсси, он покатился бы вниз по лестнице.

– Бог мой! Господин де Бюсси! – воскликнула Диана, стремительно сбегая по ступенькам, которые отделяли ее от отца. – Что с батюшкой?

Этот же вопрос, только еще более недоуменный, читался и в глазах молодой женщины, напуганной внезапной бледностью и непонятным поведением барона при встрече с ней, встрече, о которой, как она думала, барона должны были предупредить заранее.

– Господин барон де Меридор почитал вас мертвой, сударыня, и оплакивал вас, как подобает оплакивать такому отцу такую дочь.

– Как? – воскликнула Диана. – И никто его не разуверил?

– Никто.

– Да, да, никто! – отозвался старец, выходя из состояния небытия. – Никто, даже господин де Бюсси.

– Неблагодарный! – произнес Бюсси тоном ласкового упрека.

– О пот, – ответил старик, – нет, вы были правы вот она, минута, которая с лихвой оплачивает все мои страдания. О моя Диана! Моя любимая Диана! – продолжал он, одной рукой охватив голову дочери и притягивая ее к своим губам, а другую руку протянув Бюсси.

И вдруг он вскинул голову, словно какое-то горестное воспоминание или новый страх пробились к нему в сердце сквозь броню радости, которая, если так можно выразиться, только что одела это сердце.

– Однако вы говорили, сеньор де Бюсси, что я увижу госпожу де Монсоро. Где же она?

– Увы, батюшка! – прошептала Диана. Бюсси собрал все свои силы.

– Она перед вами, – сказал он, – и граф де Монсоро ваш зять.

– Что, что? – пролепетал пораженный барон. – Господин де Монсоро – мой зять, и никто меня об этом не известил, ни ты, Диана, ни он сам, никто?

– Я не смела писать вам, батюшка, из страха, как бы письмо не попало в руки принца. К тому же я полагала, что вы все знаете.

– Но зачем, – спросил барон, – к чему все эти непонятные секреты?

– О да, батюшка, подумайте сами, – подхватила Диана, – почему господин де Монсоро оставлял вас в уверенности, что я мертва? Для чего он скрывал от вас, что он мой муж?

Барон, весь трепеща, словно боясь постигнуть до конца эту мрачную тайну, робко вопрошал взором и сверкающие глаза своей дочери, и грустные и пронизательные глаза Бюсси.

Тем временем, шаг за шагом продвигаясь вперед, они вошли в гостиную.

– Господин де Монсоро – мой зять, – все еще бормотал ошеломленный барон де Меридор.

– Это не должно вас удивлять, – ответила Диана, и в голосе ее прозвучал ласковый упрек, – разве вы не приказали мне выйти за него замуж, батюшка?

– Да, если он тебя спасет.

– Ну вот, он меня и спас, – глухо проговорила молодая женщина и упала в кресло. – Он меня и спас – если не от беды, то, во всяком случае, от позора.

– Тогда почему он не известил меня, что ты жива, меня, который так горько тебя оплакивал? – повторял старец. – Почему он предоставил мне погибать от отчаяния, когда одно слово, одно-единственное, могло вернуть мне жизнь?

– О, тут есть какой-то коварный умысел, – воскликнула Диана. – Батюшка, отныне вы меня не оставите. Господин де Бюсси, вы не откажетесь нас защитить, не так ли?

– К моему сожалению, сударыня, – сказал молодой человек, склоняясь в поклоне, – у меня нет права проникать в ваши семейные тайны. Я должен был, видя странное поведение вашего супруга, найти вам защитника, которому вы могли бы открыться. Вот он, этот защитник, за ним я ездил в Меридор. Отныне ваш отец с вами, и я удаляюсь.

– Он прав, – печально заметил старец. – Господин де Монсоро боялся прогневить герцога Анжуйского, господин де Бюсси тоже боится навлечь на себя гнев его высочества.

Диана бросила на молодого человека красноречивый взгляд, который означал:

«Вы, кого зовут храбрецом Бюсси, неужели вы боитесь гнева герцога Анжуйского, как может его бояться господин де Монсоро?» Бюсси понял значение взгляда Дианы и улыбнулся.

– Господин барон, – сказал он, – умоляю извинить меня за странную просьбу, и вас, сударыня, я тоже прошу простить меня, ибо намерения у меня самые благие.

Отец и дочь обменялись взглядами и замерли в ожидании.

– Господин барон, – продолжал Бюсси, – спросите, я вас прошу, у госпожи де Монсоро...

При последних словах, подчеркнутых Бюсси, молодая женщина побледнела; увидев, что он причинил ей боль, Бюсси поправился:

– Спросите у вашей дочери, счастлива ли она в браке, на который дала согласие, выполняя вашу родительскую волю.

Диана заломила руки и зарыдала. Таков был единственный ответ, который она была в состоянии дать Бюсси. Впрочем, никакой другой не был бы яснее этого.

Глаза старого барона наполнились слезами, он начинал понимать, что, быть может, слишком поспешил завязать дружбу с графом де Монсоро и эта дружба сыграла роковую роль в несчастной судьбе его дочери.

– Теперь, – сказал Бюсси, – правда ли, сударь, что вы отдали руку вашей дочери господину де Монсоро добровольно, не будучи к этому вынуждены силой или какой-нибудь хитростью?

– Да, при условии, что он ее спасет.

– И, действительно, он ее спас. Я не считаю нужным спрашивать у вас, сударь, намерены ли вы держать свое слово.

– Держать свое слово – это всеобщий закон и, в особенности, закон для лиц благородного происхождения, и вы, сударь, должны это знать лучше, чем кто-либо. Господин де Монсоро, по вашим собственным словам, спас жизнь моей дочери, стало быть, моя дочь принадлежит господину де Монсоро.

– Ах, – прошептала молодая женщина, – почему я не умерла!

– Сударыня, – обратился к ней Бюсси, – теперь вы понимаете – у меня были основания сказать, что мне здесь больше нечего делать. Господин барон отдал вашу руку господину де Монсоро, да вы и сами обещали ему стать его женой при условии, что снова увидите вашего отца живым и невредимым.

– Ах, не разрывайте мне сердце, господин де Бюсси, – воскликнула Диана, подходя к молодому человеку, – батюшка не знает, что я боюсь его, батюшка не знает, что я его ненавижу. Батюшка упорно желает видеть в нем моего спасителя, ну а я, руководствуясь не рассудком, а чутьем, утверждаю, что этот человек – мой палач.

– Диана! Диана! – закричал барон. – Он спас тебя!

– Да, – вскричал Бюсси, выйдя из себя и разом преступив границы, в которых до сей минуты его удерживали благоразумие и щепетильность, – да, ну а что, если опасность была не столь велика, как вам кажется, что, если опасность была мнимой, что, если... Ах, да разве я

знаю? Поверьте мне, барон, во всем этом есть какая-то тайна, которую мне еще предстоит раскрыть, и я ее раскрою. Но считаю своим долгом вам заявить, если бы мне, мне самому, посчастливилось оказаться на месте господина де Монсоро, то и я спас бы от бесчестия вашу целомудренную и прекрасную дочь, но, клянусь богом, который мне внемлет, я не стал бы требовать оплаты за эту услугу.

– Он ее любит, – сказал барон, который и сам чувствовал всю отвратительность поведения графа де Монсоро, – а любви надо прощать.

– А я? – крикнул Бюсси. – Разве я...

Испуганный этой вспышкой, невольно вырвавшейся из его сердца, Бюсси замолчал, но оборванная фраза была досказана его вспыхнувшим взглядом.

Диана поняла Бюсси не хуже, чем если бы он высказал словами все, что кипело в его душе, а может быть, его взгляд был красноречивее всяких слов.

– Итак, – сказала она, краснея, – вы меня поняли, но правда ли? Ну что ж, мой друг, мой брат, ведь вы притязали на оба эти имени, и я отдаю их вам. Итак, мой друг, итак, мой брат, можете ли вы мне чем-нибудь помочь?

– Но герцог Анжуйский! Герцог Анжуйский! – лепетал старик, которого все еще слепила молния грозившего ему высочайшего гнева.

– Я не из тех, кто боится гнева принцев, синьор Огюстен, – ответил молодой человек, – и либо я сильно ошибаюсь, либо нам нечего страшиться этого гнева; коли вы того пожелаете, господин барон, то я сделаю вас таким близким другом принца, что это он будет вас защищать от графа де Монсоро, ибо подлинная опасность, поверьте мне, исходит от графа, опасность неизвестная, но несомненная, невидимая, но, быть может, неотвратимая.

– Однако, ежели герцог узнает, что Диана жива, все погибло, – возразил старый барон.

– Ну, коли так, – сказал Бюсси, – я вижу, что бы я ни сказал, все равно вы прежде всего и скорее, чем мне, поверите господину де Монсоро. Не будем больше об этом говорить; вы отказываетесь от моего предложения, господин барон, вы отталкиваете всемогущую руку, которую я готов призвать вам на помощь; бросайтесь же в объятия человека, который так прекрасно оправдал ваше доверие. Я уже сказал: мой долг выполнен, и мне больше нечего здесь делать. Прощайте, сеньор Огюстен, прощайте, сударыня, больше вы меня не увидите, я ухожу. Прощайте!

– Ну, а я? – воскликнула Диана, схватив его за руку. – Разве я поколебалась хотя бы на секунду? Разве я изменила свое отношение к нему? Нет. На коленях умоляю вас, господин де Бюсси, не покидайте меня, не покидайте меня!

Бюсси сжал стиснутые в мольбе прекрасные руки, и весь гнев разом слетел с него, как под жаркой улыбкой майского солнца с гребня скалы внезапно слетает снеговая шапка.

– В добрый час, сударыня! – сказал Бюсси. – Я принимаю святую миссию, которую вы на меня возлагаете, и через три дня, ибо мне требуется время, чтобы добраться до принца, – он, по слухам, нынче совершает вместе с королем паломничество к Шартрской богородице, – не позже, чем через три дня, мы снова увидимся, или я недостоин носить имя Бюсси.

И, подойдя к Диане, опьяняя ее страстным дыханием и пламенным взглядом, он тихо добавил:

– Мы с вами в союзе против Монсоро, помните же, что это не он вернул вам отца, и не предавайте меня.

И, пожав на прощание руку барона, Бюсси устремился из комнаты,

Глава 26.

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ПРОСНУЛСЯ И КАКОЙ ПРИЕМ БЫЛ ОКАЗАН ЕМУ В МОНАСТЫРЕ

Мы оставили нашего друга Шико в ту минуту, когда он восхищенно любовался братом Горанфло, который беспробудно спал, сотрясая воздух громкозвучным храпом. Шико

знаком предложил хозяину гостиницы выйти и унести свечу, еще до этого он попросил мэтра Бономе ни в коем случае не проговориться почтенному монаху, что его сотрапезник выходил в десять часов вечера и вернулся только в три часа утра.

Поскольку мэтру Бономе было ясно, что, какие бы отношения ни связывали шута и монаха, расплачивается всегда шут, он питал к шуту великое почтение, а к монаху относился довольно пренебрежительно.

Поэтому он пообещал Шико никому не заикаться насчет событий прошедшей ночи и удалился, как ему и было предложено, оставив обоих друзей в темноте.

Вскоре Шико заметил одну особенность, которая привела его в восторг: брат Горанфло не только храпел, но и говорил. Его бессвязные речи были порождением не терзаемой угрызениями совести, как вы могли бы подумать, а перегруженного пищей желудка.

Если бы слова, выпаливаемые братом Горанфло во сне, присоединить одно к другому, мы получили бы необычайный букет из изысканных цветов духовного красноречия и чертополоха застольной мудрости.

Шико тем временем понял, что в кромешной тьме ему чрезвычайно трудно будет выполнить свою задачу и восстановить статус кво, так чтобы его собутыльник, проснувшись, ничего не заподозрил. И в самом деле, передвигаясь в темноте, он, Шико, может неосторожно наступить на одну из четырех конечностей Горанфло, раскинутых в неизвестных ему направлениях, и тогда боль вырвет монаха из мертвой спячки.

Чтобы немного осветить комнату, Шико подул на угла в очаге.

При этом звуке Горанфло перестал храпеть и пробормотал:

– Братие! Вот лютый ветер: се дуновение господне, дыхание всевышнего, оно меня вдохновляет.

И тут же снова захрапел.

Шико выждал минуту, пока сон не завладеет монахом, затем осторожно начал его распеленывать.

– Б-р-р-р-р! – зарычал Горанфло. – Какой холод! Виноград не вызреет при таком холоде.

Шико прервал свое занятие на середине и несколько минут выждал, потом опять принялся за работу.

– Вы знаете мое усердие, братие, – забормотал монах, – я все отдам за святую церковь и за монсеньера герцога де Гиза.

– Каналья! – сказал Шико.

– Таково и мое мнение, – немедленно отозвался Горанфло, – с другой стороны, несомненно...

– Что несомненно? – спросил Шико, приподнимая туловище монаха, чтобы натянуть на него рясу.

– Несомненно, что человек сильнее вина; брат Горанфло боролся с вином, как Иаков с ангелом, и брат Горанфло победил вино.

Шико пожал плечами.

Это несвоевременное движение привело к тому, что Горанфло открыл один глаз и увидел над собой улыбающегося Шико, который в неверном свете углей очага показался ему мертвенно-бледным и зловещим.

– Ах, только не надо призраков, не надо домовых, – запротестовал монах, словно объясняясь с каким-то хорошо знакомым чертом, который нарушил условия подписанного между ними договора.

– Он мертвецки пьян, – заключил Шико, окончательно облачив брата Горанфло в рясу и натягивая ему на голову капюшон.

– В добрый час! – проворчал монах. – Наконец-то пономарь догадался закрыть дверь на хоры и больше не дует, – Теперь просыпайся, когда тебе вздумается, – сказал Шико. – Мне все равно.

– Господь внял моей молитве, – бормотал Горанфло, – в мерзопакостный аквилон, который он наслал, чтоб померзли виноградники, превратился в сладчайший зефир.

– Аминь! – сказал Шико.

Придав возможно большую правдоподобность нагромождению пустых бутылок и грязных тарелок на столе, он соорудил себе подушку из салфеток и простыню из скатерти, улегся на пол бок о бок с Горанфло и заснул.

Солнечным лучам, упавшим на глаза монаха, и аqho-сившемуся из кухни хриплому голосу трактирщика, который подгонял своих поварят, удалось пробиться сквозь густые пары, окутывавшие сознание Горанфло.

Монах приподнялся и с помощью обеих рук утвердился на той части тела, которой предусмотрительная природа предназначила быть центром тяжести человека.

Не без труда завершив свои усилия, Горанфло воззрился па красноречивый натюрморт из пустой посуды на столе; Шико, лежавший, изящно изогнув руку, с таким расчетом, чтобы из-под этой руки иметь возможность обозревать комнату, не упускал из виду ни одного движения монаха. Время от времени гасконец притворно храпел – и делал это так естественно, что оказывал честь своему таланту подражателя, о котором мы уже говорили.

– Белый день! – воскликнул монах. – Проклятие! Белый день! Похоже, я всю ночь здесь провалялся. Затем он собрался с мыслями.

– А как же аббатство! Ой-ой-ой! И схватился судорожно подпоясываться шнурком, – труд, который Шико не счел нужным взять на себя.

– Недаром, – продолжал Горанфло, – у меня был страшный сон: мне снилось, я покойник и завернут в саван, а саван-то весь в пятнах крови.

Горанфло не совсем ошибался.

Ночью, наполовину проснувшись, он принял скатерть, в которую был завернут, за саван, а винные пятна па ней – за кровь.

– К счастью, это был сон, – успокоил он себя, снова озираясь вокруг.

На этот раз глаза монаха остановились на Шико: тот, почувствовав на себе его взгляд, захрапел с удвоенной силой.

– Как он великолепен, этот пьяница, – продолжал Горанфло, завистливо глядя на товарища. – И, наверное, счастлив, – добавил он, – раз спит так крепко. Ах, побыл бы он в моей шкуре!

И монах испустил вздох, который, слившись с храпением Шико, образовал такой мощный звук, что, несомненно, разбудил бы гасконца, если бы гасконец действительно спал.

– А что, если растолкать его и посоветоваться? – подумал вслух Горанфло. – Ведь он мудрый советчик.

Тут Шико утроил свои старания, и его храп, достигавший органного звучания, поднялся до раскатов грома.

– Нет, не надо, – сам себе возразил Горанфло, – он чересчур будет задаваться. Я и без его помощи сумею что-нибудь соврать. Но что бы я ни соврал, – продолжал монах, – мне не миновать монастырской темницы. Дело не в темнице, а в том, что придется посидеть на хлебе и па воде. Ах, хоть бы деньги у меня были, тогда бы я совратил брата тюремщика.

Услышав эти слова, Шико незаметно вытащил из кармана довольно округлый кошелек и сунул его себе под живот.

Эта предосторожность оказалась отнюдь не лишней, ибо Горанфло с сокрушенной миной придвинулся к своему Другу, печально бормоча:

– Если бы он проснулся, он не отказал бы мне в одном экю, но его сон для меня священ..., и придется мне самому...

Тут брат Горанфло, до сих пор пребывавший в сидячем положении, сменил его на коленопреклоненное и, в свою очередь склонившись над Шико, осторожно запустил руку ему в карман.

Однако Шико, в отличие от своего собутыльника, не счел своевременным обращаться с претензиями к знакомому черту и позволил монаху вдоволь порыться и в том и в

другом кармане камзола.

– Странно, – сказал Горанфло, – в карманах пусто. А! Должно быть – в шляпе.

Пока монах разыскивал шляпу, Шико высыпал на ладонь содержимое кошелька и зажал монеты в кулаке, а пустой кошелек, плоский, как бумажный лист, засунул в карман штанов.

– Ив шляпе ничего нет, – сказал монах, – это меня удивляет. Мой друг Шико дурак чрезвычайно умный и никогда не выходит из дому без денег. Ах ты, старый галл, – добавил он, растянув в улыбке рот до ушей, – я забыл, что у тебя есть еще и портки.

Его рука скользнула в карман штанов Шико и извлекла оттуда пустой кошелек.

– Иисус! – пробормотал Горанфло. – А ужин..., кто заплатит за ужин?

Эта мысль так сильно подействовала на монаха, что он тотчас же вскочил на ноги, хотя и неуверенным, но весьма быстрым шагом направился к двери, молча прошел через кухню, невзирая на попытки хозяина завязать разговор, и выбежал из гостиницы.

Тогда Шико засунул деньги обратно в кошелек, а кошелек – в карман и, облокотившись на уже согретый солнечными лучами подоконник, погрузился в глубокие размышления, начисто позабыв о существовании брата Горанфло.

Тем временем брат сборщик милостыни продолжал свой путь с сумой на плече и с довольно сложным выражением лица; встречным прохожим оно казалось глубокомысленным и благочестивым, а на самом деле было озабоченным, так как Горанфло пытался сочинить одну из тех спасительных выдумок, которые осеняют ум подвыпившего монаха или опоздавшего на переключку солдата; основа этих измышлений всегда одинакова, но сюжет их весьма прихотлив и зависит от силы воображения лгуна.

Когда брат Горанфло издалека увидел двери монастыря, они показались ему более мрачными, чем обычно, а кучки монахов, беседующих на пороге и вззирающих с беспокойством поочередно на все четыре стороны света, явно предвещали недоброе.

Как только братья заметили Горанфло, появившегося па углу улицы Сен-Жак, они пришли в столь сильное возбуждение, что сборщика милостыни обуял дикий страх, который до сего дня ему еще не приходилось испытывать.

«Это они обо мне судачат, – подумал он, – на меня показывают пальцами, меня поджидают; прошлой ночью меня искали; мое отсутствие вызвало переполох; я погиб».

И голова его пошла кругом, в уме промелькнула безумная мысль – бежать, бежать немедленно, бежать без оглядки. Однако несколько монахов уже шло навстречу, несомненно, они будут его преследовать. Брат Горанфло не переоценивал свои возможности, он знал, что не создан для бега вперегонки. Его схватят, свяжут и поволокут в монастырь. Нет, уж лучше сразу покориться судьбе.

И, поджав хвост, он направился к своим товарищам, которые, по-видимому, не решались заговорить с ним.

– Увы! – сказал Горанфло. – Они делают вид, что больше меня не знают, я для них камень преткновения. Наконец один монах осмелился подойти к Горанфло.

– Бедный брат, – сказал он.

Горанфло сокрушенно вздохнул и возвел очи горе.

– Вызнаете, отец приор ожидал вас, – добавил другой монах.

– Ах, боже мой!

– Ах, боже мой, – повторил третий, – он приказал привести вас к нему немедленно, как только вы вернетесь в монастырь.

– Вот чего я боялся, – сказал Горанфло. И, полумертвый от страха, он вошел в монастырь, двери которого за ним захлопнулись.

– А, это вы, – воскликнул брат привратник, – идите же скорей, скорей, досточтимый отец приор Жозеф Фулон вас требует к себе.

И брат привратник, схватив Горанфло за руку, повел или, вернее, поволочил его за собой в келью приора.

И снова за Горанфло закрылись двери.

Он опустил глаза, страхась встретиться с грозным взглядом аббата; он чувствовал себя одиноким, всеми покинутым, лицом к лицу со своим духовным руководителем, который, наверное, разгневан его поведением – и справедливо разгневан.

– Ах, наконец-то вы явились, – сказал аббат.

– Ваше преподобие... – пролепетал монах.

– Сколько беспокойства вы нам причинили! – сказал аббат.

– Вы слишком добры, отец мой, – ответил Горанфло, который никак не мог взять в толк, почему с ним говорят в таком снисходительном тоне.

– Вы боялись вернуться после того, что натворили этой ночью, не так ли?

– Признаюсь, я не смел вернуться, – сказал монах, на лбу которого выступил ледяной пот.

– Ах, дорогой брат, дорогой брат! – покачал головой приор. – Как все это молодо-зелено и как неосмотрительно вы себя вели.

– Позвольте мне объяснить вам, отец мой...

– А зачем объяснять? Ваша выходка...

– Мне незачем объяснять? – сказал Горанфло. – Тем лучше, ибо мне трудно было бы это сделать.

– Я вас прекрасно понимаю. Вы на миг поддались экзальтации, восторгу; экзальтация – святая добродетель, восторг – священное чувство, но чрезмерные добродетели граничат с пороками, а самые благородные чувства, если над ними теряют власть, достойны порицания.

– Прошу прощения, отец мой, – сказал Горанфло, – но если вы все понимаете, то я ничего не понимаю. О какой выходке вы говорите?

– О вашей выходке прошлой ночью.

– Вне монастыря? – робко осведомился монах.

– Нет, в монастыре.

– Я совершил какую-то выходку?

– Да, вы.

Горанфло почесал кончик носа. Он начал понимать, что они толкуют о разных вещах.

– Я столь же добрый католик, что и вы, и, однако же, ваша смелость меня напугала.

– Моя смелость, – сказал Горанфло, – значит, я был смел?

– Более, чем смел, сын мой, вы были дерзки.

– Увы! Подобаает прощать вспышки темперамента, еще недостаточно укрощенного постами и бдениями; я исправлюсь, отец мой.

– Да, но в ожидании я не могу не опасаться за последствия этой вспышки для вас, да и для всех нас тоже. Если бы все осталось только между нашей братией, тогда совсем другое дело.

– Как! – сказал Горанфло. – Об этом знают в городе?

– Нет сомнения. Вы помните, что там присутствовало более ста человек мирян, которые не упустили ни слова из вашей речи.

– Из моей речи? – повторил Горанфло, все более и более удивленный.

– Я признаю, что речь была прекрасной. Понимаю, что овации должны были вас опьянить, а всеобщее одобрение могло заставить вас возгордиться; но дойти до того, что предложить пройти процессией по улицам Парижа вызываться одеть кирасу и с каской на голове и протазаном на плече обратиться с призывом к добрым католикам, согласитесь сами – это уже слишком.

В выпученных на приора глазах Горанфло сменялись все степени и оттенки удивления.

– Однако, – продолжал аббат, – есть возможность все уладить. Священный пыл, который кипит в вашем благородном сердце, вреден вам в Париже, где столько злых глаз следит за вами. Я хочу, чтобы вы его поостудили.

– Где, отец мой? – спросил Горанфло, убежденный, что ему не избежать тюрьмы.
– В провинции.
– Изгнание! – воскликнул Горанфло.
– Оставаясь здесь, вы рискуете подвергнуться гораздо более суровому наказанию, дражайший брат.

– А что мне грозит?
– Судебный процесс, который, по всей вероятности, может закончиться приговором к пожизненному тюремному заключению или даже к смертной казни.

Горанфло страшно побледнел. Он никак не мог взять в толк, почему ему может грозить пожизненное тюремное заключение и даже смертная казнь за то, что он всего-навсего напился в кабаке и провел ночь вне стен монастыря.

– В то время как, ежели вы согласитесь на временное изгнание, возлюбленный брат, вы не только избегнете опасности, но еще и водрузите знамя веры в провинции. Все, что вы делали и говорили прошлой ночью, весьма опасно и даже немыслимо здесь, на глазах у короля и его проклятых миньонов, но в провинции это вполне допустимо. Отправляйтесь же поскорей, брат Горанфло, быть может, и сейчас уже слишком поздно и лучники короля уже получили приказ арестовать вас.

– Как! Преподобный отец, что я слышу? – лепетал монах, испуганно вращая глазами, ибо по мере того, как приор, чья снисходительность поначалу внушала ему самые радужные надежды, продолжал говорить, брат сборщик милостыни все больше поражался чудовищным размерам, до которых раздувалось его прегрешение, по правде говоря весьма простительное. – Вы сказали – лучники, а какое мне дело до лучников?

– Ну, если вам нет до них дела, то, может быть, у них найдется дело к вам.

– Но, значит, меня выдали? – спросил брат Горанфло.

– Я мог бы держать пари, что это так. Уезжайте же, уезжайте.

– Уехать, преподобный отец, – сказал растерявшийся Горанфло, – но на что я буду жить, если уеду?

– О, нет ничего легче. Вы брат сборщик милостыни для монастыря: вот этим вы и будете существовать. До нынешнего дня собранными пожертвованиями вы питали других; отныне сами будете ими питаться. И затем, вам нечего беспокоиться. Боже мой! Мысли, которые вы здесь высказывали, приобретут вам в провинции столько приверженцев, что, ручаюсь, вы ни в чем не будете испытывать недостатка. Однако ступайте, ступайте с богом и, в особенности, не вздумайте возвращаться, пока не получите от нас приглашения.

И приор, ласково обняв монаха, легонько, но настойчиво подтолкнул его к двери кельи.

А там уже все братство стояло в ожидании выхода брата Горанфло.

Как только он появился, монахи толпой бросились к нему, каждый пытался прикоснуться к его руке, шее, одежде. Усердие некоторых достигало того, что они целовали полы его рясы.

– Прощайте, – говорил один, прижимая брата Горанфло к сердцу, – прощайте, вы святой человек, не забывайте меня в своих молитвах.

– Ба! – шептал себе под нос Горанфло. – Это я-то святой человек? Занятно.

– Прощайте, бесстрашный поборник веры, – твердил другой, пожимая ему руку. – Прощайте! Готфрид Бульонский – карлик рядом с вами.

– Прощайте, мученик, – напутствовал третий, целуя концы шнурка его рясы, – мы все еще живем во тьме, но свет вскоре воссияет.

И, таким образом, Горанфло, передаваемый из рук в руки, шествовал от поцелуя к поцелую, от похвалы к похвале, пока не оказался у входных дверей монастыря, и как только переступил порог, эти двери захлопнулись за ним.

Горанфло посмотрел на двери с выражением, не поддающимся описанию. Из Парижа он вышел пятясь, словно уходя от ангела, грозящего ему концом своего пламенного меча.

Вот что он сказал, подойдя к городской заставе:

– Пусть дьявол меня заберет! Они там все с ума посходили, а если не посходили, то будь милостив ко мне боже, стало быть, это я, грешный, рехнулся.

Глава 27.

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО УБЕДИЛСЯ, ЧТО ОН СОМНАМБУЛА, И КАК ГОРЬКО ОН ОПЛАКИВАЛ СВОЮ НЕМОЩЬ

Вплоть до рокового дня, к которому мы пришли в своем повествовании, того дня, когда на бедного монаха свалилась неожиданная беда, брат Горанфло вел жизнь созерцательную, то есть он выходил из монастыря рано поутру, если хотел подышать свежим воздухом, и попозже, если желал погреться на солнышке; уповая на бога и на монастырскую кухню, он заботился лишь о том, чтобы обеспечить себе добавочно и в общем-то не так уж часто сугубо мирские трапезы в «Роге изобилия». Число и обилие этих трапез зависели от настроения верующих, ибо оплачивались они только звонкой монетой, собранной братом Горанфло в виде милостыни. И брат Горанфло, проходя по улице Сен-Жак, не упускал случая сделать остановку в «Роге изобилия» вместе со своим уловом, после чего доставлял в монастырь все собранные им в течение дня доброхотные даяния за вычетом монет, оставшихся в кабачке. А еще у него был Шико, его друг, который любил хорошо поесть в веселой компании. По на Шико нельзя было полагаться. Порой они встречались три или четыре дня подряд, потом Шико внезапно исчезал и не показывался две недели, месяц, шесть недель. То он сидел с королем во дворце, то сопровождал короля в очередное паломничество, то разъезжал по каким-то своим делам или просто из прихоти. Горанфло принадлежал к числу тех монахов, для которых, как и для иных детей полка, мир начинался со старшего в доме, сиречь с монастырского полковника, и заканчивался пустым котелком. Итак, сие дитя монастыря, сей солдат церкви, если только нам позволят применить к духовному лицу образное выражение, которым мы только что охарактеризовали защитников родины, никогда и в мыслях не держал, что в один прекрасный день ему придется пуститься в путь навстречу неизвестности.

Если бы еще у него были деньги! Но приор ответил па его вопрос по-апостольски просто и ясно, как это сказано у святого Луки: «Ищите и обрящете».

Подумав, в каких далеких краях ему придется искать, Горанфло почувствовал усталость во всем теле.

Однако на первых порах самое главное было уйти от опасности, которая над ним нависла, опасности неизвестной, но близкой, по крайней мере такое заключение можно было сделать из слов приора.

Незадачливый монах был не из тех, кто может изменить спою внешность и с помощью какой-нибудь метаморфозы ловко ускользнуть от преследователей, поэтому он решил сначала выйти в открытое поле и, укрепившись в этом решении, довольно бодрым шагом прошел через Бурдельские ворота, а затем в страхе, как бы лучники, приятную встречу с которыми посулил ему аббат монастыря святой Женевьевы, и в самом деле не проявили бы излишнего рвения, украдкой, стараясь занимать как можно меньше места в пространстве, пробрался мимо караульни ночной стражи и поста швейцарцев.

Но когда он оказался на вольном воздухе, в открытом поле, в пятистах шагах от городской заставы, когда увидел на склонах рва, имеющих форму кресла, первую весеннюю травку, пробившуюся сквозь землю, увидел впереди над горизонтом веселое весеннее солнце, слева и справа – пустые поля, а сзади шумный город, он уселся па дорожном откосе, подпер свой двойной подбородок широкой толстой ладонью, почесал указательным пальцем квадратный кончик носа, напоминающего нос дога, и погрузился в размышления, прерываемые жалобными вздохами.

Брату Горанфло недоставало только кифары для полного сходства с одним из тех евреев, которые, повесив свои арфы на иву, во времена разрушения Иерусалима, оставили

будущему человечеству знаменитый псалом «Super flumina Babylonis»²³ и послужили сюжетом для бесчисленного множества печальных картин.

Горанфло вздыхал так выразительно еще и потому, что приближался девятый час – час обеденной трапезы, ибо монахи, отстав от цивилизации, как это и подобает людям, уединившимся от мирской суеты, в году божьей милостью 1578-м все еще придерживались обычаев доброго короля Карла V, который обедал в восемь часов утра, сразу после мессы.

Перечислить противоречивые мысли, вихрем пронесившиеся в мозгу брата Горанфло, вынужденного поститься, было бы не менее трудно, чем счесть песчинки, поднятые ветром на морском берегу за бурный день.

Но первой его мыслью, от которой, мы должны это сказать, он с большим трудом отделался, было: вернуться в Париж, пойти прямо в монастырь, объявить аббату, что он решительно предпочитает темницу изгнанию и даже согласен, если потребуется, вытерпеть и удары бичом, двойным бичом и *in-rase*²⁴, лишь бы ему клятвенно обещали побеспокоиться об его трапезах, число коих он даже согласился бы сократить до пяти в день.

Эта мысль оказалась весьма навязчивой, она бороздила мозг бедного монаха добрую четверть часа и наконец сменилась другой, несколько более разумной: двинуться прямехонько в «Рог изобилия», разбудить Шико, а если он уже проснулся и ушел, то вызвать его туда, рассказать, в каком горестном положении оказался он, брат Горанфло, из-за того, что имел слабость уступить его вакхическим призывам, рассказать и получить таким путем от своего друга пенсию на пропитание.

Этот план занял Горанфло еще на четверть часа, ибо монах отличался здравомыслием, а идея сама по себе была не лишена достоинств.

Затем появилась и третья, довольно смелая мысль: обойти вокруг стен столицы, войти в нее через Сен-Жерменские ворота или Польскую башню и тайно продолжать сбор милостыни в Париже. Он знал теплые местечки, плодородные закоулки, маленькие улочки, где знакомые кумушки откармливают вкусную птицу и всегда готовы бросить в суму сборщика милостыни какого-нибудь каплуна, скончавшегося от ожирения. В благодарном зеркале своих воспоминаний Горанфло видел некий дом с крылечком, в котором изготовлялись всевозможные сушения и варения, изготовлялись главным образом для того, – во всяком случае, брат Горанфло любил так думать, – чтобы в суму брата сборщика милостыни в обмен за его отеческое благословение можно было бросить банку желе из сушеной айвы, или дюжину засахаренных орехов, или коробку сушеных яблок, один запах которых даже умирающего заставил бы подумать о выпивке. Ибо, надо признаться, помыслы брата Горанфло по большей части были обращены к наслаждениям накрытого стола и к радостям покоя, и он не раз с некоторой тревогой подумывал о двух адвокатах дьявола, по имени Лениость и Чревоугодие, кои в день Страшного суда выступят против него. Но мы должны сказать, что в ожидании сего часа достойный монах неуклонно следовал, хотя и не без угрызений совести, но все же следовал, по усыпанному цветами склону, ведущему к бездне, в глубине которой неумолчно воют, подобно Сцилле и Харибде, два вышенареченных смертных греха.

Именно поэтому последний план особенно улыбался Горанфло. Ему казалось, что он создан для такого существования. Однако выполнить этот план и вести прежний образ жизни можно было, только оставшись в Париже, а в Париже Горанфло на каждом шагу мог встретить лучников, сержантов, монастырские власти – словом, паству, весьма нежелательную для беглого монаха.

И, кроме того, перед ним вырисовывалось еще одно препятствие: казначей монастыря святой Женеьевы был слишком рачительный хозяин, чтобы оставить Париж без

²³ На реках вавилонских (лат.).

²⁴ Тюрьму (лат.)

сборщика милостыни, стало быть, Горанфло подвергался опасности столкнуться лицом к лицу со своим собратом, обладающим тем неоспоримым преимуществом, что находится при исполнении своих законных обязанностей.

Представив себе эту встречу, брат Горанфло внутренне содрогнулся, и было от чего.

Он уже устал от своих монологов и своих страхов, когда вдруг заметил, что вдали, у Бурдельских ворот, показался всадник; вскоре под сводами арки раздался гулкий галоп его коня.

Возле дома, стоявшего примерно в ста шагах от того места, где сидел Горанфло, всадник спешил и постучался. Ему открыли, и он исчез во дворе вместе с лошадей.

Горанфло отметил это обстоятельство, потому что позавидовал счастливому всаднику, у которого есть лошадь и который, следовательно, может ее продать.

Но спустя короткое время всадник, – Горанфло узнал его по плащу, – всадник, говорим мы, вышел из дома, направился к находившейся на некотором удалении куще деревьев, перед которой громоздилась большая куча камней, и спрятался между деревьями и этим своеобразным бастионом.

– Несомненно, он кого-то подстерегает в засаде, – прошептал Горанфло. – Если бы я доверял лучникам, я бы их предупредил; будь я похрабрее, я бы сам ему помешал.

В этот миг человек в засаде, не спускавший глаз о городских ворот, бросил два быстрых взгляда по сторонам и заметил Горанфло, который все еще сидел, опираясь подбородком на руку. Присутствие постороннего, видимо, мешало незнакомцу. Он встал и с притворно равнодушным видом начал прогуливаться за камнями.

– Вот знакомая походка, – сказал Горанфло, – да и вроде бы фигура тоже. Похоже, я его знаю..., но нет, это невозможно.

Вдруг неизвестный, в эту минуту повернувшийся к Горанфло спиной, опустился на землю, да с такой быстротой, словно ноги у него подкосились. Вероятно, он услышал стук лошадиных подков, донесшийся со стороны городских ворот.

И в самом деле, три всадника, – двое из них казались лакеями, – на трех добрых мулах, к седлам которых были приторочены три больших чемодана, не спеша выехали из Парижа через Бурдельские ворота. Как только человек у камней их увидел, он, елико возможно, скорчился, почти ползком добрался до рощицы, выбрал самое толстое дерево и спрятался за ним в позе охотника, высматривающего дичь.

Кавалькада проехала, не заметив человека в засаде или, во всяком случае, не обратив на него внимания, а он, напротив, жадно впился глазами во всадников.

«Это я помешал свершиться преступлению, – сказал себе Горанфло, – мое присутствие на этой дороге в эту минуту было проявлением воли божьей; как я бы хотел, чтобы господь снова проявил свою волю и помог мне позавтракать».

Пропустив всадников мимо себя, наблюдатель вернулся в дом.

– Прекрасно! – сказал Горанфло. – Вот встреча, которая принесет мне желанную удачу, если только я не ошибаюсь. Человек, кого-то выслеживающий, не любит, когда его обнаруживают. Значит, я располагаю чьей-то тайной, и пусть хоть шесть денье, но я за нее выручу.

И Горанфло, не мешкая, направил свои стопы к дому. Но чем ближе он подходил к его воротам, тем явственнее представлялись ему воинственная осанка всадника, длинная рапира, бывшая своего владельца по икрам, и угрожающий взгляд, которым тот следил за кавалькадой. И монах сказал себе:

«Нет, решительно я ошибся, такой мужчина не позволит себя запугать».

Пока Горанфло шел к воротам, он окончательно убедился в бесцельности своего плана и чесал себе уже не нос, а ухо.

Вдруг его лицо озарилось, – Идея! – сказал он.

Появление идеи в сонном мозгу монаха было столь редким событием, что Горанфло сам этому удивился. Однако уже и в те времена было известно изречение: необходимость – мать изобретательности.

– Идея! – твердил он. – И идея довольно хитрая. Я скажу ему: «Сударь, у всякого человека есть свои прожекты, свои желания, свои надежды, я помолюсь за исполнение ваших замыслов, пожертвуйте мне сколько-нибудь». Если он задумал какую-то пакость, в чем я нимало не сомневаюсь, он вдвойне заинтересован в том, чтобы за него молились, и поэтому охотно подаст мне милостыню. А потом я предоставлю этот казус на рассмотрение первому доктору богословия, который мне встретится. Я спрошу его – можно ли молиться об исполнении замыслов, кои вам неизвестны, особенно если предполагаешь, что они греховны. Как скажет ученый муж, так я и сделаю, и тогда отвечать буду уже не я, а он. А если я не встречу доктора богословия? Пустяки, раз у нас есть сомнение – мы воздержимся от молитв. А пока суть да дело, я позавтракаю за счет этого доброго человека с дурными намерениями.

Приняв такое решение, Горанфло прижался к стене и стал ждать.

Спустя пять минут ворота распахнулись, и из них появились лошадь и человек. Человек сидел верхом на лошади.

Горанфло подошел.

– Сударь, – начал он, обращаясь к всаднику, – если пять «Pater»²⁵ и пять «Ave»²⁶ во исполнение ваших замыслов покажутся вам не лишними...

Всадник повернул голову к монаху.

– Горанфло! – воскликнул он.

– Господин Шико! – выдохнул пораженный монах.

– Куда, к дьяволу, бредешь ты, куманек? – спросил Шико.

– Сам не знаю, а вы?

– Ну со мной совсем другое дело, я-то знаю, – сказал Шико. – Я еду прямо вперед.

– И далеко?

– Пока не остановлюсь. Но ты, кум, почему ты не можешь мне сказать, что ты здесь делаешь? Я подозреваю кое-что.

– А что именно?

– Ты шпионишь за мной.

– Господи Иисусе!. Мне за вами шпионить, да боже упаси! Я вас увидел, вот и все.

– Когда увидел?

– Когда вы выслеживали мулов.

– Ты дурак.

– Как хотите, но вон из-за тех камней вы внимательно за ними...

– Слушай, Горанфло, я строю себе загородный дом. Этот щепень я купил и хотел удостовериться, хорошего ли он качества.

– Тогда дело другое, – сказал монах, который не поверил ни единому слову Шико. – Стало быть, я ошибся.

– И все же, ты сам, что ты делаешь здесь, за городской заставой?

– Ах, господин Шико, я изгнан, – с сокрушенным вздохом ответил монах.

– Что такое? – удивился Шико.

– Изгнан, говорю вам.

И Горанфло, задрапировавшись в рясу, вытянулся во весь свой невеликий рост и принялся кивать головой вверх и вниз, взгляд его приобрел требовательное выражение, как у человека, которому постигшее его огромное бедствие дает право рассчитывать на сострадание себе подобных.

– Братия отторгли меня от груди своей, – продолжал он, – я отлучен от церкви, предан анафеме.

– Вот как? И за какую вину?

²⁵ «Богородица дева, радуйся» (лат.).

²⁶ «Отче наш» (лат.).

– Послушайте, господин Шико, – произнес монах, кладя руку на сердце, – можете верить мне или не верить, по, слово Горанфло, я и сам этого не знаю.

– Может быть, вас заметили прошлой ночью, куманек, когда вы шлялись по кабакам?

– Неуместная шутка, – строго сказал Горанфло, – вы прекрасно знаете, чем я занимался, начиная с давешнего вечера.

– То есть, – уточнил Шико, – чем вы занимались с восьми часов вечера до десяти. Что вы делали с десяти вечера до трех часов утра, мне неизвестно.

– Как это понять – с десяти вечера до трех утра?

– Да так – в десять часов вы ушли.

– Я? – сказал Горанфло, удивленно выпучив па гасконца глаза.

– Конечно, я даже спросил вас, куда вы идете.

– Куда я иду; вы у меня спросили, куда я иду?

– Да!

– И что я вам ответил?

– Вы ответили, что идете произносить речь. Однако в этом есть доля правды, – пробормотал потрясенный Горанфло.

– Проклятие! Какая там доля, вы даже воспроизвели передо мной добрый кусок вашей речи, она была не из коротких.

– Моя речь состояла из трех частей, такую композицию Аристотель считает наилучшей.

– Ив вашей речи были возмутительные выпады против короля Генриха Третьего.

– Да неужели?! – сказал монах.

– Просто возмутительные, и я не удивлюсь, если узнаю, что вас преследуют как подстрекателя к беспорядкам.

– Господин Шико, вы открываете мне глаза. А что, когда я говорил с вами, у меня был вид человека проснувшегося?

– Должен признаться, куманек, вы показались мне очень странным. Особенно взгляд у вас был такой неподвижный, что я даже испугался. Можно было подумать, что вы все еще не пробудились и говорите во сне.

– И все же, – сказал Горанфло, – какой бы дьявол в это дело ни влез, я уверен, что проснулся нынче утром в «Роге изобилия».

– Ну и что в этом удивительного?

– Как что удивительного? Ведь, по вашим словам, в десять часов я ушел из «Рога изобилия».

– Да, но вы туда вернулись в три часа утра, и в качестве доказательства могу сказать, что вы оставили дверь открытой и я замерз.

– И я тоже, – сказал Горанфло. – Это я припоминаю.

– Вот видите! – подхватил Шико.

– Если только вы говорите правду...

– Как – если я говорю правду? Будьте уверены, куманек, мои слова – чистейшая правда. Спросите-ка у мэтра Бономе.

– У мэтра Бономе?

– Конечно, ведь это он открыл вам дверь. Должен вам заметить, что, вернувшись, вы просто раздувались от спеси, и я вам сказал: «Стыдитесь, куманек, спесь не приличествует человеку, особенно если этот человек – монах».

– И почему я так возгордился?

– Потому что ваша речь имела успех, потому что вас поздравляли и хвалили герцог де Гиз, кардинал и герцог Майеннский... Да продлит господь его дни, – добавил Шико, приподнимая шляпу.

– Теперь мне все понятно, – сказал Горанфло.

– Вот и отлично. Значит, вы признаете, что были на этом собрании? Черт побери, как

это вы его называли? Постойте! Собрание святого Союза. Вот так.

Горанфло уронил голову на грудь и застонал.

– Я сомнамбула, – сказал он, – я давно уже это подозревал.

– Сомнамбула? – переспросил Шико – А что это значит – сомнамбула?

– Это значит, господин Шико, – в моем теле дух господствует над плотью в такой степени, что, когда плоть спит, дух бодрствует и повелевает ею, а плоть, раз уж она спит, вынуждена повиноваться.

– Э, куманек, – сказал Шико, – все это сильно смахивает на колдовство. Если вы одержимы нечистой силой, признайтесь мне откровенно. Как это можно, чтобы человек во сне ходил, размахивал руками, говорил речи, поносящие короля, – и все это не просыпаясь! Клянусь святым чревом! По-моему, это противоестественно. Прочь, Вельзевул! Vade retro, Satanas!

И Шико отъехал в сторону.

– Значит, – сказал Горанфло, – и вы, и вы тоже меня покидаете, господин Шико. Tu quoque, Brute! ай-яй-яй! Я никогда не думал, что вы на это способны.

И убитый горем монах попытался выжать из своей груди рыдание.

Столь великое отчаяние, которое казалось еще более безмерным оттого, что оно заключалось в этом пузатом теле, вызвало у Шико жалость.

– Ну-ка, – сказал он, – повтори, что ты мне говорил?

– Когда?

– Только что.

– Увы! Я ничего не помню, я с ума схожу, голова у меня битком набита, а желудок пуст. Наставьте меня на путь истинный, господин Шико!

– Ты мне говорил что-то о странствиях? – Да, говорил, я сказал, что достопочтенный отец приор отправил меня постранствовать.

– В каком направлении? – осведомился Шико.

– В любом, куда я захочу, – ответил монах.

– И ты идешь?..

– Куда глаза глядят. – Горанфло воздел руки к небу. – Уповаю на милость божью! Господин Шико, не оставьте меня в беде, ссудите меня парой экю на дорогу.

– Я сделаю лучше, – сказал Шико.

– Ну-ка, ну-ка, что вы сделаете?

– Как я вам сказал, я тоже путешествую.

– Правда, вы мне это говорили.

– Ну и вот, я беру вас с собой.

Горанфло недоверчиво посмотрел на Шико, это был взгляд человека, не смеющего верить в свалившееся на него счастье.

– Но при условии, что вы будете вести себя разумно, тогда я вам позволю оставаться закоренелым греховодником. Принимаете мое предложение?

– Принимаю ли я! Принимаю ли я!.. А хватит ли у нас денег на путешествие?

– Глядите сюда, – сказал Шико, вытаскивая длинный кошелек с приятно округлившимися боками. Горанфло подпрыгнул от радости, – Сколько? – спросил он.

– Сто пятьдесят пистолей.

– И куда мы направляемся?

– Это ты увидишь, кум.

– Когда мы позавтракаем?

– Сейчас же.

– Но на чем я поеду? – с беспокойством спросил Горанфло.

– Только не па моей лошади, клянусь телом Христовым. Ты ее раздавишь.

– А тогда, – растерянно сказал Горанфло, – что же мы будем делать?

– Нет ничего проще. Ты пузат, как Силен, и такой же пьяница. Ну и, чтобы сходство было полным, я куплю тебе осла.

– Вы мой король, господин Шико; вы мое солнышко! Только выберите осла покрепче. Вы мой бог. Ну, а теперь, где мы позавтракаем?

– Здесь, смерть Христова, прямо здесь. Взгляни, что там за надпись над этой дверью, и прочти, если умеешь читать.

И в самом деле, дом, находившийся перед ними, представлял собой нечто вроде постоянного двора. Горанфло посмотрел в ту сторону, куда был направлен указующий перст Шико, и прочел:

– «Здесь: ветчина, яйца, паштет из угрей и белое вино».

Трудно описать, как преобразилось лицо Горанфло при виде этой вывески: оно разом ожило, глаза расширились, губы растянулись, обнажив двойной ряд белых и жадных зубов. В знак благодарности монах весело воздел руки к небу и, раскачиваясь всем своим грузным телом в некоем подобии ритма, затянул следующую песенку, которую можно извинить только восторженным состоянием певца:

*Когда осла ты расседлал,
Когда бутылку в руки взял,
Осел на луг несется,
Вино в стаканы льется.
Но в городе и на селе
Счастливей нет монаха,
Когда монах навеселе
Пьет и пьет без страха.
Он пьет за деньги и за так,
И дом родной ему кабак.*

– Отлично сказано! – воскликнул Шико. – Ну, а теперь, возлюбленный брат мой, не теряя ни минуты, пожалуйста за стол, а я тем временем пушусь на поиски осла.

Глава 28.

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ПУТЕШЕСТВОВАЛ НА ОСЛЕ ПО ИМЕНИ ПАНУРГ, И КАК ВО ВРЕМЯ ЭТОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ОН ПОСТИГ МНОГОЕ ТАКОЕ, ЧЕГО РАНЬШЕ НЕ ВЕДАЛ

Прежде чем покинуть гостеприимный кров «Рога изобилия», Шико плотно позавтракал, и только поэтому он на сей раз с таким безразличием отнесся к своему собственному желудку, о котором наш гасконец, какой бы он ни был дурак или каким бы дураком он ни притворялся, всегда проявлял не меньшую заботу, чем любой монах.

К тому же недаром говорится – великие страсти подкрепляют наши силы, а Шико обуреваемая поистине великая страсть.

Он привел брата Горанфло в маленький домик и усадил за стол, на котором перед монахом тут же воздвигли некое подобие башни из ветчины, яиц и бутылок с вином. Достойный брат с присущими ему рвением и обстоятельностью взялся за разрушение этой крепости.

Тем временем Шико отправился по соседним дворам на поиски осла для своего спутника. Он нашел это миролюбивое создание, предмет вожделений Горанфло, дремлющим между быком и лошастью в конюшне у одной крестьянской семьи в Со. Облюбованный Шико ослик был четырехлетком серо-бурого цвета, его довольно упитанное тело покоилось на четырех ногах, имеющих форму веретен. В те времена такой осел стоил двадцать ливров, щедрый Шико дал двадцать два и увел животное, провожаемый благословениями хозяев.

Он вернулся с победой и даже втащил живой трофей в комнату, где пировал Горанфло, уже ополовинивший паштет из угрей и опорожнивший три бутылки вина. Монах, восхищенный видом своего будущего скакуна и размягченный к тому же винными парами,

предрасполагающими к нежным чувствам, расцеловал животное в обе щеки и торжественно всунул ему в рот длинную корку хлеба – лакомство, заставившее ослика зареветь от удовольствия.

– Ого! – сказал Горанфло. – У этой твари божьей чудесный голосок. Мы как-нибудь споем дуэтом. Спасибо, дружок Шико, спасибо.

И немедленно нарек осла Панургом.

Бросив взгляд на стол, Шико убедился, что с его стороны не будет тиранством, если он предложит монаху оторваться от трапезы.

И он провозгласил решительным голосом, которому Горанфло не мог противостоять:

– Поехали, куманек, в дорогу, в дорогу! В Мелоне нас ждет полдник.

Хотя Шико говорил повелительным тоном, но он сумел сдобрить свой строгий приказ шепоткой надежды, поэтому Горанфло повторил без всяких возражений;

– В Мелон! В Мелон!

И тотчас же встал из-за стола и с помощью стула вскарабкался на своего осла, у которого вместо седла была простая кожаная подушка с двумя ременными петлями, заменявшими стремяна. В эти петли монах просунул свои сандалии, затем взял в правую руку поводья, левой – гордо подбоченился и выехал из ворот постоялого двора, величественный, как господь бог, сходство с которым Шико не без оснований в нем улавливал.

Что касается Шико, то он вскочил на своего коня с самоуверенностью опытного наездника, и оба всадника, не медля ни минуты, рысью поскакали по дороге в Мелон.

Они одним махом проделали четыре лье и остановились передохнуть. Монах тут же растянулся па земле под жаркими солнечными лучами и заснул. Шико же занялся подсчетом времени, которое уйдет на дорогу, и определил, что если они будут делать по десять лье за день, то расстояние в сто двадцать лье они покроют за двенадцать дней.

Панург кончиками губ ощипывал кустик чертополоха.

Десять лье – вот и все, что разумно можно было потребовать от соединенных усилий осла и монаха.

Шико покачал головой.

– Это невозможно, – пробормотал он, глядя на Горанфло, который безмятежно спал на придорожном откосе, как на мягчайшем пуховике, – нет, это невозможно; если этот долгополый хочет ехать со мной, он должен делать не менее пятнадцати лье в день.

Как видите, с некоторого времени на брата Горанфло начали сыпаться всяческие напасти.

Шико толкнул монаха локтем, чтобы разбудить и, когда тот пробудится, сообщить свое решение.

Горанфло открыл глаза.

– Что, мы уже в Мелоне? – спросил он. – Я проголодался.

– Нет, куманек, – сказал Шико, – нет еще, и вот поэтому-то я вас и разбудил. Нам необходимо поскорее туда добраться. Мы двигаемся слишком медленно, клянусь святым чревом, мы двигаемся слишком медленно!

– Ну, а почему, собственно, скорость нашего передвижения так огорчает вас, любезный господин Шико? Дорога жизни нашей идет в гору, ибо она заканчивается па небе, подниматься по ней нелегко. К тому же что нас гонит? Чем дольше мы будем в пути, тем больше времени проведем вместе. Разве я странствую не ради распрости пения веры Христовой, а вы, разве вы путешествуете не для собственного удовольствия? Ну вот, чем медленнее мы поедем, тем надежнее будет внедряться в сердца святая вера, чем медленнее мы поедем, тем больше развлечений достанется на вашу долю. К примеру, я посоветовал бы подзадержаться в Мелоне на недельку; уверяют, что там готовят превосходные паштеты из угрей, а мне хотелось бы сделать беспристрастное и аргументированное сравнение мелонского паштета с паштетами других французских провинций. Что вы на это скажете, господин Шико?

– Скажу, – ответил гасконец, – что я совсем другого мнения: по-моему, нам надо двигаться как можно быстрее и, чтобы наверстать упущенное время, не полдничать в Мелоне, а прямо поужинать в Монтеро.

Горанфло недоуменно уставился на своего товарища по путешествию.

– Поехали, поехали! В дорогу! – настаивал Шико. Монах, который лежал, вытянувшись во всю длину, положив руки под голову, ограничился тем, что приподнялся и, утвердившись в своем седалище, жалобно застонал.

– Тогда, куманек, – продолжал Шико, – коли вы хотите остаться и путешествовать на свой собственный лад, дело ваше, хозяйское.

– Нет, нет, – поспешно сказал Горанфло, напуганный призраком одиночества, от которого он только что чудом ускользнул, – я поеду с вами, господин Шико, я вас люблю и никогда не оставлю.

– Раз так, в седло, куманек, в седло!

Горанфло подвел своего осла к межевому столбику и утвердился на его спине, но на этот раз сел не верхом, а боком – на женский манер. Он заявил, что в такой позиции ему будет удобнее вести беседу. На самом же деле монах, предвидя, что его осла придется бежать с удвоенной скоростью, разумно решил иметь под рукой две дополнительные точки опоры: гриву и хвост.

Шико поскакал крупной рысью; осел с ревом последовал за ним.

Первые минуты скачки были ужасны для Горанфло; к счастью, та часть тела, которая служила ему основной опорой, имела столь обширную площадь, что монаху легче было сохранять равновесие, чем любому другому наезд-пику.

Время от времени Шико привставал на стремянах и смотрел вперед; не обнаружив на горизонте того, что ему было нужно, он давал шпоры коню.

Сначала Горанфло думал только о том, как бы не слететь на землю, и поэтому оставлял без внимания эти свидетельства нетерпения, показывавшие, что Шико кого-то разыскивает. Но когда он мало-помалу освоился и «выработал дыхание», как говорят пловцы, странное поведение гасконца бросилось ему в глаза.

– Эй, любезный господин Шико, – спросил он гасконца, – кого вы ищете?

– Никого, – ответил Шико. – Я просто гляжу, куда мы едем.

– Но ведь мы едем в Мелон, как мне кажется. Вы мне сами это сказали, вы мне даже обещали...

– Нет, мы не едем, куманек, мы не едем, мы стоим на месте, – отозвался Шико, пришпоривая коня.

– Как это мы не едем! – возмутился монах. – Да мы не сходим с рыси.

– В галоп! В галоп! – приказал гасконец, переводя своего коня в галоп.

Панург, увлеченный примером, также помчался галопом, но с плохо скрытой злостью, не предвещавшей его всаднику ничего хорошего.

У Горанфло перехватило дыхание.

– Скажите, скажите, пожалуйста, господин Шико! – закричал он, как только снова обрел дар речи. – Вы зовете это путешествием для развлечения, но я совсем не развлекаюсь, лично я.

– Вперед! Вперед! – ответил Шико.

– Но у осла такие жесткие бока.

– Хорошие наездники галопируют только стоя на стремянах.

– Да, но я, я не выдаю себя за хорошего наезд-пика.

– Тогда оставайтесь!

– Нет, черт возьми! – закричал Горанфло. – Ни за что на свете!

– Ну, раз так, слушай меня, и вперед! Вперед! И Шико, снова пришпорив коня, погнал его еще с большей скоростью.

– Панург хрипит! – кричал Горанфло. – Панург останавливается.

– Тогда прощай, куманек! – сказал Шико.

Горанфло на секунду чуть было не поддался искушению ответить теми же словами, но вспомнил, что лошадь, которую он проклинал в глубине сердца, унесет на своей спине не только его неумолимого спутника, но вместе с ним и кошелек, спрятанный у того в кармане. Поэтому он подчинился судьбе и, бешено колотя сандалиями в бока разъяренного осла, заставил его возобновить галоп.

– Я убью моего бедного Панурга, – жалобно кричал монах, взывая к корысти Шико, раз уж ему, по-видимому, не удалось повлиять на чувство сострадания гасконца, – я его убью, определенно убью.

– Что делать, убейте его, куманек, убейте, – хладнокровно отвечал Шико, ни на секунду не замедляя скачки. – Мы купим мула.

Панург, словно уразумев угрозу, содержащуюся в этих словах, свернул с большой дороги и вихрем помчался по высохшей боковой тропинке, идущей над самым обрывом. По этой тропинке Горанфло и пешим не осмелился бы пройти.

– Помогите! – кричал монах. – Помогите! Я свалюсь в реку!

– Нет никакой опасности, – отвечал Шико, – ручаюсь, что вы не утонете, даже если и свалитесь.

– О! – лепетал Горанфло. – Я умру, наверняка умру. И подумать только, все это случилось потому, что я стал сомнамбулой.

И монах направил в небеса взгляд, казалось говоривший: «Господи, господи, какое преступление я совершил, что ты наслал на меня такую казнь?» Вдруг Шико, выехав на вершину холма, так резко осадил коня, что захваченное врасплох животное присело на задние ноги, крупом едва не коснувшись земли.

Горанфло, худший наездник, чем Шико, и к тому же вместо уздечки располагавший только поводком, Горанфло, говорим мы, продолжал скакать вперед.

– Стой! Кровь Христова! Стой! – кричал Шико. Но ослом овладело желание скакать галопом, а ослы весьма неохотно расстаются со своими желаниями.

– Остановись! – кричал Шико. – Иначе, даю слово, я пошлю тебе пулю вдогонку.

«Какой дьявол вселился в этого человека, – спрашивал себя Горанфло, – какая муха его укусила?» Но голос Шико звучал все более и более грозно, и монаху уже чудился свист догонявшей его пули, поэтому он решился на маневр, выполнение которого значительно облегчалось его посадкой в седле; маневр этот состоял в том, чтобы соскользнуть с осла на землю.

– Вот и все! – сказал он, храбро скатываясь на свои мощные ягодицы и обеими руками сжимая поводок. Осел сделал еще несколько шагов, но волей-неволей должен был остановиться.

Тогда Горанфло начал искать глазами Шико, надеясь увидеть на его лице восхищение, которое не могло там не появиться при виде маневра, так лихо выполненного монахом.

Но Шико спрятался за скалой и оттуда продолжал делать предостерегающие и угрожающие знаки.

Эти призывы к осторожности заставили монаха понять, что на сцене есть и еще какие-то действующие лица. Он посмотрел вперед и увидел на дороге, на расстоянии пятисот шагов, трех всадников на мулах, едущих спокойной рысцой.

Горанфло с первого взгляда узнал путников, выехавших утром из Парижа через Бурдельские ворота, тех, кого Шико так прилежно высматривал из-за дерева.

Шико, не двигаясь, выждал, пока три всадника не скроются из вида, и тогда, только тогда подошел к своему спутнику, который сидел там, где упал, и крепко сжимал в руках поводок Панурга.

– Да растолкуйте же мне наконец, любезный господин Шико, – сказал Горанфло, уже начинавший терять терпение, – чем мы занимаемся; только что требовалось скакать сломя голову, а теперь надо сидеть, где сидишь.

– Мой добрый друг, – сказал Шико, – я лишь хотел узнать, хорошей ли породы ваш

осел и не обманули ли меня, заставив выложить за него двадцать два ливра. Теперь испытание закончено, и я доволен выше головы.

Как вы понимаете, монах не был обманут таким ответом и собрался было показать это своему спутнику, но природная леность одержала верх, шепнув ему на ухо, что с Шико лучше не спорить.

И монах ограничился тем, что, не скрывая своего дурного настроения, сказал:

– А, плевать на все! Но я чертовски устал и зверски голоден.

– Что ж, за этим дело не станет, – успокоил его Шико, игриво похлопывая по плечу. – Я тоже устал, я тоже голоден и в первом постоялом дворе, который встретится на нашем пути, мы...

– Что мы?.. – сказал Горанфло, не веря в такой счастливый поворот своей горемычной судьбы.

– А то, – продолжал Шико. – Мы закажем свиную поджарку, одно или два фрикасе из кур и кувшин самого лучшего вина, какое только есть в погребе.

– И вправду? Неужто на этот раз вы не обманете?

– Даю слово, куманек.

– Тогда поехали, – сказал монах, поднимаясь с земли. – Сейчас же поехали искать этот благословенный уголок. Шевели ногами, Панург, у тебя на обед будут отруби.

Осел радостно заревел.

Шико сел на коня, Горанфло пошел пешком, ведя осла в поводу.

Вскоре путники увидели столь необходимый им постоялый двор. Он находился на дороге между Корбеем и Мелоном. Но, к большому удивлению Горанфло, уже издали любовавшемуся этим желанным приютом, Шико приказал ему сесть на осла и повернул по дороге налево, в обход постоялого двора. Впрочем, Горанфло, чья сообразительность все время совершенствовалась, тут же понял, чем была вызвана эта причуда: перед воротами стояли три мула тех путешественников, за которыми Шико, по-видимому, следил.

«Так, значит, от прихоти каких-то трех проходимцев, – подумал Горанфло, – будет зависеть все наше путешествие, даже часы наших трапез? Как это печально».

И он сокрушенно вздохнул.

Со своей стороны, Панург, увидев, что они удаляются от прямой линии, которую даже ослы считают кратчайшим расстоянием между двумя точками, остановился и уперся в землю всеми четырьмя копытами, словно собираясь пустить корни на том месте, где он стоит.

– Видите, – жалостно сказал Горанфло, – даже мой осел отказывается идти.

– Ах, вот как! Отказывается идти? Ну погоди же! – ответил Шико.

И, подойдя к кизиловой изгороди, он выломал из нее гибкий и довольно внушительный прут, длиною в пять футов и с дюйм толщиной.

Панург не принадлежал к числу тех глупых четвероногих, которые не интересуются происходящим вокруг и, не умея предвидеть события, замечают палку только тогда, когда удары обрушиваются на их спину. Он следил за действиями Шико, и они, несомненно, внушали ослу немалое уважение, и как только Панургу показалось, что он разгадал намерения гасконца, он тотчас же расслабил ноги и бойко двинулся вперед.

– Он пошел! Он пошел! – закричал Горанфло своему спутнику.

– Все равно, для того, кто путешествует в компании осла и монаха, добрая палка всегда пригодится, – изрек Шико.

И взял кизиловый прут с собой.

Глава 29.

О ТОМ, КАК БРАТ ГОРАНФЛО ОБМЕНЯЛ СВОЕГО ОСЛА НА МУЛА, А МУЛА – НА КОНЯ

Мытарства Горанфло, по крайней мере в этот день, подходили к концу: сделав крюк, два друга снова выехали на большую дорогу и остановились на постоялом дворе,

соперничающим с тем придорожным приютом, который они объехали, и удаленным от него на расстояние три четверти лье.

Шико занял комнату, выходящую на дорогу, и распорядился, чтобы ужин был подан в комнату. Но по всему было видно, что пища не являлась для гасконца первостепенной заботой. Зубами он работал вполсилы, зато смотрел во все глаза и слушал во все уши. Так продолжалось до десяти часов; поскольку к этому часу Шико не увидел и не услышал ничего подозрительного, он снял осаду, наказал засыпать своему коню и ослу монаха двойную порцию овса и отрубей и оседлать их, как только засветает.

Услышав этот наказ, Горанфло, который уже битый час казался спящим, а на самом деле пребывал в состоянии сладостной истомы, вызываемой сытным обедом, орошенным достаточным количеством бутылок доброго вина, тяжело вздохнул.

– Как только засветает? – переспросил он.

– Э, клянусь святым чревом! – сказал Шико. – Ты должен иметь привычку подниматься с рассветом.

– Почему? – поинтересовался Горанфло.

– А утренние мессы?

– Аббат освободил меня от них по слабости здоровья, – ответил монах.

Шико пожал плечами и произнес одно лишь слово:

«Бездельник», прибавив к его окончанию букву «и», которая, как известно, является признаком множественного числа.

– Ну да, бездельники, – согласился Горанфло, – конечно, бездельники. А почему бы и нет?

– Человек рожден для труда, – наставительно сказал гасконец.

– А монах для отдохновения, – возразил брат Горанфло, – монах – исключение из рода человеческого.

И, довольный этим доводом, сразившим, по-видимому, даже самого Шико, Горанфло с великим достоинством вышел из-за стола и улегся в постель, которую Шико из страха, как бы монах не допустил какой-нибудь оплошности, приказал поставить в своей комнате.

И в самом деле, если бы брат Горанфло не спал таким крепким, сном, то он мог бы увидеть, как Шико, едва рассвело, встал с постели, подошел к окну и, укрывшись за портьерой, принялся наблюдать за дорогой.

Вдруг он отпрянул от окна, несмотря на свою портьеру, и проснулся брат Горанфло в эту минуту, он услышал бы, как стучат подковы трех мулов по вымощенной булыжником дороге.

Шико тут же подскочил к спящему монаху и принялся трясти его за плечо, пока тот не проснулся.

– Неужели мне не дадут ни минуты покоя? – забормотал Горанфло, проспавший десять часов кряду.

– Вставай, вставай, – торопил Шико. – Быстро, одеваемся и едем.

– А завтрак? – осведомился монах.

– Ждет нас на дороге в Монтеро.

– Что это такое – Монтеро? – спросил монах, совершенно невежественный в географии.

– Монтеро, – ответил гасконец, – это город, где завтракают. Вам этого довольно?

– Да, – коротко отозвался Горанфло.

– Тогда, куманек, – сказал Шико, – я спущусь вниз расплатиться за нас и за наших животных. Если через пять минут вы не будете готовы, я уеду без вас.

Утренний туалет монаха недолог, но у Горанфло он все же занял шесть минут. Поэтому, выйдя из ворот постоялого двора, он увидел, что Шико, пунктуальный, как швейцарец, уже скачет по дороге. Горанфло взобрался на Панурга, а Панург, воодушевленный двойной порцией овса и отрубей, которую ему отпустили по приказанию Шико, сам, не

дожидаясь ничьих указаний, взял с места галопом и вскоре скакал бок о бок с лошадью Шико.

Гасконец стоял на стременах, прямой, как жердь.

Горанфло также привстал и увидел на горизонте трех мулов, исчезающих за гребнем холма.

Монах тяжело вздохнул, подумав, как это печально, что его судьба зависит от чьей-то чужой воли.

– На этот раз Шико сдержал слово: они позавтракали в Монтеро.

Весь день был похож на предыдущий, как одна капля воды на другую, да и следующий день прошел примерно одинаково. Поэтому мы смело можем опустить подробности. Горанфло, плохо ли, хорошо ли, но уже начинал привыкать к кочевому образу жизни, когда на четвертые сутки к вечеру он заметил, что Шико постепенно утрачивает свою обычную веселость. Уже с полудня гасконец потерял всякий след трех всадников на мулах, поэтому он поужинал в дурном настроении и плохо спал ночью.

Горанфло ел и пил за двоих, распевал свои лучшие песенки, но Шико оставался мрачным и в разговоры не вступал.

Едва рассвело, он был уже на ногах и расталкивал своего спутника. Монах оделся, и от самых ворот они поскакали рысью, а вскоре перешли на бешеный галоп.

Но все было напрасно – мулы не появлялись на горизонте.

К полудню и конь и осел выбились из сил.

На мосту Вильнев-ле-Руа Шико подошел к будке сборщика мостовой пошлины со всех тварей, имеющих копыта.

– Вы не видели трех всадников на мулах? – спросил он. – Они должны были проехать нынче утром.

– Нынче утром не проезжали, сударь, – ответил сборщик. – Они проехали вчера рано вечером.

– Вчера?

– Да, вчера вечером, в семь часов.

– Вы их приметили?

– Проклятие! Как обычно примечают проезжающих.

– Я вас спрашиваю, не помните ли вы, что это были за люди?

– Мне показалось, что один из них господин, остальные двое – лакеи.

– Это они, – сказал Шико.

И дал сборщику экю. Затем пробормотал про себя:

– Вчера вечером, в семь часов. Клянусь святым чревом, они обогнали меня на двенадцать часов! Мужайся, друг Горанфло!

– Послушайте, господин Шико, – сказал монах, – я-то еще держусь, но Панург уже совсем с ног валится.

Действительно, бедное животное, выбившееся из сил за последние два дня, дрожало всем телом, и эта дрожь невольно сообщалась его всаднику.

– Да и ваша лошадь, – продолжал Горанфло, – посмотрите, в каком она состоянии.

И вправду, благородный скакун, каким бы он ни был горячим, а может быть, именно поэтому, был весь в пене, густой пар валил из его ноздрей, а из глаз, казалось, вот-вот брызнет кровь.

Шико, быстро осмотрев обоих животных, по-видимому, согласился с мнением своего товарища.

Горанфло облегченно вздохнул.

– Слушайте, брат сборщик, – сказал Шико, – мы должны сейчас принять великое решение.

– Но вот уже несколько дней, как мы только этим и занимаемся, – воскликнул Горанфло, лицо которого вытянулось еще прежде, чем он услышал, что ему грозит.

– Мы должны расстаться, – сказал Шико, хватая, как говорится, быка за рога.

– Ну вот, – сказал Горанфло, – вечно все та же шутка! А зачем нам расставаться?

– Вы слишком медлительны, куманек.
– Клянусь богородицею! – воскликнул Горанфло. – Я несусь как ветер, нынче утром мы скакали галопом пять часов кряду.
– И все же этого недостаточно.
– Тогда поехали, быстрее поедешь, скорее прибудешь. Ведь я предполагаю, что мы в конце концов куда-нибудь да прибудем?
– Моя лошадь не может идти, в ваш осел отказывается от службы.
– Тогда что же делать?
– Оставим их здесь и заберем на обратном пути. лом?
– Ну а мы сами? Вы что, хотите тащиться пешедралом?
– Мы поедем на мулах.
– А где их взять?
– Мы их купим.
– Ну вот, – вздохнул Горанфло, – опять расходы.
– Итак?
– Итак, поехали на мулах.
– Bravo, куманек, вы начинаете образовываться. Поручите Баярда и Панурга заботам хозяина, а я пойду за мулами.

Горанфло старательно выполнил данное ему поручение: за четыре дня, проведенные им с Панургом, он оценил если не достоинства осла, то, во всяком случае, его недостатки. Монах заметил, что тремя главными недостатками, присущими Панургу, были три порока, к которым он и сам имел склонность, а именно: лень, чревоугодие и сластолюбие. Это наблюдение тронуло сердце монаха, и он не без сожаления расставался со своим ослом. Однако брат Горанфло был не только лентяй, обжора и бабник, прежде всего он был эгоистом и потому предпочитал скорее расстаться с Панургом, чем распрощаться с Шико, ибо в кармане последнего, как мы уже говорили, лежал кошелек.

Шико вернулся с двумя мулами, на которых они в этот день покрыли расстояние в двадцать лье; вечером он с радостью увидел трех мулов, стоявших у дверей кузницы.

– Ах! – впервые вырвался у него вздох облегчения, – Ах! – вслед за ним вздохнул Горанфло.

Но наметанный глаз Шико подметил, что на мулах нет сбруи, а возле них – господина и его двух лакеев, Мулы стояли в своем природном наряде, то есть с них было снято все, что можно было снять, а что касается до господина и лакеев, то они исчезли.

Более того, вокруг мулов толпились неизвестные люди, которые их осматривали и, по-видимому, оценивали. Здесь были: лошадиный барышник, кузнец и два монаха-францисканца; они вертели бедных животных из стороны в сторону, смотрели им в зубы, заглядывали в уши, щупали ноги; одним словом – всесторонне изучали.

Дрожь пробежала по телу Шико.

– Шагай туда, – сказал он Горанфло, – подойди к францисканцам, отведи их в сторону и хорошенько расспроси. Я надеюсь, что у монахов не может быть секретов от монаха. Незаметно выведай у них, откуда взялись эти мулы, какую цену за них просят и куда девались их хозяева, потом вернешься и все мне расскажешь, Горанфло, обеспокоенный тревожным состоянием своего друга, крупной рысью погнал своего мула к кузнице и, спустя несколько минут вернулся, – Вот и всего делов, – сказал он. – Во-первых, знаете ли вы, где мы находимся?

– А, смерть Христова! Мы едем по дороге в Лион, – сказал Шико, – и это единственное, что мне нужно знать.

– Пусть так, но вам еще нужно знать, по крайней мере вы так говорили, куда подевались хозяева этих мулов.

– Ну да, выкладывай.

– Тот, что смахивает на дворянина...

– Ну, ну!

– Тот, что смахивает на дворянина, поехал отсюда в Авиньон по короткой дороге через Шато-Шинон и Прива.

– Один?

– Как один?

– Я спрашиваю, он один свернул на Авиньон?

– Нет, с лакеем.

– А другой лакей?

– А другой лакей поехал дальше, по старой дороге.

– В Лион?

– В Лион.

– Чудесно. А почему дворянин поехал в Авиньон? Я полагал, что он едет в Рим. Однако, – задумчиво сказал Шико, словно разговаривая сам с собой, – я у тебя спрашиваю то, чего ты не можешь знать.

– А вот и нет... Я знаю, – ответил Горанфло. – Ну и удивлю же я вас!

– А что ты знаешь?

– Он едет в Авиньон, потому что его святейшество папа послал в Авиньон легата, которому доверил все полномочия.

– Добро, – сказал Шико, – все ясно... А мулы?

– Мулы устали; они их продали кузнецу, а тот хочет перепродать францисканцам.

– За сколько?

– По пятнадцати пистолей за голову, – На чем же они поехали?

– Купили лошадей. – У кого?

– У капитана рейтаров, он занимается здесь ремонтом, – Клянусь святым чревом, куманек! – воскликнул Шико. – Ты драгоценный человек, только сегодня я тебя оценил по-настоящему!

Горанфло самодовольно осклабился.

– Теперь, – продолжал Шико, – заверши то, что ты так прекрасно начал.

– Что я должен сделать?

Шико спешился и вложил узду своего мула в руку Горанфло.

– Возьми наших мулов и предложи их обоим францисканцам за двадцать пистолей.

Они должны отдать тебе предпочтение.

– И они мне его отдадут, – заверил Горанфло, – иначе я донесу на них ихнему аббату.

– Браво, куманек, ты уже образовался.

– Ну, а мы, – спросил Горанфло, – мы-то на чем поедem?

– На конях, смерть Христова, на конях!

– Вот дьявол! – выругался монах, почесывая ухо.

– Полно, – сказал Шико, – ты такой наездник!

– Как когда, – вздохнул Горанфло. – Но где я вас найду?

– На городской площади.

– Ждите меня там.

И монах решительным шагом направился к францисканцам, в то время как Шико боковой улочкой вышел на главную площадь маленького городка.

Там на постоялом дворе под вывеской «Отважный петух» он нашел капитана рейтаров, распивавшего прелестное легкое оксерское вино, которое доморощенные знатоки путают с бургундским. Капитан сообщил гасконцу дополнительные сведения, по всем пунктам подтверждавшие донесение Горанфло.

Шико незамедлительно договорился с ремонтером о двух лошадях, и brave капитан тут же внес их в список павших в пути. Благодаря такому непредвиденному падежу, Шико смог заполучить двух коней за тридцать пять пистолей.

Теперь оставалось только сторговать седла и уздечки, но тут Шико увидел, как из боковой улицы на площадь вышел Горанфло с двумя седлами на голове и двумя уздечками в руках.

- Ото! – воскликнул гасконец. – Что сие означает, куманек?
– Разве вы не видите? – ответил Горанфло. – Это седла и уздечки с наших мулов.
– Так ты их удержал, преподобный отче? – сказал Шико, расплываясь в улыбке.
– Ну да, – сказал монах.
– И ты продал мулов?
– По десять пистолей за голову.
– И тебе заплатили?
– – Вот они, денежки.

И монах потрянул карманом, в котором дружно зазвякали всевозможные монеты.

– Клянусь святым чревом! – воскликнул Шико. – Ты великий человек, куманек.

– Такой уж, какой есть, – с притворной скромностью подтвердил Горанфло.

– За дело! – сказал Шико.

– Но я хочу пить, – пожаловался монах.

– Ладно, пей, пока я буду седлать, только смотри не напейся.

– Одну бутылочку.

– Идет, одну, но не больше.

Горанфло осушил две, оставшиеся деньги он вернул Шико.

У Шико мелькнула было мысль не брать у монаха эти двадцать пистолей, уменьшившиеся на стоимость двух бутылок, но он тут же сообразил, что если у Горанфло заведется хотя бы два эку, то он в тот же день выйдет из повиновения.

И гасконец, ничем не выдав монаху своих колебаний, взял деньги и сел на коня.

Горанфло сделал то же с помощью капитана рейтаров, тот, будучи человеком богобоязненным, поддержал ногу монаха; в обмен за эту услугу Горанфло, устроившись в седле, одарил капитана своим пастырским благословением.

– В добрый час, – сказал Шико, пуская своего коня в галоп, – вот молодчик, которому отныне уготовано место в раю.

Горанфло, увидев, что его ужин скачет впереди, пустил свою лошадь вдогонку; надо сказать, что он делал несомненные успехи в искусстве верховой езды и уже не хватался одной рукой за гриву, другой за хвост, а вцеплялся обеими руками в переднюю луку седла и с этой единственной точкой опоры скакал так быстро, что не отставал от Шико.

В конце концов он стал проявлять даже больше усердия, чем его патрон, и всякий раз, когда Шико менял аллюр и придерживал лошадь, монах, который рыси предпочитал галоп, продолжал скакать, подбадривая своего коня криками «ур-ра!».

– Эти самоотверженные усилия заслуживали вознаграждения, и через день вечером, немного не доезжая Шалона, Шико вновь обнаружил мэтра Никеля Давида, переодетого лакеем, и до самого Лиона не упускал его из виду. К вечеру восьмого дня после их отъезда из Парижа все трое проехали через городские ворота.

Примерно в этот же час, следуя в противоположном направлении, Бюсси и супруги Сен-Люк, как мы уже говорили, увидели стены Меридорского замка.

Глава 30.

О ТОМ, КАК ШИКО И ЕГО ТОВАРИЩИ ОБОСНОВАЛИСЬ В ГОСТИНИЦЕ «ПОД ЗНАКОМ КРЕСТА» И КАКОЙ ПРИЕМ ИМ ОКАЗАЛ ХОЗЯИН ГОСТИНИЦЫ

Мэтр Николя Давид, все еще переодетый лакеем, направился к площади Терро и остановил свой выбор на главной городской гостинице с вывеской «Под знаком креста».

Адвокат вошел в гостиницу на глазах у Шико, и гасконец некоторое время наблюдал за дверями этого заведения, дабы удостовериться, что его враг действительно там остановился и никуда от него не уйдет.

– Ты не возражаешь против гостиницы «Под знаком креста»? – спросил он у своего спутника.

– Никоим образом, – ответил тот.

– Тогда войди туда и попроси отдельную комнату, скажи, что ждешь своего брата; так оно у нас и выйдет: ты будешь ждать меня на пороге, а я погуляю по городу и приду только поздно ночью. Ты со своего поста будешь следить за постояльцами и хорошенько изучишь план дома, а потом встретишь меня и проведешь в нашу комнату так, чтобы мне не пришлось столкнуться с людьми, которых я не хочу видеть. Ты все понял?

– Все.

– Комнату выбери просторную, светлую, с хорошими подходами и, по возможности, смежную с комнатой того постояльца, который только что прибыл. Позаботься, чтобы окна выходили на улицу и я мог бы видеть, кто входит и выходит из гостиницы; имени моего не произноси ни под каким предлогом, а повару посули златые горы.

Горанфло прекрасно выполнил это поручение. Комната была выбрана, ночь наступила, а с наступлением темноты появился и Шико, Горанфло взял его за руку и отвел в снятую им комнату. Монах, глупый от природы, был все же хитер, как все церковники, он указал Шико на то обстоятельство, что хотя их комната и расположена по другой лестнице, чем комната Николя Давида, она имеет с последней смежную стену – простую перегородку из дерева и известки, которую при желании легко можно продырявить.

Шико слушал монаха с неослабным вниманием, и присутствуя при этом посторонний наблюдатель, который мог бы видеть и говорившего и слушающего, он бы заметил, что лицо гасконца постепенно прояснялось. Когда монах закончил свою речь, Шико сказал:

– Все, что ты мне сейчас сообщил, заслуживает вознаграждения. Сегодня вечером, Горанфло, ты получишь херес, да, херес, черт возьми, не будь я твой друг-приятель.

– Мне еще ни разу не приходилось быть пьяным от хереса, – признался Горанфло, – это должно быть необычайно приятное состояние.

– Клянусь святым чревом! Ты познаешь его через два часа. Это говорю тебе я, Шико, – пообещал гасконец, вступая во владение комнатой.

Шико вызвал к себе хозяина гостиницы. Может быть, кому-то покажется, что рассказчик этой истории, следуя за своими героями, слишком часто посещает гостиницы. На это рассказчик ответит, что не его вина, если эти герои, одни – выполняя желание возлюбленной, другие – скрываясь от королевского гнева, едут на север и на юг. Попадая в эпоху, промежуточную между античной древностью, когда постоялых дворов не было, так как их заменяло братское радушие людей, и современностью, когда постоялый двор вырождается в табльдот, автор был вынужден останавливаться в гостиницах, где происходят важные события его романа. Заметим, что караван-сарай нашего Запада в те времена подразделялись на три вида: гостиницы, постоялые дворы и кабачки. Этой классификацией не следует пренебрегать, хотя сейчас она во многом утратила свое значение. Обратите внимание, что мы не упомянули превосходные бани, которым в наши дни не создано ничего равноценного, бани, завещанные Римом императоров Парижу королей и унаследовавшие от античности многообразные языческие наслаждения.

Однако в царствование Генриха III эти заведения были сосредоточены в стенах столицы; провинция в те времена должна была довольствоваться гостиницами, постоялыми дворами и кабачками.

Итак, мы находимся в гостинице.

И хозяин заведения сразу же дал это почувствовать своим новым постояльцам. Когда Шико попытался пригласить его к себе, хозяин передал, что пусть они наберутся терпения и подождут, пока он не побеседует с гостем, прибывшим раньше и потому обладающим правом первоочередности.

Шико догадался, что этим гостем должен быть его адвокат.

– О чем они могут говорить? – спросил Шико.

– Вы думаете, что у хозяина и вашего человека есть какие-то секреты?

– Проклятие! А разве вы сами не видите? Если эта надутая морда, что нам

повстречалась, которая, как я полагаю, принадлежит хозяину гостиницы...

– L – Ему самому, – подтвердил монах.

–...вдруг ни с того ни с сего соглашается побеседовать с человеком, одетым лакеем...

– А! – сказал Горанфло. – Он переоделся; я его видел, теперь он весь в черном.

– Еще одно доказательство, – заметил Шико. – Хозяин, несомненно, участвует в игре.

– Хотите, я попытаюсь исповедовать его жену? – предложил Горанфло.

– Нет, – ответил Шико, – лучше поди-ка ты прогуляйся по городу.

– Вот как! А ужин? – поинтересовался Горанфло.

– Я закажу его в твое отсутствие. И на, возьми экую, это поможет тебе продержаться до ужина. Горанфло принял экую с благодарностью. За время путешествия монах не раз уже совершал такие поздние вылазки, он обожал эти набеги на окрестные кабаки и время от времени отваживался на них и в Париже, прикрываясь своим положением брата сборщика милостыни. Но с тех пор, как Горанфло покинул монастырь, ночные прогулки особенно ему понравились. Теперь он всеми своими порами дышал воздухом свободы, и монастырь уже представлялся ему в воспоминаниях мрачной темницы.

Итак, подоткнув полы рясы, монах выбежал из комнаты со своим экую в кармане.

Как только он исчез, Шико, не теряя времени, взял штопор и провертел в перегородке на уровне своего глаза дырку.

Правда, толщина досок не позволяла Шико обозревать в этот глазок, величиной с отверстие сарбакана, всю комнату адвоката, но зато, приложив к нему ухо, гасконец мог вполне отчетливо слышать все, что говорилось в комнате.

К тому же, по счастливой случайности, в поле зрения Шико находилось лицо хозяина гостиницы, разговаривающего с Николя Давидом.

Начала разговора Шико, как мы знаем, не слышал, однако из тех слов, которые ему удалось уловить, явствовало, что Давид всячески выказывает перед хозяином свою преданность королю и даже намекает на некую важную миссию, якобы возложенную на него господином де Морвилье.

Пока он так говорил, хозяин гостиницы слушал с видом несомненно почтительным, но в то же время довольно безучастным, и едва достаивал адвоката ответом. Шико даже показалось, что он улавливает то ли во взгляде хозяина, то ли в интонациях его голоса иронию, заметную особенно отчетливо всякий раз, когда адвокат произносил имя короля.

– Эге! – сказал Шико. – Наш хозяин, часом, не лигист ли он? Смерть Христова! Я это выясню.

И поскольку в комнате Николя Давида не говорилось ничего интересного, Шико решил подождать, пока хозяин гостиницы не соизволит занести ему визит.

Наконец дверь открылась.

Хозяин вошел, почтительно держа свой колпак в руке, но на лице его еще сохранялось то подмеченное Шико насмешливое выражение, с которым он беседовал с мэтром Николя Давидом.

– Присядьте, любезный хозяин, – сказал Шико, – и, прежде чем мы окончательно договоримся, выслушайте мою историю.

Хозяин явно недоброжелательно отнесся к такому вступлению и даже отрицательно мотнул головой в знак того, что он предпочитает оставаться на ногах.

– Как вам угодно, сударь, – сказал Шико. Хозяин снова мотнул головой, как бы желая сказать, что он здесь у себя и может делать, что ему угодно, не ожидая приглашения.

– Сегодня утром вы меня видели вместе с монахом, – продолжал Шико.

– Да, сударь, – подтвердил хозяин., – Тише. Об этом не надо говорить... Монах этот изгнан.

– Вот как! – сказал хозяин. – Может статься, он переодетый гугенот?

Шико принял вид оскорбленного достоинства.

– Гугенот! – проговорил он с отвращением. – Высказали – гугенот? Знайте, этот

монах мой родственник, а в моей родне нет гугенотов. И что это вам взбрело в голову? Добрый человек, вы должны краснеть от стыда, говоря такие нелепости.

– Э, сударь, – сказал хозяин, – всякое бывает.

– Только не в моем семействе, сеньор содержатель гостиницы! Напротив, этот монах есть самый что ни на есть злейший враг гугенотов. Поэтому-то он и впал в немилость у его величества Генриха Третьего, который, как вам известно, поощряет еретиков.

Хозяин, по-видимому, начал проникаться живейшим интересом к гонимому Горанфлю.

– Тише, – предупредил он, поднося палец к губам.

– То есть как тише? – спросил Шико. – Неужели в вашу гостиницу затесались люди короля?

– Боюсь... – сказал хозяин, кивнув головой. – Там, в комнате рядом, есть один приезжий...

– Ну тогда, – сказал Шико, – мы оба, я и мой родственник, немедленно покидаем вас, ибо он изгнан, его преследуют.

– А куда вы пойдете?

– У нас есть два-три адреса, которыми нас снабдил один содержатель гостиницы, наш друг мэтр Ла Юрьер.

– Ла Юрьер! Вы знаете Ла Юрьера?

– Тс-сс! Не называйте его по имени. Мы познакомились накануне ночи святого Варфоломея.

– Теперь, – сказал хозяин, – я вижу, что вы оба, ваш родственник и вы, святые люди; я тоже знаю Ла Юрьера. Купив эту гостиницу, я даже хотел, в знак нашей дружбы, дать ей то же название, что и у его заведения, то есть «Путеводная звезда», но гостиница уже приобрела некоторую известность с вывеской «Под знаком креста», и я побоялся, как бы перемена названия не отразилась па доходах. Значит, вы сказали, сударь, что ваш родственник...

– Имел неосторожность в своей проповеди заклеить гугенотов. Проповедь имела огромный успех. Его величество, всехристианнейший король, разгневанный этим успехом, свидетельствующим о настроении умов, приказал разыскать моего брата и заточить в тюрьму.

– И тогда? – спросил хозяин, уже не пытаясь скрыть своего сочувствия.

– Черт побери! Я его похитил, – сказал Шико.

– И хорошо сделали. Бедняга!

– Монсеньер де Гиз предложил мне взять его под свое покровительство.

– Как, великий Генрих де Гиз? Генрих Свя...

– Генрих Святой.

– Да, вы верно сказали, Генрих Святой.

– Но я боюсь гражданской войны.

– Ну коли так, – сказал хозяин, – если вы друзья монсеньера де Гиза, стало быть, вы знаете это?

И он сделал рукой перед глазами Шико нечто вроде масонского знака, с помощью которого лигисты узнавали друг Друга.

Шико в ту знаменитую ночь, проведенную им в монастыре святой Женевьевы, заметил не только этот жест, который раз двадцать мелькал перед его глазами, но и ответный условный знак.

– Черт побери! – сказал он. – А вы – это? И, в свою очередь, взмахнул руками.

– Коли так, – сказал хозяин гостиницы, проникнувшись полным доверием к новым постояльцам, – вы здесь у себя, мой дом – ваш дом. Считайте меня другом, а я вас буду считать братом, и если у вас нет денег...

Вместо ответа Шико вытащил из кармана кошелек, который, хотя уже несколько осунулся, тем не менее все еще сохранял тучность, радующую глаз и невольно внушающую доверие.

Вид округлого кошелька всегда приятен; да, он радуется даже великодушного друга,

который предложил вам денег, но, взглянув на ваш кошелек, убедился, что вы в них не нуждаетесь и что, таким образом выказав свои благородные чувства, он избавлен от необходимости подкрепить слова делом.

– Хорошо, – сказал хозяин.

– Я вам скажу, – добавил Шико, – дабы успокоить вас еще больше, что мы странствуем с целью распространения веры, и наши путевые расходы нам оплачивает казначей святого Союза. Укажите нам гостиницу, где мы могли бы ничего не опасаться.

– Проклятие! – сказал хозяин. – Нигде вы не будете в большей безопасности, чем здесь, у меня, господа. Я за это ручаюсь.

– Но вы только что говорили о человеке, снявшем смежную комнату.

– Да, но пусть он ведет себя примерно. Как только я замечу, что он шпионит за вами, слово Бернуйе, он вылетит отсюда.

– Вас зовут Бернуйе? – спросил Шико.

– Да, это мое имя, сударь, и, смею заметить, я горжусь тем, что оно известно среди верных если не в столице, то, во всяком случае, в провинции. Однако ваше слово, одно-единственное, и я выброшу этого проходимца из гостиницы.

– Зачем? – сказал Шико. – Напротив, оставьте его здесь. Всегда предпочтительней иметь врагов около себя, по крайней мере, тогда за ними можно следить.

– Вы правы, – сказал Бернуйе, восхищенный умом своего постояльца.

– Но что заставляет вас принимать этого человека за нашего врага? Я говорю: «За нашего врага», – продолжал гасконец с ласковой улыбкой, – ибо я вижу, что мы братья.

– Да, да, конечно, – сказал хозяин. – Что заставляет меня...

– Вот именно, что заставляет вас?

– А то, что он прибыл сюда одетый лакеем, а здесь переоделся вроде бы в адвоката. Но он адвокат не больше, чем лакей; я заметил, что из-под плаща, который он бросил на стул, торчит кончик длинной рапиры. К тому же он мне говорил о короле с почтением, которого сейчас ни от кого уже не услышишь, и, наконец, он признался, что выполняет какое-то поручение господина де Морвилье, а вам должно быть известно, что Морвилье министр у Навуходоносора.

– У Ирода, как я его, называю.

– Сарданапала!

– Браво!

– Эге, да мы понимаем друг друга с полуслова, – сказал хозяин гостиницы.

– Клянусь богом! – подтвердил Шико. – Решено, я остаюсь.

– Полагаю, что вам лучше остаться.

– Но ни слова о моем родственнике.

– Разрази господь!

– Ни обо мне.

– За кого вы меня принимаете? Но тише, я слышу чьи-то шаги.

На пороге появился Горанфло.

– О! Это он – достопочтенный отец! – воскликнул хозяин.

И, подойдя к монаху, сделал перед ним знак лигистов.

При виде этого знака Горанфло обуяли изумление и страх.

– Отвечайте, отвечайте же, брат мой, – сказал Шико. – Наш хозяин знает все, он из наших.

– Из каких наших? – усомнился Горанфло. – Как это понять?

– Из святого Союза, – вполголоса сказал Бернуйе.

– Вы видите, что ему можно ответить. Отвечайте же! Тогда Горанфло сделал ответный знак, донельзя обрадовав хозяина.

– Однако, – сказал монах, торопясь переменить разговор, – мне обещали херес.

– Херес, малага, аликанте – все вина моего погреба в полном вашем распоряжении, брат мой.

Горанфло перенес свой взгляд с хозяина на Шико, а с Шико на небеса. Он ничего не понимал в том, что случилось, и было видно, как в своем чисто монашеском смирении он признает себя недостойным свалившегося ему на голову счастья.

Горанфло напивался три дня подряд: первый день – хересом, второй – малагой, третий – аликанте, но в конце концов признал, что самое приятное опьянение у него наступает после бургундских вин, и на четвертые сутки вернулся к шамбертену.

За эти четыре дня, пока монах занимался своими изысканиями, Шико не покидал комнаты и с утра до вечера следил за поведением адвоката Николя Давида.

Хозяин, который приписывал это затворничество страху перед предполагаемым приверженцем короля, изощрялся в издевательствах над нежелательным постояльцем.

Но тот был неуязвим, по крайней мере, с виду. Николя Давид назначил Пьеру де Гонди встречу в гостинице «Под знаком креста» и не хотел покидать своего временного убежища, опасаясь, что посланец герцогов Гизов его не разыщет. Поэтому в присутствии хозяина он казался совершенно бесчувственным. Правда, когда за мэтром Бернуйе захлопывалась дверь, Шико через дырку в стене с большим интересом созерцал припадки бешенства, которым Николя Давид, оставшись один, предавался в полное свое удовольствие.

Уже на следующий день после прибытия в гостиницу Шико видел, как Николя Давид, заметив недобрые намерения хозяина, погрозил кулаком мэтру Бернуйе, правда, не самому мэтру, а двери, которая за ним закрылась.

– Еще пять-шесть дней, мерзавец, – прошипел адвокат, – и ты мне за все заплатишь!

Теперь Шико знал достаточно и был уверен, что Николя Давид не покинет гостиницы, пока не придет ответ от папского легата.

Но на шестой день – или на седьмой, если считать со дня прибытия в гостиницу, – Николя Давид, которого хозяин, несмотря на все уговоры Шико, предупредил, что занимаемая им комната в ближайшее время будет нужна, серьезно заболел.

Хозяин настаивал, чтобы адвокат убрался из гостиницы немедленно, пока еще может стоять на ногах. Адвокат просил разрешения остаться до завтрашнего утра, обещая, что за ночь его состояние, несомненно, улучшится. На следующий день ему стало хуже.

Мэтр Бернуйе пришел сообщить эту новость своему другу, лигисту.

– Дела идут, – говорил он, потирая руки, – наш королевский прихвостень, друг Ирода, собирается на смотр к адмиралу, трам-там-там, трам-там-там.

На языке лигистов выражение «отправиться на смотр к адмиралу» означало – перейти из мира сего в мир иной.

– Вот как! – сказал Шико. – Вы думаете, что он умрет?

– Жуткая лихорадка, мой возлюбленный брат, лихорадка расправляется с ним, как на поединке: тьерс, куатр, двойной удар. Он прямо подпрыгивает на постели и, безусловно, обуян демоном: моих слуг колотит, меня задушить пытался. Медики ничего не понимают в его болезни.

Шико задумался.

– Вы сами его видели? – спросил он.

– Конечно, ведь я говорю вам: он хотел меня задушить.

– Как он выглядит?

– Бледный, возбужденный, исхудалый и вопит как одержимый.

– А что он вопит?

– «Берегите короля! Жизнь короля в опасности!» – Каков мерзавец!

– Просто негодяй. Затем, время от времени, он твердит, что ждет какого-то человека из Авиньона и не хочет умирать, пока с ним не встретится.

– Вот видите, – сказал Шико. – Значит, он говорит об Авиньоне?

– Каждую минуту.

– Пресвятое чрево! – вырвалось у Шико его любимое проклятие.

– Ну и ну, – произнес хозяин, – вот будет потеха, если он умрет!

– Большая потеха, – ответил Шико, – но пусть лучше доживет до прибытия этого

человека из Авиньона.

– Почему? Чем скорее он сдохнет, тем раньше мы от него избавимся.

– Да, но я не довожу своей ненависти до такой степени, чтобы желать гибели и телу и душе, и раз этот человек из Авиньона придет его исповедать...

– Э! Уверяю вас, все это просто горячечный бред, пустой призрак больного воображения, и никого он не ждет.

– Ну, кто знает? – сказал Шико.

– Вы добрейшая душа и примерный христианин, – заметил хозяин.

– «Воздай за зло добром» – гласит божья заповедь, Хозяин удалился в полном восхищении.

Что до Горанфло, то он не ведал никаких забот и толстел на глазах; на девятый день такой жизни лестница, ведущая на второй этаж, стонала под его тяжестью. Его разбухшее тело с трудом вмещалось в пространство между стеной и перилами, и однажды вечером Горанфло испуганным голосом объявил Шико, что лестница почему-то похудела. Все остальное: адвокат Николя Давид, Лига, плачевное состояние, в которое впала религия, – нисколько не занимало монаха. У него не было иных забот, кроме как вносить разнообразие в меню и приводить в гармонию местные бургундские вина и различные блюда, которые он заказывал. Всякий раз, завидев Горанфло, мэтр Бернуйе задумчиво повторял:

– Просто не верится, что этот толстопузый отче может быть фонтаном красноречия,

Глава 31.

О ТОМ, КАК МОНАХ ИСПОВЕДОВАЛ АДВОКАТА И КАК АДВОКАТ ИСПОВЕДОВАЛ МОНАХА

Наконец наступил или, по-видимому, наступил день, который должен был освободить гостиницу от докучного постояльца. Мэтр Бернуйе ворвался в комнату Шико, хохоча во все горло, и гасконцу не сразу удалось выяснить причину столь неумеренного веселья.

– Он умирает! – кричал хозяин гостиницы, исполненный христианского милосердия. – Он кончается! Наконец-то он сдохнет!

– И поэтому вы так радуетесь? – спросил Шико.

– Конечно, ведь вы сыграли с ним превосходную шутку.

– Какую шутку?

– А разве нет? Признайтесь, что вы его разыграли.

– Я разыграл больного?

– Да!

– О чем речь? Что с ним случилось?

– Что с ним случилось? Вы знаете, что он все время кричал, требуя какого-то человека из Авиньона!

– Ну и что, неужто этот человек наконец-то прибыл?

– Он прибыл.

– Вы его видели?.

– Черт побери, разве сюда может кто-нибудь войти, не попавшись мне на глаза?

– И каков он из себя?

– Человек из Авиньона? Маленький, тощий, розовощекий.

– Это он! – вырвалось у Шико.

– Вот, вот, не спорьте, это вы его подослали, иначе вы не признали бы его.

– Посланец прибыл! – воскликнул Шико, поднимаясь и закручивая свой ус. – Клянусь святым чревом! Расскажите мне все подробно, кум Бернуйе.

– Нет ничего проще, тем более если не вы над ним подшутили, то вы мне скажете, кто это мог сделать. Час назад подвешивал я тушку кролика к ставню и вдруг вижу: перед дверью стоит большая лошадь, а на ней сидит маленький человечек. «Здесь остановился мэтр

Николя?» – спросил человечек. Вы же знаете, наш подлый королевский прихвостень под этим именем записался в книге.

- Да, сударь, – ответил я.
- Тогда скажите ему, что особа, которую он ждет из Авиньона, прибыла.
- Охотно, сударь, но я должен вас кое о чем предупредить.
- О чем именно?
- Мэтр Николя, как вы его зовете, при смерти.
- Тем более вы должны немедленно выполнить мое поручение.
- Но вы, наверное, не знаете, что он умирает от злокачественной лихорадки.
- Вправду?.. – воскликнул человечек. – Тогда летите со всех ног.
- Значит, вы настаиваете?
- Настаиваю.
- Несмотря на опасность?
- Несмотря ни на что. Я вам сказал: мне необходимо его видеть.

Маленький человечек рассердился и говорил со мной повелительным тоном, не допуская возражений. Поэтому я его провел в комнату умирающего.

- Значит, сейчас он там? – спросил Шико, показывая рукой на стенку.
- Там, не правда ли, как это смешно?
- Необычайно смешно, – сказал Шико.
- Какое несчастье, что мы не можем слышать!
- Да, действительно, несчастье.
- Сцена должна быть веселенькой.
- В высшей степени. Но кто мешает вам войти туда?
- Он меня отослал.
- Под каким предлогом?
- Под предлогом, что будет исповедоваться.
- А кто вам мешает подслушивать у дверей?
- Да, вы правы! – сказал хозяин, выбегая из комнаты.

Шико, со своей стороны, устремился к дырке в стене.

Пьер де Гонди сидел у изголовья постели больного, и они разговаривали, но так тихо, что Шико не смог разобрать ни слова.

К тому же беседа явно подходила к концу, и вряд ли бы он узнал из нее что-нибудь важное, так как уже через пять минут господин де Гонди поднялся, распрощался с умирающим и вышел из комнаты.

Шико бросился к окну.

Лакей, сидящий на приземистой лошадке, держал за узду огромного коня, о котором говорил хозяин; минуту спустя посланец Гизов появился из дверей, взобрался па коня и исчез за углом улицы, выходящей на большую парижскую дорогу.

– Смерть Христова! – сказал Шико. – Только бы он не увез с собой генеалогическое древо, ну а если так, я все равно его догоню, хотя бы пришлось загнать десяток лошадей. Но нет, – добавил он, – адвокаты хитрые бестии, а наш в особенности, и я подозреваю... Да, кстати, – продолжал Шико, нетерпеливо постукивая ногой и, по-видимому, связывая свои мысли в один узел, – кстати, куда девался этот бездельник Горанфло?

В эту минуту вошел хозяин.

- Ну что? – спросил Шико.
- Уехал, – ответил хозяин.
- Исповедник?
- Он такой же исповедник, как и я.
- А больной?
- Лежит в обмороке после разговора.
- Вы уверены, что он все еще в своей комнате?
- Черт побери! Да он выйдет оттуда только ногами вперед.

– Добро, идите и пошлите ко мне моего брата, как только он появится, – Даже если он пьян?

– В любом состоянии, – Это очень срочно?

– Это для блага нашего дела.

Бернуйе поспешно вышел, он был человеком, преисполненным чувства долга.

Теперь наступил черед Шико метаться в лихорадке. Он не знал, что ему делать: мчаться вслед за Гонди или проникнуть в комнату адвоката. Если последний действительно так болен, как предполагает хозяин, то он должен был передать все бумаги Пьеру де Гонди. Шико метался, как безумный, по комнате, хлопая себя по лбу и пытаясь найти правильное решение среди тысячи мыслей, бурлящих в его мозгу, как пузырьки в котелке.

Из комнаты Николя Давида не доносилось ни единого звука. Шико был виден только угол постели, задернутой занавесками.

Вдруг на лестнице раздался голос, заставивший его вздрогнуть, – голос монаха.

Горанфло, подпираемый хозяином, который тщетно пытался заставить его замолчать, преодолевал одну ступеньку за другой, распевая сиплым голосом:

*В голове моей давно
Спорят горе
И вино.
И такой подняли шум,
Что он хуже всяких дум.
Горю силы не дано:
Все равно
Победит его вино.
Со слезою в мутном взоре
Удалится злое горе.
В голове моей
Одно
Будет царствовать вино.*

Шико подбежал к двери.

– Заткнись, ты, пьяница, – крикнул он.

– Пьяница... – бормотал монах. – ..если человек пропустил глоточек вина, он еще не пьяница!

– Да ну же, пошевеливайся, иди сюда, а вы, Бернуйе..., вы..., понимаете?

– Да, – сказал хозяин, утвердительно кивнув головой, и бегом спустился с лестницы, прыгая разом через четыре ступеньки.

– Сказано тебе, иди сюда! – продолжал Шико, вталкивая Горанфло в комнату. – И поговорим серьезно, если только ты в состоянии что-нибудь уразуметь.

– Проклятие! – сказал Горанфло. – Вы насмехаетесь надо мной, куманек. Я и так серьезен, как осел на водопое.

– Как осел после винопою, – сказал Шико, пожимая плечами.

Потом он довел монаха до кресла, в которое Горанфло немедленно погрузился, испустив радостное «ух!».

Шико закрыл дверь и подошел к монаху с таким мрачным выражением лица, что тот понял – ему придется кое-что выслушать.

– Ну что там еще? – сказал он, будто подводя этим последним словом итог всем мучениям, которые Шико заставил его претерпеть.

– А то, – сурово ответил Шико, – что ты пренебрегаешь прямыми обязанностями своего сана, ты закоснел в распутстве, ты погряз в пьянстве, а в это время святая вера брошена на произвол судьбы, клянусь телом Христовым!

Горанфло удивленно воззрился на собеседника., – Ты обо мне? – переспросил он.

– А о ком же еще? Погляди на себя, смотреть тошно: ряса разодрана, левый глаз подбит. Видать, ты с кем-то подрался по дороге.

– Ты обо мне? – повторил монах, все более и более поражаясь граду упреков, к которым Шико обычно не был склонен.

– Само собой, о тебе; ты по колено в грязи, и в какой грязи! В белой грязи. Это доказывает, что ты наливался где-то в предместьях.

– Ей-богу, ты прав, – сказал Горанфло.

– Нечестивец! И ты называешься монахом монастыря святой Женевиевы! Будь ты еще бечевочник...

– Шико, друг мой, я виноват, я очень виноват, – униженно каялся Горанфло.

– Ты заслужил, чтобы огонь небесный спалил тебя всего до самых сандалий. Берегись, коли так будет и дальше, я тебя брошу.

– Шико, друг мой, – сказал монах, – ты этого не сделаешь.

– И в Лионе найдутся лучники, – О, пощади, мой благородный покровитель! – взмолился монах и не заплакал, а заревел, как бык.

– Фи! Грязная скотина, – продолжал Шико свои увещевания, – и подумать только, какое время ты выбрал для распутства! Тот самый час, когда наш сосед кончается.

– Это верно, – сказал Горанфло с глубоко сокрушенным видом.

– Подумай, христианин ты или нет?

– Да, я христианин! – завопил Горанфло, поднимаясь на ноги. – Да, я христианин! Клянусь кишками папы! Я им являюсь; я это провозглашу, даже если меня будут поджаривать на решетке, как святого Лаврентия.

И, протянув руку, будто для клятвы, он заорал так громко, что в окнах зазвенели стекла:

*Я богат, мой милый сын,
Тем, что я христианин.*

– Хватит, – сказал Шико, рукой зажимая монаху рот, – если ты христианин, не дай твоему брату христианину умереть без покаяния.

– Это верно, где он, мой брат христианин? Я его исповедую, – сказал Горанфло, – только сначала я выпью, ибо меня мучит жажда.

Шико передал Горанфло полный воды кувшин, который тот опорожнил почти до самого дна.

– Ах, сын мой, – сказал он, ставя кувшин на стол, – глаза мои проясняются.

– Вот это хорошо, – ответил Шико, решив воспользоваться этой минутой прояснения.

– Ну а теперь, дорогой друг, – продолжал монах, – кого я должен исповедовать?

– Нашего бедного соседа, он при смерти.

– Пусть ему принесут пинту вина с медом, – посоветовал Горанфло.

– Я не возражаю, однако он более нуждается в утешении духовном, чем в мирских радостях. Это утешение ты ему и принесешь.

– Вы думаете, господин Шико, я к этому достаточно подготовлен? – робко спросил монах.

– Ты! Да я никогда еще не видел тебя столь исполненным благодати, как сейчас. Ты его быстрехонько вернешь к истинной вере, если он заблуждался, и пошлешь прямехонько в рай, если он ищет туда дорогу, – Бегу к нему.

– Постой, сперва выслушай мои указания.

– Зачем? Я уже двадцать лет монашествую и уж наверное знаю свои обязанности.

– Но сегодня ты будешь исполнять не только свои обязанности, но также и мою волю.

– Вашу волю?

– И если ты в точности ее исполнишь, – ты слушаешь? – я оставлю на твое имя в «Роге изобилия» сотню пистолей, чтобы ты мог пить, или есть, по твоему выбору.

– И пить и есть, мне так больше нравится.

– Пусть так. Сто пистолей, слышишь? Если только ты исповедуешь этого почтенного полупокойника.

– Я его исповедую наилучшим образом, заberi меня чума! Как ты хочешь, чтобы я его исповедал?

– Слушай: твоя ряса облакает тебя большой властью, ты говоришь и от имени бога, и от имени короля. Надо, чтобы ты своим красноречием принудил этого человека отдать тебе бумаги, которые ему только что привезли из Авиньона.

– А зачем мне вытягивать из него какие-то бумаги? Шико с сожалением посмотрел на монаха.

– Чтобы получить тысячу ливров, ты, круглый дурак, – сказал он.

– Вы правы, – согласился Горанфло. – Я иду туда.

– Постой еще. Он скажет тебе, что уже исповедался.

– Ну а что, если он и в самом деле уже исповедовался?

– Ты ему ответишь: «Не лгите, сударь – человек, который вышел из вашей комнаты, не духовное лицо, а такой же интриган, как и вы сами».

– Но он рассердится?

– А тебе-то что? Пускай, раз он при смерти.

– Оно верно.

– Теперь тебе ясно: можешь говорить ему о боге, о дьяволе, о ком и о чем хочешь, но любым способом ты вытянешь у него бумаги, привезенные из Авиньона. Понимаешь?

– А если он не согласится их отдать?

– Ты откажешь ему в отпущении грехов, ты его проклянешь, ты его предашь анафеме.

– Либо я отберу их у него силой.

– Пускай так. Однако достаточно ли ты протрезвел, чтобы выполнить все мои указания?

– Выполню все неукоснительно, вот увидите. И Горанфло провел ладонью по своему широкому лицу, словно стирая видимые следы опьянения. Взгляд его стал спокойным, хотя внимательный наблюдатель мог бы его счесть и тупым, речь сделалась медленной и размеренной жесты – сдержанными, только руки все еще тряслись.

Собравшись с силами, он торжественно двинулся к двери.

– Минуточку, – задержал его Шико, – когда он отдаст тебе бумаги, зажди их хорошенько в кулаке, а другой рукой постучи в стенку, – А если он откажется?

– Тоже стучи.

– Значит, и в том и в другом случае я должен стучать?

– Да.

– Хорошо.

И Горанфло вышел из комнаты, а Шико, охваченный неизъяснимым волнением, припал ухом к стене, стараясь не упустить ни малейшего звука.

Прошло десять минут, скрип половиц возвестил о том, что монах вошел в комнату соседа, а вслед за тем и сам Горанфло появился в узком кружке, которым ограничивалось поле зрительного наблюдения гасконца.

Адвокат приподнялся на постели и молча смотрел на приближающееся к нему странное видение.

– Эге, добрый день, брат мой! – провозгласил Горанфло, остановившись посреди комнаты и покачивая своими широкими плечами, дабы удержать равновесие.

– Зачем вы пришли сюда, отче? – слабым голосом простонал больной.

– Сын мой, я недостойный служитель церкви, я узнал, что вы в опасности, и пришел побеседовать с вами о спасении вашей души.

– Благодарю вас, – ответил умирающий, – но, я думаю, ваши заботы напрасны. Мне уже полегчало. Горанфло отрицательно покачал головой.

– Вы так думаете? – спросил он.

– Я в этом уверен.

– Козни Сатаны – ему хочется, чтобы вы умерли без покаяния.

– Сатана сам попадется в свои тенета. Я только что исповедался, – Кому?

– Святому отцу, который приехал из Авиньона. Горанфло покачал головой.

– Как, разве он не священник?

– Нет.

– Откуда вы знаете?

– Я с ним знаком.

– С тем, кто вышел отсюда?

– Да, – ответил Горанфло с такой убежденностью, что адвокат растерялся, хотя, как известно, адвокатов чрезвычайно трудно смутить. – И посему, раз ваше состояние не улучшилось, – добавил монах, – и поелику тот человек не был священником, вам необходимо исповедаться.

– Я только этого и желаю, – сказал адвокат неожиданно окрепшим голосом. – Но я бы хотел сам выбрать себе духовника.

– Вы не располагаете временем, чтобы послать за другим, сын мой, и раз уж я здесь...

– Как это я не располагаю временем? – воскликнул больной, голос которого все более и более набирал силу. – Ведь я вам сказал, что мне полегчало, ведь я вам говорю, что уверен в своем выздоровлении.

Горанфло в третий раз покачал головой.

– А я, – сказал он все так же невозмутимо, – я, со своей стороны, утверждаю, сын мой, что вам следует приготовиться к худшему. Вы приговорены и врачами и божественным провидением. Жестоко это говорить вам, я знаю, но в конце концов все мы там будем, одни раньше, другие позже. В этом есть равновесие, равновесие высшей справедливости, и к тому же утешительно умереть в сей жизни, зная, что ты воскреснешь в другой, так, сын мой, говорил даже Пифагор, а он был всего лишь язычник. Не тяните, возлюбленное мое чадо, исповедуйтесь мне в грехах своих.

– Но, заверяю вас, отец? мой, я уже достаточно окреп, вероятно, на меня благотворно подействовало ваше святое присутствие.

– Заблуждение, сын мой, заблуждение, – не отступал Горанфло, – в предсмертный миг жизненные силы как бы обновляются. Лампада вспыхивает перед тем, как угаснуть навсегда! Ну, ну, давайте, – продолжал монах, усаживаясь возле кровати, – расскажите мне о ваших интригах, о ваших заговорах, о ваших кознях.

– О моих интригах, моих заговорах, моих кознях! – проговорил Николя Давид, отодвигаясь от этого странного духовника, которого он не знал, но который, по-видимому, хорошо знал его.

– Да, – сказал Горанфло, наклоняясь к больному и соединив большие пальцы своих сложенных рук, – а потом, когда вы мне все расскажете, вы отдадите мне бумаги, и, быть может, господь бог смиростивится и позволит мне отпустить вам грехи.

– Какие бумаги? – закричал больной, да так громко, словно совсем здоровый человек.

– Бумаги, которые тот, кого вы называете священником, привез вам из Авиньона.

– А кто вам сказал, что тот человек привез мне бумаги? – спросил адвокат, высовывая одну ногу из-под одеяла. Его голос прозвучал неожиданно резко, и это вывело Горанфло из привычного состояния благодной полудремоты, в которое он начал было погружаться, сидя в своем кресле.

Монах подумал, что настало время применить силу.

– Тот, кто мне это сказал, знал, что говорил! – прикрикнул он на больного. – Давай

бумаги, бумаги давай, или не будет тебе отпущения!

– Плевал я на твое отпущение, каналья! – воскликнул Давид, выскакивая из постели и хватая Горанфло за горло.

– Однако, – забормотал тот, – у вас что, припадок горячки начался? Вы что, не хотите исповедаться? Вы...

Проворные и сильные пальцы адвоката впились в горло монаха и прервали фразу Горанфло; вместо слов послышался свист, очень похожий на хрипение.

– Нет, это я займусь твоими грехами, бесово отродье, – вскричал Николя Давид, – а что до горячки, то увидишь, помешает ли она мне задушить тебя!

Брат Горанфло был силен, но, по несчастью, находился в состоянии похмелья, когда выпитое вино воздействует на нервную систему, парализуя ее. Это расслабляющее воздействие обычно сталкивается с противоположной реакцией, выражающейся в том, что человек после опьянения вновь обретает свои способности.

Поэтому, только собрав все свои силы, монах смог приподняться в кресле и, упершись обеими руками в грудь адвоката, отшвырнуть его от себя, Справедливости ради заметим, что, как бы ни был расслаблен организм брата Горанфло, все же монах отбросил Николя Давида с такой силой, что тот покатился на середину комнаты.

Но тут же яростно вскочил и одним прыжком оказался у стены, где под черной адвокатской мантией висела длинная шпага, замеченная мэтром Бернуье. Адвокат выхватил шпагу из ножен и приставил острие к горлу монаха, который, будучи истощен своим сверхчеловеческим усилием, снова упал в кресло.

– Пришла твоя очередь исповедоваться, – глухим голосом сказал Николя Давид, – или ты умрешь.

Почувствовав прикосновение холодной стали к горлу, Горанфло разом протрезвел и уяснил себе всю серьезность создавшегося положения.

– О! – сказал он. – Так вы вовсе не больны. Значит, ваша агония – чистое притворство?

– Ты забываешь, что ты должен не спрашивать, а отвечать.

– Отвечать на что?

– На мои вопросы.

– Спрашивайте.

– Кто ты такой?

– Вы сами видите, – сказал Горанфло.

– Это не ответ, – возразил адвокат, чуть сильнее нажимая острием шпаги на горло монаха.

– Какого дьявола! Будьте поосторожней! Ведь если вы меня убьете прежде, чем я вам отвечу, вы вообще ничего не узнаете.

– Ты прав. Как твое имя?

– Брат Горанфло.

– Так ты настоящий монах?

– А какой же еще? Само собой, настоящий.

– Почему ты оказался в Лионе?

– Потому что меня изгнали.

– Как ты попал в эту гостиницу?

– Случайно.

– И давно ты здесь?

– Шестнадцать дней.

– Почему ты за мной шпионил?

– Я не шпионил за вами.

– Откуда ты знаешь, что я получил бумаги?

– Мне это сообщили.

– Кто сообщил?

- Тот, кто послал меня к вам, – А кто послал тебя ко мне?
- Вот этого я не могу сказать, – И все же ты скажешь.
- Ой-ой-ой! Святая дева! Я позову на помощь, я закричу.
- А я тебя убью.
- Монах завопил. На острие шпаги адвоката показалась капля крови.
- Его имя, – сказал он.
- Ах, ей-богу, ничего не поделаешь, – ответил Горанфло, – я держался, сколько мог.
- Разумеется, твоя честь спасена. Ну, кто тебя послал ко мне?
- Это...
- Горанфло еще колебался; он никак не мог решиться предать друга.
- Кончай же, – приказал адвокат, топая ногой.
- Ей-богу, ничего не поделаешь! Это Шико.
- Королевский шут?
- Да, он.
- А где он сейчас?
- Я здесь! – раздался голос.

И на пороге комнаты появился Шико, бледный, серьезный, с обнаженной шпагой в руке.

Глава 32. О ТОМ, КАК ШИКО, ПРОБУРАВИВ ОДНУ ДЫРКУ ШТОПОРОМ, ПРОТКНУЛ ДРУГУЮ ШПАГОЙ

Узнав человека, которого он имел все основания считать своим смертельным врагом, мэтр Николя Давид в ужасе отшатнулся.

Воспользовавшись минутным замешательством адвоката, Горанфло отскочил в сторону, нарушив таким образом прямую линию, соединявшую его горло со шпагой.

– Ко мне, любимый друг! – завопил он. – Ко мне! На помощь! Спасите! Режут! Меня режут!

– А, любезный господин Давид! – сказал Шико. – Да неужто это вы?

– Да, – пробормотал Давид, – да, разумеется, это я.

– Счастлив вас видеть, – продолжал Шико.

Затем, повернувшись к монаху, сказал:

– Мой добрый Горанфло, пока мы полагали, что этот господин при смерти, твое присутствие здесь, как духовника, было необходимо, но теперь, когда выяснилось, что он чувствует себя как нельзя лучше, ему не нужен исповедник, поэтому он сейчас будет иметь дело с дворянином.

Давид попытался изобразить презрительную улыбку.

– Да, с дворянином, – подтвердил Шико, – который покажет вам, что он хорошего происхождения. Любезный Горанфло, – сказал гасконец, снова обращаясь к монаху, – сделайте мне одолжение – посторожите на лестничной площадке и последите, чтобы никто не вошел и не помешал нашей беседе; думаю, что она не затянется.

Горанфло не желал ничего лучшего, чем оказаться вне досягаемости шпаги Николя Давида.

Поэтому он осторожно описал полукруг, возможно теснее прижимаясь к стене, и, добравшись до двери, легко перепорхнул через порог; за время, проведенное в комнате адвоката, он потерял в весе не менее ста фунтов;

Шико спокойно закрыл за ним дверь и задвинул засов. Давид сначала взирав на эти подготовительные действия со страхом, вызванным неожиданным оборотом событий, однако мало-помалу пришел в себя, вспомнил, что он всеми признанный мастер фехтовального искусства, подумал, что в конечном счете он остался с Шико один на один, и когда гасконец, закрыв дверь за Горанфло, обернулся, адвокат уже стоял, опираясь спиной о спинку кровати,

со шпагой в руке и с улыбкой на устах.

– Оденьтесь, сударь, – сказал Шико, – можете не торопиться. Я не хочу иметь никакого преимущества перед вами. Я знаю – вы знаменитый фехтовальщик и владеете шпагой, как сам Леклерк, но мне это безразлично.

Давид рассмеялся.

– Неплохая шутка, – сказал он.

– Да, – ответил Шико, – во всяком случае, мне она тоже нравится, потому что это я ее сочинил, а вы – человек тонкого вкуса, сейчас еще больше ее оцените. Знаете ли вы, зачем я пришел сюда, к вам, мэтр Николя?

– За недополученными ударами ремнем, которые я остался вам должен от имени герцога Майеннского в тот день, когда вы так ловко сиганули в окно.

– Нет, сударь, этим ударам я знаю счет, и, будьте покойны, я верну их тому, кто приказал меня ими наградить. Я пришел сюда за неким генеалогическим древом, которое господин Пьер де Гонди привез из Авиньона, не зная, что он везет, и совсем недавно вручил вам, не зная, что он вручает.

Давид побледнел.

– Какое еще генеалогическое древо?

– Древо герцогов де Гизов, которые, как вы знаете, нисходят по прямой линии от Карла Великого.

– Ага! – сказал Давид. – Значит, вы к тому же и шпион, сударь? А я-то вас принимал только за шута.

– С вашего дозволения, милостивый государь, в этом деле я буду и тем и другим: как шпион я приведу вас на виселицу, и вас вздернут, а как шут буду смеяться над этой церемонией.

– Меня вздернут!

– «Высоко и сразу», сударь. Надеюсь, вы не претендуете на обезглавливание, это привилегия дворянского сословия.

– И как вы этого думаете добиться?

– О, весьма простым способом. Я расскажу правду, вот и все. Не скрою от вас, милостивый государь, что я присутствовал в прошлом месяце на семейном тайном совете, который держали в монастыре святой Женевиевы их сиятельства герцоги де Гизы и госпожа де Монпансье.

– Вы?

– Да, я квартировал в исповедальне напротив той, которую занимали вы; в этих коробках крайне неудобно, не правда ли? А мне пришлось еще хуже, чем вам, потому что я не мог вылезти, пока не кончится все действие, а оно чрезвычайно затянулось. Таким образом, я присутствовал на выступлениях господина де Монсоро, Ла Юрьера и какого-то монаха, имени его я не могу вспомнить, но он показался мне весьма красноречивым. Затем я видел коронование герцога Анжуйского, оно было не столь занимательным. Но зато последняя маленькая пьеска оказалась чрезвычайно забавной. Играли комедию «Генеалогическое древо Лотарингских принцев», с добавлениями и исправлениями мэтра Николя Давида. Это была пресмешная штучка, ей не хватало только разрешения его святейшества.

– А! Стало быть, вы знаете о генеалогическом древе, – сказал Давид, с трудом сдерживаясь и кусая себе губы от злости, – Да, – сказал Шико, – и нахожу его весьма и весьма остроумно придуманным, особенно в части, относящейся к салическому закону. Только ведь для вас это большая беда – обладать столь незаурядным умом и талантом; ведь у нас выдающихся людей принято попросту вешать. Вы оказались столь хитроумным человеком, что я проникся к вам живейшим интересом. «Как? – сказал я себе. – Неужели я позволю вздернуть на виселицу brave господина Давида, искуснейшего учителя фехтования, первоклассного адвоката, одного из моих добрых друзей, наконец, когда я могу не только спасти его от петли, но и устроить судьбу этого славного адвоката, этого прекрасного учителя, этого превосходного друга, первого человека, который позволил мне измерить глубины моего

сердца, взяв за мерку мою спину. Нет, этого не будет». И, услышав, что вы собираетесь путешествовать, – а меня в Париже ничто не удерживало, – я и решил путешествовать вместе с вами, то есть вслед за вами. Вы выехали через Бурдельские ворота, не так ли? Я следил за вами, а вы меня не видели, и не удивительно, я был хорошо спрятан. С этого дня я следовал за вами, терял вас из виду, снова находил, – словом, вы мне стоили немалых трудов, могу вас уверить. Наконец мы прибыли в Лион. Я говорю «мы», потому что час спустя после вас я остановился в той же самой гостинице, где остановились вы, и не только в той же самой гостинице, но и в комнате, смежной с вашей. Меня отделяла от вас только простая перегородка. Вам должно быть понятно, что я проделал путь из Парижа в Лион, не спуская с вас глаз, не для того, чтобы здесь в Лионе потерять вас из виду. Нет, я провертел в стене маленькую дырочку, через которую мог изучать вас сколько душе угодно, и, признаюсь, в течение дня не раз позволял себе это удовольствие. И вот вы заболели. Хозяин хотел выставить вас за дверь, а вы назначили здесь, в гостинице «Под знаком креста», свидание господину де Гонди; вы боялись, что в другом месте он вас не найдет или, во всяком случае, потеряет время на поиски. Ваша болезнь была притворной и обманула меня только наполовину, но поскольку я должен был предусмотреть все возможности, даже ту, что вы действительно больны, и поскольку мы все смертны – истина, в которой я сейчас попытаюсь вас убедить, – я подослал к вам моего молодца монаха, моего друга, моего товарища, чтобы уговорить вас исповедаться и привести к покаянию.

Но вы, нераскаянный грешник, вы пытались проткнуть ему горло рапирой, забыв евангельское изречение: «Подъявший меч от меча и погибнет». И тут, любезный господин Давид, появляюсь я и говорю вам: «Мы с вами старые знакомцы, давние друзья; давайте уладим наши маленькие разногласия по обоюдному соглашению». Ну что же, сейчас, когда вы все знаете, скажите – вы согласны договориться?

– Смотря на чем.

– На том, что все будет сделано, как если бы вы действительно были больны и брат Горанфло вас исповедал, а вы вручили ему бумаги, которые он от вас требовал. Тогда бы я вас простил и даже от всего сердца прочитал бы за вас «In manus»²⁷. Я не стану требовать от живого больше, чем от мертвого, и мне остается обратиться к вам с такими словами: господин Давид, вы во всем преуспели: и в фехтовании, и в искусстве верховой езды, и в крючкотворстве, и в добывании больших кошельков для широких карманов, вы собрали в себе все таланты. Жаль, если такой человек бесследно исчезнет с лица земли, где ему уготована блестящая карьера. Итак, господин Давид, не ввязывайтесь больше в заговоры, доверьтесь мне, порвите с Гизами, отдайте мне ваши бумаги, и, слово дворянина, я помирю вас с королем.

– Ну, а если я их не отдам? – поинтересовался Николя Давид.

– Ах, если вы их не отдадите, тогда другое дело. Слово дворянина, я вас убью! Это вам тоже кажется забавным, любезный господин Давид?

– Все более и более, – ответил адвокат, любовно поглаживая свою шпагу.

– Но если вы мне их отдадите, – продолжал Шико, – все будет забыто. Может быть, вы не верите мне, господин Давид, так как вы по природе своей человек недоверчивый и думаете, что злоба въелась в мое сердце, как ржавчина в железо. Нет, я вас ненавижу, это верно, но герцога Майеннского я ненавижу больше, чем вас. Помогите мне погубить герцога, и я вас спасу. Впрочем, если угодно, я могу добавить еще несколько слов, которым вы не поверите, ведь вы никого не любите, за исключением самого себя. Дело в том, что я люблю короля, каким бы глупцом, распутником, вырождением он ни был; король приютил меня, защитил меня от вашего мясника Майенна, способного ночью на Луврской площади во главе пятнадцати разбойников напасть на одного человека и убить его, я говорю о несчастном Сен-Мегрене. Вы не были среди его палачей? Нет? Тем лучше, я так и думал, что не были, а теперь я в этом уверен. Я хочу одного – пусть он царствует спокойно, мой бедный король

²⁷ В руки твои (лат.)

Генрих, а с майеннами и с генеалогическим древом Николя Давида это невозможно. Передайте же мне эту генеалогию, и, клянусь честью, я замолчу ваше имя и устрою вашу судьбу.

Шико нарочно растянул изложение своих мыслей, потому что хотел тем временем понаблюдать за Давидом, которого знал за человека умного и твердого. Но ничто не дрогнуло в ястребиных глазах адвоката, ни одна добрая мысль не озарила его мрачные черты, ни одно ответное движение души не расслабило пальцы, сжимавшие рукоятку шпаги.

– Ладно, – сказал Шико, – я вижу, что все мои слова напрасны и вы мне не верите. Мне остается только один выход для того, чтобы и покарать вас за ваши прежние провинности передо мной, и очистить от вас землю, как от человека, утратившего веру и в честность и в человечность. Я пошлю вас на виселицу. Прощайте, господин Давид.

И Шико отступил на шаг к двери, не спуская глаз с адвоката.

Адвокат прыгнул вперед.

– И вы думаете, я позволю вам уйти? – воскликнул он. – Нет, мой миленький шпиончик, нет, Шико, дружок мой! Тот, кто знает такие тайны, как тайна генеалогического древа, – умрет! Тот, кто дерзнул угрожать Николя Давиду, – умрет! Тот, кто посмел войти сюда, как ты вошел, – умрет!

– Да вы меня просто радуете, – ответил Шико все с тем же хладнокровием. – Я не решался бросить вам вызов только потому, что уверен в исходе нашего поединка: я вас наверняка заколю. Два месяца тому назад Крийон, фехтуя со мной, показал мне один особенно опасный удар, один-единственный, но, слово чести, другого мне не потребуется. Ну хватит, подавайте сюда ваши бумаги, – грозно добавил он, – или я вас убью! Я даже скажу вам, как это будет: я проткну ваше горло в том самом месте, откуда вы хотели пустить кровь брату Горанфлю.

Гасконец еще не закончил свою речь, как Давид с диким взрывом хохота бросился на него, Шико встретил врага со шпагой в руке.

Оба противника были примерно одного роста. Худое тело Шико скрывала одежда, в то время как длинный, костлявый и гибкий корпус адвоката почти ничем не был прикрыт. Давид походил на длинную змею, так как его рука, казалось, продолжала голову, а шпага мелькала, словно тройное жало. Но, как и предупреждал Шико, он встретил достойного противника. Почти каждый день упражняясь в фехтовании с королем, Шико стал одним из сильнейших фехтовальщиков королевства. В этом Николя Давид смог сам убедиться, ибо, куда бы он ни пытался нанести удар, повсюду его шпага натывалась на стальное лезвие шпаги гасконца.

Адвокат отступил на шаг.

– Ага! – сказал Шико. – Вы начинаете понимать, не так ли? Ну хорошо, предлагаю еще раз: бумаги!

Давид, вместо ответа, опять бросился на гасконца. Бой возобновился и был еще более продолжительным и ожесточенным, чем первая схватка, хотя Шико ограничивался тем, что парировал удары, а сам еще не нанес ни одного.

Эта вторая схватка завершилась тем же, что и первая; адвокат снова отступил на шаг.

– Ага! – сказал Шико. – Теперь мой черед.

И он шагнул вперед.

Николя Давид пытался остановить гасконца, отведя его шпагу, Шико сделал параду прим, скрестил свою шпагу со шпагой противника в позиции тьерс на тьерс и нанес ему удар туда, куда обещал: его шпага до половины вошла в горло адвоката.

– Вот и удар, – сказал Шико.

Давид не ответил; он рухнул к ногам Шико, захлебываясь кровью.

Теперь Шико отступил на шаг. Змея, хотя и раненная насмерть, все еще могла взметнуться и укусить.

Но Давид непроизвольным движением потянулся к постели, словно стараясь защитить свою тайну.

– Эге, – сказал Шико, – я считал тебя хитрецом, а ты, оказывается, глуп, как рейтар. Я не знал, где ты прячешь свои бумаги, и вот ты мне сам их показываешь.

И, оставив Давида корчиться в агонии, Шико подбежал к постели, приподнял матрац и под изголовьем обнаружил небольшой свиток пергамента, который адвокат, в неведении надвигающейся беды, не позаботился спрятать понадежнее.

Пока Шико разворачивал свиток, дабы убедиться, что перед ним действительно тот документ, который он искал, умирающий яростно приподнялся, но тут же упал на пол и испустил последний вздох.

Гордо и радостно сверкающими глазами Шико пробежал пергамент, привезенный из Авиньона Пьером де Гонди.

Папский легат, верный политике, которую его верховный суверен проводил со дня своего вступления на папский престол, написал внизу: «Fiat ut voluit Deus: Deus jura hominum fecit²⁸».

– Вот папа, который ни во что не ставит всехристианского короля, – сказал Шико.

И, бережно свернув пергамент, засунул его в нагрудный карман камзола.

Затем поднял тело адвоката, на котором почти не было крови – рана вызвала внутреннее кровоизлияние, и положил его на кровать, повернув лицом к стене, после чего открыл дверь и кликнул Горанфло.

Горанфло вошел.

– Какой вы бледный! – сказал он.

– Да, – отозвался Шико, – последние минуты этого несчастного меня несколько взволновали.

– Он умер? – спросил Горанфло.

– Есть все основания так думать, – ответил Шико.

– А ведь только что был совсем здоров.

– Даже слишком здоров. Он хотел проглотить совершенно несъедобные вещи и умер, как Анакреонт, – подавившись.

– Ого! – воскликнул Горанфло. – Паршивец хотел задушить меня, меня – божьего человека, это и принесло ему несчастье.

– Простите его, куманек, ведь вы христианин.

– Я его прощаю, – сказал Горанфло, – хотя он меня сильно напугал.

– Это еще не все, – заметил Шико. – Вам надлежит зажечь свечи и пробормотать над телом пару-другую молитв.

– Для чего?

– Как, для чего? Чтобы вас не схватили как убийцу и не препроводили в городскую тюрьму.

– Меня? Как убийцу этого человека? Да будет вам! Ведь это он пытался меня задушить.

– Ну, конечно, боже мой! И поскольку ему не удалось вас прикончить, то от злости вся кровь в его теле пришла в движение, какой-то сосудик в горле лопнул, и доброй ночи, дорогой брат, спи спокойно! Сами видите, Горанфло, в конечном счете это вы были причиной его смерти. Причиной невольной, что верно, то верно, однако какая разница? До тех пор пока вас признают невиновным, вам могут причинить немало неприятностей.

– Думаю, вы правы, господин Шико, – согласился монах.

– Тем более прав, что судья в этом прекрасном городе Лионе слывет человеком довольно жестоким.

– Иисусе! – пробормотал монах.

– Делайте же, как я вам сказал, куманек.

– А что я должен делать?

²⁸ Да исполнится воля божья: бог устанавливает законы человеческие (лат.).

– Располагайтесь здесь и читайте с усердием все молитвы, которые вы знаете, и даже те, которых вы не знаете, а когда настанет вечер и все разойдутся по комнатам, выходите из гостиницы. Идите не торопясь, но и не медлите. Вы знаете станок кузнеца на углу улицы?

– Конечно, ведь это кузнец меня разукрасил вчера вечером, – сказал Горанфло, показывая на свой глаз, обведенный черным кругом.

– Трогательное воспоминание. Ладно, я позабочусь, чтобы вы нашли там свою лошадь, понимаете? Вы сядете на нее, не давая никому никаких объяснений. Ну а потом, если вы прислушаетесь к голосу своего сердца, оно выведет вас на дорогу в Париж. В Вильнев-ле-Руа вы продадите лошадь и заберете своего осла.

– Ах, мой добрый Панург!.. Вы правы, я буду счастлив снова с ним встретиться, я его так полюбил. Но с сегодняшнего дня, – прибавил монах слезливым тоном, – на что я буду жить?

– Когда я даю – я даю, – сказал Шико, – и не заставляю своих друзей кланяться милостыню, как это принято в монастыре святой Женевиевы. Вот, держите.

С этими словами он выгреб из кармана пригоршню экю и высыпал ее в широкую ладонь монаха.

– Великодушный друг! – сказал Горанфло, тронутый до слез. – Позвольте мне остаться с вами в Лионе. Мне очень нравится Лион; это вторая столица нашего королевства, и к тому же это такой гостеприимный город.

– Да пойми ты одно, трижды болван: я не остаюсь здесь, я уезжаю и поскачу так быстро, что тебе за мной не угнаться.

– Да исполнится ваша воля, господин Шико, – покорно произнес монах.

– В добрый час, – ответил Шико. – Вот таким я тебя люблю, куманек.

И он усадил монаха в кресло у постели, спустился вниз и отвел хозяина в сторону.

– Мэтр Бернуйе, – сказал он, – вы ничего не подозреваете, а в вашем доме произошло большое событие.

– Вот как? – ответил хозяин, глядя на Шико испуганными глазами. – А что случилось?

– Этот бешеный роялист, этот богохульник, этот мерзостный выкидыш из гугенотских молелен...

– Ну, что с ним?

– Что с ним! Нынче утром ему нанес визит посланец из Рима.

– Знаю, ведь это я вам сказал.

– Ну вот, наш святой отец папа, на которого возложено временное правосудие в сем мире, наш святой отец папа лично направил своего доверенного человека к заговорщику, но только заговорщик, по всей вероятности, не догадывался, с какой целью.

– И с какой же целью он его послал?

– Поднимитесь в комнату вашего постояльца, мэтр Бернуйе, откиньте одеяло, посмотрите на его горло, и вы все поймете.

– Вот как! Вы меня пугаете.

– Больше я вам ничего не скажу. Божий суд свершился у вас в доме, мэтр Бернуйе. Это великая честь, которую вам оказал папа.

Затем Шико сунул десять экю в руку хозяина, направился в конюшню и приказал вывести двух лошадей.

Тем временем хозяин взлетел по лестнице быстрее птицы и ворвался в комнату Николя Давида.

Там он увидел Горанфло, бубнящего молитвы.

Тогда он подошел к постели и, как ему посоветовал Шико, приподнял одеяло.

Он нашел рану точно на указанном месте. Она была еще алого цвета, но тело уже остыло.

– Так умирают враги святой веры, – сказал метр Бернуйе, многозначительно подмигивая Горанфло.

– Аминь, – отозвался монах.

Эти события происходили примерно в тот час, когда Бюсси привез к Диане де Меридор старого барона, который считал свою дочь мертвой.

Глава 33. О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ УЗНАЛ, ЧТО ДИАНА ДЕ МЕРИДОР ЖИВА

Шли последние дни апреля.

Стены большого Шартрского собора были обтянуты белой материей, а колонны украшены зелеными ветками; как известно, в это время года зелень бывает еще редкостью, и пучки зеленых веток на колоннах заменяли букеты цветов.

Король босиком проделал путь от Шартрских ворот до собора и теперь стоял босоногий посреди нефа, время от времени поглядывая по сторонам и проверяя, все ли его друзья и придворные присутствуют на молебне. Но одни, изранив ноги о камни мостовой, не выдержали и надели башмаки, другие, измученные голодом и усталостью, тайком проскользнули в придорожные кабачки, да там и остались, подкрепляясь едой или отдыхая, и только у немногих достало сил пройти всю дорогу босиком, в длинных власяницах кающихся и босыми ногами встать на сырые плиты собора.

В соборе шло молебствие о ниспослании наследника французской короне. Две рубашки богоматери, обладавшие чудотворной силой, сомневаться в которой было невозможно ввиду множества сотворенных ими чудес, были извлечены из золотой раки, где они хранились, и народ, толпами сбежавшийся поглазеть на торжественную церемонию, невольно склонил головы, ослепленный блеском лучей, брызнувших из раки, когда оттуда были вынуты рубашки.

В эту минуту Генрих III услышал, как в мертвой тишине раздался какой-то странный звук, напоминающий сдавленный смех. Король оглянулся, нет ли поблизости Шико. Он не мог допустить мысли, что у кого-нибудь, кроме Шико, хватило дерзости рассмеяться в подобную минуту. Однако это не Шико рассмеялся при виде святых рубашек. Увы, Шико все еще отсутствовал, что весьма огорчало короля, который, как мы помним, внезапно потерял своего шута из виду по дороге в Фонтенбло и с тех пор ничего о нем не слышал. Виновником странного шума оказался некий дворянин. Он только что подскочил к дверям собора на взмыленном коне и прямо как был, в костюме для верховой езды, в сапогах, забрызганных грязью, ввалился в собор, расталкивая придворных, одетых во власяницы или с мешками на головах, но и в том и в другом случае босых.

Увидев, что король оглянулся, дворянин храбро продолжал стоять на хорах, приняв почтительный вид; по элегантности его одежд, а еще больше по манерам видно было, что он не новичок при дворе.

Генрих, недовольный тем, что дворянин, прибывший с таким опозданием, наделал столько шума и своей одеждой посмел так вызывающе отличаться от монашеских одеяний, предписанных на этот день, взглянул на него с укоризной.

Вновь прибывший, казалось, не заметил королевского взгляда. Дерзко скрипя своими башмаками с загнутыми носками (такая уж была мода в те времена), он перешагнул через несколько плит со скульптурными изображениями епископов и опустился на колени возле обитого бархатом кресла герцога Анжуйского; герцог сидел, погруженный не столько в молитвы, сколько в свои тайные думы, и не обращал ни малейшего внимания на то, что происходило вокруг.

Однако, почувствовав чье-то прикосновение, он живо обернулся и приглушенно воскликнул:

– Бюсси!..

– Добрый день, монсеньер! – ответил Бюсси, как если бы он расстался с герцогом только накануне вечером и за то время, пока они не виделись, ничего существенного не

произошло.

– Ты, наверное, не в своем уме, – сказал принц.

– Почему, монсеньер?

– Потому что уехал откуда-то, где бы ты там ни был, чтобы явиться в Шартр глазеть на рубашки богоматери.

– Монсеньер, – сказал Бюсси. – Дело в том, что мне нужно безотлагательно с вами поговорить.

– Почему же ты не приехал пораньше?

– Вероятно, потому, что не смог.

– Но что случилось за те три недели, пока мы не виделись?

– Как раз об этом я и хочу с вами поговорить.

– Вот как! Может быть, ты подождешь, пока мы не выйдем из церкви?

– К сожалению, придется подождать. Это меня и влит.

– Молчи! Скоро все кончится. Наберись терпения, и мы вместе вернемся ко мне в гостиницу.

– Я на это рассчитываю, монсеньер.

И действительно, король уже одел поверх своей рубашки из тонкого полотна холщовую рубашку богоматери, а королева с помощью своих придворных дам натягивала на себя другую святую рубашку.

Затем король преклонил колени, его примеру последовала и королева. Супруги некоторое время усердно молились под широким балдахином, придворные, одержимые желанием угодить королю, били земные поклоны.

Наконец король поднялся с колен, снял с себя святую рубашку, попрощался с архиепископом, попрощался с королевой и направился к выходу из собора.

Однако на полпути он остановился: ему на глаза опять попался Бюсси.

– А, это вы, сударь, – сказал Генрих, – по-видимому, наше благочестие вам не по нраву, коли вы не решаетесь расстаться с золотом и шелками в то время, как ваш король одевается в грубое сукно и саржу.

– Государь, – с достоинством ответил Бюсси, побледнев от сдерживаемого волнения, – даже среди тех, кто сегодня облачен в самую грубую рясу и больше других изранил себе ноги, не найдется человека, ближе меня принимающего к сердцу службу вашему величеству. Но я прибыл в Париж после дальней и утомительной дороги и только сегодня утром узнал, что ваше величество отбыли в Шартр. Я проскакал двадцать два лье за пять часов, государь, торопясь присоединиться к вашему величеству. Вот почему у меня не было времени сменить платье, и ваше величество не попрекнули бы меня, если бы вместо того, чтобы поспешить сюда с одним желанием слить свои молитвы с молитвами вашего величества, я остался бы в Париже.

Король, казалось, удовлетворился этими объяснениями, однако, взглянув на своих друзей, он увидел, что некоторые из них при словах Бюсси пожимали плечами. На желая обижать своих сторонников знаками доброго расположения к придворному герцога Анжуйского, король прошел мимо Бюсси с сердитым видом.

Бюсси, не моргнув глазом, снес эту немилость.

– Что с тобой? – сказал герцог. – Разве ты не видел?

– Чего?

– Что Шомберг, что Келюс, что Можирон пожимала плечами, слушая твои оправдания.

– Все так, – с полным спокойствием отвечал Бюсси, – я это отлично видел.

– Ну и что?

– Ну и то, неужели вы думаете, что я способен перерезать горло себе подобным или почти что себе подобным в церкви? Для этого я слишком хороший христианин.

– А, коли так, все прекрасно, – сказал удивленный герцог, – мне-то показалось, что ты этого не заметил или не пожелал заметить.

Бюсси, в свою очередь, пожал плечами и при выходе из собора отвел принца в сторону.

– Мы идем к вам, не правда ли, монсеньер? – спросил он.

– Немедленно. У тебя должны быть интересные новости для меня.

– Да, несомненно, монсеньер, и даже такие, о которых, я уверен, вы и не подозреваете.

Герцог удивленно посмотрел на Бюсси.

– Да, да, – сказал Бюсси.

– Ну хорошо, позволь мне только распрощаться с королем, и я к твоим услугам.

Герцог отправился к королю испрашивать разрешения покинуть его свиту, и король, в силу особой милости богоматери, несомненно расположенный к терпимости, даровал своему брату позволение уехать в Париж, когда ему заблагорассудится.

Герцог поспешно возвратился к Бюсси и вместе с ним закрылся в одной из комнат отведенной ему гостиницы.

– Ну вот мы и одни, мой друг, – сказал он, – теперь садись и расскажи мне свои похождения. Ты знаешь, я считал тебя мертвым.

– Вполне в это верю, монсеньер.

– Ты знаешь, весь двор, прослышав о твоём исчезновении, на радостях разоделся в белое, и немало людей вздохнули свободно впервые с того дня, когда ты научился держать шпагу. Но не в этом дело. Давай рассказывай! Ведь ты меня покинул, чтобы следить за прекрасной незнакомкой. Кто же эта женщина и чего я могу от нее ждать?

– Вы пожнете то, что посеяли, монсеньер, то есть стыд и позор!

– Что такое? – воскликнул герцог, более пораженный загадочным смыслом этих слов, чем их непочтительностью.

– Монсеньер слышал, – с ледяным спокойствием ответил Бюсси, – и мне нет необходимости повторять.

– Объяснитесь, сударь, и оставьте Шико загадки и анаграммы.

– О, нет ничего легче, монсеньер, для этого мне достаточно обратиться к вашей памяти.

– Но кто эта женщина?

– Думаю, что вы, монсеньер, ее узнали.

– Так это была она! – воскликнул герцог.

– Да, монсеньер.

– Ты ее видел?

– Да.

– Она с тобой говорила?

– Конечно. Только призраки не говорят. А что, разве у монсеньера были основания считать ее мертвой или надеяться на ее смерть?

Герцог побледнел и замер, словно раздавленный под тяжестью слов того, кто, казалось, должен был бы вести себя как подобает куртизану.

– Ну да, монсеньер, – продолжал Бюсси, – хотя вы и толкнули молодую девушку благородного происхождения на мученическую смерть, все же она избежала гибели. Однако подождите вздохнуть с облегчением и не думайте, что вы уже оправданы, ибо, сохранив свою жизнь, она попала в беду большую, чем смерть.

– Что с ней случилось? – спросил герцог, дрожа всем телом.

– С ней случилось то, монсеньер, что один господин спас ей и честь, и жизнь, но этот человек заставил заплатить за свою услугу такой ценой, что лучше бы он ее не оказывал.

– Ну, ну, кончай.

– Диана де Меридор, монсеньер, чтобы избежать уже протянутых к ней рук герцога Анжуйского, любовницей которого она никак не хотела стать, Диана де Меридор бросилась в объятия человека, который ей ненавистен.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что Диана де Меридор нынче зовется госпожой де Монсоро.

При этих словах волна крови внезапно прихлынула к обычно бледному лицу Франсуа, герцог побагровел так сильно, что казалось, кровь вот-вот брызнет у него из глаз.

– Смерть Христова! – зарычал разъяренный принц. – Неужели это правда?

– Да, черт побери, раз это говорю я, – высокомерно ответил Бюсси.

– Я не то хотел сказать, – поправился принц, – я не сомневаюсь в вашей правдивости, Бюсси, я только спрашиваю себя, возможно ли, чтобы один из моих дворян, какой-то Монсоро, дерзнул похитить у меня женщину, которую я почтил своим расположением.

– А почему нет? – сказал Бюсси.

– И ты бы сделал то же самое, ты?

– Я сделал бы лучше, монсеньер, я предупредил бы вас, что чести вашей грозит опасность.

– Минуточку, Бюсси, – сказал герцог, снова обретая спокойствие, – послушайте, пожалуйста. Вы понимаете, мой милый, что я не оправдываюсь.

– И допускаете ошибку, мой принц: во всех случаях, когда затронута честь, вы не более чем дворянин.

– Ну хорошо, вот поэтому я и прошу вас быть судьей господина де Монсоро.

– Меня?

– Да, вас, и сказать мне: разве он не вел себя по отношению ко мне как предатель, вероломный предатель?

– По отношению к вам?

– Да, ко мне, ведь мои намерения были ему известны.

– А в намерения вашего высочества входило?..

– Заставить Диану меня полюбить, я не отрицаю.

– Заставить полюбить вас?

– Да, но ни в коем случае не прибегать к насилию.

– Таковы были ваши намерения, монсеньер? – сказал Бюсси с иронической улыбкой.

– Несомненно, и эти намерения я сохранял до последней минуты, хотя господин де Монсоро возражал против них со всей убедительностью, на которую он способен.

– Монсеньер! Монсеньер! Что я слышу! Этот субъект подбивал вас обесчестить Диану?

– Да.

– Он давал вам такие советы?

– Он мне письма писал. Хочешь, покажу тебе одно такое письмо?

– О! – воскликнул Бюсси. – Если бы я мог этому поверить!

– Подожди секунду, ты сам увидишь.

И герцог побежал за шкатулкой, которая всегда находилась в его кабинете под охраной пажа, вынул оттуда записку и сунул в руки Бюсси.

– Читай! – сказал он. – Раз уж ты сомневаешься в слове твоего принца.

Бюсси с сомнением дрожащей рукой взял записку и прочел:

«Монсеньер!

Пусть ваше высочество успокоится: похищение пройдет беспрепятственно, так как сегодня вечером юная особа выезжает на восемь дней к тетке, которая живет в Людском замке. Я беру на себя все, и вам не о чем будет беспокоиться. Ну, а девичьи слезы, поверьте мне, они высохнут, как только девица окажется в присутствии вашего высочества. А пока что.., я действую.., и нынче вечером.., она будет в замке Божье.

Вашего высочества покорнейший слуга Бриан де Монсоро».

– Ну, что ты об этом скажешь? – спросил принц после того, как Бюсси дважды прочитал письмо.

– Скажу, что вам хорошо служат, монсеньер, – То есть, напротив, что меня предают.

– Да, верно, я забыл, что было потом.

– Обмануть меня! Мерзавец! Он заставил меня поверить в смерть женщины...

– Которую он у вас украл. Действительно, подлый поступок, – заметил Бюсси, не скрывая иронии. – Но у господина де Монсоро есть оправдание – он полюбил.

– Ты думаешь? – сказал принц с недоброй улыбкой.

– Проклятие! – ответил Бюсси. – По этому поводу у меня нет своего мнения. Я думаю так, если вы так думаете.

– Что бы ты сделал на моем месте? Нет, погоди, сначала расскажи, как действовал он.

– Он уверил отца молодой девушки в том, что вы были ее похитителем. Он предложил ему свои услуги и явился в замок Боже с письмом от барона де Меридор. Он подъехал в лодке под окна замка и увез с собой пленницу. А потом запер ее в том доме, который вы знаете, и запугиваниями вынудил сочетаться с ним браком.

– Разве это не подлое вероломство? – вскричал герцог.

– Да, но прикрытое вашим собственным вероломством, – ответил Бюсси со своей обычной смелостью.

– Ах, Бюсси... Ты увидишь, сумею ли я отомстить.

– Вам, мстить? Полноте, монсеньер, вы не унижитесь до мести.

– Почему?

– Принцы не мстят, монсеньер, они карают. Вы обличите этого Монсоро в подлости, и вы его покараете.

– Каким образом?

– Сделав счастливой Диану де Меридор.

– Разве это в моих силах?

– Конечно.

– Ну, а что можно сделать?

– Вернуть ей свободу.

– Ну-ка, объяснись.

– Нет ничего проще. Бракосочетание было насильственным, – следовательно, оно не действительно.

– Ты прав.

– Прикажите расторгнуть брак, и вы поступите, монсеньер, как настоящий дворянин и как благородный принц.

– Вот оно что! – сказал подозрительный принц. – Смотрите, какой пыл! Так ты и сам заинтересован в этом деле, Бюсси?

– Я-то? Да меньше всего на свете. Я заинтересован только в одном, монсеньер, чтобы про меня не могли сказать: вот Луи де Клермон, граф де Бюсси, который служит вероломному принцу и бесчестному человеку.

– Ну хорошо, ты увидишь. Но как расторгнуть этот брак?

– Очень легко. Стоит только обратиться к отцу.

– Барону де Меридор?

– Да.

– Но ведь он в глубине Анжу.

– Он здесь, монсеньер, то есть в Париже.

– У тебя?

– Нет, возле своей дочери. Поговорите с ним, монсеньер, пусть он поймет, что может рассчитывать на вас; пусть он увидит в вашем высочестве не того, кого он видел до сих пор, – не врага, а покровителя, и тогда он, ныне проклинаящий ваше имя, будет вас обожать, как своего доброго гения.

– Это могущественный сеньор в своей округе, – сказал герцог, – и уверяют, что он пользуется большим влиянием во всей провинции.

– Все так, монсеньер, но не об этом вам следует думать прежде всего; прежде всего

он – отец, чья дочь попала в беду, и он несчастен несчастьями своей дочери, – И когда я смогу его увидеть?

– Как только вернетесь в Париж.

– Хорошо.

– Значит, мы об всем договорились, монсеньер?

– Да.

– Слово дворянина?

– Слово принца.

– А когда вы отправляетесь?

– Нынче вечером. Ты меня подождешь?

– Нет, я поеду вперед.

– Поезжай и будь готов.

– К вашим услугам, монсеньер. Где я найду ваше высочество?

– На утреннем туалете короля, завтра около полудня.

– Я там буду, монсеньер. Прощайте.

Бюсси не потерял ни секунды, и дорогу, которую герцог проделает, дремля в карете, за пятнадцать часов, он одолел за пять. С сердцем, переполненным любовью и счастьем, он мчался, чтобы как можно раньше успокоить барона, которому обещал помощь, и Диану, которой возвращал половину жизни.

Глава 34.

О ТОМ, КАК ШИКО ВЕРНУЛСЯ В ЛУВР И КАК ЕГО ПРИНЯЛ КОРОЛЬ ГЕНРИХ III

Пробило еще только одиннадцать часов утра, и весь Лувр был погружен в сон. Часовые во дворе старались шагать бесшумно, всадники, сменявшие посты, ехали шагом.

Король, утомленный вчерашним паломничеством, спал, и никто не осмеливался нарушить его сон.

Два человека одновременно подъехали к главным воротам Лувра. Один восседал на свежайшем берберском жеребце, другой – на взмыленном андалузском коне. Они остановились перед воротами и невольно взглянули друг на друга, так как, прибыв с двух прямо противоположных направлений, они столкнулись лицом к лицу.

– Господин де Шико! – воскликнул тот из приезжих, кто был помоложе, склоняясь в учтивом поклоне. – Как поживаете?

– А, сеньор де Бюсси! Как нельзя лучше, сударь, – ответил Шико с непринужденностью и вежливостью настоящего дворянина, тогда как приветствие Бюсси обличало в нем большого и хорошо воспитанного вельможу.

– Вы приехали попристутствовать на утреннем туалете короля, сударь? – осведомился Бюсси.

– И вы тоже, как я предполагаю?

– Нет, я хочу засвидетельствовать почтение монсеньеру герцогу Анжуйскому. Вы же знаете, господин де Шико, – улыбаясь, добавил Бюсси, – я не имею счастья принадлежать к любимцам его величества.

– В этом следовало бы упрекнуть короля, а не вас, сударь.

Бюсси поклонился.

– Вы вернулись издалека? – спросил он. – Я слышал, что вы путешествуете.

– Да, сударь, я охотился, – ответил Шико. – Ну, а вы, вы тоже путешествовали?

– Да, я побывал в провинции. Ну, а теперь, сударь, – продолжал Бюсси, – не соблаговолите ли вы оказать мне одну услугу?

– Даже не спрашивайте. Всякий раз, когда господин де Бюсси обращается ко мне с просьбой, какова бы она ни была, – сказал Шико, – он оказывает мне высочайшую честь.

– Отлично. Вас пропустят в луврские палаты – вы человек привилегированный, ну, а

я останусь в приемной, будьте так любезны, предупредите герцога Анжуйского, что я его ожидаю.

– Если монсеньер герцог Анжуйский в Лувре, – сказал Шико, – он непременно будет присутствовать на утреннем туалете его величества. Почему бы вам, сударь, не пройти туда вместе со мной?

– Я боюсь увидеть недовольное лицо короля.

– Вот как!

– Проклятие, он до сего дня не балует меня своими милыми улыбками.

– Будьте спокойны, скоро все это переменится.

– Ах, так вы предсказываете будущее, господин де Шико?

– Иногда занимаюсь. Не унывайте, господин де Бюсси. Пойдемте.

Они вошли в Лувр и там расстались: один направился в покои короля, другой – в апартаменты, занимаемые монсеньером герцогом Анжуйским, в которых раньше, как мы, кажется, уже говорили, обитала королева Маргарита.

Генрих III только что проснулся; он позвонил в большой колокольчик, и слуги и друзья толпой устремились в королевскую опочивальню. Королю уже поднесли куриный бульон, вино с пряностями и мясной паштет, когда к своему августейшему повелителю вошел оживленный Шико и, даже не поздоровавшись, начал с того, что ухватил кусок паштета с серебряного блюда и отхлебнул бульона из золотой миски.

– Клянусь смертью Христовой! – воскликнул король, напустив на себя гневный вид, хотя на самом деле был донельзя обрадован. – Да это наш плут Шико! Беглец, бродяга, висельник Шико!

– Ну, ну, что ты говоришь, сын мой! – сказал Шико, бесцеремонно усаживаясь с ногами в покрытых пылью сапогах в огромное, вышитое золотыми геральдическими лилиями кресло, где уже сидел Генрих III. – Значит, мы забыли наше возвращение из Польши, когда мы играли роль оленя, а магнаты исполняли партии гончих. Ату, ату его!

– Ну вот, вернулось мое горе, – сказал Генрих, – отныне придется выслушивать только одни колкости. А мне так спокойно жилось эти три недели.

– Ба! – воскликнул Шико. – Вечно ты жалуешься. Ты похож на своих подданных, черт меня побери! Посмотрим, чем ты занимался в мое отсутствие, мой милый Генрих! И каких новых глупостей наделал, управляя нашим прекрасным Французским королевством!

– Господин Шико!

– Гм! А наши народы все еще показывают тебе язык?

– Бездельник!

– Не повесили ли кого-нибудь из этих маленьких завитых господинчиков? Ах, извините, господин де Келюс, я вас не заметил.

– Шико, мы поссоримся.

– И наконец, остались ли какие-нибудь деньги в наших сундуках или в сундуках у евреев? Деньги были бы весьма кстати, нам обязательно нужно поразвлечься, клянусь святым чревом! Жизнь невыносимо скучна.

И Шико жадно набросился на подрумяненные ломтики мясного паштета, лежавшие на блюде.

Король рассмеялся, все подобные сцены неизменно заканчивались королевским смехом.

– Расскажи, – попросил он, – где ты был и что ты делал за время столь долгого отсутствия?

– Я, – ответил Шико, – составлял проект маленькой процессии в трех действиях.

Действие первое: кающиеся, одетые только в рубашки и штаны, поднимаются из Лувра на Монпарнас, по пути таская друг друга за волосы и обмениваясь тумачами.

Действие второе: те же самые кающиеся, оголившись до пояса, спускаются с Монмартра к аббатству святой Женеьевы, по пути усердно бичуя себя четками из терновых игл.

Действие третье: наконец, те же самые кающиеся, совсем нагишом, возвращаются из аббатства святой Женеьевы в Лувр, по пути ревностно рассекая друг у друга плечи ударами плеток, хлыстов или бичей.

Поначалу я еще задумал ввести, как неожиданную перипетию, прохождение процессии по Гревской площади, где палачи сожгут кающихся, всех – от первого до последнего. Однако потом сообразил, что всевышний, наверное, сохранил там, у себя, наверху, малость содомской серы и немного гоморрской смолы и не захотел лишать его удовольствия лично заняться поджариванием грешников.

Итак, господа, в ожидании сего великого дня давайте развлекаться.

– погоди, Расскажи сначала, чем ты занимался, – сказал король. – Знаешь ли ты, что я приказал разыскивать тебя во всех притонах Парижа?

– А Лувр ты хорошенько обыскал?

– Должно быть, какой-то распутник держал тебя взаперти, мой друг.

– Это невозможно, Генрих, ведь ты собрал у себя в Лувре всех распутников королевства.

– Значит, я ошибаюсь?

– Э, бог мой! Конечно, ошибаешься. Впрочем, как всегда и во всем.

– В конце концов выяснится, что ты отбывал покаяние.

– Вот именно. Я ударился было в религию, хотелось посмотреть, что это такое, и, ей-богу, сыт ею по горло. Хватит с меня монахов. Фи! Грязные скоты.

В эту минуту в комнату вошел господин де Монсоро и почтительно отвесил королю глубокий поклон.

– Ах, вот и вы, господин главный ловчий, – сказал Генрих. – Когда же вы угостите нас какой-нибудь увлекательной охотой?

– Когда будет угодно вашему величеству. Я получил известие, что в Сен-Жермен-ан-Ле полно кабанов.

– Кабан – опаснейший зверь, – сказал Шико. – Помнится, король Карл Девятый чуть не погиб, охотясь на кабана, а потом, копье такое грубое оружие, что обязательно натрет мозоли на наших маленьких ручках. Не так ли, сын мой?

Граф Монсоро косо посмотрел на Шико.

– Гляди-ка, – сказал гасконец, обращаясь к Генриху, – совсем недавно твой главный ловчий встретил волка.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что, подобно облакам поэта Аристофана, он сохранил что-то волчье в своем лице, особенно в глазах. Просто поразительно!

Граф Монсоро обернулся и, бледнея, сказал Шико:

– Господин Шико, я редко бываю при дворе и не привык иметь дело с шутами, но предупреждаю вас, что не люблю, когда меня оскорбляют в присутствии моего короля, особенно ежели речь идет о моей службе ему.

– Оно и видно, сударь, – ответил Шико, – вы полная противоположность нам, людям придворным; потому-то мы так и смеялись над последней шуткой короля.

– Над какой это шуткой? – спросил Монсоро.

– Над тем, что он назначил вас главным ловчим. Видите ли, если мой друг Генрих и менее шут, чем я, то дурак он куда больше моего.

Монсоро бросил на гасконца грозный взгляд.

– Ну, ну, – примирительно сказал Генрих, почувствовав, что в воздухе запахло ссорой, – поговорим о чем-нибудь другом, господа.

– Да, – сказал Шико, – поговорим о чудесах, творимых Шартрской богородицей.

– Шико, не богохульствуй, – строго предупредил король.

– Мне, богохульствовать? Мне? – удивился Шико. – Полно, ты принимаешь меня за человека церкви, а я человек шпаги. Напротив, это я должен кое о чем тебя предупредить, сын мой.

– О чем именно?

– О том, что ты ведешь себя по отношению к Шартрской богоматери как нельзя более невежливо.

– С чего ты это взял?

– В этом нет сомнения: у святой девы две рубашки, они привыкли лежать вместе, а ты их разъединил. На твоём месте, Генрих, я бы соединил рубашки, и тогда у тебя будет, по меньшей мере, одно основание надеяться на чудо.

Этот довольно грубый намек на отделение короля от королевы вызвал смех у придворных.

Генрих потянулся, потер глаза и тоже улыбнулся.

– На этот раз, – проговорил он, – наш дурак дьявольски прав.

И переменял разговор.

– Сударь, – шепотом сказал Монсоро, обращаясь к Шико, – не угодно ли вам, не привлекая ничего внимания, подождать меня вон там, в оконной нише.

– Как же, как же, сударь, – сказал Шико, – с превеликим удовольствием.

– Хорошо, тогда отойдем туда.

– С вами готов идти хоть в самую чащу леса, сударь.

– Хватит шуточек, здесь они не нужны, ведь над ними некому смеяться, – сказал Монсоро, присоединяясь к шути, который уже ждал в указанной ему оконной нише. – Мы здесь один на один и можем поговорить откровенно. Слушайте, господин Шико, господин дурак, господин шут, дворянин запрещает вам, уразумейте хорошенько эти слова, запрещает вам над ним смеяться. Он предлагает вам поразмыслить как следует, прежде чем назначать свидания в лесу, ибо в лесах, куда вы сейчас меня приглашали, произрастает целый набор палок и прутьев, вполне пригодных для замены тех ремней, которыми вас столь отменно исхлестали по приказу герцога Майеннского.

– А, – сказал Шико, не выказывая ни малейших признаков волнения, хотя в его черных глазах мелькнул зловещий огонек, – а, сударь, вы напоминаете мне о моем долге герцогу Майеннскому и хотите, чтобы я и вам задолжал точно так же, как герцогу, и занес ваше имя в ту же рубрику моей памяти, и предоставил бы вам равные с герцогом права на мою признательность.

– Мне кажется, что среди ваших кредиторов, сударь, вы забыли назвать самого главного.

– Это меня удивляет, сударь, я всегда гордился своей отменной памятью. Кто же этот кредитор? Откройте мне, прошу вас.

– Мэтр Николя Давид.

– О! За этого вы не беспокойтесь, – сказал Шико с мрачной улыбкой, – я больше ему ничего не должен, все уплачено сполна.

В этот миг к разговору присоединился третий собеседник.

Это был Бюсси.

– А, господин де Бюсси, – сказал Шико, – прошу вас, помогите мне. Вот господин де Монсоро, который, как видите, меня «поднял» и собирается гнать, как будто я лань или олень. Скажите ему, господин де Бюсси, что он ошибается, он имеет дело с кабаном, а кабан бросается на охотника.

– Господин Шико, – ответил Бюсси, – по-моему, вы несправедливы к господину главному ловчему, думая, что он принимает вас не за того, кем вы являетесь, то есть не за благородного дворянина. Сударь, – продолжал Бюсси, обращаясь к графу, – на меня возложена честь уведомить вас, что монсеньер герцог Анжуйский желает с вами побеседовать.

– Со мной? – обеспокоился Монсоро.

– Именно с вами, сударь, – подтвердил Бюсси. Монсоро бросил на герцогского посланца острый взгляд, намереваясь проникнуть в глубины его души, но глаза и улыбка Бюсси были исполнены такой безмятежной ясности, что главному ловчему пришлось

отказаться от своего намерения.

– Вы меня будете сопровождать, сударь? – осведомился он у Бюсси.

– Нет, сударь, я поспешу известить его высочество, что вы сейчас к нему явитесь, а вы тем временем испросите у короля дозволения уйти.

И Бюсси возвратился тем же путем, каким пришел, со своей обычной ловкостью пробираясь среди толпы придворных.

Герцог Анжуйский действительно ожидал в своем кабинете, перечитывая уже знакомое нашим читателям письмо. Заслышав шорох раздвигаемых портьер, он подумал, что это Монсоро явился по его вызову, и спрятал письмо.

Вошел Бюсси.

– Где он? – спросил герцог.

– Он сейчас будет, монсеньер.

– Он ничего не заподозрил?

– Ну, а если бы и так, если он что-то и подозревает? – сказал Бюсси. – Разве он не ваше создание? Вы извлекли его из ничтожества, разве вы не в силах сбросить его обратно?

– Без сомнения, – сказал герцог с тем озабоченным видом, который появлялся у него всякий раз, когда он чувствовал приближение важных событий и предвидел необходимость каких-то энергичных действий со своей стороны.

– Что, сегодня он кажется вам менее виновным, чем вчера?

– Напротив, во сто крат более. Его деяния относятся к преступлениям, тяжесть которых кажется тем больше, чем дольше о них размышляешь.

– Что там ни говори, – сказал Бюсси, – все сводится к одному: он вероломно похитил молодую девушку из благородного сословия и обманным путем женился на ней, используя для этого средства, недостойные дворянина; он либо сам должен потребовать расторжения брака, либо вы это сделаете за него.

– Договорено.

– И ради отца, ради дочери, ради Меридорского замка, ради Дианы – вы даете мне слово?

– Даю.

– Подумайте – они предупреждены, они в тревоге ждут, чем кончится ваш разговор с этим человеком.

– Девица получит свободу, Бюсси, даю тебе слово.

– Ах, – сказал Бюсси, – если вы это сделаете, монсеньер, вы действительно будете великим принцем.

И, взяв руку герцога, ту самую руку, которая подписала столько лживых обещаний и нарушила столько клятв и лживых обетов, он почтительно поцеловал ее.

В это мгновение в прихожей раздались шаги.

– Вот он, – сказал Бюсси.

– Пригласите войти господина де Монсоро! – крикнул Франсуа строгим тоном, и Бюсси увидел в этой строгости доброе предзнаменование.

На этот раз молодой человек, почти уверенный в том, что он наконец достиг венца своих желаний, раскланиваясь с Монсоро, не смог погасить во взгляде торжествующий и насмешливый блеск; что до главного ловчего, то он встретил взгляд Бюсси мутным взором, за которым, как за стенами неприступной крепости, укрыл свои чувства.

Бюсси ожидал в уже известном нам коридоре, в том самом коридоре, где однажды ночью Карл IX, будущий Генрих III, герцог Алансонский и герцог де Гиз чуть не задушили Ла Моля поясом королевы-матери. Сейчас в этом коридоре и на лестничной площадке, на которую он выходил, толпились дворяне, съехавшиеся на поклон к герцогу.

Бюсси присоединился к этому жужжащему рою, и придворные торопливо расступились, давая ему место; при дворе герцога Анжуйского Бюсси пользовался почетом как из-за своих личных заслуг, так и потому, что в нем видели любимого фаворита герцога. Наш герой надежно запрятал в глубине сердца обуревавшее его волнение и ничем не выдавал

смертельную тоску, затаившуюся в душе. Он ждал, чем закончится разговор, от которого зависело все его счастье, все его будущее.

Беседа сулила быть довольно оживленной. Бюсси уже достаточно знал главного ловчего и понимал, что он не из тех, кто сдается без борьбы. Однако герцогу Анжуйскому надо было только положить на Монсоро свою руку, и если тот не согнется – тем хуже для него! – тогда его сломят.

Вдруг из кабинета донеслись знакомые раскаты голоса принца. Казалось, он приказывал, Бюсси затрепетал от радости.

– Ага, – сказал он, – герцог держит свое слово.

Но за этими первыми раскатами не последовало других. Испуганные придворные замолчали, с беспокойством переглядываясь, и в коридоре наступила такая же глубокая тишина.

Тишина встревожила Бюсси, нарушила его мечтания. Надежда покидала его, и на смену ей приходило отчаяние. Он чувствовал, как медленно текут минуты, и в таком состоянии протомился около четверти часа. Внезапно двери в комнату герцога растворились, из-за портьеры донеслись веселые голоса.

Бюсси вздрогнул. Он знал, что в комнате не было никого, кроме герцога и главного ловчего и, если бы их беседа протекала так, как он ожидал, у них не могло бы быть причин для веселья.

Голоса стали слышнее, и вскоре портьера приподнялась. Монсоро вышел, пятясь задом и кланяясь. Герцог проводил его до порога комнаты со словами:

– Прощайте, наш друг. Между нами все решено.

– Наш друг! – пробормотал Бюсси. – Кровь Христова! Что это значит?

– Таким образом, монсеньер, – говорил Монсоро, все еще обратясь лицом к принцу, – ваше высочество полагает, что лучшее средство – это гласность?

– Да, да, – сказал герцог, – все эти тайны – просто детские забавы.

– Значит, – продолжал главный ловчий, – нынче вечером я представляю ее королю.

– Идите и ничего не бойтесь. Я все подготовлю. Герцог наклонился к главному ловчему и сказал несколько слов ему на ухо.

– Будет исполнено, монсеньер, – ответил тот. Монсоро отвесил последний поклон герцогу, тот оглядывал собравшихся придворных, не замечая Бюсси, закрытого портьерой, в которую он вцепился, чтобы устоять на ногах.

– Господа, – сказал Монсоро, обращаясь к придворным, которые ожидали своей очереди на аудиенцию и уже заранее склонились перед новым фаворитом, казалось затмившим блеском дарованных ему милостей самого Бюсси, – господа, позвольте мне объявить вам одну новость: монсеньер разрешил мне огласить мой брак с Дианой де Меридор, вот уже месяц моей супругой, которую я под его высоким покровительством нынче вечером представлю двору.

Бюсси пошатнулся, удар, хотя уже не внезапный, все же был так ужасен, что молодому человеку показалось, будто он раздавлен тяжестью свалившейся на него беды.

В этот момент Бюсси поднял голову, и герцог и он, оба бледные, но под наплывом совершенно противоположных чувств, обменялись взглядами: взор Бюсси выражал бесконечное презрение, в глазах герцога читался страх.

Монсоро пробирался сквозь толпу дворян, осыпаемый поздравлениями и любезностями.

Бюсси двинулся было к герцогу, но герцог, увидев это движение, поспешил опустить портьеру; за портьерой тотчас же хлопнула дверь и щелкнул ключ, поворачиваясь в замок.

Тут Бюсси почувствовал, как горячая кровь потоком прихлынула к его вискам и к сердцу. Рука его непроизвольно опустилась на рукоятку кинжала, подвешенного к поясу, и наполовину вытащила лезвие из ножен, ибо этот человек не умел сопротивляться первому порыву своих неукротимых страстей; однако та же любовь, что толкала к насилию, парализовала порыв. Горькая, глубокая, острая скорбь затушила гнев; сердце не раздулось под

напором ярости – оно разбилось.

В этом пароксизме двух страстей, одновременно боровшихся в его душе, энергия молодого человека иссякла; так сталкиваются и одновременно опадают две могучие волны, которые, казалось, хотели взметнуться на небо.

Бюсси понял, что если он останется здесь, раздирающее его безмерное горе станет любопытным зрелищем для придворной челяди. Он дошел до потайной лестницы, спустился по ней во двор Лувра, вскочил на коня и галопом поскакал на улицу Сент-Антуан.

Барон и Диана ожидали ответа, обещанного им Бюсси. Молодой человек предстал перед ними белый как мел, лицо его было искажено, глаза налиты кровью.

– Сударыня! – воскликнул он. – Презирайте меня, ненавидьте меня. Я полагал, что я кое-что значу в этом мире, а я всего лишь ничтожная пылинка. Я думал, что способен на что-то, а мне не дано даже вырвать сердце у себя из груди. Сударыня, вы действительно супруга господина де Монсоро, и с этого часа супруга законно признанная: нынче вечером вы будете представлены двору. А я всего лишь бедный дурак, жалкий безумец, впрочем, нет, скорее, вы были правы, господин барон, это герцог Анжуйский трус и подлец.

И, оставив испуганных отца и дочь, обезумевший от горя, пьяный от бешенства Бюсси выскочил из комнаты, сбежал по ступенькам вниз, прыгнул в седло, вонзил обе шпоры в живот коню и помчался куда глаза глядят, бросив поводья и сея вокруг себя смятение и страх. Стиснув рукой грудь, он думал лишь об одном: как бы заставить умолкнуть отчаянно бьющееся сердце.

Глава 35. **О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ГЕРЦОГОМ АНЖУЙСКИМ И** **ГЛАВНЫМ ЛОВЧИМ**

Настало время объяснить читателю, почему герцог Анжуйский нарушил слово, данное Бюсси.

Принимая графа Монсоро после разговора со своим любимцем, герцог искренне намеревался выполнить все советы Бюсси. В его теле желчь легко приходила в возбуждение и изливалась из сердца, источенного двумя главными страстями, свившими в нем гнездо: честолюбием и страхом. Честолюбие герцога было оскорблено, а страх перед позорным скандалом, которым грозил Бюсси от имени барона де Меридор, весьма ощутимо подхлестывал его гнев.

И в самом деле, два такие чувства, соединившись, вызывают опасный взрыв, особенно если сердце, в котором они гнездятся, обладает толстыми стенками и плотно закупорено, подобно бомбе, до отказа начиненной порохом, тогда сила сжатия удваивает силу взрыва.

Поэтому герцог Анжуйский принял главного ловчего, сохраняя на лице одно из тех суровых выражений, которые вгоняли в трепет самых неустрашимых придворных, ибо мстительный характер Франсуа и широкие возможности, имевшиеся в его распоряжении, ни для кого не были тайной.

– Ваше высочество пожелали меня видеть? – спокойно осведомился Монсоро, глядя на стенной ковер.

Этот человек, привыкший управлять настроениями своего покровителя, угадывал, какое яростное пламя бушует под его видимой холодностью. И можно было бы сказать, одушевив неодушевленные предметы, что он пытается вывести у комнаты замыслы ее хозяина.

– Не бойтесь, сударь, – сказал герцог, разгадав истинное значение взгляда Монсоро, – за этими коврами никого нет; мы можем разговаривать свободно и, в особенности, откровенно.

Монсоро поклонился.

– Ибо вы хороший слуга, господин главный ловчий французского королевства, и

привязаны к моей особе. Не так ли?

– Я полагаю, монсеньер.

– Со своей стороны я в этом уверен, сударь; ведь это вы не раз открывали заговоры, сплетенные против меня; ведь это вы помогли мне в моих делах, часто забывая свои собственные интересы и даже подвергая опасности свою жизнь.

– О, ваше высочество!

– Я все знаю. Да вот совсем недавно... Придется напомнить вам этот случай, ведь сами вы поистине воплощенная деликатность и никогда даже косвенно не упомянете об оказанной вами услуге. Так вот недавно, во время этого злосчастного происшествия...

– Какого происшествия, монсеньер?

– Похищения Дианы де Меридор! Бедное юное создание!

– Увы! – пробормотал Монсоро так, что нельзя было понять, к кому относится его сожаление.

– Вы ее оплакиваете, не так ли? – сказал герцог, снова переводя разговор на твердую почву.

– А разве вы ее не оплакиваете, ваше высочество?

– Я? О! Вы же знаете, как я сожалел о моем роковом капризе! И, подумайте, из-за моих дружеских чувств к вам, из-за привычки моей к вашим добрым услугам я позабыл, что, не будь вас, я не похитил бы юную девицу.

Монсоро почувствовал удар.

«Посмотрим, – сказал он себе, – может быть, это просто угрызания совести?» – Монсеньер, – возразил он герцогу, – ваша природная доброта побуждает вас возводить на себя напраслину, не вы явились причиной смерти Дианы де Меридор, да и я также в ней не повинен.

– Почему? Объяснитесь.

– Извольте. Разве в мыслях у вас было не останавливаться даже перед смертью Дианы де Меридор?

– О, конечно, нет.

– Тогда ваши намерения оправдывают вас, монсеньер. Вы ни при чем: стряслась беда, случайная беда, такие несчастья происходят каждый день.

– И к тому же, – добавил герцог, погружая свой взгляд в самое сердце Монсоро, – смерть все окутала своим вечным безмолвием!

В этих словах прозвучала столь зловещая интонация, что Монсоро тотчас же вскинул глаза на принца и подумал: «Нет, это не угрызания совести...» – Монсеньер, – сказал он, – позволите ли вы мне говорить с вашим высочеством откровенно?

– А что, собственно, вам мешает? – с высокомерным удивлением осведомился принц.

– И вправду, я не знаю, что мне сейчас мешает.

– Что вы хотите этим сказать?

– О монсеньер, я хочу сказать, что отныне откровенность должна быть главной основой моей беседы с принцем, наделенным столь выдающимся умом и таким благородным сердцем.

– Отныне?... Почему только отныне?

– Но ведь в начале нашей беседы его высочество не сочло нужным быть со мной откровенным.

– Да неужели? – парировал герцог с принужденным смехом, который выдавал закипающий в нем гнев.

– Послушайте меня, монсеньер, – смиренно сказал Монсоро. – Я знаю, что ваше высочество собирается мне сказать.

– Коли так, говорите.

– Ваше высочество хотело дать мне понять, что Диана де Меридор, может быть, не умерла, и это избавляет от угрызений совести тех, кто считал себя ее убийцами.

– О! Как долго вы тянули, сударь, прежде чем решились довести до меня эту утешительную мысль. А вы еще называете себя верным слугой! Вы видели, как я мрачен, удручен. Я признался вам, что после гибели этой женщины меня мучают кошмары, меня, человека, благодарение богу, не склонного к тонкой чувствительности..., и вы оставляли меня томиться и мучиться, хотя одно ваше слово, одно высказанное вами сомнение могло бы облегчить мои страдания. Как должен я назвать подобное поведение, сударь?

В словах герцога прозвучали раскаты готового разразиться гнева.

– Монсеньер, – отвечал Монсоро, – можно подумать, что вы меня в чем-то обвиняете.

– Предатель! – внезапно закричал герцог, делая шаг к главному ловчему. – Я тебя обвиняю и поддерживаю обвинение... Ты меня обманул, ты перехватил у меня женщину, которую я любил.

Монсоро страшно побледнел, но остался стоять в спокойной, почти вызывающей позе.

– Это верно, – сказал он.

– Ах, это верно... Обманщик! Наглец!

– Соболаговолите говорить потише, монсеньер, – сказал Монсоро, все еще сохраняя спокойствие, – ваше высочество позабыли, что вы говорите с дворянином, с добрым слугой...

Герцог разразился конвульсивным смехом.

–...с добрым слугой короля! – закончил Монсоро. Он произнес эту страшную угрозу, не изменив своего бесстрастного тона.

Услышав слово «король», герцог сразу перестал смеяться.

– Что вы хотите этим сказать? – пробормотал он.

– Я хочу сказать, – почтительно, даже угодливо продолжал Монсоро, – что ежели монсеньер пожелает меня беспристрастно рассудить, он поймет, почему я мог завладеть этой женщиной, ведь ваше высочество тоже хотели завладеть ею.

Герцог остолбенел от такой дерзости и не нашелся что ответить.

– Вот мое извинение, – просто сказал главный ловчий, – я горячо любил Диану де Меридор.

– Но и я тоже, – надменно возразил Франсуа.

– Это верно, монсеньер, и вы – мой господин, но Диана де Меридор вас не любила!

– А тебя она любила? Тебя?

– Возможно, – пробормотал Монсоро.

– Ты лжешь! Ты лжешь! Ты принудил ее насильно, как и я мог бы ее принудить. Только я, твой господин, потерпел неудачу, а тебе, моему холопу, удалось. И это потому, что я действовал одной силой, а ты пустил в ход вероломство.

– Монсеньер, я ее любил.

– Какое мне до этого дело! Мне!

– Монсеньер...

– Ты угрожаешь, змея?

– Монсеньер, остерегитесь, – произнес Монсоро, опуская голову, словно тигр перед прыжком. – Я любил ее, повторяю вам, и я не из ваших холопов, как вы меня сейчас назвали. Моя жена принадлежит мне, как моя земля. Никто не может у меня ее отобрать, никто, даже сам король. Я пожелал эту женщину, и я ее взял.

– Правда твоя, – сказал Франсуа, устремляясь к серебряному колокольчику, стоявшему на столе, – ты ее взял, ну что ж, ты ее и отдашь.

– Вы ошибаетесь, монсеньер, – воскликнул Монсоро, бросившись к столу, чтобы остановить принца. – Оставьте эту дурную мысль помешать мне. Если вы призовете сюда людей, если вы нанесете мне публичной оскорбление...

– Говорю тебе: откажись от этой женщины.

– Отказаться от нее? Невозможно... Она моя жена, мы обвенчаны перед богом.

Монсоро рассчитывал на воздействие имени божьего, но и оно не укротило бешеный

нрав герцога.

– Если она твоя жена только перед богом, то ты вернешь ее людям, – сказал принц.

– Неужто он знает все? – невольно вырвалось у Монсоро.

– Да, я знаю все. Этот брак, либо ты его сам расторгнешь, либо его расторгну я, хоть бы ты сотню раз поклялся перед всеми богами, которые когда-либо восседали на небесах.

– Монсеньер, вы богохульствуете, – сказал Монсоро.

– Завтра же Диана де Меридор вернется к отцу, завтра же я отправлю тебя в изгнание. Даю тебе час на продажу должности главного ловчего. Таковы мои условия. Иначе берегись, вассал, я тебя изничтожу, как вот этот стакан.

И принц схватил со стола хрустальный бокал, покрытый эмалью, подарок герцога Австрийского, и с силой швырнул его в Монсоро. Осколки стекла осыпали главного ловчего.

– Я не отдам свою жену, я не откажусь от своей должности, и я останусь во Франции, – отчеканил граф, приближаясь к оцепеневшему от изумления принцу.

– Как ты смеешь..., негодяй!

– Я обращусь с просьбой о помиловании к королю Франции, к королю, избранному в аббатстве святой Женевьевы, и наш новый суверен, такой добрый, столь взысканный недавней милостью божьей, не откажется выслушать первого челобитчика, который обратится к нему с прошением.

Монсоро говорил, все более воодушевляясь, казалось, огонь, сверкавший в его очах, постепенно воспламеняет его слова.

Теперь наступил черед Франсуа побледнеть, он отступил на шаг и уже собрался было распахнуть тяжелый ковровый занавес на двери, но вдруг, схватив Монсоро за руку, сказал ему, растягивая каждое слово, будто произнося его из последних сил:

– Хорошо..., хорошо..., граф, ваше прошение..., изложите мне его..., но говорите тише..., я вас слушаю...

– Я буду говорить со смирением, – сказал Монсоро, внезапно успокоившись, – со смирением, как оно и подобает смиренному служителю вашего высочества.

Франсуа медленно обошел большую комнату, старательно заглядывая под все ковры и занавески. Казалось, он не мог поверить, что никто не подслушал Монсоро.

– Вы сказали? – спросил он.

– Я сказал, монсеньер, что во всем виновата роковая любовь. Любовь, мой благородный властелин, – самое деспотическое из всех человеческих чувств. Чтобы позабыть о том, что Диана приглянулась вашему высочеству, мне надо было потерять всякую власть над собой.

– Я вам сказал, граф, это измена.

– Не оскорбляйте меня, монсеньер, послушайте, что я видел своим мысленным взором. Я видел вас богатым, молодым, счастливым, я видел вас первым государем христианского мира.

Герцог сделал предостерегающее движение рукой.

– Но ведь это так, – прошептал Монсоро на ухо герцогу, – между этим высшим саном и вами стоит только тень, она исчезнет при первом дуновении. Я видел ваше будущее во всем его блеске, и, сравнив вашу великую судьбу с той мелочью, на которую я посягнул, ослепленный сиянием вашей будущей славы, почти закрывшим от меня этот маленький бедный цветок – венец моих желаний, я, жалкий человечиска по сравнению с вами, моим господином, я сказал себе: оставим принца лелеять свои блестящие мечты, вынашивать свои величественные замыслы, это его королевская судьба, а я, я найду свою судьбу в его тени, он вряд ли почувствует, если с его королевской перевязи соскользнет похищенная мной скромная маленькая жемчужина.

– Граф! Граф! – прошептал герцог, против воли упоенный развернутой перед ним чарующей картиной.

– Вы мне прощаете, не так ли, монсеньер? В это мгновение герцог поднял глаза. Он увидел на обитой позолоченной кожей стене портрет Бюсси, на который он любил иногда

смотреть, подобно тому как прежде ему нравилось созерцать портрет Ла Моля. Бюсси на портрете глядел так гордо, с таким высокомерным выражением, так картинно опирался рукой о бедро, что герцогу почудилось – перед ним не изображение, а это сам Бюсси устремил на него свой огненный взор, вышел из стены, чтобы вдохнуть мужество в его сердце.

– Нет, – сказал герцог, – я не могу вас простить; и должен быть строгим не ради себя самого, бог мне свидетель. Дело не во мне, а в отце, одетом в траур, отце, доверием которого бесстыдно злоупотребили и который требует вернуть ему дочь. Дело в женщине, которую вы принудили выйти за вас замуж. Эта женщина вопиет о возмездии. Дело в том, что первейший долг принцев – справедливость.

– Монсеньер!

– Я сказал: справедливость – первейший долг принцев, и я буду справедлив...

– Если справедливость, – возразил Монсоро, – первейший долг принцев, то благодарность – первейшая обязанность королей.

– Что вы хотите этим сказать? – Я хочу сказать, что король никогда не должен забывать, кому он обязан своей короной. А вы, монсеньер...

– Ну?..

– Государь, своей короной вы обязаны мне.

– Монсоро! – гневно воскликнул герцог, охваченный ужасом еще большим, чем при первых атаках главного ловчего. – Монсоро! – повторил он тихим и дрожащим голосом. – Значит, вы хотите изменить королю точно также, как вы изменили принцу?

– Я верен тому, кто меня поддерживает, государь! – сказал Монсоро, все более повышая голос.

– Презренный...

И герцог снова бросил взгляд на портрет Бюсси.

– Я не могу! – сказал он. – Вы честный дворянин, Монсоро, вы поймете, что я не могу одобрить ваши действия.

– Почему, монсеньер?

– Потому что они позорят и вас и меня... Откажитесь от этой женщины. Ах, любезный граф, пойдите еще на одну жертву. За это я сделаю для вас, мой дорогой граф, все, что вы попросите...

– Значит, ваше высочество все еще любит Диану де Меридор?.. – спросил Монсоро, бледнея от ревности.

– Нет! Нет! Клянусь вам, нет.

– Но что же тогда смущает ваше высочество? Она моя жена, а разве в моих жилах течет не благородная кровь? И кто посмеет совать нос в мои семейные тайны?

– Но она вас не любит.

– Кому какое дело?

– Сделайте это ради меня, Монсоро.

– Не могу.

– Тогда... – сказал принц в страшной нерешительности. – Тогда...

– Подумайте хорошенько, государь. Услышав этот титул, герцог вытер пот, тотчас выступивший у него на лбу.

– Вы меня выдадите?

– Королю, отвергнутому ради вас? Да, ваше величество. Ибо если мой новый государь посягнет на мою честь, на мое счастье, я возвращусь к старому.

– Это бесчестно.

– Верно, государь, но я люблю так сильно, что не остановлюсь перед бесчестьем.

– Это подло.

– Да, ваше величество, но я люблю так сильно, что не остановлюсь перед подлостью. Герцог сделал движение к Монсоро, но граф удержал его одним взглядом, одной улыбкой.

– Монсеньер, убив меня, вы ничего не добьетесь, – сказал он. – Есть тайны, которые

всплывают вместе с трупами! Останемся же каждый на своем месте, вы – королем, исполненным милосердия, а я – самым смиренным из ваших подданных.

Герцог ломал себе пальцы, вонзал ногти в ладони.

– Полноте, полноте, мой добрый сеньор, сделайте что-нибудь для человека, верно служившего вам во всем. Франсуа встал.

– Чего вы просите? – спросил он.

– Ваше величество...

– Несчастный! Ты хочешь, чтобы я тебя умолял?

– О! Монсеньер!..

Монсоро поклонился.

– Говорите, – пробормотал Франсуа.

– Монсеньер, вы даруете мне прощение?

– Да.

– Монсеньер, вы помирите меня с бароном де Меридор?

– Да, – сказал герцог, задышавшись.

– И вы почтите мою супругу улыбкой в тот день, когда она появится при дворе королевы, куда я хочу иметь честь ее представить?

– Да, – сказал Франсуа. – Это все?

– Больше ничего, монсеньер.

– Идите. Я даю вам слово.

– А вы, – шепнул Монсоро в самое ухо герцога, – вы сохраните трон, на который я вас возвел! Прощайте, государь.

На этот раз он говорил так тихо, что его слова прозвучали в ушах принца сладчайшей музыкой.

«Мне остается только выяснить, – подумал Монсоро, – от кого герцог все узнал».

Глава 36.

О ТОМ, КАК ПРОХОДИЛ БОЛЬШОЙ КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ

Желание графа де Монсоро, высказанное им герцогу Анжуйскому, исполнилось в тот же день: граф представил молодую супругу двору королевы-матери и двору королевы.

Генрих лег спать в дурном настроении, так как господин де Морвилье предупредил его о том, что на следующий день следовало бы собрать Большой королевский совет.

Король ни о чем не спросил канцлера. Час был уже поздний, и его величество клонило ко сну. Для совета выбрали самое удобное время с тем, чтобы не помешать ни сну, ни отдыху короля.

Почтенный государственный муж в совершенстве изучил своего повелителя и знал, что, в отличие от Филиппа Македонского, Генрих III, когда он не выспался или проголодался, слушает доклады недостаточно внимательно.

Он знал также, что Генрих, страдающий бессонницей, – не спать самому, таков уж удел человека, который должен следить за сном других, – среди ночи непременно проснется, будет думать о предстоящей аудиенции и на заседании совета отнесется ко всему с должным вниманием и полной серьезностью.

Все произошло так, как предвидел господин де Морвилье.

После первого сна, продолжавшегося около четырех часов, Генрих проснулся. Вспомнив о просьбе канцлера, он уселся на постели и принялся размышлять, вскоре ему надоело размышлять в одиночестве, и, соскочив со своих пуховиков, он натянул шелковые панталоны в обтяжку, сунул ноги в туфли и во всем своем ночном облачении, придававшем ему сходство с привидением, направился при свете светильника, который с тех пор, как Сен-Люк увез с собой в Анжу дуновение всевышнего, больше не угасал, направился, повторяем мы, в комнату то, ту самую, где так счастливо провела свою первую брачную ночь Жанна де Бриссак.

Гасконец спал непробудным сном и храпел, как кузнечные мехи.

Король трижды потряс его за плечо, но Шико не проснулся.

Однако, когда на третий раз король не только потряс спящего, но и громко окликнул его, тот открыл один глаз.

– Шико! – повторил король.

– Чего еще? – спросил Шико.

– Ах, друг мой, – сказал Генрих, – как можешь ты спать, когда твой король бодрствует?

– О боже! – воскликнул Шико, притворяясь, что не узнает короля. – Неужели у его величества несварение желудка?

– Шико, друг мой! – сказал Генрих. – Это я.

– Кто – ты?

– Это я, Генрих!

– Решительно, сын мой, это бекасы давят тебе на желудок. Я, однако, тебя предупреждал. Ты их слишком много съел вчера вечером, как и ракового супа.

– Нет, – сказал Генрих, – я их едва отведал.

– Тогда, – сказал Шико, – тебя, должно быть, отравили. Пресвятое чрево! Генрих, да ты весь белый!

– Это моя полотняная маска, дружок, – сказал король, – Значит, ты не болен?

– Нет.

– Тогда почему ты меня разбудил?

– Потому что у меня неотвязная тоска.

– У тебя тоска?

– И сильная.

– Тем лучше.

– Почему тем лучше?

– Да потому, что тоска нагоняет мысли, а поразмыслив хорошенько, ты поймешь, что порядочного человека будят в два часа ночи, только если хотят преподнести ему подарок. Посмотрим, что ты мне принес.

– Ничего, Шико. Я пришел поболтать с тобой.

– Но мне этого мало.

– Шико, господин де Морвилье вчера вечером явился ко двору.

– Ты водишься с дурной компанией, Генрих. Зачем он приходил?

– Он приходил испросить у меня аудиенции.

– Ах, вот человек, умеющий жить. Не то что ты: врываешься в чужую спальню в два часа утра.

– Что он может мне сказать, Шико?

– Как! Несчастный, – воскликнул гасконец, – неужто ты меня разбудил только для того, чтобы задать этот вопрос?

– Шико, друг мой, ты знаешь, что господин де Морвилье ведает моей полицией.

– Да что ты говоришь! – сказал Шико. – Ей-богу, я ничего не знал.

– Шико! – не отставал король. – В отличие от тебя, я нахожу, что господин Морвилье всегда хорошо осведомлен.

– И подумать только, – сказал гасконец, – ведь я мог бы спать, вместо того чтобы выслушивать подобные глупости.

– Ты сомневаешься в осведомленности канцлера? – спросил Генрих.

– Да, клянусь телом Христовым, я в ней сомневаюсь, – сказал Шико, – и у меня на это есть свои причины.

– Какие?

– Ну коли я скажу тебе одну-единственную, с тебя хватит?

– Да, если она будет веской.

– И потом ты меня оставишь в покое?

– Конечно.
– Ну ладно. Как-то днем, нет, постой, это было вечером...
– Какая разница?
– Есть разница, и большая. Итак, однажды вечером я тебя поколотил на улице Фруадмантель. Ты был с Келюсом и Шомбергом...
– Ты меня поколотил?
– Да, палкой, палкой, и не только тебя, всех троих.
– А по какому случаю?
– Вы оскорбили моего пажа и получили по заслугам, а господин де Морвилье об этом ничего тебе не донес.
– Как! – воскликнул Генрих. – Так это был ты, негодяй, ты, святотатец?
– Я самый, – сказал Шико, потирая ладони, – и правда ли, сын мой, уж коли я бью, так я бью здорово?
– Нечестивец!
– Признаешь, что я сказал правду?
– Я прикажу высечь тебя, Шико.
– Не о том речь; скажи – было это или не было, вот все, что я хочу знать.
– Ты отлично знаешь, что было, негодяй!
– На следующий день вызывал ты господина де Морвилье?
– Ну да, ведь он приходил в твоём присутствии.
– Ты рассказал ему о досадном случае, который произошел накануне с одним дворянином, твоим другом?
– Да.
– Ты приказал ему разыскать виновника?
– Да.
– И он разыскал?
– Нет.
– Ну вот, а теперь иди спать, Генрих, ты видишь, что твоя полиция не стоит выведенного яйца.

И, повернувшись к стене, не желая отвечать больше ни на какие вопросы, Шико снова захрапел. Этот храп, напоминающий грохот тяжелой артиллерии, лишил короля всякой надежды на продолжение разговора.

Генрих, вздыхая, вернулся в свою опочивальню и, за неимением других собеседников, принялся горько жаловаться своей борзой Нарциссу на злосчастную судьбу королей, которые могут узнать истину, только если они за нее заплатят.

На следующий день собрался Большой королевский совет. Его состав не был постоянным и менялся в зависимости от переменчивых привязанностей короля. На этот раз в него входили Келюс, Можирон, д'Эпернон и Шомберг; все четверо уже свыше полугода оставались в фаворе у Генриха.

Шико, сидевший во главе стола, делал из бумаги кораблики и в строгом порядке выстраивал их на столешнице, приговаривая, что это флот всехристианского величества, который заменит флот всекатолического короля.

Объявили о прибытии господина де Морвилье.

Государственный муж явился одетым в свой самый темный костюм и с совершенно похоронным выражением лица. Отвесив глубокий поклон, на который за короля ему ответил Шико, он приблизился к Генриху III.

– Я присутствую, – спросил он, – на заседании Большого совета вашего величества?
– Да, здесь собрались мои лучшие друзья. Говорите.
– Простите, государь, я неспроста хотел в этом удостовериться. Ведь я намерен открыта нашему величеству весьма опасный заговор!
– Заговор?! – в один голос воскликнули все присутствующие.

Шико наострил уши и прекратил сооружение великолепного двухпалубного

галиота, этот корабль он хотел сделать флагманом своего флота.

– Да, заговор, ваше величество, – сказал господин де Морвилье, понизив голос с той таинственностью, которая предвещает потрясающие откровения.

– О-о! – протянул король. – А часом не испанский ли это заговор?

В эту минуту в залу вошел герцог Анжуйский, также призванный на совет, двери за ним тотчас же закрылись.

– Вы слышите, брат мой, – сказал Генрих, когда обмен церемонными приветствиями закончился, – господин де Морвилье хочет изобличить перед нами заговор против безопасности государства!

Герцог медленно обвел всех присутствующих свойственным ему пронизательным и в то же время настороженным взглядом.

– Возможно ли это?.. – пробормотал он.

– К сожалению, да, монсеньер, – сказал Морвилье, – опасный заговор.

– Расскажите нам про него, – предложил Шико, запуская законченный им галиот в хрустальную вазу с водой, стоявшую на столе.

– Да, – пролепетал герцог Анжуйский, – расскажите нам про него, господин канцлер.

– Я слушаю, – сказал Генрих.

Канцлер склонился как мог ниже и придал своему взгляду возможно большую серьезность, а голосу – самые доверительные интонации.

– Государь, – сказал он, – я уже давно слежу за поведением немногих недовольных...

– О! – прервал канцлера Шико. – «Немногих!» Вы слишком скромны, господин де Морвилье.

– Это, – продолжал канцлер, – всякий сброд: лавочники, ремесленники, мелкие судейские чины... Иной раз среди них попадаются монахи и школяры.

– Ну это не бог весть какие принцы, – отозвался Шико и с невозмутимым спокойствием приступил к изготовлению нового двухмачтового корабля.

Герцог Анжуйский принужденно улыбнулся.

– Сейчас вам все будет ясно, государь, – сказал канцлер. – Я знал, что недовольные всегда используют две главные опоры: армию и церковь...

– Весьма разумно, – заметил Генрих. – Говорите дальше.

Канцлер, ошарашенный этой похвалой, продолжал:

– В армии я нашел офицеров, преданных вашему величеству, которые доносили мне обо всем; в церковных кругах это было труднее. Тогда я пустил в дело моих людей...

– Все еще весьма разумно, – сказал Шико.

– И наконец, с помощью моих доверенных лиц мне удалось склонить одного из людей парижского прево...

– Склонить к чему? – спросил король.

– К тому, чтобы он следил за проповедниками, которые возбуждают народ против вашего величества.

«Ого! – подумал Шико. – Неужели моего друга заприметили?» – Этих людей, государь, вдохновляет не господь бог, а сообщество заклятых врагов короны. Это сообщество я изучил.

– Очень хорошо, – одобрил король.

– Весьма разумно, – добавил Шико.

– И я знаю, на что они рассчитывают, – торжествующе заявил Морвилье.

– Просто превосходно! – воскликнул Шико. Король сделал гасконцу знак замолчать. Герцог Анжуйский не сводил глаз с Морвилье.

– В течение более чем двух месяцев, – продолжал канцлер, – я содержал за счет королевской казны нескольких весьма ловких и безмерно смелых людей; правда, они отличаются также ненасытной алчностью, но я сумел обратить это их качество во благо королю, ибо, щедро оплачивая их, я только выиграл. Именно от них, пожертвовав довольно крупной денежной суммой, я узнал о первом сборище заговорщиков.

– Все это хорошо, – сказал Шико, – плати, мой король, плати денежки!..

– Э, за этим дело не станет! – воскликнул Генрих. – Скажите нам, канцлер, какова цель этого заговора и на что рассчитывают заговорщики...

– Государь, речь идет не более не менее, как о второй ночи святого Варфоломея.

– Против кого?

– Против гугенотов.

Присутствующие удивленно переглянулись.

– Примерно в какую сумму вам это обошлось? – спросил Шико.

– Семьдесят пять тысяч ливров одному и сто тысяч – другому.

Шико повернулся к королю.

– Хочешь, я всего за тысячу экю выдам тебе тайну, которую узнал господин де Морвилье? – воскликнул он.

Канцлер удивленно пожал плечами, а герцог Анжуйский скорчил такую благодетельную мину, которую на его лице еще и не видывали.

– Говори! – приказал король.

– Это – Лига, просто-напросто Лига, она образовалась десять лет назад. Господин де Морвилье выведает тайну, которую всякий парижский буржуа знает, как «Отче наш»...

– Сударь... – возмутился канцлер.

– Я говорю правду.., и я докажу это, – заявил Шико непререкаемым тоном.

– Тогда назовите мне место, где собираются лигисты.

– Охотно: во-первых:

– на площадях и на улицах; во-вторых – на улицах и на площадях; и в-третьих – и на площадях и на улицах.

– Шутить изволите, господин Шико, – сказал канцлер, пытаясь изобразить улыбку. – А как они узнают друг Друга?

– Они одеты точь-в-точь как и парижане и при ходьбе переставляют ноги по очереди, одну за другой, – с важным видом ответил Шико, Это объяснение было встречено взрывом смеха, и даже сам канцлер, подумав, что правила хорошего тона требуют от него присоединиться к общему веселью, засмеялся вместе с другими. Но вскоре государственный муж опять посуровел.

– Мой лазутчик, – сказал он, – присутствовал на одном из их собраний, и оно происходило в том месте, которое господину Шико неизвестно.

Герцог Анжуйский побледнел.

– Где же? – спросил король.

– В аббатстве святой Женевиевы. Шико уронил бумажную курицу, которую он усаживал на адмиральский корабль.

– В аббатстве святой Женевиевы! – воскликнул король.

– Это невероятно, – пробормотал герцог.

– Однако это так, – сказал Морвилье и победоносно оглядел собравшихся, весьма довольный произведенным им впечатлением.

– И что они делали, господин канцлер? Что они решили? – спросил король.

– Что лигисты выберут себе вождей, каждый записавшийся в списки Лиги добудет себе оружие, в каждую провинцию будет направлен представитель от мятежной столицы, и все гугеноты, любимчики вашего величества, так они выражаются...

Король улыбнулся.

– Будут истреблены в назначенный день.

– И это все? – сказал Генрих.

– Чума на мою голову! – воскликнул Шико. – Сразу видно, что ты католик.

– И это действительно все? – осведомился герцог.

– Нет, монсеньер...

– Чума на мою голову! Я думаю, что это не все! Если бы король за сто семьдесят пять тысяч ливров получил только это, он был бы вправе считать себя обокраденным.

– Говорите, канцлер, – приказал король.

– Есть вожди...

Шико заметил, что у герцога Анжуйского грудь от волнения бурно вздымается под камзолом.

– Так, так, так, – сказал он, – значит, у заговора есть руководители, удивительно! И все же, за наши сто семьдесят пять тысяч ливров нам следовало бы еще чего-нибудь подкинуть.

– Кто эти вожди..., их имена? – спросил король. – Как их зовут, этих вождей?

– Во-первых, один проповедник, фанатик, бесноватый изувер, за его имя я заплатил десять тысяч ливров.

– И вы правильно сделали.

– Некто Горанфло, монах из монастыря святой Женеьевы.

– Бедняга! – заметил Шико с искренним состраданием. – Было ему сказано: не суйся не в свое дело, ничего путного из этого не выйдет.

– Горанфло... – сказал король, записывая это имя, – хорошо..., ну, дальше...

– Дальше... – повторил канцлер, явно колеблясь, – но, государь, это все.

И Морвилье еще раз оглядел собрание пытливым, загадочным взглядом, который, казалось, говорил:

«Если бы ваше величество остались наедине со мной, вы узнали бы и еще много чего».

– Говорите, канцлер, здесь только мои друзья, говорите.

– О государь, тот, чье имя я не решаюсь назвать, также имеет могущественных друзей.

– Возле меня?

– Повсюду.

– Да что, эти друзья сильнее меня! – воскликнул Генрих, бледнея от гнева и тревоги.

– Государь, тайны не объявляют во всеуслышание. Простите меня, я государственный человек.

– Это верно.

– И весьма разумно, – подхватил Шико. – Но мы здесь все – люди государственные.

– Сударь, – сказал герцог Анжуйский, – ежели ваше известие не может быть оглашено в нашем присутствии, то мы выразим королю наше нижайшее почтено и удалимся.

Господин де Морвилье пребывал в нерешительности. Шико следил за его малейшим жестом, опасаясь, что канцлеру, каким бы наивным он ни казался, удалось разузнать нечто более важное, чем его предыдущие сообщения.

Король знаками приказал: канцлеру – подойти, герцогу Анжуйскому – оставаться на месте, Шико – замолчать, а трем фаворитам – заняться чем-нибудь другим.

Тотчас же господин де Морвилье начал склоняться к уху его величества, но он не проделал и половины этого размеренного и грациозного телодвижения, выполнявшегося им по всем правилам этикета, как во дворе Лувра раздался сильный шум. Король резко выпрямился, Келюс и д'Эпернон бросились к окну, герцог Анжуйский положил руку на рукоять шпаги, словно эти звуки таили в себе какую-то опасность для его особы.

Шико встал из-за стола и следил за всем происходящим во дворе и в зале.

– Вот как! Монсеньер де Гиз! – закричал он первым. – Монсеньер де Гиз пожаловал в Лувр. Король вздрогнул.

– Это он, – хором подтвердили миньоны.

– Герцог де Гиз? – пролепетал брат короля.

– Удивительно..., не правда ли? Каким образом герцог де Гиз оказался в Париже? – медленно произнес король, прочитавший в оторопелом взгляде господина де Морвилье то имя, которое канцлер хотел шепнуть ему на ухо.

– Сообщение, которое вы для меня приготовили, касалось моего кузена де Гиза, не так ли? – тихо спросил он у канцлера.

– Да, государь, это он председательствовал на собрании... – в тон ему ответил Морвилье.

– А другие?

– Другие мне не известны.

Генрих кинул на Шико вопросительный взгляд.

– Клянусь святым чревом! – воскликнул, приосанившись, гасконец. – Введите моего кузена де Гиза. И, наклонясь к Генриху, шепнул ему на ухо:

– Вот человек, чье имя ты хорошо знаешь, и думаю, тебе нет надобности заносить его на свои дощечки. Лакеи с шумом распахнули двери.

– На одну створку, господа, – сказал Генрих, – на одну створку. Обе створки открывают только для короля.

Герцог де Гиз уже приближался по галерее к залу, где происходил королевский совет, и слышал эти слова, но он сохранил на своем лице улыбку, с которой был намерен приветствовать короля.

Глава 37.

О ТОМ, ЧТО ДЕЛАЛ В ЛУВРЕ ГЕРЦОГ ДЕ ГИЗ

За герцогом де Гизом следовали многочисленные офицеры, придворные, дворяне. За этим блестящим эскортом тянулись толпы народа – эскорт гораздо менее блестящий, но куда более надежный и грозный.

Во дворец пропустили только свиту герцога, народ остался у стен Лувра.

Это из рядов народа раздавались крики, не смолкавшие и в ту минуту, когда герцог де Гиз, давно уже невидимый для толпы, вступал в галерею.

При виде этой необычной армии, собиравшейся вокруг кумира парижан всякий раз, как он появлялся на улицах столицы, королевские гвардейцы схватились за оружие и, выстроившись за своим бравым полковником, взирали на народ угрожающе, а на триумфатора – с немым вызовом.

Гиз заметил враждебное настроение этих солдат, которыми командовал Крийон; изящным полупоклоном он приветствовал полковника, стоявшего со шпагой в руке на четыре шага впереди строя своих людей, но тот, прямой и бесстрастный, замер в презрительной неподвижности и не ответил на приветствие.

Подчеркнутый отказ офицера и солдат склониться перед его повсюду признанным могуществом удивил герцога де Гиза. Герцог нахмурился, но по мере приближения к дверям королевского кабинета морщины на его челе разглаживались, и, как мы уже говорили, в зал он вошел с любезной улыбкой на устах.

– А, это вы, мой кузен, – сказал король, – какой шум вы подняли! Словно бы даже и трубы трубили? Или трубы мне просто послышались?

– Государь, – отвечал герцог, – трубы славят в Париже только короля, а на поле брани – только полководца. Я слишком хорошо знаю и двор, и военный лагерь, чтобы ошибиться. Здесь трубы были бы слишком громогласны для подданного, там они недостаточно громки даже для принца.

Генрих прикусил губу.

– Клянусь смертью Христовой! – сказал он после минутного молчания, в течение которого не спускал глаз с лотарингского принца, – вы блестяще выглядите, мой кузен. Неужто вы только сегодня прибыли с осады Ла-Шарите?

– Да, только сегодня, государь, – ответил герцог, слегка покраснев.

– Ей-богу, ваше посещение для нас большая честь, большая честь, большая честь.

Генрих III, когда у него было чересчур много тайных мыслей, имел привычку повторять слова, как бы уплотняя ряды солдат, скрывающих от глаз противника пушечную батарею, которая должна обнаружить себя только в нужную минуту.

– Большая честь! – повторил Шико, столь точно копируя интонацию королевского

голоса, что можно было подумать, будто эти два слова произнес Генрих.

– Государь, – сказал герцог, – ваше величество изволит шутить: разве может вассал оказать честь суверену, от которого исходят все чести и почести?

– Я имею в виду, господин де Гиз, – возразил Генрих, – что всякий добрый католик, вернувшись из похода, обычно сначала навещает бога в каком-нибудь храме, а потом уже короля. Почитать бога, служить королю – вы знаете, кузен, это истина наполовину божественная, наполовину политическая.

При этих словах герцог де Гиз покраснел более заметно. Король, который говорил, глядя гостю в глаза, заметил его смущение; повинаясь какому-то инстинктивному порыву, он перевел взор с Гиза на герцога Анжуйского и с удивлением увидел, что его милый брат побледнел столь же сильно, сколь сильно покраснел его дорогой кузен.

Это волнение, проявившееся по-разному, поразило короля. Генрих намеренно отвел глаза и принял любезный вид. Под таким бархатом Генрих III, как никто, умел прятать свои королевские когти.

– В любом случае, герцог, – сказал он, – ничто не сравнится с моей радостью, когда я вижу вас живым и невредимым, счастливо избегшим всех роковых случайностей войны, хотя про вас говорят, что вы не бежите от опасностей, а дерзостно ищете встречи с ними. Но опасности знают вас, мой кузен, и это они бегут от вас.

Герцог поклонился в ответ на любезность.

– Поэтому я вам скажу, мой кузен: не гоняйтесь с таким увлечением за смертью, ибо это поистине невыносимо для бездельников вроде нас, грешных, которые спят, едят, охотятся и считают за победу изобретение новой моды или новой молитвы.

– Да, да, государь, – ухватился герцог за последнее слово короля. – Нам известно, что вы король просвещенный и благочестивый, и никакие плотские утехы не заставят вас позабыть о славе божьей и интересах святой церкви. Поэтому-то мы и прибыли сюда, с полным доверием к вашему величеству.

– Полюбуйся на доверие твоего кузена, Генрих, – сказал Шико, показывая королю на свиту герцога, которая, не осмеливаясь перешагнуть порог королевских покоев, толпилась у открытых дверей, – одну его треть он оставил у дверей твоего кабинета, а остальные две – у дверей Лувра.

– С доверием?... – повторил Генрих. – А разве вы се всегда приходите ко мне с доверием, мой кузен?

– Позвольте мне объясниться, государь; слово «доверие», слетевшее с моих уст, относится к одному предложению, которое, я надеюсь, вы не откажетесь выслушать.

– Ага! У вас имеется какое-то предложение ко мне, кузен? Тогда выскажитесь откровенно, или, как вы сказали, «с полным доверием». Чтобы имеете нам предложить?

– Одну из самых прекрасных идей, которые могли бы еще взволновать христианский мир с тех пор, как крестовые походы сделались невозможны.

– Говорите, герцог.

– Государь, – продолжал герцог, на этот раз повышая голос так, чтобы его было слышно и в передней, – государь, звание всехристианского короля не пустой звук, оно обязывает ревностно и пылко оборонять религию. Старший сын церкви, а таков ваш титул, государь, должен всегда быть готов защитить свою мать.

– Вот так да, – сказал Шико, – мой кузен проповедует с длинной рапирой на боку и с каской на голове. Забавно! Отныне меня больше не удивляют монахи, рвущиеся в бой. Генрих, я у тебя прошу полк для Горанфло.

Герцог де Гиз сделал вид, что не слышал этих слов. Генрих III положил ногу на ногу и оперся локтем о колено, а подбородком – о ладонь.

– А разве церкви угрожают сарацины? – спросил он. – Или не жаждете ли вы случаем для себя титула короля..., иерусалимского?

– Государь, – продолжал герцог – уверяю вас, что народ, который в огромном стечении следовал за мной до Лувра, благословляя мое имя, оказывал мне такой почет лишь в

награду за мои ревностные усилия, направленные на защиту веры. Я уже имел честь говорить вашему величеству, еще до вашего восшествия на престол, о проекте союза между всеми верными католиками.

– Да, да, – подхватил Шико, – да, я вспоминаю. Это Лига, клянусь святым чревом, Генрих. Это Лига, Лига, созданная в честь святого Варфоломея, мой король. Ей-богу, ты очень забывчив, сын мой, если не можешь вспомнить столь победительную идею.

Герцог обернулся на эти слова и презрительно посмотрел на того, кто их произнес, не зная, какое большое значение имели они для короля после недавних сообщений господина де Морвилье.

Но герцог Анжуйский встревожился. Прижав палец к губам, он пристально посмотрел на герцога де Гиза, бледный и неподвижный, как статуя Осторожности.

На сей раз король не заметил бы этого молчаливого предостережения, свидетельствующего об общности интересов обоих принцев, но Шико, делая вид, будто ему вздумалось посадить одну из своих бумажных куриц в цепочки из рубинов, украшавшие шляпу короля, наклонился к Генриху и шепнул ему на ухо:

– Взгляни на своего братца, Генрих.

Генрих быстро поднял глаза, палец герцога Анжуйского опустился с не меньшей быстротой. Однако было уже поздно. Король увидел движение и угадал, что оно означает.

– Государь, – продолжал герцог де Гиз, который заметил, как Шико что-то сказал королю, но не мог расслышать его слов, – католики действительно назвали свое сообщество святой Лигой, и эта Лига ставит себе главной целью укрепить трон, защитить его от наших заклятых врагов – гугенотов.

– Хорошо сказано! – воскликнул Шико. – Я одобряю *pedibus et nutu*²⁹.

– И все же, – продолжал герцог, – одного объединения еще мало, государь, еще недостаточно соединиться с единое тело, каким бы сплоченным оно ни было; это тело нужно привести в движение, направить его к некоей цели. Ибо в таком королевстве, как Франция, несколько миллионов людей не объединяются без согласия короля.

– Несколько миллионов людей! – воскликнул Генрих, даже не пытаясь скрыть своего Удивления, которое с полным основанием можно было принять за испуг.

– Несколько миллионов людей! – повторил Шико. – Ничего себе маленькое семечко из недовольных! Если его посадят умелые руки, а уж в этом я не сомневаюсь, оно не замедлит принести премилые плоды.

На этот раз терпение герцога, по-видимому, истощилось, он презрительно сжал губы, напряг правую ногу и чуть было не топнул ею, но сдержался.

– Меня удивляет, государь, – сказал он, – что ваше величество позволяете так часто прерывать мою речь, хотя я говорю о столь важных материях.

При этом открытом выражении неудовольствия, со справедливостью коего нельзя было не согласиться, Шико обвел всех присутствующих злыми глазами и, подражая пронзительному голосу парламентского глашатая, крикнул;

– Тише, там! Иначе, клянусь святым чревом, будете иметь дело со мной.

– Несколько миллионов! – повторил король, которого это число, видимо, поразило. – Весьма лестно для католической религии; но против этих нескольких миллионов объединившихся католиков сколько человек могут выставить протестанты в моем королевстве?

Герцог, казалось, пытался вспомнить какую-то цифру.

– Четверых, – сказал Шико.

Эта новая выходка была встречена громким смехом придворных короля, но герцог де Гиз нахмурил брови, а в передней среди его дворян, возмущенных дерзостью шута, послышался громкий ропот.

²⁹ Ногами и головой (лат.)

Король медленно повернулся к двери, откуда доносились недовольные голоса; и так как он умел придавать своему взгляду выражение высокого достоинства, то ропот сразу затих.

Затем король с тем же выражением взглянул на герцога.

– Итак, сударь, – сказал он, – чего вы добиваетесь?.. К делу.., к делу...

– Я прошу одного, государь, ибо слава моего короля мне, быть может, дороже моей собственной, я хочу, чтобы ваше величество, которое во всем стоит выше нас, выказали свое превосходство над нами также и в своей ревностной приверженности к католической вере и, таким образом, лишили бы недовольных всякого повода к возобновлению войн.

– Ах, если речь идет о войне, мой кузен, – сказал Генрих, – то у меня есть войска; только под вашим командованием, в том лагере, который вы покинули, чтобы осчастливить меня вашими драгоценными наставлениями, насчитывается, если я не ошибаюсь, примерно двадцать пять тысяч солдат.

– Государь, может быть, я должен объяснить, что я понимаю под войной?

– Объясните, мой кузен, вы великий полководец, и я всегда, не сомневайтесь в этом, с большим удовольствием слушаю, как вы рассуждаете о подобных материях.

– Государь, я хотел сказать, что в наше время короли призваны вести две войны: войну духовную, если можно так выразиться, и войну политическую, – войну с идеями и войну с людьми.

– Смерть Христова! – сказал Шико. – Как это великолепно изложено!

– Замолчи, дурак! – приказал король.

– Люди, – продолжал герцог, – существа видимые, осязаемые, смертные; с ними можно соприкоснуться, атаковать их и разбить, а когда они разбиты, их судят или вешают без суда, что еще лучше.

– Да, – сказал Шико, – их можно повесить безо всякого суда: это будет и покороче, и более по-королевски.

– Но с идеями, – продолжал герцог, – с идеями вы не сможете бороться, как с людьми, государь, они невидимы и проскальзывают повсюду; они прячутся, особенно от глаз тех, кто хочет их искоренить. Укрывшись в тайниках душ человеческих, они пускают там глубокие корни. И чем старательнее срезаете вы неосторожные побеги, показавшиеся на поверхности, тем более могучими и неистребимыми становятся невидимые корни. Идея, государь, это карлик-гигант, за которым необходимо следить днем и ночью, ибо вчера она пресмыкалась у ваших ног, а завтра грозно нависнет над вашей головой. Идея, государь, это искра, упавшая в солому, и только зоркие глаза могут заметить пожар, занимающийся среди бела дня. И вот почему, государь, нам нужны миллионы дозорных.

– Вот и последние четыре французских гугенота летят ко всем чертям! – сказал Шико. – Клянусь святым чревом! Мне их жалко.

– И для того, чтобы смотреть за этими дозорными, – продолжал герцог, – я предлагаю вашему величеству назначить главу для святого Союза.

– Вы кончили, мой кузен? – спросил король.

– Да, государь, и, как его величество могло видеть, говорил со всей откровенностью.

Шико испустил чудовищный вздох, а герцог Анжуйский, оправившись от недавнего испуга, улыбнулся лотарингскому принцу.

– Ну а вы, – сказал король, обращаясь к окружавшим его придворным, – что вы об этом думаете, господа?

Шико, ни слова не говоря, взял свою шляпу и перчатки, затем схватил за хвост львиную шкуру, разостланную на полу, оттащил ее в угол комнаты и улегся.

– Что вы делаете, Шико? – спросил король.

– Государь, – ответил Шико, – говорят, что ночь – хороший советчик. Почему так говорят? Потому, что ночью спят. Я буду спать, государь, а завтра на свежую голову отвечу моему кузену де Гизу.

И он растянулся на шкуре во всю ее длину, герцог метнул на гасконца яростный взгляд; Шико, приоткрыв один глаз, перехватил его и ответил храпом, подобным раскату

грома.

– Итак, государь, – спросил герцог, – что думает ваше величество?

– Я думаю, вы правы, как всегда, кузен, соберите же ваших главных лигистов, придите сюда вместе с ними, и я изберу человека, в котором нуждается религия.

– А когда, государь? – спросил герцог.

– Завтра.

И, произнося это слово, король искусно разделил свою улыбку, адресовав одну половину герцогу де Гизу, а другую – герцогу Анжуйскому.

Последний собирался было удалиться вместе с придворными, но только он шагнул к двери, как Генрих сказал:

– Останьтесь, брат мой, я хочу с вами поговорить.

Герцог де Гиз на мгновение сжал рукою свой лоб, словно желая собрать воедино поток мыслей, а затем вышел вместе со своей свитой и исчез под сводами галереи.

Еще через минуту загрели радостные клики толпы, приветствовавшей выход герцога из Лувра точно так же, как она приветствовала его вступление в Лувр.

Шико продолжал храпеть, но мы не поручились бы за то, что он действительно спал.

Глава 38. КАСТОР И ПОЛЛУКС

Задержав у себя брата, король отпустил своих фаворитов.

Во время предыдущей сцены герцогу Анжуйскому удалось сохранить для всех, кроме Шико и герцога де Гиза, вид полного равнодушия к происходящему, и теперь он без всякого недоверия отнесся к приглашению Генриха. Он не подозревал, что гасконец заставил короля взглянуть в его сторону и тот увидел неосторожный палец, поднесенный к губам.

– Брат мой, – сказал Генрих, большими шагами расхаживая от двери до окна, после того как он убедился, что в кабинете не осталось никого, кроме Шико, – знаете ли вы, что я счастливейший король на земле?

– Государь, – сказал принц, – счастье вашего величества, если только вы действительно почитаете себя счастливым, не более чем вознаграждение, ниспосланное вам небом за ваши заслуги.

Генрих посмотрел на своего брата.

– Да, я очень счастлив, – подтвердил он, – потому что если великие идеи не осеняют мою голову, они осеняют головы тех, кто меня окружает. Мысль, которую только что изложил перед нами мой кузен Гиз, это великая идея.

Герцог поклонился в знак согласия.

Шико открыл один глаз, словно он плохо слышал с закрытыми глазами или ему было необходимо видеть лицо короля, чтобы постигнуть подлинный смысл королевских слов.

– Ив самом деле, – продолжал Генрих, – стоит собрать под одним знаменем всех католиков, создать королевство церкви, незаметно вооружить таким образом всю Францию от Кале до Лангедока, от Бретани до Бургундии, и у меня всегда будет армия, готовая выступить против Англии, Фландрии или Испании, а Англия, Фландрия или Испания ничего и не заподозрят. Понимаете ли вы, Франсуа, какая это гениальная мысль?

– Не правда ли, государь? – сказал герцог Анжуйский, обрадованный тем, что король разделяет взгляды его союзника, герцога де Гиза.

– Да, и, признаюсь, я испытываю горячее желанно щедро вознаградить автора столь мудрого прожекта.

Шико открыл оба глаза, но тут же закрыл их: он уловил на лице короля одну из тех неприметных улыбок, которые мог увидеть только он, знавший Генриха лучше всех остальных; этой улыбки ему было достаточно.

– Да, – продолжал король, – повторяю, такой прожект заслуживает награды, и я сделаю все для того, кто его задумал. Скажите мне, Франсуа, действительно ли герцог де Гиз

отец этой превосходной идеи или, вернее сказать, зачинатель этого великого дела? Ведь дело уже начато, не так ли, брат мой?

Герцог Анжуйский кивнул головой, подтверждая, что к исполнению замысла действительно уже приступили.

– Тем лучше, тем лучше, – повторил король. – Я сказал, что я очень счастлив, мне надо было бы сказать – я слишком счастлив, Франсуа, ибо моих ближних не только осеняют великие идеи, но мои ближние, горя желанием послужить своему королю и родственнику, еще и сами претворяют эти идеи в жизнь. Однако я у вас спросил, дорогой Франсуа, – продолжал Генрих, положив руку на плечо своему брату, – я у вас спросил, действительно ли за такую поистине королевскую мысль я должен благодарить моего кузена Гиза?

– Нет, государь, ее выдвинул кардинал Лотарингский более двадцати лет тому назад, и только ночь святого Варфоломея помешала ее исполнению или, верное, временно сделала его ненужным.

– Ах, какое несчастье, что кардинал Лотарингский скончался! – сказал Генрих. – Я бы сделал его папой после смерти его святейшества Григория Тринадцатого. Тем не менее нельзя не признать, – продолжал он с видом полнейшего простодушия, который умел принимать на себя лучше любого французского комедианта, – тем не менее нельзя не признать, что его племянник унаследовал эту идею и заставил ее плодоносить. К сожалению, я не в силах сделать его папой, но я его сделаю... Чем бы таким его наградить, Франсуа, каким, чего бы у него еще не было?

– Государь, – сказал Франсуа, обманутый словами своего брата, – вы преувеличиваете заслуги нашего кузена. Как я уже говорил, для него эта идея – только наследственное владение, и есть человек, который весьма помог ему возделывать это владение.

– Его брат, кардинал, не так ли?

– Само собой, он тоже этим занимался, однако не он был тем человеком.

– Значит, герцог Майеннский?

– О государь, вы оказываете ему слишком много чести!

– Ты прав. Нельзя и подумать, чтобы какая-нибудь дельная политическая мысль могла прийти в голову этому мяснику. Но кому же я должен быть признателен, Франсуа, за помощь, оказанную моему кузену?

– Мне, государь, – сказал герцог.

– Вам! – воскликнул Генрих, словно бы вне себя от изумления.

Шико открыл один глаз. Герцог поклонился.

– Как! – сказал Генрих. – В то время, когда весь мир ополчился на меня, проповедники обличают мои пороки, поэты и пасквилянты высмеивают мои недостатки, мудрые политиканы указывают на мои ошибки, в то время, когда мои друзья смеются над моей беспомощностью, когда общее положение стало настолько ненадежным и запутанным, что я хUDEЮ прямо на глазах и каждый день нахожу у себя все новые и новые седые волосы, подобная идея приходит в голову вам, Франсуа, человеку, в котором, должен вам признаться (известно, что люди слабы, а короли слепы), в котором я не всегда видел друга. Ах, Франсуа, как я виноват!

И Генрих, растроганный до слез, протянул своему брату руку.

Шико открыл оба глаза.

– Подумайте, – продолжал Генрих, – какая победительная идея! Ведь я не могу ни ввести новый налог, ни объявить набор в армию, не вызывая криков, я не могу ни гулять, ни спать, ни любить, не вызывая смеха. И вот идея господина де Гиза или, скорее, ваша, Франсуа, разом дает мне армию, деньги, друзей и покой. Теперь, чтобы этот покой был длительным, Франсуа, нужно только одно...

– Что именно?

– Мой кузен тут говорил, что великое движение должно иметь своего вождя.

– Да, несомненно.

– Этим вождем, поймите меня правильно, Франсуа, не может быть ни один из моих

фаворитов. Ни один из них не обладает одновременно и умом и сердцем, необходимыми для такого крутого взлета. Келюс храбр, но бедняга занят только своими любовными похождениями. Можирон храбр, но его тщеславие не простирается дальше нарядов. Шомберг храбр, но не отличается умом, даже его лучшие друзья вынуждены это признать. Д'Эпернон храбр, но он насквозь лицемерен, я не верю ни единому его слову, хотя и встречаю его с улыбкой на лице. Ведь вы знаете, Франсуа, – все более и более непринужденно говорил Генрих, – одна из самых тяжких обязанностей короля в том, что король все время должен притворяться. Поэтому, видите, – добавил он, – всякий раз, когда я могу говорить от чистого сердца, как сейчас, я дышу свободно.

Шико закрыл оба глаза.

– Ну так вот, – заключил Генрих, – если мой кузен де Гиз возымел эту идею, идею, в развитии которой вы, Франсуа, приняли такое большое участие, то, вероятно, ему и подобает взять на себя приведение ее в действие.

– Что вы сказали, государь? – воскликнул Франсуа, задыхаясь от тревожного волнения.

– Я сказал, что для руководства таким движением нужен великий принц.

– Государь, остерегитесь!

– Великий полководец, ловкий дипломат.

– Прежде всего ловкий дипломат, – заметил герцог.

– Полагаю, вы согласитесь, Франсуа, что герцог де Гиз во всех отношениях подходит на этот пост? Не правда ли?

– Брат мой, – сказал Франсуа, – Гиз и так уже слишком могуществен.

– Да, конечно, – сказал Генрих, – но его могущество – залог моей силы.

– У герцога де Гиза – армия и буржуазия, у кардинала Лотарингского – церковь, Майенн – орудие своих братьев; вы собираетесь объединить слишком большие силы в руках одной семьи.

– Вы правы, Франсуа, – сказал Генрих, – я об этом уже думал.

– Если бы еще Гизы были французскими принцами, тогда бы это можно было понять; тогда в их интересах было бы возвышение династии французских королей.

– Нет сомнения, но, к несчастью, они – лотарингские принцы.

– Их дом вечно соперничал с нашим.

– Франсуа, вы коснулись открытой раны. Смерть Христова! Я и не думал, что вы такой хороший политик. Ну да, вот она, причина, почему я хую и до времени покрываюсь сединой. Вот она – возвышение Лотарингского дома рядом с нашим. Поверьте мне, Франсуа, не проходит и дня без того, чтобы троица Гизов – вы очень верно подметили: у них у троих все в руках, – не проходит дня, чтобы либо герцог, либо кардинал, либо Майенн, все равно, не один, так другой, дерзостью или ловкостью, силой или хитростью не урвали бы еще какой-нибудь клочок моей власти, не похитили бы еще какую-нибудь частицу моих привилегий, а я, такой, какой я есть – слабый и одинокий, ничего не могу сделать против них. Ах, Франсуа, если бы наше сегодняшнее объяснение произошло раньше, если бы я раньше мог, читать в вашем сердце, как я читаю сейчас! Конечно, имея в вас опору, я мог бы успешнее сопротивляться им, чем до сих пор. Но теперь, вы сами вяжите, уже поздно.

– Почему поздно?

– Потому, что без борьбы они не уступят, а любая борьба меня утомляет. Посему я и назначу его главой Лиги.

– Вы совершите ошибку, брат, – сказал Франсуа.

– Но кого, по-вашему, я должен назначить, Франсуа? Кто согласится занять этот опасный пост? Да, опасный. Разве вы не понимаете замысел герцога? Он уверен, что главой Лиги я назначу его.

– Ну и что?

– Да то, что всякий другой избраннык станет его кровным врагом.

– Назначьте человека, достаточно сильного, который, опираясь на ваше могущество,

мог бы не бояться всех трех соединенных лотарингцев.

– Э, мой добрый брат, – сказал Генрих с унынием в голосе, – я не знаю никого, кто отвечал бы вашим условиям.

– Посмотрите вокруг, государь.

– Вокруг себя я вижу только вас и Шико, мой брат, и вы оба мои подлинные друзья.

– Ого! – проворчал Шико. – Неужели он и меня собирается одурачить?

И снова закрыл глаза.

– Ну, – сказал герцог, – вы все еще не понимаете, братец?

Генрих воззрился на герцога Анжуйского, словно бы с его глаз вдруг спала пелена.

– А, вот как! – воскликнул он. Франсуа молча кивнул головой.

– Нет, нет, – сказал Генрих, – вы никогда на это не согласитесь. Задача слишком тяжелая; это не для вас – изо дня в день подгонять ленивых буржуа, заставляя их обучаться военному искусству, это не для вас – изо дня в день просматривать речи всех проповедников, это не для вас – в случае если разгорится битва и улицы Парижа превратятся в бойню, брать на себя роль мясника. Для этого надо быть одним в трех лицах, как герцог де Гиз, и иметь правую руку, которая звалась бы Карл, и левую руку, которая звалась бы Луи. Вы знаете, в день святого Варфоломея герцог многих поубивал собственноручно, не правда ли, Франсуа?

– Слишком многих, государь!

– Возможно, он действительно переусердствовал. Но ты оставили без ответа мой вопрос, Франсуа. Как! Неужели вам придется по душе занятие, которое я вам описал? Вы будете заискивать перед этими ротозеями в самодельных кирасах, в кастрюлях, которые они напялят на головы вместо касок? И вы будете искать популярности, вы, самый большой вельможа нашего двора? Клянусь жизнью, брат, как люди меняются с годами!

– Может быть, я бы и не стал этим заниматься ради самого себя, государь, но, конечно, ради вас я сделаю все.

– Добрый брат, превосходный брат! – растрогался Генрих, пытаясь вытереть кончиком пальца не существующую слезу.

– Итак, – сказал Франсуа, – вы не возражаете, Генрих, если я возьмусь за дело, которое вы намеревались поручить герцогу Гизу?

– Мне возражать! – воскликнул Генрих. – Клянусь рогами дьявола! Нет, я не только не возражаю, наоборот, меня просто пленяет ваше предложение. Значит, и вы тоже, и вы думали о Лиге? Тем лучше, – смерть Христова! – тем лучше! Значит, и вы тоже были немножко причастны к этой идее? Да что я – немножко! Весьма и весьма основательно. А потом все, что вы мне тут наговорили, ей-богу, это просто восхитительно! Поистине меня окружают только великие умы, меня, величайшего осла в своем королевстве.

– О! Ваше величество изволите шутить.

– Я? Да боже сохрани! Положение слишком серьезное. Я говорю то, что думаю, Франсуа. Вы меня спасаете от большого затруднения, особенно большого потому, что, видите ли, Франсуа, с некоторых пор я чувствую себя нездоровым, мои способности слабеют. Мирон мне часто твердит об этом. Но давайте вернемся к более важным вещам; да и зачем мне мой собственный жалкий умишко, если я могу освещать себе путь светом вашего ума? Значит, мы договорились и я назначаю вас главой Лиги?

Франсуа охватила радостная дрожь.

– О, – сказал он, – если ваше величество считает меня достойным такого доверия!

– Доверия! Ах, Франсуа, зачем говорить о доверии? Если герцог де Гиз не будет главой Лиги, то кому, по-твоему, я должен не доверять? Может быть, самой Лиге? Неужто Лига будет представлять опасность для меня? Объяснись, мой добрый Франсуа, скажи мне все.

– О государь, – сказал герцог.

– Какой же я дурак! – продолжал Генрих. – Будь так, мой брат не согласился бы стать ее главой, или, еще лучше, с той минуты, когда мой брат станет ее главой, опасности больше не будет. А! Как это логично, видно, наш учитель логики не даром брал деньги. Нет, ей-богу, я

не испытываю опасений. К тому же у меня во Франции до сих пор есть немало людей шпаги, и я могу выступить против Лиги в хорошей компании в тот день, когда Лига начнет наступать мне на пятки.

– Ваша правда, государь, – ответил герцог с простодушием, почти столь же хорошо разыгранным, как и простодушие его брата, – король всегда король.

Шико открыл один глаз.

– Черт побери! – сказал Генрих. – Но, как назло, и мне пришла в голову одна мысль. Просто невероятно, какой у меня сегодня урожай на мысли. Бывают же такие дни!

– Какая мысль, братец? – спросил герцог, сразу обеспокоившись, ибо он не мог поверить, что такое огромное счастье достанется ему безо всяких помех.

– Э, наш кузен Гиз, отец или, вернее, человек, считающий себя отцом этой идеи, наш кузен Гиз, вероятно, уже вбил себе в голову, что он должен руководить Лигой. Он тоже захочет командовать.

– Командовать, государь?

– Без сомнения, даже без всякого сомнения. По-видимому, он вынашивал эту идею лишь для того, чтобы она ему служила. Впрочем, ты говоришь, вы вынашивали ее вместе. Берегись, Франсуа, этот человек не захочет оставаться в дураках. *Sic vos non vobis...* – Вы помните Вергилия? – *nidificatis, aves*³⁰.

– О государь!

– Франсуа, бьюсь об заклад, что он об этом помышляет. Он знает, какой я беспечный.

– Да, но как только вы объявите ему вашу волю, он уступит.

– Или сделает вид, что уступил. Повторяю: берегитесь, Франсуа, у него длинные руки, у нашего кузена Гиза. Я скажу даже больше, скажу, что у него длинные руки и никто в королевстве, даже сам король, не может дотянуться туда, куда он дотягивается. Одну руку он протягивает Испаниям, другую – Англии, дону Хуану Австрийскому и королеве Елизавете. У Бурбона шпага была покороче руки моего кузена Гиза, и все же Бурбон причинил немало неприятностей Франциску Первому, нашему деду.

– Однако, – сказал Франсуа, – если ваше величество считает Гиза столь опасным, значит, у вас есть еще одна причина доверить руководство Лигой мне. Таким путем мы зажмем Гиза между нами двумя и, при первой же измене с его стороны, устроим ему судебный процесс.

Шико открыл второй глаз.

– Судебный процесс! Судебный процесс ему, Франсуа! Хорошо было Людовику Одиннадцатому, богатому и могущественному королю, устраивать судебные процессы и возводить эшафоты, а у меня не хватит денег даже на покупку черного бархата, который может потребоваться в подобном случае.

И Генрих, несмотря на все свое самообладание в глубине души сильно взволнованный, бросил на брата острый, пронизательный взгляд, блеска которого герцог не смог вынести.

Шико закрыл оба глаза.

В комнате наступило непродолжительное молчание.

Король нарушил его первым.

– Стало быть, надо все устроить так, мой милый Франсуа, – сказал он, – чтобы не было междоусобных войн и распрей между моими подданными. Я сын Генриха Воителя и Екатерины Хитрой, и от моей доброй матушки унаследовал чуточку коварства. Я призову к себе герцога де Гиза и наобещаю ему столько разных благ, что мы уладим наше дело по обоюдному согласию.

– Государь, – воскликнул герцог Анжуйский, – ведь вы поставите меня во главе Лиги?

³⁰ Так вы не для себя строите гнезда, птицы (лат.).

– Я так думаю.

– Вы согласны, что я должен получить этот пост?

– Вполне.

– Наконец, вы сами-то этого хотите?

– Это мое самое горячее желание. Однако не следует вызывать чрезмерное недовольствие кузена де Гиза.

– Коли так, будьте спокойны, – сказал герцог Анжуйский. – Если на пути к моему назначению вы не видите других препятствий, то я беру на себя лично уладить все с герцогом, – И когда?

– Сегодня же.

– Неужто вы поедете к нему? Вы нанесете ему визит? О брат, подумайте хорошенько, не слишком ли много чести.

– Нет, государь, я не поеду к нему.

– Ну а тогда как?

– Он меня ожидает.

– Где?

– У меня в Лувре.

– У вас? Но я слышал крики, его приветствовали при выезде из Лувра.

– Выехав через главные ворота, он вернется через потайную дверь. Король имеет право на первый визит герцога де Гиза, но я имею право на второй.

– Ах, брат мой, – сказал Генрих, – как я вам признателен за то, что вы строго блюдете наши привилегии, которые я, по слабости характера, иной раз упускаю из рук. Идите же, Франсуа, и договаривайтесь.

Герцог взял руку брата и наклонился, собираясь запечатлеть на ней поцелуй.

– Что вы делаете, Франсуа? Придите в мои объятия, я прижму вас к сердцу! – воскликнул король. – Там ваше настоящее место.

И братья несколько раз крепко обнялись. Обретя наконец свободу, герцог Анжуйский вышел из кабинета, быстрым шагом миновал галерею и поспешил в свои покои.

На его сердце следовало бы набить стальные и дубовые обручи, как на сердце первого мореплавателя, чтобы оно не разорвалось от радости.

После ухода своего брата король заскрежетал зубами от злости, бросился в потайной коридор, ведущий к спальне Маргариты Наваррской, которую теперь занимал герцог Анжуйский, и вошел в узенькую каморку, откуда можно было слышать беседу между двумя герцогами – Анжуйским и Гизом – так же отчетливо, как Дионисий из своего тайника мог слышать разговоры пленных.

– Клянусь святым чревом! – сказал Шико, открывая оба глаза и усаживаясь на полу. – До чего трогательны эти картины семейного согласия. Одно время мне даже показалось, что я на Олимпе и присутствую при встрече Кастора и Поллукса после шестимесячной разлуки.

Глава 39.

В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ПОДСЛУШИВАНИЕ – САМЫЙ НАДЕЖНЫЙ ПУТЬ К ПОНИМАНИЮ

Герцог де Гиз поджидал герцога Анжуйского в бывших покоях Маргариты Наваррской, где некогда Беарнец и де Муи шепотом, на ухо друг другу, разрабатывали планы бегства. Осторожный Генрих Наваррский знал, что в Лувре почти каждое помещение устроено с расчетом на то, чтобы все разговоры в нем, даже ведущиеся вполголоса, мог бы подслушать тот, кого это интересовало. Герцог Анжуйский также не пребывал в неведении относительно такого немаловажного обстоятельства, но, очарованный простодушием и ласковым обращением короля, либо не придавал ему должного значения, либо просто забыл о нем.

Генрих III, как мы уже сказали, занял свой наблюдательный пост в ту самую минуту, когда его брат вошел в комнату; таким образом, ни одно слово из беседы двух принцев не могло ускользнуть от королевских ушей.

– Ну как, монсеньер? – с живостью спросил герцог де Гиз.

– Все хорошо, герцог, заседание состоялось.

– Вы были очень бледны, монсеньер.

– Это бросалось в глаза? – обеспокоился герцог Анжуйский.

– Мне бросилось, монсеньер.

– А король ничего не заметил?

– Ничего, по крайней мере мне так кажется. Его величество задержал ваше высочество у себя?

– Как вы видели, герцог.

– Он, конечно, хотел поговорить с вами о моем предложении?

– Да, сударь.

Наступило неловкое молчание, смысл которого хорошо понял король, не упускавший ничего.

– И что же сказал его величество, монсеньер? – спросил герцог де Гиз.

– Сама идея королю понравилась, однако чем более гигантский размах она грозит принять, тем более ему кажется опасным ставить во главе всего дела такого человека, как вы.

– Тогда мы близки к поражению.

– Боюсь, что так, любезный герцог, и Лигу, по-моему, могут распустить.

– Вот дьявольщина! – огорчился герцог де Гиз. – Это значит умереть, не родившись; кончить, не начав.

– Оба они завязтые остряки, что тот, что другой, – раздался над самым ухом Генриха, склонившегося у своего слухового отверстия, чей-то тихий и ехидный голос.

Король резко обернулся и увидел большое тело Шико, согнувшееся у другого отверстия.

– Ты посмел пойти за мной, негодяй! – вскипел король.

– Замолчи, – сказал Шико, махнув рукой, – ты мешаешь мне слушать, сын мой.

Король пожал плечами, но поскольку шут, как ни говори, был единственным человеческим существом, которому он полностью доверял, снова припал ухом к отверстию.

Герцог де Гиз заговорил опять.

– Монсеньер, – сказал он, – мне кажется, что если бы дело обстояло так, как вы сказали, король тут же объявил бы мне об этом. Принял он меня довольно сурово и, конечно, не стал бы сдерживаться и высказал бы мне в лицо все свои мысли. Может быть, он просто хочет отстранить меня от Лиги.

– Мне тоже так кажется, – промямлил герцог Анжуйский.

– Но тогда он погубит все дело.

– Непременно, – подтвердил герцог Анжуйский, – и так как мне было известно, что вы уже приступили к исполнению своей идеи, то я бросился вам на выручку.

– И чего вы добились, монсеньер?

– Король предоставил вопрос о Лиге, то есть о том, вдохнуть ли в нее новую жизнь или навсегда ее уничтожить, почти на полное мое усмотрение.

– Ну и что вы решили? – спросил герцог Лотарингский, глаза которого сверкнули помимо его воли.

– Слушайте, все зависит от утверждения королем главных заправил, вы это прекрасно понимаете. Если вместо того, чтобы устранить вас и распустить Лигу, он изберет ее главой человека, понимающего значение всего дела, если он назначит на этот пост не герцога де Гиза, а герцога Анжуйского...

– Ах, вот как! – вырвалось у герцога де Гиза, который не смог сдержать ни восклицания, ни внезапною прилива крови к лицу.

– Добро! – сказал Шико. – Два дога сейчас подерутся из-за кости.

Но, к немалому удивлению гасконца и к еще большему удивлению короля, который гораздо менее своего шута разбирался в потайных пружинах разыгрывавшегося перед ним действия, герцог де Гиз внезапно перестал удивляться и гневаться и сказал спокойным, почти веселым голосом;

– Вы ловкий политик, монсеньер, если вы этого добились.

– Я этого добился, – ответил герцог Анжуйский.

– И как быстро!

– Да. Но надо вам сказать, что сложились благоприятные обстоятельства, и я этим воспользовался. Однако, любезный герцог, – добавил Франсуа, – еще ничего окончательно не решено, я не пожелал дать окончательного ответа, пока не увижу вас.

– Почему, монсеньер?

– Потому что я не знаю, куда это нас приведет.

– Зато я знаю, – сказал Шико.

– Тут пахнет небольшим заговором, – улыбнулся король.

– О котором, однако, господин де Морвилье, по моему мнению всегда во всем прекрасно осведомленный, ни словом не обмолвился. Но давай послушаем дальше, дело становится интересным.

– Ну что ж, я скажу вам, монсеньер, не о том, куда это нас приведет, ибо только один господь бог это знает, а о том, для чего это нам нужно, – ответил герцог де Гиз. – Лига – вторая армия, и поскольку первая у меня в руках, а брат мой, кардинал, держит в руках церковь, то, пока мы все трое едины, ничто не может устоять против нас.

– Не следует забывать и того, – сказал герцог Анжуйский, – что я вероятный наследник короны.

– Ах! – вздохнул король.

– Он прав, – сказал Шико, – и это твоя вина, сын мой. Ты все еще не удосужился соединить рубашки Шартрской богоматери.

– Однако, монсеньер, как бы ни были велики ваши шансы на наследование короны, вы должны также считаться и с шансами ваших противников.

– А вы думаете, герцог, я этим не занимался и не взвешивал по сто раз на дню возможности каждого из них?

– Прежде всего подумайте о короле Наваррском.

– О! Этот меня совсем не беспокоит. Он всецело занят своими амурами с Ла Фоссез.

– А именно он, сударь, именно он будет оспаривать у вас даже завязки вашего кошелька. Он обносился, он исхудал, он изголодался. Он напоминает уличных котов, которые, заслышав всего лишь запах мыши, целыми ночами будут дежурить у чердачного окна, в то время как жирный, пушистый, ухоженный хозяйский кот и не шелохнется и не подумает выпустить когти из своих бархатных лапок. Король Наваррский за вами следит. Он настороже. Он не теряет из виду ни вас, ни вашего брата. Он жаждет вашего трона. Подождите, пока случится несчастье с тем, кто сидит на этом троне, и вы увидите, как эластичны мышцы у этого худого кота, как он одним прыжком перемахнет из По в Париж и даст вам почувствовать свои острые когти. Вы увидите, монсеньер, вы все увидите.

– Случится несчастье с тем, кто сидит на троне? – медленно повторил Франсуа, вперившись в герцога де Гиза вопрошающим взглядом.

– Эге! – сказал Шико. – Слушай, Генрих. Гиз говорит или, вернее, сейчас наговорит много чего поучительного, советую тебе намотать его слова на ус.

– Да, монсеньер, – повторил герцог де Гиз. – Несчастный случай! Несчастные случаи не столь уж редки в вашем семействе, вы это знаете не хуже меня, а может быть, даже и лучше. Бывает, что монарх, наделенный цветущим здоровьем, вдруг истаивает, как свеча. Другой монарх рассчитывает жить долгие годы, а жизни ему осталось несколько часов.

– Ты слышишь, Генрих? Ты слышишь? – сказал Шико, беря короля за руку. Рука короля, покрытая холодным потом, дрожала.

– Да, вы правы, – сказал герцог Анжуйский голосом настолько глухим, что королю и

Шико пришлось напрячь слух до предела. – Короли нашей династии рождаются под роковой звездой. Однако мой брат Генрих Третий, благодарение господу, крепок телом. В былые времена он перенес тяготы войны и выдюжил, тем больше оснований полагать, что выстоит он и теперь, когда его жизнь – одни лишь сплошные развлечения. Он переносит их так же стойко, как ранее переносил бранный труд.

– И все же, монсеньер, не забывайте об одном, – возразил герцог де Гиз, – развлечения, которым предаются короли Франции, порой таят в себе опасность. К примеру, помните, как умер ваш отец, король Генрих Второй? Ведь ему тоже удалось счастливо избежать опасностей войны, а смерть принесло ему одно из тех развлечений, о которых вы упоминали. Железный наконечник на копье Монтгомери, несомненно, был турнирным оружием, брони он пробить не мог, но зато глаз пробил: король Генрих Второй был убит. Вот вам и несчастный случай, один из тех, о которых я говорил. Вы скажете, что пятнадцать лет спустя королева-мать приказала схватить и обезглавить Монтгомери, хотя он думал, что за давностью лет ему уже нечего бояться. Все это так, однако смерть Монтгомери не могла воскресить вашего родителя. А вспомните вашего брата, покойного короля Франциска. Подумайте, какой ущерб во мнении народов причинила ему слабость его духа. Этот достойный принц умер также из-за несчастного случая. Согласитесь со мной, монсеньер, болезнь уха – самое простое дело, и казалось бы, никакая, к дьяволу, не роковая случайность. И тем не менее это была роковая случайность, и одна из самых гибельных. Правда, мне не раз и в поле, и в городе, и даже при дворе приходилось слышать, что смертельный недуг был влит в ухо короля Франциска Второго, а того, кто это сделал, вряд ли можно назвать «случайностью». У него есть другое имя, всем известное.

– Герцог... – краснея, пробормотал Франсуа.

– Да, монсеньер, да, – продолжал герцог, – слово «король» с некоторых пор приносит несчастье, тот, кто говорит «король», этим самым говорит «подвергающийся опасности». Вспомните Антуана Бурбонского: несомненно, не будь он королем, не было бы и аркебузного выстрела, угодившего в плечо, – несчастного случая, который для всякого другого, кроме короля, ни в коей мере не был бы смертелен. Однако короля этот выстрел отправил на тот свет. Глаз, ухо и плечо не раз погружали Францию в траур, и тут я даже вспоминаю прелестные стишки, сочиненные по этому поводу вашим господином де Бюсси.

– Какие стишки? – шепотом поинтересовался Генрих.

– Полно! – ответил Шико. – Да неужто ты их не знаешь?

– Нет.

– Нет, решительно, быть тебе настоящим королем, раз от тебя прячут подобные произведения. Я сейчас скажу их, слушай:

*Через ухо, плечо и глаз
Три короля погибли у нас.
Через ухо, глаз и плечо
Трех королей у нас недочет.*

– Но тс-с! Тс-с! Думается, твой братец собирается сказать что-то еще более интересное.

– Ну а последнее двустишие?

– Я тебе его прочту попозже, когда господин де Бюсси из своего шестистишия сделает десятистишие.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что на семейном портрете не хватает двух лиц. Но слушай, монсеньер де Гиз сейчас заговорит – уж он-то их не забудет.

Действительно, беседа возобновилась.

– А ведь история ваших родственников и ваших союзников, монсеньер, – продолжал герцог де Гиз, – далеко не полностью вошла в стихи господина де Бюсси.

– Что я тебе говорил! – сказал Шико, подталкивая Генриха локтем в бок.

– Не надо забывать Жанну д'Альбре, мать Беарнца, она умерла из-за носа, потому что надышалась запахом пары надушенных перчаток, купленных у Флорентийца, на мосту Сен-Мишель. Совершенно неожиданная роковая случайность. Она удивительно совпала с желаниями неких важных персон, кровно заинтересованных в смерти королевы Наваррской, и это странное совпадение чрезвычайно поразило весь двор. А вас, монсеньер, разве не поразила эта смерть?

Вместо ответа герцог Анжуйский только нахмурился: насупленные брови придали взгляду его глубоко посаженных глаз еще более мрачное выражение.

– А разве ваше высочество позабыли, по какой роковой случайности умер король Карл Девятый? – продолжал герцог. – Однако не лишне будет ее вспомнить. На сей раз причиной несчастья был не глаз, не ухо, не плечо, не нос, а рот.

– Что вы сказали? – воскликнул Франсуа.

И Генрих услышал, как по паркету звонко простучали шаги его брата, отступившего в испуге.

– Да, монсеньер, рот, – повторил Гиз, – особую опасность для королей таят книги об охоте, у которых страницы склеиваются одна с другой; перелистывая их, приходится то и дело подносить палец ко рту. Эти старые книги портят слюну, а человек с испорченной слюной, будь он даже король, не заживется на свете.

– Герцог! Герцог! – дважды повторил принц. – По-видимому, вам нравится измышлять преступления.

– Преступления? – удивился Гиз. – Э, да кто вам говорит о преступлениях, монсеньер? Я рассказываю только о роковых случайностях, не более того. О роковых случайностях, поймите меня правильно; ни о чем другом и речи нет, кроме случайностей. А разве нельзя назвать случайностью то, что приключилось с королем Карлом Девятым на охоте?

– Черт возьми, – сказал Шико, – вот что-то новенькое для тебя, Генрих, ведь ты охотник; слушай, слушай же, это должно быть любопытно.

– Я знаю об этом, – сказал Генрих.

– Да, но я не знаю; в то время я еще не был представлен ко двору. Дай мне послушать, сын мой.

– Вам известно, монсеньер, какую охоту я имею в виду? – продолжал лотарингский принц. – Я имею в виду ту охоту, когда вы, побуждаемый великодушным желанием убить кабана, напавшего на вашего старшего брата, выстрелили с такой поспешностью, что попали не в зверя, в которого целились, а в коня, в которого вовсе и не метили. Этот аркебузный выстрел, монсеньер, весьма наглядно показывает, как коварен случай. И в самом деле, ваша необычайная меткость всем известна при дворе. Ваше высочество всегда стреляли без промаха, и этот неожиданный промах, наверное, вас очень удивил, тем более что злые языки тут же принялись болтать: дескать, падение короля, придавленного лошадью, неминуемо привело бы к его гибели, не вмешайся король Наваррский и не заколи он так удачно кабана, в которого вы, ваше высочество, не попали.

– Полноте, – сказал герцог Анжуйский, пытаюсь вернуть себе уверенность, в которой беспощадная ирония герцога де Гиза пробила зияющую брешь. – Какую пользу мог я извлечь из смерти короля, моего брата, если Карлу Девятому должен был наследовать Генрих Третий?

– Минуточку, монсеньер, давайте разберемся: в те годы уже был один незанятый трон – польский. Смерть Карла Девятого оставляла вакантным еще один – французский. Нет сомнения, ваш брат, я это отлично понимаю, не колеблясь, выбрал бы французский трон. Но, на худой конец, и Польское королевство – весьма лакомый кусочек. Говорят, что некоторые принцы питали честолюбивые помыслы даже насчет жалкого маленького престолошка короля Наваррского. К тому же смерть Карла Девятого приблизила бы вас на одну ступень к французскому трону, значит, все эти роковые случайности шли вам на пользу. Королю Генриху Третьему потребовалось десять дней, чтобы вернуться из Варшавы. Почему бы вам

не сделать то же самое, если вдруг произойдет новая роковая случайность?

Генрих III посмотрел на Шико, Шико, в свою очередь, посмотрел на короля, но на этот раз во взгляде шута не было обычно присущего ему выражения лукавой иронии или сарказма, нет, на его лице, ставшем бронзовым под лучами южного солнца, промелькнула тень ласкового сочувствия.

– И к какому заключению вы приходите, герцог? – спросил Франсуа Анжуйский, чтобы покончить или хотя бы сделать попытку покончить с этим неприятным разговором, в который герцог де Гиз вложил всю свою обиду.

– Монсеньер, я пришел к заключению, что каждого короля подстерегает его роковая случайность, как мы в этом сейчас убедились. И вот вы, вы и воплощаете роковую случайность короля Генриха Третьего, особенно если вы являетесь главой Лиги, поскольку быть главой Лиги – почти то же, что быть королем короля; и это не говоря о том, что, сделавшись главой Лиги, вы уничтожаете роковую случайность своего собственного царствования, которое уже не за горами, то есть – Беарнца.

– Уже не за горами! Ты слышал? – воскликнул Генрих III.

– Клянусь святым чревом! Своими ушами слышал! – сказал Шико.

– Итак?.. – спросил герцог де Гиз.

– Итак, – повторил герцог Анжуйский, – я приму предложение короля. Ведь вы советуете мне его принять, не правда ли?

– Ну еще бы! – сказал лотарингский принц. – Я умоляю вас принять его, монсеньер.

– А вы сегодня вечером?..

– О! Будьте спокойны, уже с утра мои люди действуют, и нынче вечером Париж будет являть собой любопытное зрелище.

– А что будет нынче вечером в Париже? – спросил король.

– Как, разве ты не догадываешься?

– Нет.

– О, как ты глуп! Сегодня вечером, сын мой, будут записывать в Лигу. Само собой, открыто записывать, тайная запись ведется уже давно; ждали только твоего согласия, чтобы начать открытую запись, ты его дал нынче утром, и вечером запись начнется. Клянусь святым чревом, Генрих, гляди хорошенько, вот они, твои роковые случайности, ведь у тебя их две..., и они не теряют времени даром.

– Хорошо, – сказал герцог Анжуйский, – до вечера, герцог.

– Да, до вечера, – повторил король.

– То есть как? – удивился Шико. – Ты что, Генрих, намерен слоняться нынче по улицам Парижа, подвергаясь опасности?

– Конечно.

– Ты совершишь ошибку.

– Почему?

– Берегись роковых случайностей!

– Не беспокойся, я буду не один; хочешь, пойдем со мной?

– Полно, ты принимаешь меня за гугенота, сын мой. Ну нет, я добрый католик и нынче вечером хочу записаться в Лигу, и даже не один раз, а десять, нет, лучше не десять, а сто раз.

Голоса герцога Анжуйского и герцога де Гиз а умолкли.

– Еще одно слово, – сказал король, останавливая Шико, собиравшегося было уходить. – Что ты обо всем этом думаешь?

– Я думаю, что все короли, ваши предшественники, ничего не знали о своей роковой случайности: Генрих Второй не опасался своего глаза, Франциск Второй – уха, Антуан Бурбон – плеча, Жанна д'Альбре – носа, Карл Девятый – рта. У вас перед ними одно огромное преимущество, мэтр Генрих, ибо – клянусь святым чревом! – вы знаете своего брата, не правда ли, государь.

– Да, – сказал Генрих, – и скоро это всем станет ясно.

Глава 40. ВЕЧЕР ЛИГИ

Народные празднества в современном Париже – это всего лишь толпа, более или менее густая, и шум, более или менее громкий. В былые времена праздники в Париже носили совсем иной характер. Любо было смотреть, как в узких улицах, у стен домов, украшенных балконами, резными балками или коньками, кишели мириады людей, как людские потоки со всех сторон стекались к одному и тому же месту. По пути парижане оглядывали друг друга, восхищались или фыркали; порой раздавался и презрительный свист, это означало, что наряд какого-то парижанина или парижанки показался согражданам чересчур уж диковинным. В былые времена одежда, оружие, язык, жесты, голос, походка – словом, все у каждого было своим и особенным; тысячи ни на кого не похожих личностей, собранные воедино, представляли собой весьма любопытное зрелище.

Таким и был Париж в восемь часов вечера того дня, когда монсеньер де Гиз, нанеся визит королю и побеседовав с герцогом Анжуйским, побудил, как он полагал, жителей славной столицы записываться в Лигу.

Толпы горожан, разодетых по-праздничному, нацепивших на себя все свое оружие, словно они шли на парад или в бой, хлынули к церквям. Вид у этих людей, влекомых одним и тем же порывом и шагавших к одной и той же цели, был одновременно и жизнерадостный и грозный, последнее особенно бросалось в глаза, когда они проходили мимо караула швейцарцев или разъезда легкой конницы. Этот независимый вид в сочетании с криками, гиканьем и похвальбой мог бы встревожить господина де Морвилье, если бы почтенный магистрат не знал своих добрых парижан: задиры и насмешники, они были не способны стать зачинщиками кровопролития, на это их должен был подвигнуть какой-нибудь мнимый друг или вызвать недалёковидный враг.

На сей раз парижские улицы представляли собой зрелище более живописное, чем обычно, а шум, производимый толпой, был особенно громок, ибо множество женщин, не желая в столь великий день остаться дома, последовали за своими мужьями, и с их согласия и без оно. Некоторые матери семейств поступили и того лучше, они прихватили с собой все свое потомство, и было весьма занятно видеть малышей, как в повозку, впрягшихся в страшные мушкетеры, гигантские сабли или грозные алебарды своих отцов. Парижский гамен во все времена, во все эпохи, во все века самозабвенно любил оружие. Когда он был еще не в силах поднять это оружие, он волочил его по земле, а если и на это силенок не хватало – восхищенно глазел на оружие, которое несли другие.

Время от времени какая-нибудь особенно возбужденная компания извлекала из ножен старые шпаги. Такое проявление воинственных чувств обычно происходило перед дверями дома, хозяина которого подозревали в кальвинизме. При этом дети вопили во весь голос: «Приди, святой Варфоломей-мей-мей!», а отцы кричали: «Гугенотов на костер, на костер, на костер!» На крики сначала в оконной раме показывалось бледное лицо старой служанки или гугенотского священника в черном, затем слышался лязг засовов, задвигаемых на входной двери. Тогда буржуа, счастливый и гордый, подобно лафонтеновскому зайцу, тем, что напугал еще большего труса, чем он сам, торжествующе шествовал дальше и выкрикивал под другими окнами свои шумные, но не представляющие реальной опасности угрозы, наподобие того как торговец вразнос выкликает свой товар.

Особенно большое скопление людей образовалось на улице Арбр-Сек. Она была буквально запружена народом. Густая толпа с криком и гомоном текла к ярко горящему большому фонарю, повешенному над вывеской, которую многие наши читатели вспомнят, если мы скажем, что на ней была намалевана курица, поджариваемая на вертеле, и стояла надпись: «Путеводная звезда».

На пороге этой гостиницы разглагольствовал человек в модном в те времена квадратном хлопчатобумажном колпаке, покрывавшем совершенно лысую голову. Одной

рукой он потрясал обнаженной шпагой, другой – размахивал большой конторской книгой; листы ее наполовину были уже испещрены подписями.

Человек в колпаке кричал:

– Сюда, сюда, brave католики! Входите в гостиницу «Путеводная звезда», вас ждут доброе вино и радушный прием! Сюда, сюда! Время самое подходящее. Этой ночью чистые будут отделены от нечистых, и завтра поутру мы будем знать, где доброе зерно и где плевелы. Подходите, господа! Те, кто умеет писать, подходите и сами внесите свои имена в список! Те, кто писать еще не научился, тоже подходите и доверьте расписаться за вас мне, мэтру Ла Юрьеру, либо моему помощнику, господину Крокантену.

Крокантен, юный шалопай из Перигора, одетый в белое, как Элиасен, подпоясанный шнурком, к которому с одного боку были подвешены кухонный нож и чернильница, Крокантен, говорим мы, заранее записал в свою книгу всех соседей, открыв список именем своего достойного патрона, мэтра Ла Юрьера.

– Господа, во имя мессы! – горланил что было сил хозяин гостиницы «Путеводная звезда». – Господа, во имя нашей святой веры!

– Да здравствует святая религия, господа! Да здравствует месса! Ух!..

И он задохнулся от волнения и усталости, ибо уже в течение четырех часов пребывал в восторженном состоянии. Призывы Ла Юрьера находили отклик в сердцах, охваченных не меньшим рвением, и очень многие записывались в его книгу, если они умели писать, или в книгу Крокантена, если писать они не умели. Этот успех особенно льстил Ла Юрьеру еще и потому, что соседняя церковь Сен-Жермен-л'Оксеруа была для пего опасным соперником. К счастью, в ту эпоху насчитывалось такое множество правоверных католиков, что оба эти заведения – гостиница и церковь – не вредили, а помогали друг другу: те, кому не удалось пробиться в церковь, где сбор подписей шел у главного алтаря, пытались проскользнуть к подмосткам Ла Юрьера с его двойной записью, а те, кто не протолкался к подмосткам, сохраняли надежду, что в Сен-Жермен-л'Оксеруа им больше посчастливится.

Когда обе книги – и Ла Юрьера и Крокантена – были заполнены, хозяин гостиницы «Путеводная звезда» немедленно затребовал два новых реестра с тем, чтобы сбор подписей не прерывался ни на минуту; и оба зазывалы удвоили старания, гордясь, что их достижения наконец-то вознесут мэтра Ла Юрьера в глазах герцога де Гиза на недостижимую высоту, о коей Ла Юрьер так давно мечтал.

Потоки верующих, уже расписавшихся или желающих расписаться в новых книгах Ла Юрьера, переливались из одной улицы в другую, из одного квартала в другой, когда в этом многолюдий возник высокий худой человек, который, пробивая себе дорогу щедрыми ударами локтей и пинками, вскоре добрался до книги Крокантена.

Добравшись, он взял перо из рук какого-то честного буржуа, только что поставившего свою подпись, завершенную дрожащим хвостиком, открыл чистую белую страницу и сразу всю ее измарал, начертав на ней свое имя буквами величиной в полдюйма и перечеркнув ее героическим росчерком, украшенным кляксами и закрученным, как лабиринт Дедала. Затем он передал перо стоявшему за ним новому претенденту на место в рядах защитников святой веры.

– Шико, – прочел будущий лигист. – Чума побери, вот господин с превосходным почерком!

И действительно, это был Шико. Он, как мы уже слышали, не пожелал сопровождать Генриха и теперь самостоятельно поддерживал Лигу.

Запечатлев свое усердие в книге господина Крокантена, он тотчас же перешел к книге мэтра Ла Юрьера. Последний, увидев подпись Шико в книге своего подручного, пожелал иметь и в своем списке образчик столь вдохновенного росчерка и встретил гасконца если и не с распростертыми объятиями, то, во всяком случае, с раскрытой книгой. Шико принял перо от торговца шерстью с улицы Бетизи и вторично начертав свое имя с росчерком в сто раз великолепнее первого, после чего спросил у Ла Юрьера, нет ли у него третьей книги.

Ла Юрьер шуток не понимал и вне стен гостиницы терял все свое радушие. Он

покосился на Шико, Шико посмотрел ему прямо в глаза. Ла Юрьер пробормотал что-то о проклятых гугенотах, Шико процедил сквозь зубы несколько слов о зазнавшихся кабатчиках, Ла Юрьер отложил свою книгу и взялся за рукоятку шпаги, Шико положил перо, готовясь, в случае необходимости, обнажить свою шпагу. По-видимому, дело явно шло к стычке, в которой владельцу гостиницы «Путеводная звезда» суждено было бы понести одни убытки, но тут Шико почувствовал, что сзади его ущипнули за локоть, и обернулся, Перед ним стоял король, переодетый в простого буржуа, а за королем Келюс и Можирон, также переодетые. Миньоны были вооружены рапирами и, кроме того, держали на плече по аркебузе.

– Ну, ну, – сказал король, – что тут происходит? Добрые католики спорят между собой! Клянусь смертью Христовой! Вы подаете дурной пример!

– Сударь, – ответил Шико, не показывая вида, что узнал Генриха. – Обращайтесь к зачинщику. Вот этот ворюга кричит, требуя, чтобы прохожие расписались в его книге, а когда они распишутся, он орет на них еще громче.

Внимание Ла Юрьера отвлекли новые желающие поставить свою подпись, толпа отделила Шико, короля и миньонов от заведения фанатичного лигиста, они забрались на какое-то крыльцо и, таким образом, заняли выгодную позицию.

– Какой пыл! – сказал Генрих. – Каким теплом согрета нынче наша религия на улицах моего доброго города!

– Да, государь, но зато еретикам слишком жарко, – заметил Шико, – а вашему величеству известно, что вас принимают за еретика. Взгляните-ка налево, кого вы там видите?

– О! Широкую рожу герцога Майеннского и лисью мордочку кардинала.

– Тс-с!.. Играть наверняка, государь, можно только при условии, что ты знаешь, где твои враги, а твои враги не знают, где ты.

– Значит, по-твоему, я должен чего-то опасаться?

– Э, боже милостивый! В такой толпе ни за что нельзя поручиться. У кого-нибудь в кармане завалился раскрытый нож, и этот нож вдруг сам собой втыкается в живот соседа. Сосед испускает проклятие, ну а затем ему не остается ничего другого, как отдать душу богу. Пойдемте в другую сторону, государь.

– Меня узнали?

– Не думаю, но вас несомненно узнают, если вы здесь еще задержитесь.

– Да здравствует месса! Да здравствует месса! – с этими кликами людская толпа,двигающаяся со стороны рынка, хлынула, словно прилив, в улицу Арбр-Сек.

– Да здравствует герцог де Гиз! Да здравствует кардинал! Да здравствует герцог Майеннский! – отвечала ей толпа, теснившаяся у дверей Ла Юрьера, она, видимо, заметила лотарингских принцев.

– Что это за крики? – нахмурившись, сказал Генрих III.

– Эти крики доказывают, что каждый хорош на своем месте и там и должен оставаться; герцог де Гиз – на улицах, а вы – в Лувре. Идите в Лувр, государь, идите в Лувр.

– А ты пойдешь с нами?

– Я? Ну нет, сын мой, ты во мне не нуждаешься, с тобой твои обычные защитники. Вперед, Келюс! Вперед, Можирон! А я хочу посмотреть спектакль до конца. Мне он кажется любопытным, даже развлекательным.

– Куда ты пойдешь?

– Пойду расписываться в других списках. Я хочу, чтобы завтра тысяча моих автографов путешествовала по улицам Парижа. Ну вот мы и на набережной, спокойной ночи, сын мой, иди направо, а я поверну налево – каждому своя дорога. Я побегу в Сен-Мери послушать знаменитого проповедника.

– Ого! Что там еще за шум? – спросил король. – И что это за толпа бежит сюда от Нового моста?

Шико поднялся на цыпочки, но не увидел ничего, кроме кричащего, вопящего, толкающегося народа, который, по-видимому с триумфом, влачил не то человека, не то какой-то предмет.

Толпа достигла того места, где перед улицей Лавандьер набережная расширяется, и людские волны, распространившись направо и налево, расступились и вытолкнули к королю человека, он, очевидно, и был главным действующим лицом этой бурлескной сцены. Так некогда море вынесло чудовище к ногам Ипполита.

Виновник переполоха оказался монахом, сидевшим верхом на осле; монах ораторствовал и жестикулировал.

Осел кричал.

– Клянусь святым чревом! – воскликнул Шико, узнав и всадника и осла. – Я тебе говорил о знаменитом проповеднике, который выступает в Сен-Мери. Теперь нет надобности ходить так далеко, послушай-ка вот этого.

– Проповедник на осле? – усомнился Келюс.

– А почему нет, сын мой?

– Но ведь это Силен, – сказал Можирон.

– Который из двух проповедник? – спросил король. – Они оба кричат одновременно.

– Тот, что внизу, более громогласен, – сказал Шико, – но тот, что наверху, лучше изъясняется по-французски. Слушай, Генрих, слушай.

– Тише! – раздалось со всех сторон. – Тише!

– Тише! – рявкнул Шико, перекрыв своим голосом крики толпы.

Все замолчали. Народ окружил монаха и осла. Монах приступил к проповеди.

– Братие, – сказал он. – Париж превосходный город, Париж – гордость Французского королевства, а парижане – преумнейший народ. Недаром в песне говорится.., И монах затянул во все горло:

*Парижанин, милый друг,
Сколько знаешь ты наук!*

Услышав эти слова или, скорее, мелодию, осел взялся аккомпанировать. Он кричал с таким усердием и на таких высоких нотах, что заглушил голос своего хозяина.

Толпа загоготала.

– Замолчи, Панург, сейчас же замолчи, – рассердился монах, – ты возьмешь слово, когда дойдет твоя очередь, а сейчас дай мне высказаться первому.

Осел замолчал.

– Братие! – продолжал проповедник. – Земля наша есть юдоль скорби, где человек большую часть своей жизни утоляет жажду одними слезами.

– Да он пьян, мертвецки пьян! – возмущенно воскликнул король.

– Пропади он пропадом! – поддакнул Шико.

– К вам я обращаюсь, – продолжал монах, – я, такой, каким вы меня видите, как еврей, вернулся из изгнания, и уже восемь суток мы с Панургом живем только подаяниями и постом.

– А кто такой Панург? – спросил король.

– По всей видимости, настоятель его монастыря, – ответил Шико. – Но дай мне послушать, этот добряк меня трогает.

– И кто меня довел до этого, друзья мои? Ирод! Вы знаете о каком Ироде я говорю.

– И ты знаешь, сын мой, – сказал Шико. – Я тебе объяснил анаграмму.

– Каналья!

– Кого ты имеешь в виду – меня, монаха или осла?

– Всех троих.

– Братие, – с новой силой возопил монах, – вот мой осел, которого я люблю, как ягненка. Он вам расскажет, как мы три дня добирались сюда из Вильнев-ле-Руа, чтобы нынче вечером присутствовать на великом торжестве. И в каком виде мы добрались!

Кошелек опустел,

Пересохла глотка.

Но мы с Панургом шли на все.

– Но кого, черт его побери, он зовет Панургом? – спросил Генрих, которого заинтересовало это пантагрюэлистическое имя.

– Мы пришли, – продолжал монах, – посмотреть, что здесь творится; и мы смотрим, но ничего не понимаем. Что тут творится, братие? Случаем, не свергают ли нынче Ирода? Не заточают ли нынче брата Генриха в монастырь?

– Ого! – сказал Келюс. – У меня руки чешутся продырявить эту пузатую бочку. А у тебя, как, Можирон?

– Оставь, Келюс, – возразил Шико, – ты кипятишься из-за пустяков. Разве наш король сам не затворяется чуть ли не каждый день в монастыре? Поверь мне, Генрих, если тебе грозит только монастырь, то у тебя нет причин жаловаться, не правда ли, Панург?

Осел, уловив свое имя, поднял уши и ужасающе закричал.

– О, Панург! – сказал монах. – Уймите ваши страсти. Господа, – продолжал он, – я выехал из Парижа с двумя спутниками: Панургом – моим ослом, и господином Шико, дураком его величества короля. Господа, кто знает, что случилось с моим другом Шико?

Шико поморщился.

– Ах, вот как! – сказал король. – Значит, это твой друг?

Келюс я Можирон дружно захохотали.

– Он прекрасен, твой друг, – продолжал король, – и в особенности внушает большое почтение. Как его зовут?

– Это Горанфло, Генрих. Знаешь, тот милый Горанфло, о котором господин де Морвилье уже сказал тебе пару слов.

– Поджигатель из монастыря святой Женевьевы?

– Он самый.

– Раз так, я велю его повесить.

– Невозможно.

– Почему это?

– Потому что у него нет шеи.

– Братие! – продолжал Горанфло. – Братие! Перед вами подлинный мученик. Братие, сегодня народ поднялся на защиту моего дела или, верней сказать, дела всех добрых католиков. Вы не знаете, что происходит в провинции, какую кашу заваривают гугеноты. В Лионе нам пришлось убить одного из них, заядлого подстрекателя к мятежу. До тех пор пока во Франции останется хотя бы один гугенотский выводок, добрые католики не будут знать ни минуты покоя! Истребим же гугенотов, всех до последнего. К оружию, братие, к оружию! Множество голосов повторило: «К оружию!»

– Клянусь кровью Христовой! – сказал король. – Заткните глотку этому пьянице, иначе он нам устроит вторую Варфоломеевскую ночь.

– Подожди, подожди, – отозвался Шико. И, взяв из рук Келюса сарбакан, он зашел за спину монаха и что было силы вытянул его по лопатке этой звонкой трубкой.

– Убивают! – завопил Горанфло.

– Ах, да это ты! – сказал Шико, высунув голову из-под руки монаха. – Как поживаешь, отец постник?

– На помощь, господин Шико, на помощь! – кричал Горанфло. – Враги святой веры хотят меня убить! Но прежде чем я умру, пусть все услышат мой голос. В огонь гугенотов! На костер Беарнца!

– Замолчишь ты, скотина?

– К дьяволу гасконцев! – продолжал Горанфло. В эту секунду уже не сарбакан, а дубинка опустилась на его плечо, исторгнув из глотки монаха непритворный крик боли.

Удивленный Шико оглянулся, но увидел только, как мелькнула дубинка. Нанесший удар человек, на ходу покарвав Горанфло, тут же затерялся в толпе.

– Ого! – сказал Шико. – Какому дьяволу вздумалось вступить за гасконцев? Может, это мой земляк? Надо проверить. – И он устремился вслед за человеком с дубинкой, который уходил вдоль по набережной в сопровождении спутника.